

Е. А. РЫДЗЕВСКАЯ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И СКАНДИНАВИЯ

IX-XIV вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ДРЕВНЕЙШИЕ
ГОСУДАРСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
1978 г.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. Т. ПАШУТО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1978

Е. А. РЫДЗЕВСКАЯ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ
И
СКАНДИНАВИЯ
В IX—XIV ВВ.

(МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1978

В первом выпуске серии «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования» печатается научное наследие выдающейся советской скандинавистки Елены Александровны Рыдзевской, погибшей в блокированном фашистами Ленинграде.

Уважение к трудам наставников — черта, органически присущая советской науке. Творческое наследие Е. А. Рыдзевской особенно драгоценно, ибо относится к той области науки, которая настоятельно требует глубокой разработки. Это наследие состоит из двух частей — переводы текстов скандинавских источников и научные статьи, которые тесно взаимосвязаны и служат разъяснению русско-скандинавских отношений IX—XIV вв., критическому пересмотру догм вульгарного норманизма.

Труды Е. А. Рыдзевской нужны всем, кто исследует внешнюю политику Древней Руси, ее международные и культурные связи, кто интересуется древнейшими источниками по истории нашей страны.

Составил и подготовил к изданию
М. Б. СВЕРДЛОВ

Ответственный редактор
И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ОТ РЕДАКТОРА

Елена Александровна Рыдзевская (1890—1941) была первым советским историком-скандинавистом. Ее научная деятельность проходила в первые десятилетия Советской власти, в период становления нашей исторической науки. Основные научные интересы исследовательницы сосредоточились на истории взаимоотношений Скандинавии с Древней Русью IX—XIV вв. Е. А. Рыдзевская обладала огромной эрудицией как историк и филолог, была блестящим знатоком скандинавской научной литературы, особенно литературы о сагах и других письменных источниках, созданных в Исландии, Норвегии, Швеции, Дании в раннее средневековье. Ею написана серия исследований по различным вопросам истории политических и культурных отношений Древней Руси и Скандинавии; многие из этих работ опубликованы и доставили автору заслуженную известность среди советских и зарубежных ученых¹.

Особенно велик вклад Рыдзевской в изучение одного из наиболее сложных и спорных вопросов ранней истории нашей страны — норманского — вопроса о роли скандинавов в политической, социально-экономической и культурной жизни Древней Руси. Вполне понятно, что к ее мнению — мнению крупнейшего в СССР знатока древней скандинавской истории — с большим вниманием прислушивались (и прислушиваются поныне) все советские и многие зарубежные исследователи этой проблемы. К сожалению, ученым оставались неизвестны работы Рыдзевской по норманской проблеме, более крупные и по объему, и по значению, в частности основополагающая статья «О роли варягов в Древней Руси», публикуемая в настоящем издании.

Работы Рыдзевской по норманскому вопросу (и по другим вопросам истории русско-скандинавских отношений) были написаны

---

¹ Краткий биографический очерк Е. А. Рыдзевской см.: *Анохин Г. И.* Вклад Е. А. Рыдзевской в советскую скандинавистику. — «Скандинавский сборник», т. XV. Таллин, 1970, с. 177—186.

около 40—50 лет тому назад, по существу — еще на заре развития марксистской советской науки, и могли бы устареть; однако этого не случилось. Гигантская эрудиция автора, великолепное знание и скандинавской, и русской истории и владение марксистской методологией дали возможность настолько глубоко проникнуть в сущность изучаемых явлений, что и общие положения, и трактовка конкретных частных вопросов выдержали испытание временем. Труды Рыдзевской и сейчас звучат современно и злободневно, издание ее неопубликованных работ является полезным подкреплением позиции советской науки по одному из наиболее острых дискуссионных вопросов отечественной истории.

Творческую деятельность Рыдзевской характеризовала высокая требовательность и к себе, и к другим ученым. Она считала недопустимыми недостаточную осведомленность, верхоглядство, незнание хотя бы части источников и научной литературы. По ее глубокому убеждению, на современной стадии развития науки ученый, начиная какое-либо исследование, обязан прежде всего изучить все работы по своей теме вне зависимости от того, на каком языке они опубликованы; ссылки на незнание языка, на языковой барьер она отвергала как несерьезные, недостойные настоящего ученого и сама владела всеми древними и современными языками, которые были ей нужны для творческой деятельности (она знала около полутора десятков языков).

Великолепное знание скандинавских языков и скандинавской филологии сделало ее и выдающимся мастером перевода древних письменных источников; выполненные ею переводы скандинавских источников о Древней Руси, в небольшой части опубликованные еще в довоенные годы, давно получили широкую известность в нашей науке. Рыдзевская прекрасно умела проникнуться ощущением литературной манеры, стиля, языка переводимого памятника; в своих переводах она стремилась к максимально точной передаче на русском языке и каждого отдельного слова, и термина, и общего смысла фразы, строки текста. Отлично сознавая, что перевод всегда в какой-то мере неточен, искажает первоначальную мысль, она стремилась свести неточность до минимума, в нужных случаях приводила по несколько вариантов передачи на русском языке встретившегося в источнике трудно переводимого слова.

Рыдзевской были осуществлены научные переводы важнейших скандинавских источников по истории Древней Руси; большин-

ство или вовсе не переводилось, или было переведено более ста лет тому назад без достаточного знания древнеисландского языка. Над переводами исследовательница работала в течение многих лет, до конца жизни.

Рыдзевская была ученым-энтузиастом, была настоящим подвижником науки. Она не имела семьи, вела аскетический образ жизни; она мужественно преодолевала житейские трудности и невзгоды, стремилась свести до минимума хозяйственные заботы, чтобы как можно больше времени отдавать любимому делу — науке. Таким ученым-подвижником она осталась в памяти своих коллег и друзей.

Рыдзевская была убежденным патриотом своей страны. Осенью 1941 г. в суровых условиях осажденного города она старалась помочь фронту, последние недели своей жизни проводила за изготовлением теплых вещей для советских воинов — защитников Ленинграда. В самые трудные дни блокады она не теряла веры в грядущую победу.

Е. А. Рыдзевская умерла в расцвете творческих сил, оставив неоконченные исследования и переводы, интересные замыслы новых работ. Ее коллеги, сотрудники Института истории материальной культуры, больные и ослабевшие от голода, перевезли в институтский архив оставшиеся после ее смерти рукописи, отлично понимая их ценность.

Творческое наследие выдающегося советского историка сохранило свою значимость и ныне становится достоянием научной общественности, чтобы служить благородному делу развития советской науки.

И. П. Шаскольский

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Е. А. Рыдзевская была крупным специалистом по изучению скандинавских источников по истории Древней Руси и русско-скандинавских отношений в IX—XIV вв.

Под руководством Ф. А. Брауна она начала изучать древние русско-скандинавские связи, прежде всего по материалам скандинавских письменных источников. В период до 1918 г. ею были написаны два больших исследования, посвященных этимологии скандинавских названий *Holmgarðr* — «Новгород»¹ и *Garðaríki* «Русь»².

В обеих работах автор приходит к выводу, что эти названия не являются чисто скандинавскими и, следовательно, их не надо переводить буквально «город на острове» и «страна городов», как это принято в историографии. В первой статье Рыдзевская считает, что *Holm* следует возводить не к скандинавскому *holmr*, а к русскому «Холм» — названию одной из частей Новгорода. Поэтому переводить *Holmgarðr*, по мнению автора, возможно как Холм-город или просто Холм. Во второй статье Рыдзевская на значительном материале показала, правда несколько нечетко, что *garðr* означал не город, а ограду, участок земли, обнесенный оградой, двор. Это дало ей возможность предположить, что слово *garðr* было использовано скандинавами в значении «город» по аналогии с русским словом «город».

Работы, опубликованные в 30-х — начале 40-х годов, свидетельствуют о широком круге интересов исследовательницы.

Некоторые статьи были написаны как отклик на работы В. А. Брима. Рассматривая вопрос о происхождении слова «колбят», Рыдзевская на основе собранного топонимического материала пришла к выводу, что колбьягами назывались водь, вожане³. В других работах первой половины 30-х годов она продолжила исследования Брима о взаимоотношении древнерусского и древнескандинавского эпоса. Сравнивая древнерусские предания с ана-

---

¹ Рыдзевская Е. А. Холм в Новгороде и древнесеверный *Holmgarðr*. — ИРАИМК, т. II. Пб., 1922 с. 107—112.

² «О названии Руси *Garðaríki* у скандинавов» (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 39, № 1).

³ Рыдзевская Е. А. Несколько замечаний по поводу статьи В. А. Брима «Колбьяги». — «Доклады Академии наук СССР. Серия В». Л., 1930, № 8, с. 137—142.

логичными сюжетами в скандинавских сагах, Рыдзевская показала их независимый друг от друга характер ⁴.

Выводы Рыдзевской объективно были направлены против широко распространенного в буржуазной историографии взгляда, согласно которому любое совпадение в русском и скандинавском эпосе, да и не только эпосе, объяснялось норманским влиянием. Она никогда не отрицала следов пребывания скандинавов на Руси, но их следовало тщательно изучить не по догадкам и аналогиям, а на основе тщательного исторического, филологического и лингвистического анализа. Этого принципа Рыдзевская придерживалась во всей своей научной деятельности.

Интерес представляет статья Рыдзевской об одном из смоленских «передних мужей» по прозвищу Водмол, упоминаемом под 1216 г. в новгородском летописании ⁵.

Работы, вышедшие в 1934—1935 гг., очень разноплановы и не равны по своему значению в научном наследии Рыдзевской. Здесь и библиографический обзор шведского «Исторического журнала», и изучение проекта договора Новгорода с Любеком и Готландом ⁶. Второе исследование было составной частью большой работы над текстами и переводами договоров Новгорода и Пскова с городами и государствами Северной Европы и Германии ⁷.

В статье, посвященной топонимике как источнику для изучения роли норманнов на Руси, Рыдзевская вступила в дискуссию с крупнейшими зарубежными филологами Р. Экбломом и М. Фасмером по поводу этимологии древнерусской ономастики, относимой этими исследователями безоговорочно к скандинавам, и ее интерпретации ⁸. И в этом исследовании она пришла к выводу, который стал рефреном в ее творчестве: «Прежние историки, занимавшиеся варяжской проблемой, преувеличивали значение прямого заимствования, между тем как во многих случаях можно ставить вопрос о явлениях параллельного стадийного развития. Отнюдь не отрицая целиком возможности заимствования, например, отдельных слов и терминов и засвидетельствованного ими

⁴ Rydzevski H. Die dänische Huno-Sage und eine Episode aus der altrussischen Chronik. — «Acta Philologica Scandinavica», 1930—1931, V. aarg., 1. h., s. 34—40; Рыдзевская Е. А. К летописному сказанию о походе Руси на Царьград в 907 г. — ИАН, VII серия, ООН, Л., 1932, № 6, с. 471—479.

⁵ Rydzevskaja E. Ein skandinavischer Beinamen in einer russischen Chronik. — «Zeitschrift für slavische Philologie», Leipzig, 1931, Bd. VIII, S. 102—108.

⁶ Рыдзевская Е. А. Библиографическая заметка о современной шведской исторической литературе (по «Historisk Tidskrift» с 1925 по 1933 г.). — В кн.: Исторический сборник, т. III. Л., 1934, с. 371—385; она же. Новый список проекта договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г. — «Проблемы истории докапиталистических обществ». М. — Л., 1935, № 5—6, с. 118—127.

⁷ Эти тексты и переводы изданы в кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М. — Л., 1949.

⁸ Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси), ч. 1. — ИАН, VII серия, ООН, Л., 1934, № 7, с. 485—532; ч. 2. — Там же, 1934, № 8, с. 609—630.

культурного общения, приходится тем не менее относиться строго критически к той исторической схеме, согласно которой все, что имеется сходного, будь то в области права или в какой-нибудь иной, принесено на Русь извне норманнами как основателями русского государства»⁹. Это замечание относилось автором не только к буржуазным исследователям, но и к такому крупному историку-марксисту, как М. Н. Покровский.

Изучение топонимических данных как источника по истории Древней Руси Рыдзевская продолжила в работе, посвященной древнерусскому социальному термину «смерд»¹⁰.

Известиям о Руси в скандинавских сагах посвящена работа Рыдзевской, опубликованная в 1935 г. Ее основной темой было изучение легенды саги об Олаве Трюггвасоне о крещении последним киевского князя Владимира Святославича¹¹. К этому сюжету до нее обращался А. И. Лященко¹², однако метод, каким он получил в принципе верный вывод о фантастичности предания, равно как и определение хронологии саги, ее не удовлетворили.

В этой работе Рыдзевская сформулировала новый принцип в исследовании «Россики» скандинавских саг, что явилось развитием мысли ее учителя, Ф. А. Брауна, о существенных особенностях различных групп источников (рунические надписи, саги, латинские источники) и их отношении к различным слоям социальной и культурной среды в Скандинавии «в смысле своего возникновения, распространения и представляемого ими интереса». Рыдзевская писала: «С этой точки зрения Rossica древнесеверных саг отнюдь не однородна, а простого хронологического распределения и приурочения ее недостаточно. Для всесторонней оценки ее значения как одного из источников по так называемому начальному периоду русской истории одной из очередных задач мне представляется попытка наметить в ее составе определенные комплексы преданий в зависимости от места, занимаемого ими в древнесеверной письменности и в кругу отражаемых ею жизненных и литературных интересов»¹³. К сожалению, исследовательница смогла изучить в сагах только один комплекс византийско-русско-скандинавских отношений, связанный с крещением Руси. Позднее ею были выполнены тематические подборки известий саг по различным сюжетам из русской истории, но они не были развернуты в комплексные исследования.

Рыдзевская сознавала важность выработки правильного взгляда на известия исландских саг как источника по истории Древ-

⁹ Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу, ч. 2, с. 626.

¹⁰ Рыдзевская Е. А. Слово «смерд» в топонимике. — «Проблемы источниковедения», М. — Л., 1936, сб. II, с. 5—16.

¹¹ Рыдзевская Е. А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне. — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР», М. — Л., 1935, т. II, с. 5—20.

¹² Лященко А. Сага про Олафа Трюггвасона и літописне оповідання про Ольгу. — «Україна», Київ, 1926, кн. 4, с. 3—23.

¹³ Рыдзевская Е. А. Легенда о князе Владимире, с. 6.

ней Руси, поскольку от этого зависело использование их в историческом исследовании. Исследовательница четко изложила свою точку зрения на данный вопрос в названной статье о саге об Олаве Трюггвасоне: «Неудовлетворительность известий о Руси зависит, во всяком случае, не от того, что саги представляют собою «поэтические произведения, далекие от историко-географических интересов», как говорит о них В. А. Брим. К исландским сагам исторического типа это совершенно не применимо. Они являются памятниками вполне реального характера; топографические сведения в них большей частью очень точные и определенные; значение их как исторических источников, богатых чрезвычайно ценными социально-экономическими данными, как нельзя более очевидно. Дело не в «односторонней ориентации исландской письменности в сторону литературного оформления сюжета» и не в стремлении к художественной отделке и занимательности в ущерб фактической стороне происшествий, как полагает В. А. Брим; такая характеристика справедлива в отношении романтических, сказочных саг позднего литературного типа (так называемых Fornaldar-sögur Norðrlanda), но не классических Íslendinga- и Konungasögur. Односторонняя ориентация выражается в том, что положительные данные, сообщаемые сагами, относятся только к самим скандинавским странам, прежде всего к родине саг, Исландии, и к Норвегии, и значительно более скудны в отношении других, как, например, Англии и Ирландии, с которыми западные скандинавы были достаточно тесно связаны, а тем более — Древней Руси, у которой к тому же сношения были, главным образом, со Швецией; шведских же саг, подобных исландским, как известно, не имеется, за исключением одной, относящейся к Готланду (Guta saga)»¹⁴.

Такое плодотворное, выработанное предшествующим опытом исследований, отношение к сагам как историческому источнику не могло не дать положительных результатов.

Рыдзевская много занималась собиранием и переводом известий о Руси в скандинавских сагах. Этому способствовала ее работа в Институте истории материальной культуры АН СССР, где поддерживалась подобная тематика исследований. Действительно, если переводы и сводки сообщений о Древней Руси в восточных и византийских источниках время от времени появлялись в исторической литературе, то известиям скандинавских источников повезло значительно меньше. Правда, работы К. Ф. Тиандера и Ф. А. Брауна в некоторой степени восполняли этот пробел, но сводки известий о Руси в скандинавских источниках не было, хотя проект составления подобного издания и появлялся¹⁵. Выполнение этой работы взяла на себя Рыдзевская. В этом наме-

¹⁴ Там же, с. 5—6.

¹⁵ ИАН, VI серия, СПб., 1911, № 1, с. 24—32; *Свердлов М. Б.* Ф. А. Браун — исследователь скандинавских источников по истории Древней Руси. — «Скандинавский сборник», т. XXI. Таллин, 1976, с. 221—225.

рении ее очень поддерживал Б. Д. Греков, который высоко ценил Рыдзевскую как исследователя русско-скандинавских отношений и специалиста-скандинависта. Частично результаты ее работы появились в печати в виде подборок известий о Ярославе Мудром и о Ладоге в сагах и других письменных источниках с обширным комментарием исследовательского плана¹⁶. Однако «Rossica» в скандинавских сагах осталась незавершенной. Закончить эту работу исследовательнице помешала смерть в осажденном Ленинграде.

Особой темой в работах Е. А. Рыдзевской было изучение скандинавской этнографии и истории сельского хозяйства¹⁷.

В изучении скандинавских источников по истории Древней Руси и древних русско-скандинавских связей, русской ономастики, истории и этнографии древней Скандинавии творчество Рыдзевской занимает особое место. Многие вопросы изучены ею впервые в русской и советской историографии. И даже там, где у нее были предшественники, иногда крупные, она вносила в разработку проблем оригинальную трактовку, дополняла введенный в оборот материал новыми сведениями. Как специалист с блестящей исторической и филологической подготовкой она комплексно изучала сложнейшие вопросы проблемы «Скандинавы на Руси». Ценные работы по истории и этнографии Скандинавии и русско-скандинавским отношениям выдвинули ее в число первых историков-марксистов скандинавистов, а в этой области стали научной классикой.

* * *

После смерти Рыдзевской ее архив перешел в Архив Института истории материальной культуры (ныне — Ленинградского отделения Института археологии АН СССР). Материалы фонда Е. А. Рыдзевской (ф. 39)¹⁸ отражают весь круг интересов исследовательницы по истории и этнографии Скандинавии и русско-скандинавским связям. Содержащиеся в нем законченные работы, подготовительные наброски, переводы, выписки и т. д. не потеряли своего значения до сих пор, особенно в той части, которая относится к изучению русско-скандинавских отношений.

Важное место в фонде занимают неопубликованные работы Рыдзевской, в основном подготовленные к печати. Они состоят из

¹⁶ Рыдзевская Е. А. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе. — КСИИМК, вып. VII. М.—Л., 1940, с. 66—72; она же. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. — Там же, вып. XI. М.—Л., 1945, с. 51—65; см. также: Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 323—330.

¹⁷ Рыдзевская Е. А. Литература по вопросу о пережитках тотемизма у древних скандинавов. — «Советская этнография», 1936, № 3, с. 121—127; она же. О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы. — Там же, 1937, № 2—3, с. 15—44.

¹⁸ Далее в скобках указывается номер единицы хранения по описи фонда.

переводов, исследований и отзывов на труды советских и зарубежных авторов.

Переводы Рыдзевской содержат прежде всего «Россику» в скандинавских сагах. В условно названном в описи фонда «Несостоявшемся переводе древнесеверной «Rossica» (№ 5) находятся переводы из Fagrskinna, Heimskringla, Morkinskinna и других саг. В подборке даны только переводы без комментария и исследования. Более систематически часть их приводится в работах «Ладoga-Aldeigjuborg по древнесеверным сагам» и «Новгород-Holmgardr по древнесеверным сагам» (№ 19). Переводы выполнены из текстов Heimskringla, Fagrskinna, Flateyjarbók, Sturlunga saga, Morkinskinna и др. (известия скандинавских источников о Ладого опубликованы в статье Е. А. Рыдзевской «Сведения о Старой Ладого в древнесеверной литературе»¹⁹). В «Rossica» находится сага об Эймунде (№ 15) без комментария и исторического введения (переводы саг в № 5, 15, 19 публикуются в настоящем издании). Известия о Бьярмии скандинавских саг приведены в работе «Бьярмаланд в саге о Хаконе» (№ 23). Из переводов, не связанных с «Rossica», следует назвать «Скальды и изобразительное искусство» (№ 16, 102). Здесь указаны отрывки из скальдических произведений, в которых в поэтической форме даются описания предметов изобразительного и прикладного искусства. В этой работе сделаны переводы отрывков из Ragnarsdrápa, Húsdrápa, строфы скальда Торфинна и комментариев к ним.

Рыдзевская переводила также известия о русско-скандинавских отношениях в XIII—XIV вв. В ее фонде находятся переводы хроники Эрика (№ 23): «Хроника Эрика, или Древнейшая рифмованная хроника», где приводятся переводы отрывков хроники о русско-шведских отношениях XIII—XIV вв. и комментариев к ним (публикуется в настоящем издании). Первый машинописный экземпляр работы находится в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, ф. 276, оп. II, № 78.

В фонде находятся также переводы материалов о русско-норвежских переговорах 1251 г. (№ 23) и перевод новгородско-ганзейских актов (№ 16), которые были использованы в публикации «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»²⁰.

Среди материалов Рыдзевской наряду с переводами важное место занимают исследования по русско-скандинавским связям, истории и этнографии Скандинавии. По первой теме есть работы как общие, так и посвященные отдельным вопросам. Для подготавливаемой до войны «Истории СССР» под редакцией М. И. Артамонова²¹ Рыдзевская написала главу, условно названную в описи «Русь и варяги» (№ 9; публикуется в настоящем издании под

¹⁹ РСИИМК, вып. XI. М.—Л., 1945, с. 51—65.

²⁰ Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

²¹ Макет двух томов вышел в 1939 г. В макет глава Рыдзевской не была включена.

названием «О роли варягов в Древней Руси»). В другом большом исследовании «К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи» (№ 17; публикуется в настоящем издании), над которым она работала многие годы, Рыдзевская рассмотрела устные предания в Повести временных лет, которые норманисты обычно считают скандинавскими.

К раннему периоду творчества Рыдзевской относится статья 1917 г. «О названии Руси *Garðaríki* у скандинавов» (№ 1). Около 1924 г. написан сокращенный вариант этой работы (№ 1; публикуется в настоящем издании). В другой статье «*Die Jugendgeschichte König Magnus des Guten nach den Konungasögur*» (1925 г.) (№ 2) дается источниковедческий анализ саг о Магнусе Добром.

В фонде Рыдзевской находится статья, посвященная ономастике: «О названии города Изборска» (№ 11). В этой работе автор критикует археологические исследования Б. Германа в районе Изборска, где тот искал следы пребывания норманнов. В этой связи подвергнуты критике попытки объяснить название Изборск из древних скандинавских языков. Рыдзевская выводит название города из славянского имени Избор.

Работа «Несколько замечаний по поводу статьи Т. И. Арне о владимирских курганах» (№ 13) не является по существу рецензией. В ней почти не рассматриваются археологические изыскания Арне. Рыдзевская критикует тезис автора об основании Древнерусского государства норманнами, о колонизации Руси скандинавами. По ее мнению, скандинавские источники, точно так же как археологические источники и данные топонимики, этого не подтверждают. Из новых наблюдений Рыдзевская приводит этимологию названий не от древнескандинавского *Kynríkr*, как М. Фасмер, а от «кондрык» — древнерусское «единорог», а Редрики, Редриково — не от Рюрика, а от Дитриха Бернского-Дедрика — эпического немецкого героя, отголоски эпоса о котором встречаются в русском фольклоре.

К этому отзыву примыкает рецензия на книгу: *E. Kvalen. The early Norwegian settlements on the Volga. Vienna, 1937* (№ 7). Рыдзевская критикует автора работы за произвольную локализацию Бьярмаланда на Волге и Кама, за необоснованную гипотезу о норвежских поселениях на Волге лишь на том основании, что на Волге найдены скандинавские вещи, и вообще она возражает против преувеличения роли норвежцев на территории Восточной Европы. В фонде находится также рецензия на норвежский вариант близкой по теме книги *E. Kvalen. Det norske Garðaríki, bd. II, h. 1. Oslo, 1931*, в которой содержатся аналогичные критические замечания. Определенный интерес представляют черновики ее выступлений 20-х годов в Комиссии по изучению греко-русских договоров (№ 3) на темы «О военных отношениях скандинавов и Руси к Византии по греко-русским договорам и по сагам» (публикуется в настоящем издании), «О клятвах в греко-русских договорах» и о некоторых терминах договоров.

Работ, посвященных истории и этнографии Скандинавии, значительно меньше. В фонде находятся небольшие работы «Швеция в XIII—XIV вв.» (№ 23) и «Норвегия в XIII—XIV вв.» (№ 23), которые представляют собой сжатые, но очень содержательные очерки социально-политической истории этих стран указанного периода. По археологическим прежде всего материалам написано исследование «Женские погребения эпохи викингов в скандинавских странах» (№ 10). Это, видимо, дальнейшее развитие темы, только намеченной в работе «О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы»²².

Как специалист по истории и этнографии Скандинавии Рыдзевская привлекалась к рецензированию и реферированию работ на эти темы. В ее фонде находятся отзывы на готовившуюся к публикации работу Н. Н. Волкова о саамах (№ 7), книгу Е. Г. Кагарова «Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев» (№ 22) и отзыв на главу И. В. Арского по истории Скандинавии, которая была подготовлена для обобщающего марксистского труда по всемирной истории под редакцией А. Д. Удальцова, О. Л. Вайнштейна и Е. А. Косминского (№ 7). В фонде находятся рефераты трех больших статей по истории земледелия в сборнике «*Bidrag til bondesamfundets historie*», bd. I. Oslo, 1933 (№ 4).

Значительный интерес представляют подготовительные материалы (выписки из публикаций источников, конспекты и отдельные выписки из исследований, картотеки), составляющие более 80 единиц хранения фонда. Тематически они делятся по тому кругу проблем, который отразился как в опубликованных, так и неизданных исследованиях Рыдзевской. Помимо выписок, собранных в дополнение к опубликованным работам, например материал к статье о колбях (№ 33, см. также № 133), в фонде находятся подготовительные материалы по темам (выписки из источников, конспекты опубликованных работ и отдельные выписки из исследований, библиографические заметки), которые Рыдзевская не успела исследовать. Эти сюжеты многочисленны и разнообразны. Рыдзевская делала выписки, содержащие сведения о Восточной Европе в рунических надписях (№ 18, 24). По древнерусской истории Рыдзевская собирала данные о первых русских князьях и древнерусских городах (№ 8, 55, 76, 79, 138), а также материалы для изучения русских письменных источников (№ 88). В фонде находятся подготовительные материалы для изучения истории скандинавских стран, Финляндии, Карелии и Прибалтики (№ 25, 38, 59—63, 75, 78, 83, 90—101, 104, 112 и др.), саг и поэзии скальдов, в частности для изучения их как источника по истории Древней Руси (№ 29, 42, 43, 80, 81, 87, 103, 108); выписки по различным вопросам русской и скандинавской археологии, терминологии, этнографии и т. д. Совершенствуя теоретически свои исследования, Рыдзевская

²² «Советская этнография», 1937, № 2—3, с. 15—44.

делала также многочисленные выписки для своих работ из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина (№ 84, 85). Рыдзевская помогала другим исследователям: для Н. П. Бауера она собирала сведения о нумизматических терминах (№ 35), для А. С. Орлова — скандинавские материалы об образе «жатва-бой» (46), для Л. А. Мацулевича — упоминания о петухах в Эдде (№ 47) и др.

Из сказанного ясно, что фонд Е. А. Рыдзевской представляет большой интерес и может принести значительную пользу исследователям.

* * *

В настоящем издании публикуются сохранившиеся в архиве труды Рыдзевской: переводы текстов скандинавских источников по истории Древней Руси и научные статьи по истории русско-скандинавских отношений. Некоторые из них были вполне готовы к опубликованию, другие еще не были завершены. К сожалению, в незаконченном виде остался и главный труд Рыдзевской в области перевода скандинавских источников — перевод «Россики» — выдержек из скандинавских саг, касающихся истории Древней Руси. Над этим переводом исследовательница работала много лет, но успела перевести не все известия, имеющиеся в сагах. Поэтому предлагаемая публикация, содержащая наиболее важные известия саг о Древней Руси, не претендует на исчерпывающий характер.¹

В фонде Рыдзевской находятся три работы, содержащие переводы известий исландских саг о Древней Руси: «Ладога-Aldeigjuborg по древнесеверным сагам», «Новгород-Holmgarðr по древнесеверным сагам» и условно названный «Несостоявшийся перевод древнесеверной «Rossica». При подготовке публикации эти переводы объединены, что позволило наиболее полно представить проведенную переводчицей работу и вместе с тем избежать повторов. В связи с незавершенностью работы над переводами в них отсутствуют вводные источниковедческие статьи, нет обстоятельного историко-филологического и реального комментария. Отсутствие вводных статей возмещается написанным М. И. Стеблин-Каменским источниковедческим очерком. Для комментирования привлечены все материалы, подготовленные Рыдзевской. Дополнительно комментировать переводы саг составитель не считал возможным в связи с тем, что это существенно изменило бы вид труда исследовательницы. Такая подготовка рукописи к печати не соответствует принципам посмертной публикации работ авторов.

В связи с тем, что установлены все издания, которыми пользовалась Рыдзевская, в угловых скобках указаны тома и страницы публикаций, на которых находятся переведенные сообщения. Эти указания позволяют обратиться в случае необходимости к использованным исландским текстам и восполняют до некоторой степени отсутствие параллельной публикации текстов исландских саг.

В квадратных скобках указаны даты излагаемых в переводах событий, установленные издателями саг или самой Рыдзевской на основе хронологии событий.

В наилучшем состоянии находятся переводы «Россики» в шведской «Хронике Эрика». Эта работа была полностью закончена Рыдзевской. Она снабдила переводы источниковедческим введением и подробным комментарием. Исследование публикуется полностью, без изменений.

В данном издании помещены также все сохранившиеся в фонде Рыдзевской ее законченные труды, посвященные политическим и культурным отношениям Древней Руси и Скандинавии. Текст этих работ публикуется в полном виде; лишь в некоторых случаях опущены эпизоды, не связанные с темой исследования, и отдельные объяснения исторических и лингвистических явлений, сделанные на основе концепции Н. Я. Марра, но не соответствующие современным научным требованиям²³. В тексте опущенные эпизоды обозначены многоточием. Так, немного сокращена самая большая работа, посвященная устным преданиям в Начальной летописи; публикуется основная и наиболее ценная часть авторского текста — исследование литературных сюжетов, которые могут быть поставлены в связь с древнеисландской литературой.

Научный аппарат исследований Е. А. Рыдзевской (ссылки на публикации и научную литературу) переработан в соответствии с современными библиографическими правилами; принятые Е. А. Рыдзевской, ныне устаревшие огласовки имен собственных и топонимов приведены в соответствие с современной эдичионной практикой.

Составитель выражает глубокую благодарность Н. А. Казаковой, М. И. Стеблин-Каменскому, В. П. Беркову за ценные замечания и Т. Н. Джаксон за большую помощь при подготовке публикации.

---

²³ В тексте оставлены те указания на работы Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова, устранение которых привело бы к значительным искажениям авторского текста.

М. И. Стеблин-Каменский

САГИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Исландские саги обычно делятся на «исторические» и «неисторические». Авторы первых якобы ставили своей целью «историческую правду» в современном смысле слова, тогда как авторы вторых якобы ставили своей целью «художественный вымысел», тоже в современном смысле слова. Дело обстоит, однако, далеко не так просто. Различия между отдельными группами саг определяются не тем, какие цели ставили себе их авторы или к какому жанру они относили свои произведения, а прежде всего расстоянием между событиями, описываемыми в саге, и временем ее написания, т. е. тем, в какой мере эти события были актуальны.

Сага — всегда повествование о прошлом, и притом повествование, которое, как правило, принималось за правду (просто правду, а не «историческую» или «художественную» правду или сочетание того и другого), несмотря на то что в нем всегда в большей или меньшей степени наличествовал художественный вымысел. Типичный пример такого вымысла — высказывания упоминаемых в саге персонажей. Эти высказывания обычно приводятся в саге так же конкретно, как речи персонажей в драматическом произведении или реалистическом романе. Эти высказывания, конечно, художественный вымысел. Существенно, однако, что такого рода художественный вымысел не осознавался как вымысел: его позволяли себе, оставаясь в пределах того, что считалось просто правдой. Он был, так сказать, «скрытым вымыслом». Существенно также, что повествования какого-либо другого рода для Исландии эпохи написания саг были вообще невозможны.

Чем дальше в прошлом события, о которых рассказывается в саге, или чем дальше страна, в которой произошли эти события, тем больше в саге скрытого вымысла. Поэтому его всего меньше в сагах, написанных в XIII в. о том, что произошло в Исландии или Норвегии в XII или XIII в., например, в сагах, входящих в состав компиляции конца XIII в., известной под названием «Сага о Стурлунгах», или в саге о норвежском короле Хаконе Старом (1217—1263), написанной Стурлой Тордарсоном сразу после смерти этого короля.

В сагах, написанных в XIII в. о более ранних событиях, скрытого вымысла, естественно, больше. Так, его больше в «сагах об исландцах», т. е. сагах, написанных не раньше XIII в. о событиях в Исландии в X — XI вв. Историки древнеисландской литерату-

ры обычно считают даже, что все «саги об исландцах» — просто «художественная литература», своего рода «романы». Однако хорошо известно, что эти саги принимались их современниками за точно такую же правду, как и произведения, названные выше, т. е. что они вовсе не были «художественной литературой» в современном смысле слова.

«Саги о королях», написанные в XII—XIII вв. о событиях в Норвегии в X—XI вв., т. е. саги, в которых скрытого вымысла не меньше, чем в «сагах об исландцах», историки древнеисландской литературы обычно относят к «исторической литературе». Это объясняется, очевидно, тем, что в Норвегии в X—XI вв. были короли, была государственная власть, а они — обычный объект истории, тогда как в Исландии в X—XI вв. государственной власти не было и, следовательно, была, так представляют себе историки древнеисландской литературы, только «частная жизнь», а она — обычный объект художественной литературы.

Значительно больше вымысла в так называемых «сагах о древних временах», т. е. в сагах о событиях до заселения Исландии (до X в.) или о том, что произошло вообще неизвестно когда. В последнем случае вымысел был, вероятно, уже не скрытый, а явный, т. е. осознававшийся. По-видимому, такого рода саги еще в XII в. считались «лживыми». В них действительно могла отсутствовать какая-либо историческая основа. В «сагах о древних временах» была обязательно сказочная фантастика, и во многих из них описываются поездки в далекие, сказочные страны и особенно «на восток», т. е., в частности, в Гардарики, или Русь. Поэтому и в сагах, описывающих события X—XI вв., поездки в Гардарики обычно больше похожи на «сагу о древних временах», чем на сагу о более близкой эпохе.

Однако и «саги о древних временах» все же не просто «художественная литература» в современном смысле слова (хотя они, конечно, и ближе к ней, чем другие саги). Дело в том, что более ранние из этих саг явно основаны на древней (и часто — не сохранившейся) эпической поэзии.

Между тем во всякой эпической поэзии всегда наличествует, так сказать стихийно наличествует, та или иная историческая основа, т. е. историческая правда, как бы ни была она трудно прощупываемой.

В сущности, стихийность наличия исторической правды характерна для всех исландских саг, в частности и для тех, которые кажутся наиболее близкими к истории как науке. Стихийность объясняется, конечно, прежде всего тем, что авторы саг не осознавали себя авторами в современном смысле этого слова. Они naïвно верили в то, что просто передают правду. Поэтому они и не были авторами в современном смысле этого слова. Тот, кто «написал» сагу, фактически мог быть не столько автором, сколько соавтором или редактором или даже просто переписчиком или, наконец, всем вместе.

Тем не менее, как ни обидно это может показаться историку, привыкшему смотреть свысока на своих средневековых коллег, в известном смысле они имели перед ним преимущество. Они были объективнее тенденциозной исторической науки нового времени: сознательное и последовательное проведение политической тенденции было для них так же невозможно, как сознательное авторство. В частности, даже при наличии какой-то политической концепции они не умели замалчивать факты, противоречащие этой концепции. Так, например, в сагах, написанных для прославления норвежских королей-миссионеров, полно фактов, выставляющих их миссионерскую деятельность в самом неприглядном свете. Впрочем, объективность саг и особенно «саг о королях», т. е. политических историй Норвегии, связана, конечно, и с тем, что эти саги были написаны исландцами, т. е. жителями страны, в которой развитие государственной власти задержалось (как известно, Исландия подчинилась норвежскому королю в 1262 г., да и то только формально).

Ниже приводится перечень изданий, использованных Е. А. Рыдзевской в ее «Росси́ке», и краткие сведения о представленных в этих изданиях памятниках. Выходные данные приводятся полностью только при указании изданий, которыми пользовалась Рыдзевская. В случае более новых публикаций указывается только редактор (курсивом), место и год издания. Всюду, где не оговорено происхождение памятника, речь идет о памятниках исландских.

Новейшая библиография саг есть в книге: *K. Schier. Sagaliteratur. Stuttgart, 1970*. Ср. также: *М. И. Стеблин-Раменский. Мир саги. Л., 1971, примечания.*

1) *Ágrip af noregs konunga sögum, V Dahlerup. Kbh. 1880.*

«Агрип» (*Ágrip*, буквально — «обзор, сокращенное изложение», полностью — «Обзор саг о королях Норвегии») — название саги, которая представляла собой историю норвежских королей с IX в. и, вероятно, по 1177 г. Она была написана, по-видимому, ок. 1190 г. каким-то норвежским клириком в Трандхейме и сохранилась в неполном исландском списке (AM 325 II, 4°), сделанном в 1200—1225 гг. Источники ее не поддаются определению. В частности, спорно, в какой мере ими были норвежские произведения на латинском языке (*Historia Norwegiae* и др.) и норвежская устная традиция.

Более новое критическое издание саги: *F. Jónsson. Halle, 1929 (Altnordische Saga-Bibliothek, 18).*

2) *Bjarnar saga Hítðelakappa, R. C. Boer. Halle, 1893.*

«Сага о Бьёрне, герое из Хитардаля» (*Bjarnar saga Hítðelakappa*) — одна из «саг об исландцах». Основное ее содержание — распря, происходившая в конце X — начале XI в. в одной из долин на западе Исландии. Однако то, что рассказывается в саге о подвигах Бьёрна вне Исландии, больше похоже на «сагу о древних временах», чем на «сагу об исландцах». Сага очень плохо

сохранилась: есть только ее неполный бумажный список XVII в. (AM 551 Da, 4°), два листка пергамента конца XIV в. (AM 162 f., fol.) и ее частичный пересказ в одной из рукописей «Хеймскринглы» (Voejarbók). Сага была написана, как предполагается, ок. 1230 г. Ее основным источником были, по-видимому, стихи двух героев саги, Бьёрна и Торда, и связанная с ними устная традиция.

Более новое критическое издание саги: *S. Nordal*. Reykjavík, 1938 (Íslenzk fornrit, III).

3) Die Bósa-Saga in Zwei Fassungen nebst Proben aus den Bósa-Rímur, *O. L. Jiriczek*. Strassburg, 1893.

«Сага о Боси» (Bósa saga) — одна из «саг о древних временах». Как во всех этих сагах, в ней много мотивов, в основном сказочных, заимствованных из других саг. Поездка в Бьярмаланд в ней — тоже мотив, представленный во многих сагах. Есть две редакции саги. Более старая сохранилась в четырех пергаментах XV в., менее старая — только в бумажных списках XVII в. Никакой исторической основы в саге не обнаруживается.

Более нового критического издания нет.

4) Brennu-Njálssaga, *F. Jónsson*. Halle, 1908 (Altnordische Saga-Bibliothek, 13).

«Сага о Ньяле» (Njálssaga или просто Njála, также Brennu-Njálssaga, буквально — «Сага о сожженном Ньяле») — самая большая и самая знаменитая «сага об исландцах». Основное ее содержание — некоторые распри на юге Исландии в X и начале XI в. Но то, что рассказывается о подвигах героев саги вне Исландии, больше похоже на «сагу о древних временах», чем на «сагу об исландцах». Сага сохранилась во многих рукописях, из которых ни одна не древнее 1300 г. Важнейшие из них Reykjabók, Möðruvallabók, Kálfalækjarbók, Gráskinna. Считается, что сага была написана не раньше 1285 г. Многочисленные попытки установить, кто написал ее, не увенчались успехом. Источниками саги были, по-видимому, как устная традиция, так и некоторые письменные произведения.

Лучшее критическое издание саги: *E. Ó. Sveinsson*. Reykjavík, 1954 (Íslenzk fornrit, XII). Есть факсимильное издание двух ее рукописей: Reykjabók, *J. Helgason*. Kbh., 1962 (Manuscripta Islandica, 6); Möðruvallabók, *E. Ó. Sveinsson*. Kbh., 1933 (Corpus codicum Islandicorum medii ævi, 5). Русский перевод саги в книге: Исландские саги. М., 1956.

5) Snorri Sturluson. Edda, *F. Jónsson*. Kbh., 1926.

«Эдда» Снорри Стурлусона (т. е. сына Стурлы), или «Младшая Эдда», — произведение, написанное в 1222—1225 гг. Основное содержание ее — сведения по мифологии, героических сказаниях, поэтической фразеологии и метрике, необходимые для скальдов. «Младшая Эдда» сохранилась в списках не древнее начала XIV в. Источниками ее были как устная традиция, так, возможно, и письменные произведения.

Есть множество изданий памятника. Есть и издания ее отдельных рукописей. Стандартное ее издание: *Edda Snorra Sturlusonar, F. Jónsson*. Kbh., 1931. Русский перевод: Младшая Эдда. Издание подготовили *О. А. Смирницкая* и *М. И. Стеблин-Каменский*. Л., 1970.

6) *Fagrskinna. Nóregs kononga tal, F. Jónsson*. Kbh., 1902—1903 (*Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, XXX*).

«*Фагрскинна*» (*Fagrskinna*, буквально — «красивый пергамент») — название саги, которая представляет собой историю норвежских королей с IX в. по 1177 г. Она была написана ок. 1220 г. в Норвегии, по-видимому, исландцем и сохранилась, если не считать обрывка, написанного ок. 1250 г., только в поздних бумажных списках, восходящих к двум пергаментам, сгоревшим в 1728 г. (один из них и был «красивым пергаментом»). В саге использованы как устные, так и письменные источники, в том числе «Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, «Агрип» и «Моркинскинна». В саге опущены многие анекдоты и другое, что автор считал недостаточно верным в его источниках, но приводится много стихов скальдов современников событий как наиболее достоверный источник. Издание, использованное *Е. А. Рыдзевской*, остается последним.

7) *Flateyjarbók, C. R. Unger og G. Vigfússon*, 1—3. Christiania, 1860—1868.

«Пергамент с Плоского Острова» (*Flateyjarbók*) — название самой большой древнеисландской рукописи. Она была написана в конце XIV в. и содержит в основном «саги о королях», а также некоторые «саги о древних временах» и «саги об исландцах».

Более новое ее издание: *S. Nordal*. 1—4. Akranes, 1944—1945; факсимильное ее издание: *F. Jónsson*. Kbh. 1930 (*Corpus codicum Islandicorum medii ævi, I*).

8) *Gaungu-Hrólf's saga*. — In: *Fornaldar sögur Norðrlanda, C. C. Rafn*, III. Kbh., 1830, s. 235—364.

«Сага о Хрольве Пешеходе» (*Gaungu-Hrólf's saga*) — одна из «саг о древних временах». Она сохранилась в трех пергаментах XV в. По-видимому, герой этой саги историчен только по своему имени. Сага полна сказочных мотивов.

Критического издания саги нет.

9) *Tvær sögur af Gísla Súrssyni, K. Gíslason*. Kbh., 1849 (*Nordiske Oldskrifter udgivne af det nordiske Litteratur-Samfund, VIII*).

«Сага о Гисли, сыне Кислого» (*Gísla saga Súrssonar* или просто *Gísla* — одна из «саг об исландцах»). Основное ее содержание — история распри, происходившей в X в. в одной местности на северо-западе Исландии. Сага сохранилась во многих рукописях, из которых ни одна не древнее XV в., и в двух редакциях. Предполагается, что сага была написана в середине XIII в. Источником саги была в основном устная традиция, но возможно, что существовала более ранняя письменная редакция саги.

Более новые критические издания саги: *F. Jónsson*. Halle, 1903 (*Altnordische Saga-Bibliothek, 10*); *F. Jónsson*. Kbh., 1929; *B. K.*

Þórólfsson. Reykjavík, 1943 (Íslenzk fornrit, VI); A. Loth. Kbh., 1956 (Nordisk filologi, 11). Издание отдельных рукописей саги: AM 149, fol., A. Loth. Kbh., 1960 (Editiones Arnamagnæanæ, 5); AM 445 c, 4°, J. Helgason. Kbh., 1956 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, LX).

10) Hákonar saga Hákonarsonar. — In: Icelandic sagas and other historical documents relating to the settlements and descents of the Northmen on the British Isles, G. Vigfússon, II. London, 1887, p. 1—360.

«Сага о Хаконе, сыне Хакона» (Hákonar saga Hákonarsonar) — жизнеописание норвежского короля Хакона Старого (1217—1263), написанное исландцем Стурлой Тордарсоном в 1264—1265 гг., т. е. по свежим следам событий. Вероятно, Стурла использовал в своей саге как архивные материалы (погодные записи и т. п.), так и устные свидетельства очевидцев. Сага сохранилась в нескольких рукописях XIV в. (Flateyjarbók, Eirspennill, Fríssbók, Skálholtsbók yngsta).

Есть более новые издания саги: Flateyjarbók, S. Nordal, 1—4. Akranes, 1944—1945; F. Jónsson. Kbh., 1930 (факсимильное издание, Corpus codicum Islandicorum medii ævi, I); Eirspennill, F. Jónsson. Kristiania, 1916; Fríssbók, H. Hermannsson. Kbh., 1932 (факсимильное издание, Corpus codicum Islandicorum medii ævi, 4); Skálholtsbók yngsta, L. Holm-Olsen. Kbh., 1961 (Early Icelandic manuscripts in facsimile, 3).

11) Hálfðanar saga Eysteinssonar. — In: Fornaldar sögur Norðrlanda, C. C. Rafn, III. Kbh., 1830, s. 519—558.

«Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» (Hálfðanar saga Eysteinssonar) — одна из «саг о древних временах». Рукопись, в которой она всего лучше сохранилась (AM 343 a, 4°), относится к XV в. Сага представляет собой разработку известного сказочного мотива.

Критическое издание: F. R. Schröder. Halle, 1917 (Altnordische Saga-Bibliothek, 15).

12) Hallfreðar saga. — In: Fornsögur, G. Vigfússon und Th. Möbius. Leipzig, 1860, S. 81—116.

«Сага о Халльфреде» (Hallfreðar saga), как обычно считается, — одна из наиболее ранних «саг об исландцах», т. е. написана в 1200—1230 гг. Герой ее был скальдом норвежского короля Олава Трюггвасона (995—1000), поэтому в саге использованы некоторые более ранние «саги о королях». Сага сохранилась во многих рукописях и нескольких редакциях.

Более новые критические издания ее: E. Ó. Sveinsson. Reykjavík, 1939 (Íslenzk fornrit, VIII); B. Einarsson. Kbh., 1953 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, LXIV). Есть также факсимильное издание рукописей, в которых она сохранилась (Flateyjarbók, Möðruvallabók, Bergsbók, AM 557, 4°).

13) Heimskringla. Nóregs konunga sögur af Snorri Sturluson, F. Jónsson, I—IV. Kbh., 1893—1901.

«Хеймскрингла» (*Heimskringla*, буквально — «Земной круг», по первым словам саги — *Kringla heimsins ...er mjök vágskorin* — «круг земной... очень изрезан заливами») — самая известная из «саг о королях». Она охватывает период с мифических времен по 1177 г. Считается, что ее написал в 1220—1230 гг. самый знаменитый из исландцев — Снорри Стурлусон (1179—1241). Однако эта атрибуция саги основана только на словах двух ее переводчиков XVI в. Источниками «Хеймскринглы» были стихи скальдов, устная традиция и многие письменные произведения, в частности «Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, «Агрипп», «Моркинскинна», «Фагрскинна», «Сага об оркнейцах». По-видимому, автор «Хеймскринглы» относился к своим источникам более критически, чем авторы других «саг о королях», и в своем прологе он сам излагает свои методологические основы. Сага сохранилась во многих рукописях. Важнейшие из них — *Kringla* (только один листок середины XIII в. и бумажные списки), *Jöfraskinna* (только фрагменты и бумажные списки), *Fríssbók*, *Eirspennill*, *Bergsbók*.

Лучшее критическое издание саги: *B. Aðalbjarnarson*. Reykjavík, 1941—1951 (*Íslensk fornrit*, XXVI—XXVIII). Есть также издания отдельных рукописей: *Kringla og Jöfraskinna*, *F. Jónsson*. Kbh., 1895 (*Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*, XXIV); *Bergsbók*, *G. Lindbland*. Kbh., 1963 (*Early Icelandic manuscripts in facsimile*, 5); *Fríssbók*, *Eirspennill* (см. выше с. 23).

14) *Hervarar saga ok Heiðreks konungs*. — In: *Fornaldar sögur Norðrlanda*, *C. C. Rafn*, I. Kbh., 1829, s. 409—512.

«Сага о Хервёре и короле Хейдреке» (*Hervarar saga ok Heiðreks konungs*) — «сага о древних временах», в основном пересказывающая древние героические сказания. Она сохранилась во многих рукописях и в трех редакциях. Важнейшие из ее рукописей относятся к началу XV в. (*GkS* 2845, 4°) и началу XIV в. (*Hauksbók*). Предполагается, что сага была написана в середине XIII в.

Критическое издание саги: *J. Helgason*. Kbh., 1924 (*Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*, XLVIII). Есть также издания отдельных ее рукописей: *Hauksbók*, *E. Jónsson og F. Jónsson*. Kbh., 1892—1896; *J. Helgason*. Kbh., 1960 (*Manuscripta Islandica*, 5); *GkS* 2845, 4°, *J. Helgason*. Kbh., 1955 (*Manuscripta Islandica*, 2). Русское издание в книге: *И. Шаровольский*. Сказание о мече Тюрфинге, I и III. Киев, 1906.

15) *Codex AM 619 quarto*, Old Norwegian book of homilies containing the miracles of saint Olaf, and Alcuin's *de virtutibus et vitiis*, *G. T. Flom*. Urbana, 1929 (*University of Illinois studies in language and literature*, v. XIV, N 4).

«Норвежская книга проповедей» — древнейшая книга на норвежском языке. Рукопись ее (*AM* 619, 4°) относится к самому началу XIII в. Основной ее источник — различного рода церковная литература на латинском языке (собрания проповедей и т. п.).

Факсимильное издание: *D. A. Seip*. Oslo, 1932 (*Corpus codicum Norvegicorum medii ævi*, quarto serie I).

16) *Íslenzkir annálar*.— In: *Sturlunga saga including the Íslendinga saga of lawman Sturla Thordarson and other works*, G. Vigfússon, II. Oxford, 1878, p. 348—391.

Исландские анналы — не древнее конца XIII в. (в сагах, написанных в XIII в., нет следов их использования). Источником их в отношении древнейшей истории были «Всемирная хроника» Эккехарда (*Chronicon universale*) и некоторые другие европейские хроники. Для истории Норвегии источниками анналов были «саги о королях». Наиболее важные из исландских анналов — «Королевские анналы» (*Konungsannáll*). Они доведены до 1341 г. (первоначально — до 1279 г.) и были написаны в начале XIV в.

Критическое издание всех исландских анналов: *Íslandske Annaler indtil 1578*, G. Storm. Christiania, 1888.

17) *Knýtlingasaga*.— In: *Fornmanna sögur*, XI. Kbh., 1828, s. 177—402.

«Сага о Кнютлингах» (*Knýtlinga saga*) — это история датских королей с X в. по 1187 г. Считается, что она была написана в 1240—1270 гг. Сага сохранилась во многих рукописях. Древнейшая из них (ок. 1300 г.) сохранилась только в бумажном списке (AM 18, fol.). Образцом для этой саги послужила «Хеймскрингла». В саге были, по-видимому, использованы и «Деяния датчан» Саксона Грамматика.

Критическое издание есть в книге: *Sögur Danakonunga*, C. af Petersen og E. Olson. Kbh., 1919—1925 (*Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*, XLVI).

18) *Landnámabók* (*Hauksbók*, *Sturlubók*, *Melabók*), F. Jónsson, I—III. Kbh., 1900.

«Книга о заселении страны» (*Landnámabók*) — история всех исландских первооселенцев и их потомства. Важнейший источник по истории Исландии. Известны пять различных редакций этого памятника: 1) *Sturlubók*, редакция Стурлы Тордарсона, ум. в 1284 г., сохранилась только в списке XVII в.; 2) *Hauksbók*, редакция Хаука Эрлендссона, ум. в 1334 г., сохранилась в неполном пергаменте XIV в. и полном списке XVII в.; 3) *Melabók*, редакция начала XIV в., сохранилась только в двух листках пергамента XV в.; 4) *Skarðsárþók*, редакция начала XVII в., сохранилась во многих списках; 5) *Þórðarþók*, редакция середины XVII в., сохранилась в оригинале.

Лучшее критическое издание: J. Benediktsson. Reykjavík, 1968 (*Íslenzk fornrit*, I). Есть также критические издания отдельных редакций: *Melabók*, F. Jónsson. Kbh., 1921; *Skarðsárþók*, J. Benediktsson. Reykjavík, 1958.

19) *Laxdœla saga*, Kr. Kálund. Halle, 1896 (*Altnordische Saga-Bibliothek*, 4).

«Сага о людях из Лососьей Долины» (*Laxdœla saga* или *Laxdœla*) — одна из больших и наиболее знаменитых «саг об исландцах». Ее основное содержание — распри, происходившие в одной долине на западе Исландии в конце X и начале XI в. Предполагается, что

эта сага была написана в 1230—1260 гг. Она сохранилась во многих рукописях, из которых ни одна не древнее 1300 г. Источниками ее были как устная традиция, так, вероятно, и письменные произведения, в частности «Книга о заселении страны» и некоторые «саги о королях».

Лучшее критическое издание саги: *E. Ó. Sveinsson*. Reykavík, 1934 (*Íslenzk fornrit*, V). Факсимильное издание одной из рукописей, в которой есть эта сага: *Möðruvallabók, E. Ó. Sveinsson*. Kbh., 1933 (*Corpus codicum Islandicorum medii ævi*, 5). Русский перевод саги в книге: *Исландские саги*. М., 1956.

20) *Ljósvetninga saga*.— In: *Íslendinga sögur*, 2. Kbh., 1830, s. 3 — 112.

«Сага о людях со Светлого Озера» (*Ljósvetninga saga* — одна из «саг об исландцах»). В ней описываются распри, происходившие в конце X и первой половине XI в. на Светлом Озере (на севере Исландии). Сага сохранилась в двух сильно различающихся редакциях в неполных пергаментах XV в. и более поздних бумажных списках. Считается, что она была написана в середине XIII в. на основе как устных, так и письменных источников. В частности, в саге были, по-видимому, использованы «Моркинскинна» и «Хеймскрингла». Попытки установить, кто написал сагу, не привели к сколько-нибудь убедительным результатам.

Критическое издание саги: *B. Sigfússon*. Reykjavík, 1940 (*Íslenzk fornrit*, X).

24) *Morkinskinna, C. R. Unger*. Christiania, 1867.

«Моркинскинна» (*Morkinskinna*, буквально — «гнилой пергамент») — название саги, которая представляла собой историю норвежских королей с 1035 г. и, вероятно, по 1177 г., а также название рукописи, в которой сага сохранилась. Сага была написана, по-видимому, в 1217—1220 гг. или, может быть, еще раньше. Рукопись же ее относится к концу XIII в. В этой рукописи много вставок, особенно коротких рассказов, или анекдотов, об исландцах при дворе норвежских королей (так называемых «прядей об исландцах»). Источниками оригинала саги (или «Старшей Моркинскинны») были, вероятно, некоторые несохранившиеся письменные саги и устная традиция. В рукописи ряд лакун и нет конца.

Критическое издание: *F. Jónsson*. Kbh., 1932 (*Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*, LIII). Факсимильное издание: *J. Helgason*. Kbh., 1934 (*Corpus codicum Islandicorum medii ævi*, 6).

22) *Ólafs saga hins helga, R. Keyser og C. R. Unger*. Christiania, 1849.

Так называемая «Легендарная сага об Олаве Святом» сохранилась в пергаменте начала XIII в. (DG 8 II, 4°), написанном в Норвегии. Основным источником этой саги была так называемая «Древнейшая сага об Олаве Святом», написанная в конце XII в. в Исландии и сохранившаяся только в отрывках. Но в саге есть вставки также из других письменных произведений.

Более новое издание саги: *O. J. Johnsen*. Kristiania, 1922. Факсимильное издание: *A. Holtsmark*. Kbh., 1956 (*Corpus codicum Norvegicorum medii ævi*, quarto serie 2).

23—24) *Olaf Tryggvesöns saga ved Odd Munk*, *P. A. Munch*. Christiania, 1853.

Det Arnamagnæanske Haandskrift 310 quarto, *Saga Olafs konungs Tryggvasonar er ritaði Oddr muncr*, *P. Groth*. Christiania, 1895.

«Сага об Олаве Трюггвасоне» Одда была написана ок. 1190 г. на латинском языке. Одд, сын Снорри (*Oddr Snorrason*), был монахом Тингейрарского монастыря на севере Исландии. Латинский оригинал саги не сохранился. В начале XIII в. сага была переведена на исландский язык. Этот перевод сохранился в норвежском списке конца XIII в., исландском списке начала XIV в., более кратком, и фрагменте третьего списка. Списки эти значительно различаются между собой. У саги были, по-видимому, как устные, так и письменные источники, но точно установить их не представляется возможным. Несомненно только, что в некоторых отношениях образцом для этой саги об Олаве Трюггвасоне (норвежском короле, 995—1000, при котором было введено христианство в Исландии) послужила «Древнейшая сага об Олаве Святом» (норвежском короле, 1015—1030, который ввел христианство в Норвегии), сохранившаяся в отрывках.

Издание Мунка основано на исландском списке начала XIV в. (SKB 18,4°) и фрагменте третьего списка (DG 4—7 I, fol.). Издание Грота основано на норвежском списке конца XIII в. (AM 310, 4°). Более новое критическое издание саги: *F. Jónsson*. Kbh., 1932.

25) *Orkneyinga saga*, *S. Nordal*. Kbh., 1913—1916 (*Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*, XL).

«Сага об оркнейцах» (*Orkneyinga saga*, точнее — *Orkneyinga jarla saga*, «Сага об оркнейских ярлах») охватывает историю Оркнейских островов с древнейших времен по 1230 г. Старшая редакция (несохранившаяся) охватывала, по-видимому, только период по 1171 г. и была написана ок. 1190 г. Младшая редакция, сохранившаяся в нескольких рукописях (в частности, в *Flateyjarbók* и датском переводе XVI в.), была написана ок. 1230 г. Источником саги были как устная традиция, так и письменные произведения.

Новое критическое издание саги: *F. Guðmundsson*. Reykjavík, 1965 (*Íslenzk fornrit*, XXXIV). См. также *Flateyjarbók*.

26) *Sturlaugs saga starfsama Ingólfrssonar*. — In: *Fornaldar sögur Norðrlanda*, *C. C. Rafn*, III. Kbh., 1830, s. 592—647.

«Сага о Стурлауге Трудолюбивом» (*Sturlaugs saga starfsama*) — одна из «саг о древних временах», которая состоит в основном из сказочных мотивов, нанизанных друг за другом. Она сохранилась в двух пергаментных ок. 1400 г. и бумажном списке ок. 1700 г.

Критического издания саги нет.

27) *Sturlunga saga including the Islendinga saga of lawman*

Sturla Thordarson and other works, G. Vigfússon, I—II. Oxford, 1877—1878.

«Сага о Стурлунгах» (Sturlunga saga или просто Sturlunga) — собрание саг, описывающих распри в Исландии в XII—XIII вв., т. е. в так называемую «эпоху Стурлунгов» (точнее — с 1117 по 1266 г.). «Сага о Стурлунгах» сохранилась в двух неполных пергаментах (Króksfjarðarbók, середины XIV в., и Reykjarfjarðarbók, конца XIV в.) и многих бумажных списках XVII в. Предполагается, что она была составлена ок. 1300 г. Но отдельные входящие в нее саги были написаны раньше. Так, «Сага о Торгильсе и Хавлиди» (Þorgils saga og Hafliða), охватывающая период с 1117 по 1121 г., датируется от 1180 до 1240 г.; «Сага о Гудмунде Добром» (Guðmundar saga góða или Prestssaga Guðmundar góða), охватывающая период с 1161 по 1202 г., была написана, вероятно, в 1240—1249 гг.; «Сага о Гудмунде Славном» (Guðmundar saga dýra), охватывающая период с 1185 по 1200 г., была написана вскоре после 1212 г.; «Сага об исландцах» (Íslendinga saga, ее не следует смешивать с «сагами об исландцах»), охватывающая период с 1183 по 1262 г., была написана незадолго до 1284 г. Стурлой Тордарсоном (1214—1284); «Сага об Ароне» (Arons saga Hjørleifssonar), охватывающая период с 1220 по 1255 г., была написана в середине XIV в. (она первоначально не входила в «Сагу о Стурлунгах»). Саги, входящие в «Сагу о Стурлунгах», заметно отличаются от «саг об исландцах» фактографичностью и сухостью изложения.

Более новые критические издания саги: Kr. Kålund, 1—2. Kbh. og Kristiania, 1906—1911; J. Jóhannesson, M. Finnbogason og Kr. Eldjárn, 1—2. Reykjavík, 1946. Факсимильное издание: Króksfjarðarbók, J. Benediktsson. Kbh., 1958 (Early Icelandic manuscripts in facsimile, I). Издавалась также отдельно: Þorgils saga og Hafliða, H. Hermannsson. Ithaca (N. Y.), 1945 (Islandica, XXXI); U. Brown. London, 1952.

28) Þiðreks saga af Bern, H. Bertelson, I—II. Kbh., 1905—1911.

«Сага о Тидреке Бернском» (Þiðreks saga af Bern) примыкает к тем «сагам о древних временах», которые основаны на древней эпической поэзии. Она была написана норвежцем, вероятно в Бергене, в середине XIII в. и представляет собой перевод с нижненемецкого прозаического повествования. Сага сохранилась в норвежском пергаменте конца XIII в. (SKb 4, fol.) и многих исландских бумажных списках XVII в.

Новое издание: Þiðreks saga, G. Jóhsson. Reykjavík, 1951.

29) Yngvars saga víðförla jámte ett bihang om Yngvarsinskrifterna, E. Olson. Kbh., 1912 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, XXXIX).

«Сага об Ингваре-путешественнике» (Yngvars saga víðförla) — больше похожа на «сагу о древних временах», чем на «сагу об исландцах». Имя ее героя встречается в шведских рунических надписях. Основное содержание саги — фантастические путешествия этого викинга. Сага сохранилась во многих рукописях.

I

СКАНДИНАВСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ПЕРЕВОДАХ Е. А. РЫДЗЕВСКОЙ

«РОССИКА» В ИСЛАНДСКИХ САГАХ

*«Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха Odda, редакция A
(Saga Olafs Konungs Tryggvasonar er ritaði Oddr muncr)*

<6—45>

О конунге Гардов и матери его

[972-983 гг.] В то время правил в Гардарике Вальдамар конунг с великой славой. Говорят, что мать его была пророчицей, и это называется в книгах духом фитона, когда язычники пророчествовали. Исполнялось многое по тому, как она говорила, была она тогда уже слаба от старости. Был такой обычай у них, что в первый вечер Йоля¹ ее приносили в кресло [и сажали] перед почетным сидением конунга. И раньше, чем люди принялись пить, спрашивает конунг мать свою, не видит и не знает ли она, нет ли какой-нибудь опасности или беды, которая грозила бы его земле², не приближается ли немирье или опасность, не хотят ли другие захватить его владения. Она отвечает: «Не вижу я ничего такого, сын мой, в чем я бы предвидела вред тебе или земле твоей, также ничего такого, что испугало бы твое счастье, но вижу я великое видение и славное. Родился ныне сын конунга в Норвегии, и будет он знаменитым мужем и славным вождем, и не сделает он зла твоей земле, а многое даст вам, и после вернется в свою страну, где он был в юных годах, и завладеет он землей своей, на которую имеет право по рождению, и станет он конунгом, и будет сиять великой славой, и многим будет помощником в северной части мира. Но не долгой будет его власть над Норвегией. А теперь унесите меня, потому что я не буду дальше говорить, и теперь довольно сказано». Этот Вальдамар был отцом Ярицлейва конунга.

---

¹ jöl — языческий зимний праздник, название которого перешло на христианский праздник рождества.

² ríki.

Об Олаве, сыне Трюггви, и Астрид, матери его

А после того как они, Олав и Астрид, пробыли две зимы у Хакона Старого, собрал он их в путь с честью и передал их на руки купцам тем, которые собирались ехать в Гарды на восток. Хотел он послать их к Сигурду, брату Астрид; он был в великой чести у конунга Гардов. Хакон Старый дал им все, что надо для этой поездки, и расстались они не раньше, чем они сели на корабль с хорошими спутниками. И после того вышли они в море. И в этой поездке напали на них разбойники и отняли все их имущество, и убили некоторых из людей тех, и увели в разные стороны, а после — в неволю и рабство. И здесь расстался Олав с матерью своей, и ее после того продавали из одной страны в другую. Олав был также продан в рабство, как другие пленники, и было у него три хозяина в том плену. И тот, кто первый купил его, звался Клеркон, и он убил воспитателя³ его у него на глазах. И немного спустя продал он Олава человеку, который звался Клерк, и взял за него отличного козла, и пробыл он во власти этого человека некоторое время. Но бог, который не хочет, чтобы скрывалась слава и честь его друзей, как не должен свет скрываться во тьме, сделал великой славу этого юноши и освободил его из этой неволи, как в древности освободил Иосифа. А тот человек, который теперь владел Олавом, продал его тому, который звался Эрес, и взял за него прекрасную одежду, которую мы называем «весль» или «слагнинг» на нашем языке. И этот хозяин, который теперь купил его, он был уроженец языческих стран; жену его звали Рекон, а сына их — Реас. Он купил также с ним вместе брата его по воспитанию, которого звали Торгильс, сына Торольва; он был старше Олава. Они пробыли 6 лет в такой беде.

Об Олаве, сыне Трюггви

И в это время правил Вальдамар над Гардарики; у него была княгиня, которую звали Аллогия, и была она мудрейшей из женщин. Сигурд, брат Астрид, был в такой великой чести у конунга, что он получил от него большое имение и большой лен, и поставил он его ведать дела конунга и собирать дань конунга по всем волостям⁴. Его повеления имели силу во всей той земле конунга. Было тогда Олаву 9 лет; когда случилось, что Сигурд, брат матери Олава, прибыл в то место, где находился Олав, и был хозяин тот в поле с работниками. Сигурд въехал в то селение с большой дружиной и подобающими ему спутниками. Олав тогда играл с другими мальчиками; его так сильно полюбил господин его, что он не был подневольным или рабом, а будто любимым сыном, и он ему ни в чем не отказывал, чего он просил. Он забавлялся каждый

³ Т. е. Торольва Люсаскегга.

⁴ hérað.

день, как ему вздумается. И Олав хорошо приветствовал его и с большим уменьем. И Сигурд принял его слова хорошо и приветливо и сказал так: «Вижу я, хороший мальчик, что не похож ты на здешних людей ни по виду, ни по речи. Скажи мне имя свое, и какого ты рода, и где твоя родина». Он отвечает: «Олав зовут меня, моя родная страна — Норвегия, и я из рода конунгов». Тогда Сигурд сказал: «Как же зовут отца твоего или мать?» Он отвечает: «Трюггви звался отец мой, а мать — Астрид». Сигурд сказал: «Чья дочь была твоя мать?» Он отвечает: «Она была дочь Эйрика из Опрустадира, знатного мужа». И когда Сигурд услышал это, сошел он с коня и хорошо приветствовал его, и поцеловался с ним, и говорит ему, что он брат его матери и «поистине радостный это день, когда мы здесь встретились». Затем спрашивает Сигурд о поездке Олава и о его прибытии сюда, и долго ли он терпел эту беду. И он рассказал ему о своей поездке, как это было. И после того сказал Сигурд: «Хочешь ли ты, родич, чтобы я выкупил тебя у господина твоего, чтобы ты больше не был в неволе или на службе у него?» Он отвечает: «Мне теперь хорошо по сравнению с тем, что было, но я очень хочу, чтобы меня освободили отсюда и чтобы мой брат по воспитанию был освобожден от рабства и уехал со мной». Сигурд сказал, что охотно так сделает и ничего для этого не пожалеет. А после того вернулся Эрес бонд домой и хорошо приветствовал Сигурда, потому что он должен был собрать земские дани с тех волостей и с каждого дома и наблюдать, чтобы все было правильно уплачено. Наконец, Сигурд заговорил с тем бондом о том, не хочет ли он продать тех мальчиков, «я сразу же заплачу за них». Он отвечает: «Я продам старшего мальчика, как вы хотите, а младший у меня не для продажи, потому что он умнее и красивее и люблю я его гораздо больше, и трудно мне расстаться с ним; не продам его иначе, как по большой цене». И когда Сигурд услышал это, спросил он, сколько же это будет, а бонд тот все отказывался, а Сигурд тем больше настаивал. И наконец надо сказать об этой сделке, что старший мальчик был куплен за марку золота, а младший — за 9 марок золота, и было бонду все-таки труднее расстаться с ним, чем с тем мальчиком. После этого Сигурд уехал с Олавом, родичем своим, в Гардарики. А по законам в той стране не полагалось там воспитывать сына конунга из иноземного рода и из далекой земли без того, чтобы об этом знал сам конунг. Сигурд взял Олава домой, к себе в свой дом, и там держал его тайно, и мало кто знал об этом, но обращался с ним хорошо. Так прошло некоторое время. Случилось однажды, что Олав ушел из дому, и с ним его брат по воспитанию, и не знал об этом Сигурд, родич его. Они ушли тайком и пошли по улице. И там увидел Олав перед собой того недруга, который шесть лет тому назад убил его воспитателя у него на глазах и самого его продал в рабство. И когда он увидел его, стал он в лице, как кровь, и весь полон гнева, и сильно взволновало его то, что он увидел. Тогда он быстро вернулся домой. И не-

много спустя пришел Сигурд с торга, и когда он увидел, что Олав, родня его, полон гнева, спросил он Олава, что с ним. Он говорит, какая тому причина, и просил его помочь ему отомстить за воспитателя своего, «ведь столько горя причинил мне этот человек и столько обид — хочу я теперь отомстить за своего воспитателя». Сигурд говорит, что он это сделает для него; вот встали они и пошли с большой дружиной, а Олав указывал ему путь до торга. И когда Олав увидел этого человека, взяли они его и вывели за город. И выступил тогда вперед этот юный мальчик, Олав, и хотел отомстить за своего воспитателя. Дали ему в руки большой топор, чтобы зарубить этого человека. Олаву было тогда 9 лет. И замахнулся Олав топором, и ударил по шее, и отрубил голову; и говорили, что это — славный удар для такого юного человека. В это время в Гардарики было много прорицателей, которые знали многое; говорили они, что знают, что в эту страну пришли духи-хранители какого-то славного мужа, хотя еще молодого. И никогда не видели они ничьих духов-хранителей более светлых и прекрасных, и подтверждали они это многими словами, но не могли знать, где он. И говорили они, что таким великим будет его счастье и тот свет, который сияет над ним, что распространится по всему Гардарики и по всей восточной части мира. А так как, как уже сказано, Аллогия княгиня была мудрейшей из женщин, то ей показалось все это очень важным. Попросила она тогда конунга в прекрасных словах, чтобы он велел собрать тинг и чтобы люди сошлись туда из всех ближних волостей, и говорит она, что придет туда «и распоряжусь так, как мне хочется». Конунг так и сделал, и сошлось туда множество людей. И велела княгиня всем стать в круг, чтобы каждый стоял возле другого «и я могла бы видеть лицо каждого и весь вид его, и особенно глаза, и надеюсь, что узнаю, кто владеет этим счастьем, если увижу зрачки глаз его, и нельзя будет скрыть, кто именно такой по природе. Конунг послушался ее речей. И длился этот многолюдный тинг два дня. А княгиня подходила к каждому и замечала вид каждого, и не нашлось такого человека, который по ней похож был бы на то, что он совершит такие великие дела. И после того как тинг длился два дня и настал третий, еще увеличился тот тинг; шли туда все по повелению его, а иначе пришлось бы за это отвечать. Весь народ стал в круг, а эта славная женщина и знаменитая княгиня замечала лицо и весь вид каждого. И подошла она через некоторое время туда, где стоял юный мальчик в бедной одежде; был на нем плащ, а шапка была откинута на плечи. Она посмотрела ему в глаза и сразу узнала, что это у него такое высокое счастье, и отвела его к конунгу, и стало ясно перед всеми, что нашелся тот человек, которого она долго искала. И был этот мальчик взят во власть конунга. Открыл он конунгу и княгине род свой и звание — что он не раб, а открылось теперь, что он украшен происхождением от конунгов. И стали конунг с княгиней воспитывать Олава с благами, как собственного сына. Этот мальчик вырос в Гардах и ско-

ро достиг совершенства по силе и уму, и вырос не по годам, так что через немного зим далеко опередил своих сверстников во всем, что может украсить доброго вождя. И как только он стал показывать себя и свои совершенства, он во многом превзошел [всех], и вскоре выучился рыцарскому обычаю и воинской мудрости, как люди, самые знающие и храбрые в этом деле. И потому был он в великом уважении и почете, прежде всего у конунга и княгини, а также у всех других, знатных и незнатных. Рос он там все дальше по уму и по числу лет и по совершенству во всем, что может украсить славного вождя. И Вальдамар конунг вскоре поставил его вождем своей дружины, чтобы он стоял во главе воинов, которые должны были добывать честь конунгу, и много славных дел совершил он в Гардарики и во всей восточной половине [мира], хоть здесь и мало рассказано. И когда ему было 12 лет, спрашивает он конунга, нет ли каких-нибудь городов и волостей ⁵, которые раньше были под его властью и были отняты у него язычниками, присвоившими себе его владения и честь. Конунг отвечает и говорит, что, конечно, есть некоторые города и селения ⁶, которые раньше принадлежали ему и которые другие отвоевали у него и подчинили себе. Олав сказал тогда: «Дай мне отряд в мое распоряжение и корабли, и я попытаюсь взять обратно потерянные земли, потому что мне хочется воевать и бороться с теми, кто вас посрамил. Будет мне в этом помощью ваше счастье и твоя собственная удача и будет так — или я их убью, или они побегут перед моей силой». Конунг охотно согласился и дал ему отряд, как он просил. И стало видно, как раньше было сказано, как он хорошо знал всякое рыцарское дело и боевой обиход, и так умело вел он рать, точно всегда это делал. Пошел он с этой ратью, и было у него много битв, и одержал великую победу над своими недругами. Взял он обратно все города и крепости, которые раньше были под властью конунга Гардов, и много иноземных народов подчинил он власти Вальдамара конунга. А осенью он вернулся со славной победой и с прекрасной добычей; было у него много разных сокровищ, золота и ценных тканей и камней, которые он привез конунгу, и опять обновилась тогда его слава. И приветствовали его все с величайшей радостью. Так ходил он каждое лето в поход и совершил много славных дел, а по зимам был у Вальдамара конунга. И в то время, когда он был в такой славе, говорят, что после одной великой победы возвращался он домой в Гарды, иплыли они с большой пышностью, и паруса на кораблях у них были из драгоценной ткани и такие жешатры. А из этого видно, какое у него было великолепие после тех великих подвигов, которые он совершил в восточных странах.

---

⁵ borgir eða hérað.

⁶ borgir ok þorp.

Об Олаве конунге

Так говорят мудрые и знающие люди, что Олав никогда не чтил идолов и всегда старался так поступать. Все-таки он часто сопровождал конунга в храм ⁷, но никогда не входил туда, а стоял снаружи у дверей. И однажды конунг говорил с ним и просил его не делать так, «потому что, может быть, боги разгневаются на тебя и ты погубишь цвет юности своей. Я бы очень хотел, чтобы ты смирился перед ними, потому что боюсь за тебя, чтобы они не разгневались на тебя так сильно, как этого можно опасаться». Он отвечает: «Я никогда не боюсь богов, у которых нет ни слуха, ни зрения, ни разума; я понимаю, что они не смыслят, и вижу, господин, каковы они по природе; из того, что вижу тебя каждый раз с ласковым обычаем, кроме того времени, когда ты там и приносишь им жертвы, и всегда мне кажется, что не на счастье ты там. И поэтому я понимаю, что те боги, которых ты чтишь, правят мраком». И говорят люди, что, когда Олав был в такой чести, у некоторых было больше зависти, чем доброты, и клеветали на него перед конунгом тем. И была к нему зависть у многих знатных людей, и по этой причине он уехал. И была с ним большая рать, и воевал он с языческими народами и всегда побеждал. Ходил он далеко по Востоку ⁸ и покорял себе там народ, а когда ему наскучило это дело, была уже близка зима; хотел он вернуться домой в Гарды. И поднялся тогда сильный противный ветер, и на этот раз не давал ему плыть. Повернул он к Виндланду со своей дружиной и стал на якорь. *(Далее следует рассказ о пребывании Олава в Виндланде и о его женитьбе на княгине Гейре. После ее смерти он покидает Виндланд.)*... Собрался он со своей дружиной в отъезд и надеялся, что он тогда скорее утешится в том горе, которое он испытывал. Думал он ехать на Русь. *(Далее следует рассказ о высадке в Дании, о грабеже среди прибрежного населения, о нападении жителей на Олава и его людей и о чудесном спасении их при помощи знака креста.)*

О сновидении Олава конунга

После того направил Олав корабли свои оттуда на восток в Гарды. И конунг с княгиней приняли его прекрасно, и пробыл он там зиму ту. И однажды было ему удивительное видение. Видел он большую гору, и будто он восходит на нее до самой вершины, и казалось ему тогда, что он поднялся выше облаков. И когда он поднял глаза, он увидел чудные места и светлых людей, живших в этих местах, и почувствовал сладостный запах, и увидел всякие прекрасные цветы и большую красоту, чем он мог подумать и сказать. Услышал он голос, который говорил с ним: «Слушай ты, готовый стать божьим человеком, потому что ты никогда не чтил

⁷ hof.

⁸ Austrvegr. Под этим общим обозначением саги подразумевают Древнюю Русь и Прибалтику.

богов и не служил им, но поносил их, а потому умножатся дела твои для добра и достойного успеха, но многого еще недостает тебе для того, чтобы ты мог быть в этих местах и был достоин жить здесь вечно, потому что ты еще не знаешь творца своего и не знаешь, кто истинный бог». И когда он услышал это, он сильно испугался и сказал так: «Кто ты, господин, чтобы я уверовал?» Голос тот отвечает: «Поезжай в Грецию, и там станет тебе известно имя господа бога твоего. И если ты будешь соблюдать веления его, то будет тебе вечная жизнь и блаженство. И когда ты будешь веровать истинно, ты обратишь многих других от заблуждений к спасению, потому что бог поставил тебя для того, чтобы обратиться к нему многие народы». И после того как он все это слышал и видел, хотел он спуститься с горы. И когда он шел вниз, он увидел страшные места, полные пламени и мучений, и при этом слышал он жалобный плач и много страшного. И казалось ему, что узнаёт он многих людей, веровавших в идолов, и друзей, и вождей. И увидел он, что эти мучения ожидают Вальдамара конунга и княгиню. Он был тогда так сильно взволнован, что проснулся весь в слезах и с великим страхом. После того велел Олав дружине своей собираться в путь оттуда. «И хочу я теперь плыть в Грецию». Так и сделали; был ему попутный ветер, и прибыл он в Грецию. И нашел там славных учителей, хорошо знавших веру, которые открыли ему имя господа Иисуса Христа, и был он научен той вере, которая раньше была возвещена ему во сне. После того встретился он с одним славным епископом и просил дать ему святое крещение, которого он давно желал, чтобы он мог приобщиться к христианам, и после того было ему дано знамение креста. А после того просил он епископа ехать с ним на Русь и проповедовать там имя божие языческим народам. Епископ сказал, что обещает приехать, если он сам поедет, потому что тогда сам конунг будет менее всего противиться и другие знатные вожди и будет помогать ему, чтобы был успех и христианство божие стало сильнее. Тогда уехал Олав обратно на Русь, и его, как и раньше, хорошо приветствовали, и пробыл он там некоторое время. И часто говорил он конунгу и княгине, чтобы они поступили так, как им подобает, «и гораздо лучше вера в истинного бога и творца своего, который создал небо и землю и все, что на них есть». Он говорил также, что не годится знатым людям заблуждаться в столь великом мраке и верить в тех богов, которые не могут помочь, и прилагать к этому усердие и труд. «Вы можете понять по мудрости вашей, что истинно то, что мы проповедуем, и я никогда не перестану проповедовать вам истинную веру и божие слово, чтобы вы могли дать плоды для истинного бога». И хотя конунг долго противился и говорил против того, чтобы оставить свой обычай и веру в богов тех, но все же понял он по милости божией, что большая разница между верой той, которая у него была, и той, которую Олав проповедовал. И ему часто напоминали в прекрасных речах, что все, что у них раньше было,— языческое заблуждение и суеверие,

а христиане веруют лучше и прекраснее. И при помощи спасительных речей княгини, которыми она помогла в этом при поддержке милости божьей, согласился тогда конунг и все мужи его принять крещение и святую веру, и был там окрещен весь народ тот. А когда это было сделано, собрался Олав в отъезд оттуда, и пошла тогда великая слава об Олаве всюду, где он бывал, не только в Гардах, но и во всей северной половине мира, и дошла тогда слава об Олаве до самой Норвегии и о славных делах, которые он совершал каждый день. *(Далее следует рассказ о крещении Олава и его дружины в Ирландии.)* После того позволил Олав своим мужам ехать в торговые поездки, куда они хотят, но чтобы они все пришли в Англию раньше, чем он уедет оттуда. И получив это разрешение, они все отправились в торговые поездки, а Олав конунг направил корабли свои в Англию. И когда он прибыл туда, узнал он, что в Нортумберленде правит ярл, которого зовут Сигурд. *(При встрече Сигурд спрашивает его, кто он и откуда пришел.)* Он говорит, что зовут его Али Богатый и что он купец «и все мы пришли из Гардарики». *(Олав вступает в товарищество с Сигурдом, и они вместе предпринимают набеги на Уэльс, Ирландию и Шотландию. Далее следует подробный рассказ о его участии в походе Отто императора на Данию и о его приключениях в Англии.)*

О предательских замыслах Хакона ярла против Олава, сына Трюггви

Теперь надо сказать о том, что Хакон ярл слышал славные вести о многих битвах и о доблести Олава конунга... Задумал он при помощи какой-нибудь хитрости отнять у него его родную землю или жизнь. Велит он созвать многолюдный тинг; пришло туда много вождей. Торир звался муж, [по прозвищу] Клака, большой друг того ярла. Он позвал его к себе.... и говорит, что хочет послать его в Гарды на восток. *(Хакон имеет в виду заманить Олава в Норвегию путем ложного известия о своей смерти. Это дело он поручает Ториру и двум родичам Олава, дядям его по матери.)* Они отправились в Англию, и когда прибыли туда, узнали, что Олав уехал на восток в Гардарики. И поплыли они оттуда на восток, и, когда пришли туда, Олав приветствовал их очень ласково и устроил своим родичам хороший пир. *(Подосланные Хаконем люди выполняют его поручение.)* Вот они пробыли там зиму ту, а когда наступила весна, собрался Олав в путь с востока с 6-ю кораблями, и были лучше всех те три корабля, на которых они пришли на восток. Эти корабли были нагружены множеством дорогих сокровищ, золотом и драгоценными камнями, и дорогими тканями, и всяким товаром, какой редко видят в северных странах. *(По прибытии в Норвегию дело кончается неудачей предательской затеи Хакона; Торир убит, а остальные присоединяются к Олаву. Он побеждает сына Хакона, Эрлинга, сам Хакон погибает, а Олав становится конунгом в Норвегии и распространяет*

там христианство. Тут же обе редакции саги, А и В, дают хронологический обзор жизни Олава, начиная с его рождения и пребывания в Швеции у Хакона Старого.) И когда он уехал оттуда, было ему три года. И когда он плыл на корабле и был взят в плен в то время, как собирался в Гарды, захватили их язычники и держали в своей власти, и пробыл он в этой неволе 6 зим. А в Гардах на востоке и в восточной половине пробыл он 11 лет. А в Виндланде — три зимы, и тогда поехал он в Данию и в Ирландию. И принял там святое крещение... и в западных странах пробыл он 9 лет. И после того уехал он из Англии, и было ему тогда 32 года. И после того готовилось предательство Торира Клаки против Олава, и поехали они тогда в Норвегию, как уже было сказано, и там был убит Торир. (Обе редакции саги ссылаются на Ари Мудрого, Семунда Мудрого и устное предание.)

*«Сага об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, редакция В
(Olaf Tryggvesöns saga ved Odd Munk)*

⟨9—16⟩

Пророчество матери конунга

[972—983 гг.] В то время правил на востоке в Гардарике Вальдамар конунг, и был он славный муж. Мать его была пророчицей и предвидела многое, и исполнялось то, что она говорила. Она была уже слаба от старости, и такой был у нее обычай, что ее приносили в палату каждый вечер Йоля и она должна была говорить, что случится в этом мире, и сидела она в кресле перед «высоким местом» конунга, и когда люди сели на свои места и собрались пить, сказал конунг: «Что ты видишь, мать, — нет ли чего-нибудь опасного для моей земли?» Она сказала: «Не вижу я ничего, в чем не было бы ей чести и славы. Вижу я то, что родился ныне в Норвегии сын конунга со светлыми духами-хранителями, и над ним великий свет. Он будет воспитан здесь, в этой стране, и во многом поможет своей стране, а после вернется в свои родные земли и будет там конунгом славным и знаменитым, но скоро его потеряют, а когда он будет призван из мира, будет ему большая слава, чем я могу сказать. А теперь унесите меня — дальше я ничего не скажу». Этот Вальдамар был отцом Ярицлейва, отца Хольти, отца Вальдамара, отца Харальда, отца Ингибьёрг, матери Вальдамара, конунга данов.

О том, как Олав был продан

...И после того как Астрид с сыном пробыли три зимы у Хакона Старого, сказал он: «Теперь вы пробыли у нас некоторое время, но сила моя убывает, а можно ожидать, что Хакон будет искать здесь. Я хочу послать вас в Гардарики к брату твоему, Астрид;

он имеет великий почет сам по себе и от конунга того, и это — верная помощь и защита. Предвижу я, что там будет расти сила этого мальчика». После того велел он хорошо снарядить их в путь, и собрались они сесть на корабль с купцами, которые ехали в Гарды на восток, и расстался он с ними не раньше, чем они сели на корабль, и расстался с ними хорошо, и вышли они в море. И в этой поездке много было у них бед и опасностей, и напали на них викинги, и убили их спутников, и захватили все их имущество. Это были эсты. Некоторые были обращены в рабство, те, кто были помоложе и более всего пригодны для работы. Здесь расстался Олав со своей матерью, и ее продавали из одной страны в другую, а Олав был продан в рабство, как другие пленники, и в неволе было у него три господина. И тот, кто первый купил его, он звался Клеркон, и он убил его воспитателя⁹ у него на глазах, а немного спустя продал он его человеку, которого звали Клерк, и взял за него хорошего козла; и пробыл он у него некоторое время. А этот человек продал его тому, который звался Эрес, и взял за него хорошую одежду. Жену его звали Рекон, а сына — Реас. Этот человек прекрасно относился к нему, и был он у него скорее как любимое дитя, а не как подневольный. Там был с ним Торгильтс, брат его по воспитанию, и пробыли они шесть лет в языческих странах. И тогда захотел бог сказать о том человеке то, что раньше было скрыто, — о его смелых делах, которым было суждено проявиться, как будет видно в этом рассказе. У Вальдамара конунга была жена, которую звали Аурлогья, и была она прекрасна и очень мудра. А Сигурд, сын Эйрика, брат Астрид, был в такой чести у конунга, что он разбирал и решал дела конунга и суд его, и был у него большой лен, и он собирал дань со всех стран, обязанных ему данью, и решал, где сколько должно платить... *(Пробел в рукописи редакции В — не хватает двух листов. Текст после пропуска продолжается, начиная с известия о смерти Гейры, с чем связан отъезд Олава из Виндланда.)* Захотел он идти в Гарды на восток со своими кораблями. *(Далее следует тот же рассказ об эпизоде в Дании, что и в редакции А.)*

О сновидении Олава конунга

После того Олав направил корабли свои оттуда на восток в Гардарики, и конунг с княгиней хорошо приняли его, и пробыл он там зиму ту. И случилось так, что Олаву было великое видение. Видел он большую гору, и будто он восходит на нее до самой вершины и зашел выше облаков и видит прекрасные места и светлых людей, которые там были, и почувствовал сладостное благоухание и [увидел] прекрасные цветы и больше великолепия, чем он мог помыслить. Он слышал чудный голос, говоривший ему: «Слушай ты, готовый стать добрым человеком, ты, который никогда не покло-

⁹ Т. е. Торольва Люсаскегга.

нялся богам и нечистым духам, но поносил их и гнал, а потому многие дела твои сильно умножатся и окажутся добрыми, но многого еще недостает тебе для того, чтобы ты мог жить в этом месте, потому что ты не знаешь творца своего и кто истинный бог». И когда он услышал это, он устранился и сказал: «Кто ты, господи, чтобы мне уверовать в тебя?» Голос сказал: «Поезжай в Грецию, и там тебе станет известно имя господа, и если ты будешь исполнять повеления его, то тебе будет вечная жизнь. И если ты истинно уверуешь, вслед за тобой многие обратятся к истинной вере, потому что бог избрал тебя для того, чтобы обратить к нему многие народы». И когда он услышал все это и увидел, хотел он спуститься с горы той и увидел тогда много страшных мест, полных мучений, огня и мороза, воя и жалобного плача, и узнал он там много друзей своих язычников, и увидел он, что такое мучение ожидает конунга и княгиню; и стало ему так тяжело, когда он проснулся, что он был весь в слезах и подушка у него под головой была мокрая. И велел он дружине своей собираться, и уехал он в Грецию и нашел там славных учителей, истинно верующих, которые научили его истинной вере и заповедям божьим. После того встретился он со славным епископом и просил его дать ему крещение, как он этого давно просил, чтобы присоединиться к христианам, и было ему дано знамение креста. После того просил он епископа поехать с ним в Гардарики и проповедовать там имя божие языческим народам. Епископ обещал ехать, если он будет говорить в его пользу, чтобы вожди не противились, а дали ему знак победы и помогли крещению. И после того поехал Олав обратно в Гардарики, и там его хорошо приветствовали, и был он там в добром почете, и говорил им о вере, и сказал, что им надо для того, чтобы они верили в истинного бога, сотворившего небо и землю и все; и говорил, что не годится правителям не знать творца своего, который дал им все доброе, и верить в несмыслящих богов, «и я буду всегда помогать вам, и вы поймете по мудрости вашей, что мы проповедуем истину». И все же конунг долго противился тому, чтобы оставить веру свою и своих предков. А когда он услышал, как об этом хорошо говорят, и понял по милости божьей, что это — истина, и по убеждению княгини они приняли крещение, и того же достиг он со всеми друзьями конунга и вождями. И когда это было исполнено, собрался он ехать в те земли, которые лежат близ Ирландии, и оттуда достал знающих учителей; и тогда приехал Павел епископ из Греции и проповедовал веру при поддержке Олава, и окрестил он конунга и княгиню со всем их народом; и распространилась великая слава об Олаве по всему Востоку, и дошла до самой Норвегии весть о нем и о его славных делах.

О предательстве ярла Хакона

Хакон ярл слышал великую славу об Олаве и его сражениях на Востоке и в западных странах. О его славе постоянно говорили

ярлу. Хакон ярл задумал сделать так, чтобы он ¹⁰ не отнял у него власть или у сына его, и путем коварства лишить его ¹¹ как жизни, так и богатства. И созвал многолюдный тинг, и пришли туда вожди и великое множество людей. Торир звался муж, по прозвищу Клака, друг ярла. Он сказал, что хочет послать его к Олаву в Гарды на восток сообщить о смерти ярла и что страна та — без вождя и что все хотят поставить Олава конунгом, и поручил ему проводить его на родину. И это должны были подтвердить двое братьев матери конунга, Йостейн и Карлсхёвуд; и поклялись они ярлу тому, что не скажут этого Олаву раньше, чем он вступит на норвежскую землю. Торир был [прежде] у Олава и был его побратим; и тем не менее он согласился на это коварное дело и поддался на речи ярла. Послали за Йостейном и Карлсхёвудом, и они пришли к ярлу; сказал он им, как решено дело с согласия вождей, но они сказали, что это им не годится, и отказались; а ярл сказал, что он тогда велит убить их. И тогда они согласились не говорить раньше, чем вступят на землю. И было у каждого из них трех по кораблю; ехали они с пышностью и прибыли в Англию, и там узнали они, что Олав — на востоке в Гардарики, и стали держать путь к нему на восток. Он принял их хорошо и устроил большой пир. И тогда сказал Торир то, что ему было поручено, сказал о смерти Хакона ярла и сказал, что он послан потому, что вожди в Норвегии хотят поставить его конунгом. Олав спросил братьев своей матери — верно ли это. Они подтвердили и опустили головы, и поверил тогда Олав словам их, что ярл умер и страна доступна [Олаву]. И удивлялся он, что они так невеселы при том, что им было так хорошо. И пробыли они с ним зиму ту, а когда настала весна, собрался он с востока с шестью кораблями; и было у них всего девять кораблей, и были корабли нагружены великим богатством и сокровищами; и не знал он об этом коварном замысле и не ждал никакого зла от родичей своих, и плыли они с хорошим попутным ветром и пришли в Норвегию... *(Далее следует рассказ о неудаче предательской затее Хакона и о его гибели, после чего Олав становится конунгом в Норвегии.)*

<22, 23>

В Гардах на востоке пробыл он девять лет, а в Виндланде три года... Уехал Олав конунг из страны, после того как пробыл одну зиму в Норвегии; он поехал на Запад в Англию с 5-ю кораблями, и как он приехал с востока из Гардарики по обману Хакона ярла, так поехал он в то же лето после того как пробыл одну зиму в Норвегии, вторично в Англию и вернулся осенью, и приехал с ним Йон епископ и много священников.

¹⁰ Олав.

¹¹ Олава.

*«Обзор sag о королях Норвегии»
(Ágrip af noregs konunga sögum)*

<30—32>

[972—980 гг.] После смерти Хакона бежала Астрид, на которой был женат Трюггви, из Упланда на Оркнейские острова с Олавом, трехлетним сыном ее, и Трюггви, чтобы спастись от Гуннхильд и сыновей ее и Хакона ярла, которые все боролись тогда между собой за Норвегию, потому что сыновья Гуннхильд тогда еще были живы. И прибыла она на Оркнейские острова с тремя кораблями. Но так как нельзя было скрыть ее поездку и могло совершиться всякое предательство, отослала она ребенка того с мужем, которого некоторые называют Торольв Люсаскегг, а некоторые — Лотскеги, и увез он тайно ребенка того в Норвегию, и с большой опасностью отвез в Швецию. А из Швеции захотел он ехать в Хольмгард, потому что там у него была родня. И тогда напали эсты на тот корабль, на котором он был; иные были убиты, а иные взяты в плен. Воспитатель его был убит, а он был взят в плен близ острова того, что зовется Эйсюсла¹², а после того продан в неволю. Но бог, который избрал это дитя для великих дел, дал ему свободу тем путем, что в Эстланд прибыл муж, который был послан взять дань в стране той и был родич ребенка того, и освободил родича своего, и увез в Хольмгард, и был он там некоторое время, и при этом немногие люди знали о его происхождении. А когда ему было 12 лет, случилось так, что однажды на торгу он узнал в руке человека топор, тот, который принадлежал Торольву, и стал расспрашивать, каким образом попал к нему этот топор, и по ответам его удостоверился, что это был топор его воспитателя и его убийца. И взял топор тот из его руки и убил того, кто его принес туда, и отомстил так за своего воспитателя. А там была велика неприкосновенность человека и большая пеня за убийство. И нашел он исход в том, что побежал к княгине под ее защиту, и по ее просьбе и потому, что смелым нашли то дело для человека 12-ти лет и справедливой ту месть, помиловал его конунг, и стала с тех пор расти известность о нем, а также уважение и всякий почет. И после того как прошло некоторое время, дали ему дружину и отряд кораблей, и ходил он то в одну страну, то в другую, и быстро увеличивали его дружину норманны, и гауты, и даны, и совершал он великие дела и тем добывал себе добрую славу. (Далее следует сообщение о его походах на Западе.)

<44>

(Война между Олавом конунгом и Свейном Хладаярлом, закончившаяся поражением последнего в 1016 г. и бегством в Данию.) После того отправился Свейн на восток в Гарды и больше не возвращался.

¹² Aeisysla (Eysýsla) — Эйсюсла — название о. Сааремаа.

<44—45>

[1019 г.] После того посватался Олав к дочери Олава Шведского, Астрид, сестре Ингирид¹³, которая раньше была обещана ему, и нарушил отец ее то обещание из-за гнева и выдал ее за Яритлава, конунга на Востоке.

<47>

[1029 г.] (*Отъезд Олава из Норвегии в 1029 г.*) стал держать путь из страны и после того — на Восток и взял сына своего с собой, Магнуса Доброго.

<53>

(*Битва при Стикластадире в 1030 г. и гибель Олава.*)

И в бою том, где пал святой Олав, был ранен Харальд, брат его; он бежал после смерти его из страны на Восток, а оттуда — в Миклагард. И говорят иные, что он взял имя конунга в Норвегии, а иные отрицают это.

<60—61>

[1044—1045 гг.] И после того как прошло некоторое время, отправился Харальд, брат Олава Святого, домой из Гарда¹⁴ по Востоку на торговом корабле, на котором было много богатства и сокровищ, и пришел в Данию...

<85—88>

[1107 г.] Отправился Сигурд конунг из страны в Иерусалим с 60-ю кораблями через четыре года после смерти Магнуса, отца своего¹⁵. И было с ним много добрых мужей, таких, которые хотели ехать в Англию в первый год тот, а на другой — в Иерусалим, и была у него там большая пышность, и получил он там прекрасные драгоценности. Попросил конунг тот дать ему часть креста святого, но получил не раньше, чем 12 человек, а сам он 13-й, поклялись в том, что он будет помогать христианству всеми силами своими и установит архиепископство в стране, если может, и что крест тот будет находиться там, где покоится святой Олав, и что он будет помогать собирать десятину и сам давать. И исполнил он некоторое [из этих обещаний], потому что он помогал брать десятину, но отступился от другого, и это могло стать очень опасным, если бы бог чудесным образом не отвел опасность. (*Далее следует рассказ о чудесах с крестом в Норвегии.*)

И много еще хорошего было в его поездке; он одержал победу над несколькими городами языческими и обещал, для того чтобы взять один из них, отменить потребление мяса по субботам в Нор-

¹³ Ошибочно вместо Ингигерд.

¹⁴ Т. е. из Миклагарда — Константинополя.

¹⁵ Его отец, Магнус Босоногий, внук Харальда Хардрада (Жестокое Правителя).

вегии. В Миклагард поехал он, и был ему там великий почет в том, как принял его император, и большие дары. И оставил он там на память о своем пребывании корабль свой и снял со своего корабля большую и ценную голову¹⁶ и поставил на церкви Петра. А домой в Норвегию поехал он по Венгрии, Саксонии и Дании через три года после того как он уехал из страны, и радовался весь народ его возвращению.

«Гнилая кожа»
(*Morkinskinna*)

〈1—7〉

Здесь начинается сага о Магнусе конунге и Харальде конунге. [1028—1035 гг.] Мы начнем повесть с того, что Ярицлейв конунг правил в Гардарики и Ингигерд княгиня, дочь Олава конунга Шведского. Она была мудрее всех женщин и хороша собой¹⁷.

Говорится о том, что конунг тот Ярицлейв велел построить себе прекрасную палату с великой красотой, украсить золотом и драгоценными камнями и поместил в ней добрых молодцов, испытанных в славных делах; утварь и боевую одежду выбрал для них такую, какой они уже раньше оказались достойными, и все находили, что и убранство палаты, и те, кто были в ней, подходят к тому, как она сама устроена. Она была обтянута парчой и ценными тканями. Сам конунг был там в княжеской одежде и сидел на своем высоком месте. Он пригласил к себе многих почетных друзей своих и устроил пышный пир. И вошла в палату княгиня в сопровождении прекрасных женщин, и встал конунг ей навстречу, и хорошо приветствовал ее, и сказал: «Видала ли ты где-нибудь такую прекрасную палату и так хорошо убранную, где, во-первых, собралась бы такая дружина, а во-вторых, чтобы было в палате той такое богатое убранство?» Княгиня отвечала: «Господин,— говорит она,— в этой палате хорошо, и редко где найдется такая же или бóльшая красота, и столько богатства в одном доме, и столько хороших вождей и храбрых мужей, но все-таки лучше та палата, где сидит Олав конунг, сын Харальда, хотя она стоит на одних столбах». Конунг рассердился на нее и сказал: «Обидны такие слова,— сказал он,— и ты показываешь опять любовь свою к Олаву конунгу»— и ударил ее по щеке. Она сказала: «И все-таки между вами больше разницы,— говорит она,— чем я могу, как подобает, сказать словами». Ушла она разгневанная и говорит друзьям своим, что хочет уехать из его земли¹⁸ и больше не принимать от него такого позора. Друзья ее вступаются в это дело

¹⁶ Украшение на носу.

¹⁷ Flat., III, с. 251 добавляет: Конунг так любил ее, что ничего не мог сделать против ее воли.

¹⁸ Flat., III, с. 251: . . . уехать сразу же из Гардарики.

и просят ее успокоиться и смягчиться к конунгу. Она отвечала и сказала, что сначала конунг тот должен исправить это перед ней. Тогда сказали конунгу, что она хочет уехать, и просят друзья его, чтобы он уступил, и он так и делает, предлагает ей помириться и говорит, что сделает для нее то, чего она попросит. А она отвечала, и говорит, что согласна на это, и сразу же сказала: «Ты теперь должен, — говорит она, — послать корабль в Норвегию к Олаву конунгу. Я слышала, что у него есть молодой сын, незаконный, пригласи его сюда и воспитывай его, как отец, потому что правду говорят у вас, что тот ниже, кто воспитывает дитя другого». Конунг говорит: «Тебе будет то, чего ты просишь, — говорит он, — и мы можем быть этим довольны, хотя Олав конунг больше нас, и не считаю я за унижение, если мы воспитаем его дитя».

И посылает конунг корабль в Норвегию, и пришли те мужи к Олаву конунгу и говорят ему о предложении конунга и княгини. Он отвечал: «На это я охотно соглашусь, и думается мне, что нигде не будет моему сыну так хорошо, как у Ярицлейва конунга и Ингигерд княгини, о которой я знаю, как о славнейшей из женщин и как нельзя более расположенной ко мне». И посылает он на восток с ними Магнуса, сына своего, и принимают они его с почетом, и был он воспитан там среди дружины и с не меньшей любовью, чем их сыновья. Некоторые люди ненавидели его, и казалось им, что не подобает воспитывать там сына иноземного конунга, и не скрывали этого от конунга, но это ни к чему не вело, потому что конунг не слушал ничего такого. Часто забавлялся он в палате конунга и был ловок во многих играх и упражнениях. Он очень ловко ходил на руках по столам и показывал в этом большое умение, и много было людей, которым нравилось, что он так быстро стал таким ловким¹⁹. Один дружинник, довольно пожилой, невзлюбил его, и однажды, когда мальчик тот ходил по столам и подошел к этому дружиннику, он подставил ему руку и свалил его со стола того и сказал, что не хочет [терпеть] его дерзости. Люди судили об этом по-разному: одни были за мальчика, другие — за дружинника. И в тот же вечер, когда конунг ушел спать, мальчик тот остался в той палате, и когда дружинники те остались там и пили, Магнус подошел к тому дружиннику, и был у него в руке топорик, и ударил он насмерть дружинника того. Некоторые товарищи его хотели убить мальчика того и так отомстить за того дружинника, а некоторые заступились и хотели испытать, насколько конунг его любит. Тогда взял один мальчика того на руки и побежал в тот дом, где спал конунг, и бросил его там на постель конунга и сказал: «В другой раз стереги лучше своего жеребенка». Конунг говорит: «Часто вы выбираете для него неподобные слова». Дружинник тот отвечает: «Теперь он для этого довольно сделал, — говорит он, — убил вашего дружинника». Конунг спрашивает, как это случилось, и он сказал ему. Тогда ска-

¹⁹ Braðgeri — близко по смыслу к «скоропелый».

зал конунг: «Дело, достойное конунга, приемыш²⁰, — говорит он и засмеялся при этом, — я уплачу за тебя виру». После того договорился он с родичами убитого и заплатил сразу же выкуп тот²¹. А Магнус находится в дружине конунга и воспитывается с великой любовью, и его тем больше любили, чем он становился старше и разумнее.

О немирье между Свейном и Ярицлейвом конунгом

Было немирье между Свейном, сыном Альфивы, и Ярицлейвом конунгом, потому что Ярицлейв конунг считал, что норвежцы изменили святому Олаву конунгу, и некоторое время не было между ними торгового мира. Муж звался Карл, а другой Бьёрн; они были двое братьев, не знатные по рождению, но смелые люди. Были они солеварями в первую часть своей жизни, и собрали так денег, и стали богатыми купцами, много было у них друзей, и были они сильные люди по нраву своему, но из двух братьев Карл был всегда первым. Было у них такое соглашение, что у них была для поездки большая ладья, и на ней они ходили каждое лето в Саксонию на юг. Пришли они в Данию и оттуда собирались в Англию. Заговорил тогда Карл и сказал своим гребцам: «Я хочу объявить вам, что я задумал, потому что с поездкой дело обстоит иначе, чем вы можете думать. Я хочу отправиться в торговую поездку на Восток, но теперь из-за неладов между Свейном конунгом и Ярицлейвом конунгом и немирия между ними это нельзя считать безопасным. Вот я говорю вам, что я решил ехать, но вам я хочу дать выбор — идти другим путем, и ваше право — уйти с моего корабля; пусть датчане или южане и англичане идут на другом корабле, каждый, куда хочет. Тогда отвечает один норвежец: «Для нас это совсем неожиданно, и мы бы не пошли с вами с самого начала, если бы тогда была речь о чем-нибудь таком, но так как вы — смелые люди, и ты нам совсем по душе, и похоже на то, что ты — счастливый человек, то нам это нравится, и мы хотим положиться на тебя». И так решили они, и шли с ним, пока не прибыли на Восток; и стали у большого торгового города, и хотели купить себе всего необходимого. Но когда жители узнали, что они — норвежцы, они не только не захотели им ничего продавать, но дело было близко к бою, и хотели жители напасть на них. И когда Карл увидел, что становится опасно, сказал он жителям тем: «Это будет смело и дерзко взяться за такое дело вместо конунга вашего — наносить раны иноземным людям или грабить их, между тем как они пришли со своими товарами и не заводят с вами немирья. И вы не знаете, одобрит ли это ваш конунг или нет. Разумнее было бы вам подождать решения конунга об этом». После того успокоились жители и не стали нападать на них. Все же видел Карл, что этим дело не кончится. Отправился он тогда к конунгу.

²⁰ frændi — родич.

²¹ Flat., III, с. 253: . . . заплатил выкуп в тройном размере.

Ничего не говорится о его поездке, пока он не пришел к Яриц-лейву конунгу и приветствовал его. Конунг спросил, кто он. «Я — норвежец, — говорит он, — человек малый, и пришел сюда с хорошими деньгами и с моими товарищами». Конунг сказал: «Как это у тебя хватило дерзости прийти сюда? Ты думаешь, что у тебя счастье больше, чем у других людей, и что ты здесь наживешь денег торговлей, где другие не могли сохранить жизнь? Как бы плохо ни приходилось норвежцам от меня, они всегда стоят худшего». Карл сказал: «Не все в этом одинаковы. Я солевар, человек малый, хотя теперь у меня есть деньги, и всегда был годен к чему-нибудь и никогда не был противником Олава конунга в мыслях моих». «Думается мне, — говорит конунг, — что ты окажешься таков же, как и все другие норвежцы». Конунг велел взять его и заковать, и так было сделано. И после того говорит конунг Магнусу, приемному сыну своему, и спрашивает у него совета, как быть с норвежцами. Магнус отвечает: «До сих пор вы, приемный отец, мало советовались со мной, но думается мне, что Норвегия не скоро станет моей, если дело пойдет к тому, что будут убивать всех, кто оттуда родом. Но вы будете милостивы, приемный отец мой, потому что они имеют право называться моими людьми. Думается мне, что мне лучше иначе действовать, чем ненавидеть друг друга с теми людьми, которые оттуда». Конунг сказал, что это хорошо сказано и что будет сделано по его совету. Утром конунг позвал Карла к себе, а затем сказал ему: «Сдается мне, что ты человек, с которым можно надеяться на удачу, и хочет Магнус, сын конунга, чтобы тебе был дан мир ²², а от себя я даю тебе на выбор: иди на ваш корабль, и дам я вам вина и припасов, и отправляйтесь со своими товарами, как вам угодно, или же приходи ко мне и пробудь со мной зиму, и знай наверное, что, когда настанет весна, на твою долю придется некоторое трудное дело». Карл говорит: «Слишком мало у меня сил, чтобы брать это на себя, но не хочу отказываться от почетного предложения и отважусь на это с вашим счастьем, и, может быть, все кончится хорошо, хотя и будет трудно». Пошел он в дружину конунга, и конунг часто беседовал с ним, и считал его конунг мудрым человеком.

И когда настала весна, случилось однажды, что конунг и Карл беседовали вдвоем. И говорит конунг Карлу: «Вот деньги, — говорит он, — которые ты должен взять, а дело здесь довольно трудное. Ты должен раздать эти деньги мужам конунга в Норвегии и всем тем людям, у которых есть какое-нибудь влияние и которые хотят быть друзьями Магнусу, сыну Олава. Ты мудрый человек, хотя и не знатного рода». Карл отвечает: «Это не по мне, потому что тот должен быть человеком знатным и великого ума, кто берется за такое дело, когда против него такая большая сила и приходится браться за такое великое и опасное дело». Конунг сказал: «По моему опыту, ты совсем подходишь для этого; думается мне,

²² Flat., III, с. 255: и всем норвежцам.

что, верно, придется тебе быть в немалой опасности и не знать, спасешься ли ты или нет. Хотя тебе этого не хочется, но может статься, что скоро тебе будет трудно, и не надо тебе больше ждать». «Попытаюсь я,— говорил Карл,— с вашим счастьем и по вашему решению». Карл отправился тогда с востока со своими спутниками и пришел в Данию. Тогда говорит Карл своим корабельщикам: «Приходит мне на мысль, что не было у нас разрешения на ту поездку, когда мы ездили на Восток, и очень вероятно, что конунг нам поставит это в вину. Мой совет — расстаться нам здесь, и поезжайте вы каждый своим путем в Англию или в другие торговые города, и возвращайтесь каждый сам по себе в Норвегию; тогда меньше всего догадаются о нашей поездке, а иначе будет опасно и для нашего имущества, и для нашей жизни. А я поеду здесь, в этой стране, к одному товарищу моему, человеку богатому, который здесь находится, и хочу я, чтобы вы позаботились о моем имуществе». Бьёрн, брат его, наклонился к нему и тихо сказал: «Не знал я до сих пор, что у тебя здесь есть какой-то товарищ,— видно, тут что-то иное скрыто. Скажи мне, потому что я догадываюсь, в чем дело». Карл тогда рассказывает ему все и просит его позаботиться о их имуществе, но Бьёрн не хотел расставаться с ним, когда у него такое трудное дело. «Мне кажется, лучше будет,— сказал Карл,— если я поеду с теми деньгами конунга, но думаю, что будет кстати, если мы оба испытаем нашу храбрость». Так и было сделано; они отправились вдвоем и пришли в Вик ²³, и стали искать среди тех людей, кто друзья Свейна конунга ²⁴, а кто меньше любит его, и было трудно распознать, но все же им казалось, что они немного разобрали, какие у людей мысли

Ехали они, пока не попали к Эйнару Тамбарскельвиру, рассказали ему про дело то и показали те деньги и передали поручение Магнуса, сына конунга ²⁵. Эйнар отвечает так: «Мне все противнее становится такой подкуп знатных людей, с тех пор что Кнут это делал, но, с другой стороны, мне близко дело Магнуса, сына конунга, а потому я от себя твердо обещаю, что приеду туда на восток до троицына дня». Они уехали оттуда и пришли в торговый город ²⁶ перед вербным воскресеньем и нашли себе пристанище в доме Грима Серого. Дошли тогда до знатных людей слухи о их поездке. И вот завел Грим разговор с ними и спросил: «Не знаете ли вы о тех людях, что давно ездят по стране с покрытой головой ²⁷ и раздают деньги вождям? Вы так же высоки ростом». Но они сказали, что ничего не знают о них и не могут сказать. А на следующий день было созвано собрание, и говорил сборщик податей Свейна конунга и сказал, что конунг слышал о людях,

²³ Область на берегу нынешнего фиорда Осло.

²⁴ Fms.: Магнуса.

²⁵ Flat., III, с. 256; и вместе с тем Ярицлейва конунга.

²⁶ Подразумевается Нидарос, современный Тронхейм.

²⁷ Т. е. тайно.

которые хотят обманом лишить его страны ²⁸, и что они пришли в тот город и имели пристанище в домах Грима Серого, и сказал, что если их будут укрывать, то это будет стоить жизни. Пришли тогда люди домой, и рассказывает Грим, какие речи были, и «если, действительно, правда, что вы— те самые люди, то я всегда был другом Олаву конунгу и также буду [другом] и Магнусу, сыну его, и вы хорошо сделаете, если скажете мне правду». Тогда говорит Карл: «Ты совсем верно угадал, что это те самые люди» ²⁹. «Уходите, как можно скорее,— говорит Грим,— а я буду отвечать за вас». «Этого не должно быть,— говорит Карл,— один из нас должен остаться, и неважно, вернемся ли мы, если бы только Магнус, сын конунга, узнал, что сделано и кто его друзья в этой стране» ³⁰. Бьёрн сказал: «Чего бы ты ни хотел, брат,— говорит он,— уйти или остаться, а я с тобой не расстанусь». «Так нельзя,— говорит Карл,— один из нас должен поехать сказать Магнусу, сыну конунга, потому что ему необходимо знать, и ты оставайся, если хочешь». Бьёрн отвечает: «Это мне меньше нравится,— говорит он,— и ты во всем сильнее». Карл не отказывался остаться, хотя ни то, ни другое не казалось хорошо. И поехал тогда Бьёрн на восток с покрытой [головой], полагаясь на счастье тех отца с сыном, Олава конунга и Магнуса, и достиг цели поездки той. Говорит тогда им, Ярицлейву конунгу и Магнусу, что сделано в стране той, кто принял деньги дружественно и на чью помощь Магнус, сын конунга, может рассчитывать. Ярицлейв конунг сказал, что сделано много, но много еще осталось не конченным ³¹.

Протрубили в городе к собранию, и было сказано, что Свейн конунг прибыл в город тот и созывает тинг области Эйрир и чтобы сошлись туда все оседлые люди. Конунг встал на тинге том и говорит: «То самое, что раньше радовало нашу душу, теперь, может быть, покажется нам менее полезным. Я узнал, что пришли в страну такие люди, у которых с собою деньги для подкупа вождей и мужей конунга, и хотят они обманом отнять у нас страну. И узнал я, что те люди пришли в этот город и находятся в домах Грима Серого; надо теперь выдать людей тех; принять их мог только тот, кто не знал» ³². Грим отвечал на речь конунга и сказал, что нет этих людей в его домах. Конунг сказал: «Твое дело хуже, чем мы думали, Грим, раз ты хочешь укрывать людей [тех], потому что это они самые, и придется тебе теперь круче, чем если было бы иначе» ³³. «На то твоя власть, конунг,— говорит он,— если ты хочешь, но я все-таки буду говорить так, как, по-моему, лучше».

²⁸ Flat., III, с. 256: подкупая вождей денежными дарами.

²⁹ Там же: что же ты посоветуешь, чтобы помочь нам?

³⁰ Flat., III, с. 257 добавляет: Как хочешь, Бьёрн, — сказал Карл, — остаться или ехать к Магнусу, сыну конунга, и сказать ему, как обстоит дело, или хочешь отважиться на то, чтобы остаться.

³¹ Flat., III, с. 257: раз Карл не вернулся.

³² Там же: по какому делу они приехали.

³³ Там же: чем мы думали, если бы ты не скрывал и сказал мне правду.

Тогда пригрозил конунг мученьями заставить Грима сознаться. И когда Карл увидел, что дошло до того, встает он и говорит: «Вот муж тот, конунг,— говорит он,— о котором ты говоришь, но все же меньше в этом деле сделано, чем вы говорили, и часто такие дела кажутся больше, чем есть». Конунг сказал: «Я хорошо знаю, что ты очень смел во многом, и если ты мне скажешь, кто принял деньги, то я прощу тебя». Карл говорит: «Если бы небольшие люди брали деньги, было бы неважно; если же это сделали знатные люди, то пойдут большие нелады в этой стране и будет много бед людям, если я скажу о них, и не хочу я сделать такое дело, чтобы причинить гибель стольким людям, а потому не хочу говорить об этом». Конунг сказал: «Ты все-таки скажешь и примешь много мучений, раз не хочешь по доброй воле». И велел он заковать его, и приставил трех людей стеречь его в одном доме. Разошлось тогда собрание, и конунг не обращал внимания на Грима Серого. Карл сидел закованный, и сторожа возле него, и стал он говорить: «Правду сказать, плохо и трудно вам стеречь меня, нечем вам притом позабавиться, и вы не пьете или конунг так скуп с вами?» Они говорят: «Не хотим мы про него так говорить, но все-таки он не всем может давать деньги». «Посмотрите-ка,— говорит Карл,— теперь дело обстоит так, что деньги мало могут нам помочь». Дал он им тогда денег и предложил им купить пива. А у них есть охота к тому, и делают они, как он говорит, и садятся, и пьют. И немного погодя отведал Карл с ними питья и сказал: «Это плохое питье,— говорит он,— идите лучше и купите себе меду». Он сде...(*Пробел в рукописи Msk.*)

«Красивая кожа»

(*Fagrskinna*)

<30>

[ок. 933 г.] Так говорит... Глум, сын Гейри, в своей песне, что Эйрик³⁴ грабил раньше, чем Харальд конунг умер, на юге в Халланде и в Сконе и во многих местах в Дании, и всюду ходил он в Курланде и в Эстланде, и во многих других странах, грабил он на Востоке, также во многих местах в Швеции и в Гаутланде. Он ходил на север в Финнмарк и до самого Бьярмаланда войной. В том походе увидел он в первый раз Гуннхильд, она была тогда на воспитании и обучении у Маттула, конунга финнов, который был всех учение в колдовстве. И после того как Эйрик пришел в Англию, он грабил повсюду в западных странах. Поэтому его прозвали Эйрик Кровавая Секира.

---

³⁴ Эйрик Кровавая Секира, сын Харальда Харфагра.

<31>

[ок. 955 г.] Гамли и Гудорм³⁵ отправились в поход сначала на Восток, а потом в Норвегию и делали столько зла, сколько могли, во владениях Хакона конунга³⁶.

<57>

[960—965 гг.] Харальд конунг Серый Плащ³⁷ каждое лето постоянно ходил со своей ратью в разные страны, и было у него много битв, и чаще всего он побеждал. (*Перечислены его набеги на Данию, Шотландию, Ирландию и Гаутланд.*) На четвертое лето пошел он со своей ратью на север в Бьярмаланд, и там была у него большая битва на берегу Вины³⁸, и убил он много народа, взял и золото, и серебро, и много другого богатства, и отправился обратно в ту же осень.

<58>

[ок. 970 г.] Хакон³⁹ потерял отца в юности, и когда он узнал о смерти отца своего, он достал себе корабль и людей и хорошо вооружил свою дружину и поплыл на восток в Вик, а оттуда в Восточное море. Принялся он грабить и стал разбойником-викингом. Он грабил в Швеции и у гаутов, виндов и куров и на востоке до самой Сюслы⁴⁰. По зимам у него был мир в Дании, и он бывал в гостях у Харальда конунга, сына Горма, и дарил ему ценные подарки, и через это подружился с ним, а каждое лето бывал в набегах.

<106—107>

[ок. 995 г.] Эйрик⁴¹ отправился на восток в Швецию к Олаву, конунгу свиев, и долго был там в чести, и грабил во многих местах на Востоке, как говорит Торл, сын Кольбейна...⁴²

<108>

[972—980 гг.] Их сыном⁴³ был Олав, который в детстве уехал с матерью своей в неведомые страны от него⁴⁴ и всех его родичей, был воспитан как приемный сын на востоке в Хольмгарде у Вальдамара Старого. Рос он и по силе, и по числу лет, а более всего

³⁵ Сыновья Эйрика Кровавая Секира.

³⁶ Хакон Добрый, брат Эйрика Кровавая Секира.

³⁷ Сын Эйрика Кровавая Секира.

³⁸ Vína — Вина — Двина.

³⁹ Сын Сигурда Хладаярла.

⁴⁰ Sýsla — Сюсла — сокращение от «Эйсюслы» — о. Сааремаа.

⁴¹ Эйрик ярл, сын Хакона Хладаярла, один из крупных северононорвежских областных вождей.

⁴² В поэме этого скальда «Белгскакадрапа», датированной 1007 г., о Востоке в смысле Руси или Прибалтики ничего не говорится; она касается отношений Эйрика с датскими, норвежскими и шведскими конунгами и вождями.

⁴³ Трюггви конунг и Астрид.

⁴⁴ От упомянутого выше Эйрика, отца Астрид?

по уму и всякому совершенству, какое может украсить хорошего вождя. Была ему великая честь, как и было достойно, от конунга и вместе с тем ото всех больше, чем его ⁴⁵⁻⁴⁶ мужам. Вальдамар конунг сделал его вождем своей дружины и поставил его во главе тех воинов, которые охраняли земли конунга, и увеличил ⁴⁷ владения ⁴⁸ гардских людей. Олав добыл себе много славы в Гардарики и во многих местах на Востоке, в южных странах и в западных странах, как говорит Халльфред Вандредаскальд... ⁴⁹

<136—137>

[997 г.] Пошел он ⁵⁰ на восток в Гардарики на Вальдамара Старого и грабил в его владениях во многих местах. Он разрушил Альдейгьюборг и взял там много богатства, и еще дальше пошел он на востоке в Гардах; всюду шел он войной, жег города и крепости, а бонды бежали со своим имуществом в леса. Еще взял он в Восточном море в ту осень три корабля викингов, перебил всех тех людей и взял те корабли и все их имущество. (*Далее говорится о походе Эйрика на восточный Гаутланд.*) Обо всех этих битвах говорил Эйольв Дадаскальд, когда он сочинил об Эйрике ту песню, которая называется «Бандадрапа». В это время Эйрик ярл больше всего грабил в Гардарики во владениях Вальдамара конунга, когда Олав, сын Трюггви, был конунгом в Норвегии, и делал он это из мести и ненависти к Олаву конунгу и вражды после гибели Хакона, отца своего.

<140>

[ок. 1008 г.] Олав ⁵¹ уехал из страны в юности, и с ним Рани, воспитатель его. Олав в первый раз сражался на востоке близ Сотаскера ⁵², а затем пошел в Восточное море и сражался на востоке на Эйсюсле и победил там. В третий раз сражался он в Финнланде на востоке и победил. (*Далее указаны его походы на Данию, Фрисландию и Англию.*)

<154>

[ок. 1015 г.] Свейн ⁵³ отправился на юг в Данию, а оттуда на восток в Швецию к конунгу свиев... Олав конунг хорошо принял

⁴⁵⁻⁴⁶ Т. э. конунга.

⁴⁷ Олав или конунг тем, что сделал его вождем?

⁴⁸ ríki.

⁴⁹ Fask. (s. 110) цитирует здесь «Драпу об Олаве» 996 г.; после описания походов Олава в скандинавских странах и на западе следует строфа, упоминающая о Руси: «Конунг окрасил кровью твердый меч на Хольме (остров Борнхольм) и на востоке в Гардах». Согласно последовательности строф, восстанавливаемой Ф. Йонссоном, эта строфа должна стоять в начале поэмы после той, с которой она начинается и где говорится: «Щедрому конунгу было двенадцать лет, когда он снарядил свои боевые корабли из Гардов; мужи конунга нагрозили корабли бронями, щитами и шлемами».

⁵⁰ Эйрик, сын Хакона.

⁵¹ Олав Толстый; саги чаще называют его Олавом Святым.

⁵² Место, находящееся в шведских шхерах.

⁵³ Сын Хакона Хладаярла.

того ярла и предложил ему быть у него в Швеции, но он хотел воевать в то лето на Востоке, и так и сделал он. И когда наступила осень, он был на востоке в Кирьялаланде ⁵⁴, а оттуда пошел в Гардарики с боевым щитом, заболел там и умер.

<157—158>

[1020 г.] Олав Шведский... выдал замуж Ингигерд, дочь свою, за Ярицлейва конунга, сына Вальдамара, конунга в Хольмгарде. И посылали они, Олав конунг в Норвегии и Ингигерд, много драгоценностей друг другу и верных людей. Тогда был Рагнвальд ярл, сын Ульва, в Гардарики, родич Ингигерд княгини. Он был большой друг Олава конунга, как говорил Сигват [скальд], когда он вернулся из поездки на восток в Гардарики, посланный Олавом конунгом ⁵⁵.

<179—180>

[1028—1030 гг.] Когда настала весна и лед вскрылся, Олав конунг ⁵⁶ уехал в Швецию к Онунду конунгу, свояку своему. Он дал Олаву конунгу корабль, и отправился он тогда на восток в Гардарики к Ярицлейву конунгу и был там хорошо принят. Пробыл он там зиму, и был с ним Магнус, сын его; мать его звала Альвилд. В то время, когда Олав конунг находился в Гардарики, поехали вслед за ним многие друзья его с севера из Норвегии, и узнал он все, что случилось в той стране. В то лето, когда Олав конунг уехал на Восток, Хакон Хладаярл поехал на запад в Англию за своей невестой. (*Хакон потерпел кораблекрушение и утонул*)... Друзья Олава конунга послали ему вести, что в стране той нет вождя, и звали его вернуться в свои владения. Олав согласился и собрался в путь после Йоля. Оставил он Магнуса, сына своего, на воспитание у Ярицлейва конунга, а сам и дружина его поехали с востока по льду в ту зиму, а когда наступила весна, отправился он за море, в Швецию, к Онунду конунгу, свояку своему, и дал он ⁵⁷ ему людей, и оттуда поехал он в Хельсингьяланд, и эта поездка была очень трудна; ехали по лесам и водам, и несли во многих местах корабли свои на плечах между теми водами, и продвигались вперед с большим трудом.

<186>

[20-е годы XI в.] У датчан постоянно было немирье с саксами и восточными людьми ⁵⁸, а еще раньше с норвежцами.

⁵⁴ В Карелли.

⁵⁵ Далее следует цитата из «Вис о поездках на Восток», датированных 1019 г. (строфа 21): «Крепко должен ты, великий конунг, держать мир с могучим Рагнвальдом; он заботится о тебе днем и ночью; знаю я, конунг, что он у тебя наилучший друг на Востоке по всему зеленому морю».

⁵⁶ Норвежский.

⁵⁷ Онунд.

⁵⁸ Austrvegmenn.

<191—193>

[1034—1035 гг.] После отъезда Свейна конунга из Трандхейма трёнды стали держать совет между собой, и были избраны самые лучшие и могущественные мужи [и] поехали из страны; были первыми Эггья-Кальв и Эйнар Тамбарскельвир, поехали на восток в Гардарики просить Ярицлейва конунга, чтобы он отдал им Магнуса, сына Олава Святого. Конунг тот не соглашался, он боялся, что они предадут его так же, как отца его. Тогда дали клятву 12 лучших мужей, которые были в этой дружине, как повторит Бьярни Гульбрарскальд: «Ты, Кальв, указал воинственному Магнусу путь на родину из Гардов; ты сделал так, что вождь получил землю». Они дали клятву Ярицлейву конунгу в том, что будут держать Магнуса конунгом в Норвегии и будут его верными сторонниками и опорой его власти.

После этого поехали они с востока, и стали они, Кальв и Эйнар, советниками Магнуса конунга и воспитателями. Они ехали зимой до самого моря и сели на корабли, и поплыли в Швецию, и когда они пришли в Сигтуну, сошли они с кораблей и поехали по Швеции и так в Норвегию, как ведут дороги, и пришли в Трандхейм на север. Так говорил Арнор Скальд Ярлов...⁵⁹

<217—233>

[1030—1045 гг.] Когда Олав Святой конунг пал при Стикластадире, уехали они из страны, Харальд, брат его, и Рагнвальд, сын Бруси, и много людей с ними, и пришли в начале зимы той на восток в Хольмгард к Ярицлейву конунгу, и принял он их хорошо, как говорит Вальгард из Веллы, который сочинил [песню] о Харальде...⁶⁰

У Ярицлейва всегда было много норвежцев и шведов; и умер Рагнвальд ярл, сын Ульва, и то княжество⁶¹ взял Эйлив ярл⁶². У него тоже было много норвежцев, и давал он им жалованье по договору. Это звание ярла давалось для того, чтобы ярл тот защищал владения⁶³ конунга от язычников. Ярицлейв поставил Харальда вторым вождем над своим войском и давал жалованье всем его людям, как говорит Тьёдолль скальд...⁶⁴

⁵⁹ «Драпа о Магнусе», строфа 1: «Теперь я расскажу мужам о делах смелого в бою конунга, потому что я это знаю точно... Не было одиннадцати лет щедрому конунгу, когда он прекрасно снарядил свои боевые корабли из Гардов».

⁶⁰ «Конунг, ты обтер лезвие меча, когда ты кончил бой, ты насытил ворона сырым мясом; волк выл в горах, а на следующий год ты, воинственный конунг, был на востоке в Гардах; не знаю я конунга славнее тебя». По мнению Ф. Йонссона, эта строфа принадлежит не Вальгарду, а другому скальду XI в., Бальверку, сыну Арнора, как и значится в одной из рукописей Fask. (с. 217—218); с нее начинается его поэма о Харальде.

⁶¹ ríki.

⁶² Сын Рагнвальда.

⁶³ ríki.

⁶⁴ Fask. (с. 218) цитирует здесь начало строфы 1-й небольшой поэмы о Харальде скальда Тьёдолльва, датируемой временем ок. 1055 г.: «Одно и то же пред-

Там пробыл Харальд долго, и было у него много битв, и Ярицлейв относился к нему очень хорошо. Захотелось Харальду ехать в Миклагард; снарядился он в путь, и большой отряд норманнов с ним. Проехал он весь путь, пока не прибыл в Миклагард. Тогда правила в Миклагарде Зоя царица Великая, которая правила Миклагардским царством с 7-ю стольными конунгами, и вместе с нею правил тогда тот человек, которого звали Михаил Каталак-тус. Тогда предложил Харальд стольному конунгу тому и царице пойти к ним на жалованье со всеми своими мужами, и было ему дано согласие на это, и им сказали, чтобы они все шли на галейдах. Тогда предводительствовал ратью конунга греков Георгий, родич царицы той, которого норманны звали Гюргир. И когда они вышли в Греческие острова, Харальд часто уходил от рати той со своими мужами, и искали они себе добычи, и большинство варягов шло за ним.

Он каждый раз с тем вступал в бой, будь то нападение на корабли или крепости или высадка на сушу, чтобы или пасть со всей дружиной той, или одержать победу. А когда он бывал со всей той ратью, он всегда ставил своих мужей первыми. Случилось однажды так, что они ставили шатры на суше; Харальд со своей дружиной занял то место, которое было выше всех шатров. Пришел вождь греческого войска и сказал варягам, чтобы они убрали свои шатры и дали грекам стать там. Харальд ответил и сказал, что несправедливо, чтобы варяги уходили в долину под ноги грекам. А Гюргир сказал, что он сам должен первым поставить свой шатер, а за ним — все его войско. Тогда отвечал Харальд: «Если ты вождь над войском конунга греков, то я вождь над варягами». Тогда собрались и те и другие пустить в ход оружие свое, но вмешались мудрые мужи и предложили им примириться и решить между собой, как можно справедливее, и кинуть жребий — кому из них первым ставить шатры, грекам или варягам, и первым ехать верхом, или грести, или становиться в гавани. Тогда были сделаны жребии, и каждый из тех вождей пометил свой. И сказал Харальд Гюргирю: «Дай посмотреть, какая у тебя метка на жребии, чтобы нам обоим не пометить одинаково». Гюргир показал свой жребий, а Харальд пометил свой так похоже, что нельзя было различить, и бросили оба в полу одежды вождя того, и взял Харальд жребий, и сказал так, когда взял: «Этому первому ставить шатры, первому ехать верхом, первому грести, первому становиться в гавани». Посмотрел на жребий тот и сказал: «Это жребий варягов», выбросил тот жребий в море, которое там было близко. Тогда сказал Гюргир: «Почему ты не дал мне посмотреть

принимали два вождя там, где сидел Эйлив; у них был военный строй клином». Последняя фраза имеет в рукописях два варианта: «hamalt fylkdu þeir» — «у них был военный строй клином» и «avallt fylgðu þeir» — «всегда следовали они». Ф. Ионссон в своем издании песен скальдов принимает первый как более исправный; в рукописи, положенной в основу его издания Fask., значится второй.

жребий тот?» Харальд ответил: «Если ты не видел тот, который я вынул, посмотри тот, что остался, — есть ли на нем твоя пометка или нет?» Жребий тот узнали, и была на нем пометка Гюргира. В таких делах было видно, как смел был Харальд и как он умел показать себя. В то лето ходили они и грабили, и стали тогда варяги говорить, что было бы гораздо лучше, если бы Харальд один предводительствовал тем войском, и что Гюргир ничего славного не делает, когда распоряжается один. Он отвечал на это, что варяги не хотят служить ему, и предложил им идти в другое место, и сказал, что тогда он сделает то, что может. Тогда ушел от него Харальд, и с ним варяги и все латиняне, а Гюргир пошел с греческим войском, и тогда стало видно, что каждый из них может сделать. Харальд всегда побеждал и брал большую добычу, а Гюргир пошел домой в Миклагард, но не те [с ним пошли], которые хотели добыть себе богатства. Они пошли к Харальду и поставили его вождем над собой. Тогда пошел Харальд со своей ратью на запад в Африку, и собрал он много войска в государстве том, которое подчинено Африке. Говорят по тому, что он сам рассказывал, что он взял там 80 городов; одни отдавались во власть его, другие он разрушал или жег. Так сказал Тьёдолвь...⁶⁵

Так сказал Хуги Брюндёласкальд...⁶⁶

Здесь говорится, что Михаил был конунгом в то время. Харальд пробыл несколько зим в Африке; взял он там много золота и всякого рода драгоценных сокровищ и ценных камней, и всю добычу, которую он брал и которая не нужна была его рати, он посылал с верными людьми на север в Хольмгард во власть и на хранение Ярицлейву конунгу. Собралось там большое богатство, как и должно было быть, когда он грабил в той части света, которая всего богаче золотом и серебром, и совершил так много, и раньше было о том сказано, что он завладел 80-ю городами. Он бился с самим конунгом тем в Африке и победил, и овладел большей частью его государства, как Тьёдолвь скальд говорит...⁶⁷

Повел тогда Харальд рать ту на Сицилию и взял там один город таким образом, что птицеловы его поймали при помощи извести мелких птиц, которые вили себе гнезда в городе том и летали днем в леса собирать себе пищу, и велел Харальд привязать на спину птицам тем стружки от смолистого дерева и облить воском и серой; после того полетели все птицы те сразу в город тот к своим птенцам, и вспыхнул огонь от птиц тех, хотя на каждой

⁶⁵ Строфа 2-я поэмы Тьёдолва «Драпа с шестью припевами» (ок. 1065 г.): «Мы можем сказать, что 80 городов были взяты в Серкланде — щедрый молодой вождь подвергался опасности — раньше, чем воин, опасный для серков, отправился под щитом воевать в равнинах Сицилии».

⁶⁶ Строфа 4-я поэмы о Харальде скальда Иллуги Брюндёласкальда, которого некоторые списки Fask. называют Хуги: «Харальд, ты со щитом покорил славнейшему Михаилу . . . южный край».

⁶⁷ Строфа 3-я «Драпы с шестью припевами»: «Бездельник, которому не было охоты сражаться, держался вдали, когда воин завладел страной; невозможно было конунгу Африки и людям отстаивать от него землю».

было мало огня, и загорелись от этого те дома, которые были крыты тростником, и загорелся один дом от другого, и так весь город тот. Вышел тогда весь тот народ со смирением и просил пощады с тревогой и страхом, те, кто раньше высокомерно и обидно говорили с Харальдом. Другой город взял он таким образом, что велел сказать в городе том, что вождь греческого войска умер и просил похоронить тело его в городе том, и обещали дать много денег, как полагается по обычаю за знатных мужей. Этот город был так укреплен, что не было надежды взять его оружием, и когда городские люди услышали о смерти Харальда, те, кто хранили церкви, охотно согласились взять то золото, хотя им его хотели дать викинги. Каждый предлагал идти в его церковь, думали они тогда взять золото и серебро, и другие ценности. Вышли навстречу телу тому из городских ворот, вынесли кресты и святыни, и нарядились пышно. Викинги высоко несли гроб тот, и был он покрыт драгоценной пурпурной тканью, а люди, которые шли за телом тем, были в шелковых одеждах и шапках, спускавшихся вниз, а под этим были шлемы и брони. И когда они были в городских воротах, они поставили гроб тот поперек ворот. Тогда затрубил отрок Харальда, а вся рать та была уже раньше вооружена, подняли знамена и побежали в тот город, а Харальд сам нес гроб тот. Вынул тогда Харальд меч, и все 12 мужей его, которые шли с гробом тем, кинулись на тех людей и убили многих безоружных. Тогда был ранен Халльдор, сын Снорри, ударом в лицо. Все они были ранены, и больше камнями, которые в них кидали с башен тех. Харальд взял тогда город и столько добычи, сколько хотел. После того он отдал город тот во власть конунга греков. Много мест взял он в этой стране под власть конунга греков раньше, чем он вернулся в Миклагард. Немного позднее он пустился в путь из Миклагарда с ратью в Иерусалим, и когда он пришел туда, вся страна та отдалась во власть его; так говорит Стув, который слышал, как Харальд рассказывал об этих событиях...⁶⁸

Здесь говорится о том, что эта страна подчинилась Харальду без пожара и грабежа. Пошел [он] тогда к Иордану и выкупался по обычаю пилигримов; он охранял могилу господ нашего и святой крест, и другие святыни в иерусалимской стране. Дал для них там столько золота и серебра, что никто не знал счету в марках. И он замирил весь путь тот до самого Иордана и убивал там разбойников и других людей, заводивших немирье, как говорит Стув...⁶⁹

⁶⁸ Строфа 2-я поэмы «Стувсдрапа», или «Драпа» скальда Стува Слепого (ок. 1067 г.): «Победитель, смело действующий мечом, отправился завоевывать Иерусалим; страна подчинилась властителю и грекам и попала без пожара и без боя под власть могучего воина».

⁶⁹ Строфа 3-я той же поэмы: «Показали себя дела и гнев воинственного конунга Агдира (юго-западная область в Норвегии. — Е. Р.) на обоих берегах Иордана; он положил конец злодейству людей; люди понесли неизбежное наказание за совершенное действительно зло; плохо пришлось им от конунга».

После этого пошел он обратно в Миклагард, и сразу же у царицы Зои начался с ним разлад. Первое, в чем обвиняли Харальда, — что он присвоил себе то золото, которое принадлежало конунгу греков, и не выплатил, как полагалось по закону, и сам взял себе больше, чем конунг положил ему. Говорили, что в то время, когда он был над ратью конунга, золото не шло с галейд. Второе, в чем Зоя царица обвиняла Харальда, — что он искал любви Марии, дочери сына ее. Харальд сватался к ней и не получил ее. Говорят же люди, которые были в Миклагарде, что варяги помнят рассказы о том, что Зоя царица сама хотела Харальда. Зоя царица и Муннак император велели взять Харальда и отвести связанного в темницу и двух мужей с ним: Ульва, который после был конюшим его, и Халльдора, сына Снорри, и близ темницы той на улице явился ему святой Олав конунг; там после была поставлена часовня святому Олаву конунгу, и она еще стоит, и там их бросили в ту темницу. В следующую ночь пришла одна вдова и открыла темницу ту; это была башня, и открытая сверху, и ее называют теперь темницей Харальда. У этой женщины было с собою двое слуг; они спустили сверху веревку и вытащили Харальда наверх и тех, кто были с ним. Этой женщине дал помощь святой Олав, и явился ей, и велел освободить его брата. Харальд сразу же отправился в *Væringja Skift* ⁷⁰, так они называют те дворы, в которых живут, и когда он пришел туда, велел он им встать и взять оружие и пошли тогда в палату конунга, где он спал, и убили несколько варягов, охранявших конунга, взяли его самого и выкололи ему оба глаза. Так говорит Тораринн в песне своей...⁷¹

Так говорит и Тьёдолль...⁷²

Вальгард говорит об убийстве сторожей...⁷³

Во многих песнях о Харальде говорится об этом великом деле, и не приходится говорить иначе, чем то, что он ослепил самого конунга греков. Можно было бы назвать графа какого-нибудь или герцога, но во всех песнях о Харальде говорится одинаково, что это был сам стольный конунг. В ту самую ночь захватил он ту палату, где была девица Мария, и взял ее с собой, потом взяли они две галейды и вышли на веслах в Севидарсунд; там через залив тот были [протянуты] железные цепи. Тогда сказал Харальд, чтобы сели на весла на обеих галейдах, а все те, кому не надо грести, бежали назад ⁷⁴ на обеих галейдах и чтобы каждый держал

⁷⁰ Жилище варягов в Константинополе, греч. ἐσκήβιον.

⁷¹ Скальд Тораринн Скеггьясон о Харальде; строфа эта датируется временем от 1050 до 1060 г.: «Стольный конунг Греции стал слепым, как камень, после великой беды, а смелый конунг овладел золотом».

⁷² Строфа 6-я «Драпы с шестью припевами»: «Воин велел выколоть оба глаза стольному конунгу; тогда был начат бой; властитель Агдира жестоко поместил конунга на востоке; плохо пришло конунгу греков».

⁷³ Строфа 4-я поэмы этого скальда о Харальде: «Сын конунга, ты велел сразу же перевешать отряд (стражу императора. — *Е. Р.*); вы сделали так, что варягов стало меньше».

⁷⁴ Т. е. на корму.

в руках свой кожаный мешок ⁷⁵, и так поднялись галейды на цепь, и как только они стали, велел он им перебежать вперед ⁷⁶, тогда соскочила с цепи та галейда, на которой был Харальд, а другая, где его не было, разбилась, когда поднялась на ту цепь, и многие с нее погibli, а некоторых вытащили из залива. Так ушел Харальд из Миклагарда и вошел в Черное море, и раньше, чем плыть по морю тому, он высадил на сушу девицу Марию и дал ей хороших спутников до Миклагарда, и поручил ей сказать Зое царице, что Харальду кажется, что у нее мало власти над ним и что ее могущество не может помешать ему взять девицу Марию, если он захочет. Тогда поплыл он на север в Эллипальта ⁷⁷, а оттуда поехал назад по Востоку. В этой поездке сочинил Харальд веселые песни, и их шестнадцать, и один припев во всех; вот одна из них... ⁷⁸

Этим намекал он на Эллисив, дочь Ярицлейва конунга, Харальд прибыл в Хольмгард к Ярицлейву конунгу и был там хорошо принят. Взял он тогда то множество золота своего, которое он раньше посылал из Миклагарда. Раньше, чем Харальд уехал из Гардов с востока, Ярицлейв конунг выдал за него дочь свою, которую звали Елизаветой, а норманны называли Эллисив. Так говорит Стув Слепой... ⁷⁹

Весною собрался он в путь с востока из Хольмгарда и пошел с тремя кораблями в Швецию. Так говорит Вальгард... ⁸⁰

И встретились они тогда, Свейн, сын Ульва, и Харальд; они были родичами по браку, потому что Эллисив, на которой был женат Харальд, была дочь Интигерд, дочери Олава Шведского; его сестра была Астрид, мать Свейна, сына Ульва.

<241>

[ок. 1045 г.] (В Норвегии, на пиру, устроенном Харальдом и его племянником Магнусом, сыном Олава Святого, в Акр ⁸¹, Харальд показывает привезенные с юга драгоценности.) ...И показалось это каждому, кто видел, великой диковиной, что в северные страны пришло столько золота. Это было поистине богатство конунга

⁷⁵ Кожаные мешки заменяли койки.

⁷⁶ Т. е. на нос.

⁷⁷ Объясняется издателем саги как Азовское море.

⁷⁸ Строфы датируются временем ок. 1040 г.: «Корабль прошел мимо обширной Сицилии; быстро пел корабль, на котором были храбрые мужи; мы были горды, как и можно было ожидать; меньше всего жду я, чтобы трус достиг того же; но все-таки девушка в Гардах словно и не хочет меня знать».

⁷⁹ Строфа 4-я «Стувсдрапы»: «Воинственный властитель Агдира добился того брака (тæвд — родство по браку. — Е. Р.), какого хотел; друг мужей взял много золота и дочь конунга».

⁸⁰ Строфа 5-я поэмы этого скальда о Харальде: «Харальд, ты дал корабль для прекраснейшего груза, ты вез золото с востока из Гардов; слава давалась тебе неизменно; славный конунг, ты быстро вел корабль среди сильной бури; корабли накренились; ты увидел Сигтуну, когда волны успокоились».

⁸¹ В районе современного Осло.

греков, как и говорят все люди, что там дома полны червонного золота.

<283>

[1066 г.] (*Поход Харальда в Англию*). Поплыл Харальд конунг сначала к Оркнейским островам, оставил там Эллив, жену свою, и Марию, дочь свою. (Далее упомянуто, что Харальд обещал своему старшему дружиннику, Эйстейну Орри, выдать за него Марию. Эйстейн погиб вместе с Харальдом в Англии в битве при Гастингсе в 1066 г.)

<295>

[1066 г.] В тот самый день, когда Харальд пал в Англии, умерла Мария, дочь его, на Оркнейских островах, и говорили люди, что у них у обоих была одна жизнь.

<300>

(*Родословная датских конунгов*.)

[XI—XII вв.] На Гюде, дочери Харальда конунга⁸², женился Вальдамар конунг, сын Ярицлейва, конунга в Хольмгарде, и Ингигерд, дочери Олава конунга Шведского. Сыном Вальдамара и Гюды был Харальд конунг, который женился на Кристин, дочери Инги конунга⁸³, сына Стейнкеля, их дочерьми были Мальмфрид и Ингибьёрг. На Мальмфрид был сначала женат Сигурд конунг Йорсалафари⁸⁴, а после Эйрик Эймун, конунг данов, сын Эйрика. На Ингибьёрг, дочери Харальда, женился Кнут Лавард, брат Эйрика Эймуна; их детьми были Вальдамар конунг, и Кристин, и Катерин, и Маргарет. Вальдамар, конунг данов, женился на Софии, дочери Валада конунга в Пулиналанде и Рикизы княгини...⁸⁵

<332>

[1110 г.] (*Сигурд Йорсалафари, конунг Норвегии, ехал в Иерусалим таким путем: Англия, Испания, Гибралтар, Сицилия, Малая Азия. Побывав в Иерусалиме и других местах, он сел на корабль в Аксборге*⁸⁶.) Отправился Сигурд конунг с дружиной своей в Миклагард, и раньше, чем войти в залив, он полмесяца ждал сильного попутного ветра, потому что хотел плыть так, чтобы паруса его были подняты на корабле и все видны с суши с обеих сторон, потому что они были все из драгоценной ткани. И когда

⁸² Английского.

⁸³ Шведского.

⁸⁴ Fari — со значением путешественник, мореход — употребляется в сложных словах с названием места, куда ездят, в родительном падеже.

⁸⁵ Valadr — Володарь Глебович Городецкий-Минский; дочь его — София. Рикиза — дочь Болеслава III и Сбыславы, правнучки Ярослава Владимировича.

⁸⁶ Аксборг — совр. Акка.

он подошел к Миклагарду, Алексей император велел открыть те городские ворота, которые называются Золотые ворота. Вошел тогда Сигурд конунг в город тот, и все улицы перед ним были покрыты драгоценной тканью. Сигурд конунг сказал своим мужам, чтобы они не обращали внимания, хотя бы и увидели то, что редко видят в северных странах, и они так и сделали; они шли по драгоценной ткани так, как будто улица та ничем не была покрыта. Алексей император хорошо приветствовал Сигурда конунга и дал ему и его дружине прекрасные палаты.

Предложил Алексей император Сигурду конунгу выбрать, хочет ли он, чтобы была устроена та игра, которая называется игрой на падрейме, или получить от него столько золота, сколько она стоит, и это было 6 скиппундов золота. Сигурд конунг выбрал игру, и это понравилось императору тому, и велел он готовиться к ней, и эту игру раньше редко видели или исполняли. Там было великое множество тех норманнов, которые... (*Пробел в рукописи Fask.*)

<371>

[1165 г.] (*Поход Вальдамара Датского на Норвегию. Подойдя к Тунсбергу и встретив отпор, он решил вернуться в Данию.*)... [Он] сказал, что не хочет грабить в крещеной стране и что на Востоке довольно места, чтобы грабить и добывать себе богатства.

«Земной круг»
(*Heimskringla*)

<1, 131>

Хрольв был великий викинг; он был так высок ростом, что ни один конь не мог его носить, и он ходил пешком всюду, где бывал; его называли Хрольв Пешеход. Он много воевал на Востоке.

[ок. 910 г.] Однажды летом, когда он пришел из морского похода с востока в Вик, он стал брать скот на берегу. Харальд конунг был в Вике; он сильно разгневался, когда узнал об этом, потому что он наложил строгий запрет на грабеж внутри страны. Конунг заявил на тинге, что он изгнал Хрольва из Норвегии. (*Отъезд Хрольва на Запад; основание нормандского герцогства.*)

<1, 144>

[908—916 гг.] Хальвдан Черный и Хальвдан Белый ходили в морские походы и грабили на Востоке. У них был большой бой в Эстланде; там пал Хальвдан Белый... Когда Эйрику⁸⁷ было 12 лет, Харальд конунг дал ему пять больших кораблей, и отправился он в поход сначала на Восток, а затем на юг в Данию, Фрисландию и Саксонию и был в этом походе четыре зимы. После того отпра-

⁸⁷ Эйрик Кровавая Секира.

вился он морем на запад, и грабил в Шотландии, Уэлсе, Ирландии и Франции, и пробыл там еще четыре зимы. После того поехал он на север в Финнмарк и до самого Бьярмаланда; и была у него там великая битва, и он победил. *(Далее сообщается, что из Бьярмаланда Эйрик вернулся в Финнмарк, оттуда отправился в Халогаланд и на юг.)*

<1, 151>

Эйрик Кровавая Секира пришел с Востока с боевым кораблем и большой дружиной ⁸⁸.

<1, 180—181>

Некоторые из сыновей Эйрика ⁸⁹ ходили в походы, как только стали достаточно взрослыми, и добывали себе богатства, воевали на Востоке; они рано стали красивыми мужчинами и созрели по силе и совершенству раньше, чем по числу лет; об этом говорит Глум, сын Гейри, в «Графельдардрапа»: «Конунг, который дал щиты многим скальдам, смело пошел в бой в восточных странах; он одержал победу в бою; воин заставил клинки петь; конунг послал смелые отряды мужей в страну». Сыновья Эйрика повернули тогда со своей ратью на север в Вик и грабили там, а Трюггви конунг собирал рать против них, и бывали между ними бои, и побеждали то те, то другие.

<1, 199>

Сыновья Эйрика много бывали в походах на Востоке, а иногда грабили в Норвегии, как раньше было написано; а Хакон конунг правил в Норвегии ⁹⁰; был тогда и урожай хороший в стране, и мир добрый; его и любили как нельзя более.

<1, 241—243>

[969 г.] Когда настала весна, объявили они, Харахльд конунг и Гудрёд конунг, брат его, что они пойдут летом в морской поход на Запад или на Восток, как это у них было обычно... Гудрёд поплыл большой дорогой на восток в Вик... послал сказать конунгу Трюггви, чтобы он шел к нему и они летом пойдут вместе войной на Восток. *(Для Гудрёда поход был лишь предлогом, чтобы зазвать к себе Трюггви и убить его.)*

<1, 246—247>

[964 г.] Сыновья Гуннхильд собрали рать великую в Вике, и пошли с нею на север, и берут людей и корабли в каждом округе, и объявляют, что они идут на север в Трандхейм на Хакона ярла... И когда он узнает о том, как велика рать сыновей Гуннхильд, ведет он свою рать на юг в Мёр и грабит повсюду, где идет, и убил

⁸⁸ Второй поход Эйрика Кровавая Секира?

⁸⁹ Эйрик Кровавая Секира.

⁹⁰ Хакон Добрый.

много народу; и тогда отослал он обратно трондскую рать и рать бондов и пошел с боевым щитом по обеим областям в Мёр и в Ра-умсдаль, и разузнавал о рати сыновей Гуннхильд к югу от Стад; и когда он узнал, что они пришли в Фьёрд и ждут попутного ветра, чтобы плыть в Стад, поплыл Хакон ярл на север от Стад и в открытое море, так что с берега не было видно его паруса, и так велел держать путь к востоку вдоль берегов страны и пришел в Данию; поплыл тогда на Восток и грабил там летом.

Осенью Хакон ярл отправился в Хельсингьяланд и поставил там на сушу свои корабли; пошел сухим путем по Хельсингьяланд и Ямталанд и так с востока по Кьёль; пришли в Трандхейм и сразу же собралась к нему рать... Хакон ярл держал Трандхейм, а летом иногда ходил на восток в Хельсингьяланд, и садился на корабль, и шел на Восток, и грабил там летом.

<1, 248>

[ок. 965 г.] Однажды летом Харальд Серый Плащ пошел с дружиной своей на север в Бьярмаланд и грабил там; и была у него битва великая с бьярмами на берегу Вины. Победил там Харальд и убил много народу, грабил повсюду в стране той и добыл огромное богатство; об этом говорил Глум, сын Гейри: «Смелый речью глава вождей обагрил меч на востоке к северу от горящего селения, где я видел бегство бьярмов; примиритель мужей добыл себе славу в этом походе; у молодого конунга был бой на берегу Вины».

<1, 250>

(«Вина» в качестве обозначения реки у скальда Эйнара Скала-глама.)

<1, 264—265>

[978 г.] Сигурд, сын Эйрика, приехал в Эстланд, будучи послан Вальдамаром, конунгом Хольмгарда, и должен был он собрать в этой стране дань для конунга. Он ехал с большой пышностью, у него было с собой много людей и много денег. Он увидел на торгу мальчика, очень красивого, но понял, что он, должно быть, иностранец, и спросил его о его имени и роде. (*Сигурд узнает, что это его племянник, сын его сестры Астрид, и о том, как он попал сюда*.)... тогда купил он обоих мальчиков, Олава и Торгильса⁹¹, и взял его с собою в Хольмгард, и скрыл происхождение Олава, и обращался с ним хорошо.

<1, 265—266>

[980 г.] Олав, сын Трюггви, стоял однажды на торгу; там было много народа; там он увидел Клеркона, который убил его воспитателя... у Олава был в руках топорик, он ударил Клеркона по голове так, что разрубил ему мозг, и сразу же побежал домой и

⁹¹ Сын воспитателя Олава, убитого эстами.

сказал Сигурду, своему родичу, а Сигурд сразу же отвел его в дом княгини и рассказал ей, что случилось; ее звали Аллогия; Сигурд просил ее помочь мальчику. Она отвечала и посмотрела на мальчика, сказала, что нельзя убивать такого красивого мальчика, велела позвать к себе людей в полном вооружении. В Хольмгарде был такой великий мир, что по законам следовало убить всякого, кто убьет неосужденного человека; бросились все люди по обычаю и закону своему искать, куда скрылся мальчик. Говорили, что он во дворе княгини и что там отряд людей в полном вооружении; тогда сказали конунгу. Он пошел туда со своей дружиной и не хотел, чтобы они дрались; он устроил мир, а затем соглашение; назначил конунг виру, и княгиня заплатила. С тех пор был Олав у княгини, и она его очень любила. Таковы были законы в Гардарике, что там не должны были находиться дети конунгов без согласия конунга. *(Далее Сигурд объясняет княгине, кто такой Олав; она и по ее просьбе конунг берут Олава к себе и держат в большом почете.)*

<1, 292—294>

[987 г.] *(Об Олаве на Руси; его отъезд на Запад.)*

<1, 295>

(Упоминание Гардов у Халльфреда скальда.)

<1, 309>

(Оли — гардский, русский.)

<1, 338—340>

[994—995 гг.] Однажды летом, когда Харальд из Гренланды отправился в поход на Восток добывать себе богатства, пришел он в Швецию. *(В Швеции у него произошла размолвка с Сигридом, матерью конунга Олава; осенью он вернулся в Норвегию, где и пробыл зиму.)*... Летом отправился он на Восток со своей дружиной, и держал путь в Швецию, и послал сказать Сигриду княгине, что хочет повидаться с нею. Она выехала ему навстречу, и они говорили друг с другом. *(Харальд посватался к Сигриду и получил от нее отказ; он вторично едет к ней, несмотря на то, что его отговаривают его дружинники.)* В тот же вечер приехал туда другой конунг; звали его Виссавальд с востока из Гардарики; он стал свататься к ней. Им, конунгам, отвели большую старую горницу и всей дружине их; убранство там было подобающее, и вечером не было недостатка в питье таком крепком, что все были совсем пьяны; сторожа и внутри, и снаружи спали. Тогда велела Сигрид княгиня в ночь ту напасть на них и с оружием, и с огнем; сгорела горница и те, кто были внутри, а тех, кому удалось выбраться, убили. Сигрид сказала, что она так отучит мелких конунгов от того, чтобы приезжать из других стран свататься к ней; с тех пор стали ее звать Сигрид Гордая.

<1, 344>

(Упоминание о Гардарике и Вальдамаре в связи с Олафом, сыном Трюггви.)

<1, 358—359>

[ок. 975 г.] Лодин называется муж, родом из Вика, богатый и хорошего рода; он часто бывал в торговых поездках, а иногда и в походе. Однажды летом Лодин отправился в торговую поездку на Восток; он один владел тем кораблем, и у него было много товара. Он держал путь в Эстланд и летом был там, где собирались для торговли; и пока был рынок, туда привозили всякого рода товар; там продавали много рабов. Там увидел Лодин одну женщину, проданную в рабство; и когда он посмотрел на женщину ту, он увидел, что это — Астрид, дочь Эйрика, на которой был женат Трюггви конунг, и была она непохожа на ту, какой была раньше, когда он ее видел: она была бледна и худа, и плохо одета. Он подошел к ней и спросил, каково ей. Она говорит: «Тяжело об этом рассказывать; я продана в рабство и взята сюда на продажу». Тогда они узнали друг друга, и Астрид поняла, кто он; и просила она, чтобы он купил ее и отвез домой к ее родичам. «Я для тебя это сделаю, — говорит он, — я отвезу тебя в Норвегию, если ты выйдешь за меня замуж». А так как Астрид была в большой беде и к тому же знала, что Лодин знатен родом, смел и богат, то она соглашается ради своего освобождения. Тогда Лодин купил Астрид и повез домой в Норвегию, и женился на ней с согласия родичей.

<1, 416—417>

[997 г.] Эйрик ярл⁹² поплыл осенью обратно⁹³ в Швецию и пробыл там зиму. Весной он снарядил свое войско и поплыл на Восток; когда он прибыл во владения Вальдамара конунга, он стал там грабить, убивать людей и жечь повсюду, где он проходил, и опустошил страну. Он подошел к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял город⁹⁴, перебил там много народу, разрушил и сжег весь город⁹⁵, а затем далеко прошел по Гардарике с боевым щитом; так говорится в *Bandadrápa*⁹⁶: «Воин отправился в путь, чтобы опустошить мечом страну Вальдамара; буря меча (война. — *E. P.*) усилилась после того, как ты, гроза мужей, разрушил Альдейгью⁹⁷; мы это верно знаем; жестокой была эта война для

⁹² Эйрик ярл, сын Хакона.

⁹³ С вендского Поморья.

⁹⁴ staðr — место, поселение, не всегда в смысле «город», и укрепление не подразумевает.

⁹⁵ borg — укрепленный город; крепость-укрепление в собственном смысле слова.

⁹⁶ *Bandadrápa* — поэма в честь Эйрика скальда Эйольва Губителя Скальдов, находившегося в его дружине, как полагают, не ранее чем с 1000 г.

⁹⁷ Единственное упоминание о Ладоре у скальдов.

людей; ты пришел на Восток в Гарды» ⁹⁸. (*После этого Эйрик нападает на остров Сааремаа и ближайшую к нему часть Эстонии* ⁹⁹, *побеждает отряд датских викингов и отправляется в Данию.*)

<11, 11>

[ок. 1008 г.] Здесь говорится так, что Олав конунг ¹⁰⁰ пошел, когда настала весна, на восток к Эйсюсле и грабил, высадившись на берег, а жители острова сошли туда и вступили в бой с ним; и победил Олав, преследовал бегущих, грабил и опустошал страну ту. Так говорят, что сначала, когда Олав пришел на Эйсюслу, бонды предложили ему выкуп, но когда его доставили, пошел он на них с отрядом в полном вооружении; и вышло иначе, чем бонды думали, потому что они пришли не с выкупом, а с боевым оружием и бились с конунгом, как уже раньше сказано. Так говорит Сигват скальд: «А еще было то, что был во втором бою на опустошенной Эйсюсле, но предательство не укрылось; еще раз пришлось бежавшим бондам своими ногами заплатить конунгу за свою жизнь; немногие ждали ран на месте».

<11, 12>

После того поплыл он назад в Финнланд и грабил там, и пошел в глубь страны, а народ весь бежал в леса и забрал из селений все имущество. Конунг далеко зашел в страну ту и шел по лесам; там было несколько селений в долинах; это место зовется Хердалар. Они мало захватили добычи, а людей и вовсе не захватили. А когда они вошли в лес тот, бросился на них народ со всех сторон и стрелял в них, и сильно нападали; конунг велел укрываться. И прежде чем он вышел из лесу того, потерял он много людей и многие были ранены; к вечеру пришел к кораблям. Они, финны, чародейством вызвали непогоду и бурю на море. А конунг велел поднять якорь и поднять паруса, и держались всю ночь у берегов страны той; и здесь, как оно чаще всего и бывало, счастье конунга оказалось сильнее чародейства финнов; за ночь они подошли к Балагардсиде ¹⁰¹, а оттуда вышли в море. Рать финнов двигалась путем, пролегавшим поодаль от берега, а конунг плыл вдоль берега. Так говорит Сигват: «Третий великий бой сын конунга выдержал на трудном пути в Хердалар навстречу финнам, но волны отогнали корабли викингов от восточного берега; Балагардсида была обращена к борту кораблей».

Тогда поплыл Олав конунг в Данию. (*К берегам Финнланда он пришел после похода на Швецию и Готланд.*)

⁹⁸ К приведенному здесь тексту восходит и повествование Flat., I, с. 519, с незначительными изменениями; также входит в состав OST.

⁹⁹ Adalsýsla — Адальсюсла.

¹⁰⁰ Олав Толстый (Святой).

¹⁰¹ Место, находящееся в шведских шхерах.

< II, 98—100 >

[1018 г.] Гудлейк Гардский звался один человек, родом из Агдира¹⁰²; он был великий мореход и купец богатый и ездил в торговые поездки в разные страны; он часто ездил на восток в Гардарики, и потому его звали Гудлейк Гардский. В ту весну Гудлейк снарядил свой корабль и собрался ехать летом в Гарды на восток. Олав конунг послал сказать ему, что хочет с ним повидаться. Когда Гудлейк явился к нему, конунг сказал ему, что хочет войти с ним в товарищество, и поручил ему купить для него драгоценностей, которые трудно было достать в стране. (*Гудлейк соглашается, и Олав снабжает его деньгами.*) Летом Гудлейк отправился на Восток. Они стояли некоторое время у Готланда... Гудлейк прибыл летом на Восток в Хольмгард и купил там прекрасную парчу, которую хотел отдать конунгу на одежду¹⁰³, а также ценный мех и прекрасную столовую утварь. Осенью, когда Гудлейк плыл с востока, был встречный ветер, и они долго стояли у Эланда. (*Здесь на него нападают мужи шведского конунга и забирают все сокровища для этого последнего; Гудлейк был убит, но в шведских шхерах один из дружинников Олава Норвежского отбивает награбленное у похитителей и доставляет своему конунгу*¹⁰⁴.)

< II, 142—144 >

Речь Торгнюра

[1019 г.] «Иные мысли теперь у конунгов свиев, чем были раньше. Торгнюр, отец моего отца, помнил Эйрика, конунга Упсалы, сына Эмунда, и говорил про него, что он, пока был во цвете лет, каждое лето собирал поход и ходил в разные страны и покорил Финнланд и Кирьялаланд, Эстланд и Курланд и много [земель] на Востоке, и до сих пор еще можно видеть земляные укрепления и другие великие сооружения, которые он сделал. И не был он настолько высокомерен, чтобы не слушать мужей, если им надо было с ним говорить. Торгнюр, отец мой, долго был у Бьёрна конунга; знал он его обычай; в его время сильна была его власть и не уменьшалась; был он приветлив со своими друзьями. Я помню Эйрика конунга Победителя, и был я с ним во многих походах; увеличил он землю свиев и защищал храбро; было

¹⁰² В Норвегии.

¹⁰³ tignar klæði — одежда, соответствующая достоинству конунга.

¹⁰⁴ То же Flat., II, с. 55. Этот небольшой рассказ является, по-видимому, отдельным преданием, вставленным у Снорри в его OSh, где он связан с повествованием о вражде Олава с его тезкой, Олавом Шведским. Аналогия его с Hauks þáttr говорит не в пользу первоначальности этого последнего и приурочения его ко времени Харальда Харфагра. Кстати, термин girzkr, который в Hauks þáttr некоторые толкуют как «греческий», «грек», может быть, следует переводить «гардский», так как именно Flat. несколько раз (не только относительно Гудлейка) пишет girzkr — «греческий» вместо gerzkr — «гардский», «русский».

хорошо держать с ним совет. А конунг, который теперь у нас, не дает ни одному человеку осмелиться говорить ему что-либо — только то, чего он сам хочет, и к этому он прилагает все силы, а земли, обязанные данью, теряет, потому что нет у него силы и мужества. Он добивается покорить себе Норвегию, чего раньше не добивался ни один конунг свиев, и это многих тревожит. Мы, бонды, хотим, чтобы ты примирился с Олавом Толстым, конунгом Норвегии, и дал ему в жены дочь свою Ингигерд. А если ты хочешь снова подчинить себе те земли на Востоке, которыми раньше владели родичи твои и предки, то в этом деле все мы охотно пойдем за тобой. Если же ты не хочешь сделать так, как мы говорим, то мы пойдем на тебя и убьем тебя, и не станем терпеть немирья и беззакония. Так делали в старину и предки наши, они утопили 5 конунгов в потоке на Мулатинге, которые тогда были так же без меры заносчивы, как ты с нами. Говори же скорее, что ты хочешь выбрать». (*Олав подчиняется требованиям бондов.*)

<11, 176>

[1019—1020 гг.] ...Узнал он ¹⁰⁵ из писем Ингигерд, дочери конунга, что к Олаву, конунгу шведов, приехали послы Ярицлейва конунга с востока из Хольмгарда сватать Ингигерд, дочь Олава, конунга шведов, Ярицлейву и что Олав конунг принял это, как нельзя лучше ¹⁰⁶.

<11, 180—182>

Нарушение договора с конунгом Норвегии ¹⁰⁷

[1020 г.] (*В Швецию приезжают послы Ярицлейва конунга с востока из Хольмгарда, которому предыдущим летом была обещана рука Ингигерд, дочери Олава Шведского.*)

Олав конунг поговорил об этом деле с Ингигерд и сказал, что хочет ее брака с Ярицлейвом конунгом. Она отвечала: «Если я должна выйти за Ярицлейва конунга, то я хочу, — сказала она, — в свадебный дар Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежит». (*Ингигерд выбирает своего родича Рагнвальда ярла, сына Ульва, чтобы он ехал с нею на Русь, с условием предоставления ему там не меньшего почета, чем в Швеции, отправляется со всеми своими спутниками на Русь и выходит за Ярицлейва.*) Ингигерд княгиня дала Рагнвальду ярлу Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему принадлежит ¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Рагнвальд, сын Ульва, родич Ингигерд Шведской.

¹⁰⁶ То же известие с незначительными редакционными изменениями текста см. Flat., II, с. 114.

¹⁰⁷ Смысл заголовка этой главы в том, что Ингигерд была раньше обещана в жены Олаву Норвежскому (Олаву Святому).

¹⁰⁸ Тот же текст см. Flat., II, с. 117.

<11, 529>

[1034 г.] (*Норвежские вожди с большой дружиной едут из Норвегии за Магнусом, сыном Олава Святого, оставленным отцом на попечении Ярицлейва в 1030 г.*)... прибыли в Швецию, там сели на корабли; летом отправились на восток в Гардарики, осенью пришли в Альдейгьюборг.

<111, 3>

[1035 г.] Магнус, сын Олава, отправился в путь после Йоля с востока из Хольмгарда вниз в Альдейгьюборг; стали они снаряжать корабли, когда лед вскрылся весной... Он поплыл сначала в Швецию, в Сигтуну.

<111, 82—83>

[30-е годы XI в.] Харальд пробыл несколько лет в Африке, добыл много богатства¹⁰⁹, золота и всякого рода драгоценностей. И все, что он добывал и что ему не приходилось тратить на себя, он посылал с верными людьми на север в Хольмгард Ярицлейву конунгу на хранение, и собралось там несметное богатство, как и должно было быть, когда он воевал в этой части света, самой богатой золотом и драгоценностями, и совершал такие великие дела — правда была сказана раньше, будто он завладел 80-ю городами.

<111, 97—99>

[1042 г.] (*Харальд возвращается на Русь, плывет из Черного моря на север в Эллипальта, а оттуда едет по всему Востоку.*) Когда Харальд прибыл в Хольмгард, Ярицлейв конунг встретил его как нельзя лучше; оставался он там зиму и взял себе все то золото, которое раньше посылал туда из Миклагарда, и много всяких сокровищ; это было такое богатство, какого никто на севере не видал в руках одного человека.

<111, 99>

[1044—1045 гг.] В эту зиму выдал Ярицлейв конунг дочь свою за Харальда; она звалась Елизаветой; норвежцы называют ее Эллисив... К весне собрался он в путь из Хольмгарда и отправился в Альдейгьюборг, там сел на корабль и отплыл с Востока летом... в Швецию, в Сигтуну.

<111, 290>

[ок. 1116 г.] Сигурд конунг женился на Мальмфрид, дочери Харальда конунга, сына Вальдамара, с востока из Хольмгарда. Мать Харальда конунга была княгиня Гюда Старая, дочь Харальда, короля англов, сына Гудини; мать Мальмфрид была Кристин¹¹⁰.

¹⁰⁹ lausafé — буквально «движимое имущество», в противоположность земельному.

¹¹⁰ Шведская княгиня. Вся эта глава представляет собой генеалогическую справку, содержание которой находится и в других сагах.

*Пергамент с Плоского Острова
(Flateyjarbók)*

<1, 24>

Хальвдан Старый... взял себе в жены Альфию, дочь Эймунда конунга из Хольмгарда ¹¹¹.

<1, 130>

[ок. 970 г.] В это лето пришел корабль из Норвегии к Фарерским островам. Равном звался рулевой ¹¹². Родом из Вика, он имел двор в Тунсберге и постоянно ездил в Хольмгард, а потому его называли Хольмгардсфари ¹¹³. (Один из местных богатых землевладельцев предлагает Равну купить двух рабов; это были два мальчика, Сигмунд и Торир, захваченные им сыновья одного родича, Брести, которого он убил; чтобы убрать их с родины, он не берет денег за них, а сам дает 2 марки серебра в придачу. Равн увозит их в Норвегию и отпускает на свободу, снабдив деньгами.)

<1, 138>

(Дальнейший рассказ о жизни и приключениях Сигмунда, сына Брести; он сражается где-то в Балтийском море с вождем викингов.) Он сказал, что зовут его Рандверр и что он родом с востока из Хольмгарда ¹¹⁴.

<1, 140>

[После 970 г.] (Сигмунд и его товарищи предпринимают морской поход на Швецию.) Отплыли [они] из Швеции на восток в Хольмгард и там грабили на островах и мысах... Осенью Сигмунд с товарищами отплыли с востока, и подошли [они] к острову, который лежит перед Швецией ¹¹⁵. (Происходит столкновение с

¹¹¹ По одной из песен Старшей Эдды, «Песне о Хюндле» (строфа 15), где приведены родословные легендарных конунгов и героев, Эймунд — союзник Хальвдана, причем о Хольмгарде не упоминается; жена Хальвдана называется Альмвейг, но не сказано, что она — дочь Эймунда. Этот текст находится в Aettartölur — родословных легендарного характера, входящих в состав вводной части Flat.

¹¹² Буквальный перевод древнеисландского stýrimaðr; обычно означает того, кого мы называем «капитан», он же владелец корабля, часто пополам с кем-нибудь.

¹¹³ Викинг.

¹¹⁴ Это место Færeyinga þáttir считают, и видимо вполне основательно, поздней и неисторической вставкой. Весь текст здесь, действительно, напоминает приключения в духе Fas., которые, в частности, любят переносить действие рассказа на Русь и выводить оттуда своих героев; упоминание о Хольмгарде, таким образом, в этом тексте является довольно шаблонной литературной формой, а не чертой реальных экономических связей и т. п.

¹¹⁵ Готланд или Эланд?

дружинниками шведского конунга, посланными им для того, чтобы убить Сигмунда и его людей за набег на Швецию ¹¹⁶.)

⟨1, 577—578⟩

[Нач. X в.] (Харальд Харфагр посылает Хаука Хаброка), любимого из своих приближенных, летом на Восток купить ему каких-нибудь ценных и редких в их стране ¹¹⁷ драгоценностей. Хаук отправился на одном корабле и с хорошей дружиной ¹¹⁸, осенью прибыл на восток в Хольмгард и там прожил зиму, и пришел он туда, где был рынок; туда сошлось много народа из многих стран; туда пришли витязи Эйрика, конунга из Упсалы ¹¹⁹. Однажды Хаук шел по городу ¹²⁰ тому со своей дружиной и хотел купить каких-нибудь драгоценностей для своего господина, Харальда конунга. Он пришел туда, где сидел грек. Хаук увидел там драгоценный плащ, весь отделанный золотом, Хаук купил этот плащ, дал за него задаток и пошел обратно за деньгами. (Далее следует рассказ о том, как упомянутые выше витязи шведского конунга пытаются перебить у Хаука его покупку, но в конце концов Хауку удается отстоять ее и благополучно доставить Харальду, к большому неудовольствию Эйрика.) Люди говорили, что никогда не попадало в Норвегию лучшее сокровище, чем этот плащ ¹²¹.

⟨111, 181—182⟩

[1251 г.] В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трандхейме, пришли с востока из Гардарики послы Александра, конунга Хольмгарда; Микьяль звался тот, кто был во главе их, и был он рыцарь. Жаловались они на то, что делали сборщики даней Хакона конунга на севере в Финнмарке и с востока карелы, обязанные данью конунгу Хольмгардов, потому что они постоянно заводили ссоры, грабили и убивали людей. Были тогда совещания о том, как это уладить. У них ¹²² было еще дело — повидать госпожу Кристин, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольм-

¹¹⁶ Самый факт нападения викингов на Швецию и на Хольмгард вполне правдоподобен. Хольмгард здесь, по-видимому, надо было бы заменить через Austrvegr, так как возле самого Новгорода островов и мысов нет; дело идет скорее о Прибалтике (остров Сааремаа и др.), самое упоминание об островах и мысах вполне подходит к морским набегам викингов именно в этих краях.

¹¹⁷ Т. е. в Норвегии.

¹¹⁸ Буквально «с хорошими спутниками».

¹¹⁹ Af Uppsölum, именительный падеж множественного числа — Uppsölir, можно понимать также и, пожалуй, вернее: «...Эйрика конунга Упсальского».

¹²⁰ Vægr — селение, термин общего характера, от хутора или усадьбы до города, но в последнем случае без специального значения «укрепление», в противоположность borg.

¹²¹ Далее Хольмгард упоминается еще раз в Hauks þáttr hábrókar (Flat., I, с. 579) в связи с этим же эпизодом.

¹²² Т. е. у послов.

гардов вёл им попытать у конунга, не выдаст ли он эту госпожу за сына Александра конунга. Хакон конунг решил послать [своих послов] из Трандхейма весной; и поехали [они] на восток в Хольмгард с послами Александра конунга... Поехали они в Берген, а оттуда — восточным путем. Прибыли они летом в Хольмгард. И конунг принял их хорошо; и установили они тогда мир между своими областями, обязанными данью так, чтобы никто не нападал на других, ни карелы, ни финны, и держался этот договор не долго. В то время было очень не мирно в Хольмгарде; татары напали на владения конунга Хольмгардов. И по этой причине не думали о сватовстве, которое велел начать конунг Хольмгарда. И когда они исполнили свое поручение, поехали они с востока обратно с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Приехали они с востока зимой и нашли Хакона конунга в Вике.

<111, 400>

Харальд конунг... был женат на Силькисив, дочери Хаки, он оставил ее в Хольмгарде и обещал навещать ее и оставил в залог большое богатство...¹²³

Saga о Хаконе, сыне Хакона
(*Hákonar saga Hákonarsonar*)

<70>

[1222 г.] В то лето отправились они в поход в Бьярмаланд, Андрес Ремень Щита и Ивар с Залива. У них было четыре корабля. А причина их поездки была та, что ездили в торговую поездку в Бьярмаланд несколькими зимами раньше Андрес из Сьяумелингар и Свейн, сын Сигурда, Огмунд из Спанхейма и многие другие. И вернулись осенью Андрес и Свейн, а остались с другим кораблем Хельги, сын Бограна, и его корабельщики. Огмунд из Спанхейма тоже остался, и поехал он осенью на восток, в Сюрдаларики¹²⁴, со своими дружинниками и с товаром. Норвежцы, оставшиеся в Бьярмаланде, зимой были убиты. И когда Огмунд узнал об этом, он поехал на восток в Хольмгард¹²⁵, а оттуда вос-

¹²³ Hemings þáttir — полуисторическая повесть компилятивного характера, возникшая, вероятно, не раньше конца XIII в.; относится к циклу преданий о Харальде. Данное место — совершенно не историческое; Силькисив — имя, известное в сказочных сагах, между прочим, в саге об Ингваре-путешественнике (легендарная княжна в Гардарике). Сообщение о богатстве Харальда связывает этот текст с указанными выше историческими известиями. Откуда взялся Хаки, неясно.

¹²⁴ Суздаль. Austr í Suðrdalaríki — по Flat., III, с. 50 и некоторым другим спискам; в издании Г. Вигфуссона принято неправильное чтение aprt í Suðrdalaríki — «назад», «обратно».

¹²⁵ austr í Holmgarða; по-видимому, austr является здесь механически примененным обычным выражением; из Суздаля в Новгород едут, во всяком случае, не на восток.

точным путем к морю и не останавливался, пока не прибыл в Иерусалим. Оттуда он вернулся в Норвегию, и поездка его была знаменита.

<275>

[1253 г.] (*Сага говорит о съезде близ Гётеборга для заключения мирного договора между Норвегией, Швецией и Данией.*) У Биргера ярла ¹²⁶ было 5000 человек. Там было с ним много знатных мужей ¹²⁷... и много других знатных вождей из Швеции. Был с ярлом также и Андрес, конунг Суздаля, брат Александра, конунга Хольмгарда; он бежал с востока от татар.

Сага об оркнейцах
(*Orkneyinga saga*)

<54—55>

[После 1030 г.] (*После поражения и гибели Олава в битве при Стиккластадире в Норвегии в 1030 г. брат его Харальд, будущий Харальд Хардрада, и его спутники — оркнейский ярл Рагнвальд, сын Бруси, и другие — бежали в Швецию, а оттуда в Гардарики.*) Они не останавливались, пока не прибыли на восток в Хольмгард ¹²⁸ к Ярицлейву конунгу, который принял их как нельзя лучше ради святого Олава конунга. Стали все они в Гардарики дружинниками, также и Эйлив ярл, сын Рагнвальда ярла, сына Ульва. Рагнвальд, сын Бруси, остался в Гардарики, после того как Харальд конунг, сын Сигурда, уехал в Миклагард ¹²⁹. Некоторое время Рагнвальд держал оборону страны каждое лето, а каждую зиму был в Хольмгарде. Ярицлейв конунг очень ценил его, а с ним вместе и весь народ. Арнор Скальд Ярлов говорил, что Рагнвальд был в Хольмгарде в десяти великих битвах ¹³⁰.

<55—57>

[1034—1035 гг.] Когда Эйнар и Кальв ¹³¹ приехали к Магнусу на восток в Гардарики, они нашли Рагнвальда ¹³² в Альдейгью-

¹²⁶ Правителя Швеции.

¹²⁷ Далее следует перечисление их по именам.

¹²⁸ Форма множественного числа Holmgardar для названия Holmgardr, основанная на контаминации с Garðar, свойственна поздним сагам; в Orkn., может быть, просто описка; в Flat. II, с. 408, где Orkn. вставлена в OSh, — «на восток в Хольмгард».

¹²⁹ Flat., II, с. 409: Myklagardz ríki.

¹³⁰ У самого Арнора Хольмгард не упоминается, а сказано Gørdum — «в Гардах», т. е. на Руси.

¹³¹ Норвежские вожди.

¹³² Упоминаемый здесь Рагнвальд — оркнейский ярл, сын Бруси (ум. в 1045 г.), приехавший на Русь вместе с Харальдом Хардрада, сторонник Олава, в связи с чем сага рассказывает о том, как он сначала враждебно встретил Кальва и Эйнара, прибывших в Альдейгьюборг, — прежних противников Олава.

борге... Эйнар просил, чтобы Рагнвальд собрался с ними в глубь страны в Хольмгард и помог их делу у Ярицлейва конунга (*Рагнвальд соглашается.*) После этого они наняли себе повозки в Альдейгьюборге и поехали в Хольмгард. (*Переговоры кончаются благополучно, норвежцы клянутся Магнусу в верности.*) Эйнар и его спутники оставались в Хольмгарде, пока не прошел Йоль, и поехали они тогда назад в Альдейгьюборг и добыли себе там корабли и отплыли с востока, как только лед вскрылся весной. Рагнвальд, сын Бруси, снаряжился в путь с Магнусом конунгом; отправились сначала в Швецию, а оттуда в Ямтланд ¹³³.

Saga o Knyttlingasax
(*Knyttlingasaga*)

<194>

[XI—XII вв.] Гюда звалась дочь Харальда конунга, сына Гудина, на ней был женат Вальдамар конунг в Хольмгарде; их сын был Харальд конунг, у него было две дочери, о которых будет сказано дальше ¹³⁴.

<210>

[1045 г.] Харальд, сын Сигурда, прибыл в ту весну в Швецию с востока из Гардарики... [Он] был тогда женат на Эллисив, дочери Ярицлейва конунга из Хольмгарда.

<324—327>

[ок. 1120 г. ?] Харальд был конунг на востоке в Хольмгарде, сын Вальдамара конунга, сына Ярицлава, сына Вальдамара ¹³⁵. Мать Харальда была Гюда, дочь Харальда, конунга англо-норманнов, сына Гудина. Харальд был женат на Кристин, дочери Инги, конунга свиев, сына Стейнкеля, сестре Маргрет королевы, на которой был женат Николас, конунг данов. Дочери Харальда и Кристин были Мальмфрид, на которой был женат Сигурд конунг Йорсалафари, и Ингибьёрг. И после того как Видгаут ¹³⁶ пробыл одну зиму с Кнутом Лавардом в великой дружбе, герцог ¹³⁷ поручил ему поехать на восток в Хольмгард и посватать ему Ингибьёрг,

¹³³ Северная пограничная область между Швецией и Норвегией. Данный эпизод излагается в Orkn. в связи с повествованием о Рагнвальде. К этому месту восходит текст Flat., II, с. 409, где Orkn. входит в состав OSh, но с пропуском того места, где говорится о том, как норвежцы добрались до Хольмгарда, а следовательно, и без второго упоминания о нем и об Альдейгьюборге.

¹³⁴ Подразумеваются Мальмфрид и Ингибьёрг, дочери Харальда-Мстислава Владимировича и Кристин Шведской.

¹³⁵ В одном списке прибавлено: воспитателя Олава конунга, сына Трюггви.

¹³⁶ Видгаут, по предыдущему тексту саги, — богатый купец из Самланда, язычник; часто ездил на Восток и хорошо знал те края; в Дании подружился с тамошним князем Кнутом Лавардом.

¹³⁷ Титул Кнута.

дочь Харальда конунга (*Видгаут согласен при условии, что его снабдят достаточным количеством денег.*) Тогда была снаряжена его поездка, и перед отъездом Видгаут сказал герцогу: «Господин, — сказал он, — вы оказывали нам в эту зиму великие почести и принимали нас, как подобает знатному мужу, но награда от меня будет меньше, чем стоит: вы должны принять от меня сорок сороков беличьих шкурок, а в каждом сороке — 5 тимбров, а в тимбре — 40 ¹³⁸ шкурок». Герцог поблагодарил его за подарок и сказал, что никогда не получал лучшего. Отплыл тогда Видгаут со своими спутниками и не останавливался, пока не прибыл на восток в Хольмгард к Харальду конунгу, он расположил к себе конунга дарами. Конунг принял его хорошо, потому что Видгаут был знаменит и смел в речах, и знал много языков.

(*Переговоры Видгаута с Харальдом и Харальда — с дочерью и советниками кончаются тем, что Ингибьёрг обещают Кнуту, после чего Видгаут возвращается в Данию.*)... Харальд конунг послал Ингибьёрг, дочь свою, с востока из Хольмгарда в назначенное время с хорошими спутниками, и когда она прибыла в Данию, герцог хорошо принял ее, а вместе с ним и весь народ.

*«Книга о заселении страны»
(Landnámabók)*

<57>

[IX—X вв.]... Бьёрн ¹³⁹, которого называли Скинна-Бьёрн ¹⁴⁰, потому что он был Хольмгардсфари, отправился в Исландию и занял Мидфьёрд и Линакрадаль. Сын его был Скегги из Мидфьёрда, великий воин ¹⁴¹. Он воевал ¹⁴² на Востоке.

*Saga о Кормаке
(Kormaks saga)*

<230>

[X в.] Той весной собирается Харальд конунг ехать в Бьярмаланд с большой ратью. Кормак был рулевым в той поездке, а на другом корабле был Торвальд, другие рулевые не названы.

<234>

...Пошли они в Бьярмаланд и обратно и вернулись домой.

¹³⁸ По другому списку — 50.

¹³⁹ Сын Скегги, норвежец родом.

¹⁴⁰ Skinna — родительный падеж множественного числа от skinn — кожа, шкура, мех.

¹⁴¹ gafr mikill — термин переведен не вполне точно: gafr имеет оттенок «войка», «задорный человек», «забияка» и т. п.

¹⁴² herjaði — точнее, «грабил».

Сага о Халльфреде
(*Hallfreðar saga*)

<88>

[ок. 950—975 гг.] Муж зовется Грис, и он был сыном Семинга... он побывал в Миклагарде и принял там великую честь. Он богатый муж, и у него много друзей.

Сага о Бьёрне
(*Bjarnar saga*)

<9—11>

[1008—1010 гг.] В то самое лето, когда Торд ¹⁴³ уехал ¹⁴⁴ в Исландию, пришел Бьёрн к ярлу ¹⁴⁵ и просил позволения ехать на Восток. Ярл предложил ему ехать, как ему нравится. Поехал тогда Бьёрн с купцами на восток в Гардарики к Вальдимару конунгу; пробыл он там зиму, и было ему хорошо у конунга, понравился он знатным людям, потому что всем был по душе его нрав и обычай.

Говорят, что, когда Бьёрн был в Гардарики у Вальдимара конунга, случилось, что в страну ту пришла неодолимая рать, и был во главе ее витязь тот, который звался Кальдимар, рослый и сильный, близкий родич конунга, величайший воин, умелый в борьбе и очень смелый; и говорили про них, что они имеют одинаковое право на княжество, Вальдимар конунг и витязь; тот потому не получил то княжество, что он был моложе, а потому он занимался набегами, чтобы добыть себе славу, и не было другого воина, такого же знаменитого, как он, в то время на Востоке. И когда Вальдимар конунг узнал об этом, послал он людей с предложением мира к родичу своему, и просил он его прийти с миром и взять половину княжества. Но витязь тот сказал, что княжество то должен иметь один он, а если конунг не хочет этого, то предложил он ему поединок или же сражаться им со всей своей ратью. Вальдимару конунгу показалось и то, и другое нехорошо, и он очень хотел не губить свою рать и сказал, что не привык к поединкам, и спросил свою дружину, что лучше сделать. А мужи советовали ему собрать рать и биться. И вскоре собралось там множество народа, и двинулся Вальдимар конунг навстречу витязю тому. После того предложил конунг дать человека для единоборства, и витязь тот согласился с тем условием, что он возьмет то княжество, если одолеет того человека, а если витязь тот падет, то конунг будет владеть своим княжеством, как раньше. Тогда конунг стал спрашивать своих людей, пойдут ли они на поединок, но им не хотелось, потому что каждый считал, что пойдет на вер-

¹⁴³ Приятель Бьёрна.

¹⁴⁴ Из Норвегии.

¹⁴⁵ Норвежский ярл Эйрик, сын Хакона Хладаярла.

ную смерть, если должен будет бороться с тем витязем. А конунг тот обещал свою дружбу и другие почести, если кто-нибудь решится на это, но никто не решался. Бьёрн сказал: «Вижу я, что все ведут себя, как менее всего подобает мужам, когда господин их в беде. Я же потому уехал из своей страны, что хотел поискать себе славы. Здесь у нас два выбора: мужественно добывать победу, хотя на это мало похоже, при том, с кем надо бороться или же погибнуть, как подобает смелым мужам, и это лучше, чем жить со стыдом и не сметь добыть славы своему конунгу, и я собираюсь бороться с Кальдимаром». Конунг поблагодарил Бьёрна; были тогда прочтены законы поединка. У витязя того был меч тот, который звался Меринг, лучшая из драгоценностей. Бились они сильно и жестоко, и кончилось у них тем, что витязь тот пал перед Бьёрном, а Бьёрн был ранен почти что насмерть. Получил Бьёрн за то великую славу и почет от конунга. Был поставлен шатер над Бьёрном, потому что его нельзя было увезти, а конунг вернулся домой в свое княжество. Бьёрн и его товарищи были тогда в шатре том, и когда начали заживать его раны, спел он песню...

После того Бьёрна отвезли домой к конунгу с большим почетом. Конунг отдал ему все боевое снаряжение, которое было у того витязя, и с этим вместе — меч тот Меринг; а поэтому Бьёрна с тех пор звали витязем, и назывался он по своему округу витязь из Хитдёлір¹⁴⁶. То лето Бьёрн пролежал раненый и зиму ту пробыл в Гардарики; и всего был он в чужих землях три зимы, а после того вернулся в Норвегию. И когда он приехал туда, все корабли уже ушли в Исландию, и было это в конце лета.

На другое лето, раньше, чем было то, о чем здесь сказано, узнал Торд от купцов в Хвите, что Бьёрн ранен, и подкупил их, чтобы они сказали, что он умер, и они так и сделали. После того Торд открыто говорил о смерти Бьёрна, и что он слышал это от людей, которые его засыпали землей... (*Торд распространял слухи о смерти Бьёрна для того, чтобы жениться на Одднэ Эйкюндиль.*)

Сага о людях из Лососей Долины
(*Laxdæla saga*)

<22—25>

[X в.] Случилось так в конце лета, что конунг¹⁴⁷ пошел с ратью в назначенное для сбора место на Бреннэяр¹⁴⁸ и установил мир для страны своей, по закону — каждое третье лето. Эта встреча должна была происходить между вождями, чтобы решать те дела, о которых полагалось судить конунгам. Считалось занятием ездить туда, потому что туда собирались люди почти из

¹⁴⁶ В Западной Исландии.

¹⁴⁷ Хакон Добрый, конунг Норвегии.

¹⁴⁸ Острова в пограничном районе между Норвегией, Данией и Швецией.

всех тех стран, о которых мы имеем известия. Хоскульд направил свой корабль; он хотел тоже побывать на этом собрании, потому что он не встречался с конунгом в ту зиму. Туда собирались также и для торговли. Собрание это было очень многолюдно; там было много занятного, питье и игры и всякого рода забава; никаких больших событий не произошло. Хоскульд встретил там многих своих родичей, которые были в Дании. Однажды, когда Хоскульд пошел повеселиться с несколькими людьми, увидел он пышный шатер поодаль от других палаток. Хоскульд пошел туда и вошел в шатер, и сидел там муж в одежде из драгоценной ткани; на голове у него была гардская шляпа. Хоскульд спросил о его имени; он назвал себя Гилли, «а многие узнают меня, когда слышат мое прозвище: меня называют Гилли Гардский». Хоскульд сказал, что часто слышал о нем; назвал он его самым богатым из тех, кто был в торговом союзе. Тогда сказал Хоскульд: «У тебя, верно, есть то, что мы хотим купить». Гилли спрашивает, что он и его спутники хотят купить. Хоскульд говорит, что он хочет купить какую-нибудь рабыню, «если у тебя есть на продажу». Гилли отвечает: «Тебе сдается, что я буду в затруднении, раз у вас есть спрос на то, чего, как вы полагаете, у меня нет; но еще не решено, так ли это». Хоскульд увидел, что поперек палатки той протянута занавеска. Гилли приподнял ее, и Хоскульд увидел, что внутри шатра сидят 12 женщин. Тогда сказал Гилли, чтобы Хоскульд пошел туда и посмотрел, хочет ли он купить какую-нибудь из этих женщин. Хоскульд так делает. Они сидели все вместе поперек той палатки. Хоскульд внимательно посмотрел на этих женщин. Он увидел, что одна женщина сидит у края шатра; она была плохо одета. Хоскульду показалась хороша собой женщина та, насколько можно было видеть. Тогда сказал Хоскульд: «Что будет стоить эта женщина, если я ее куплю?» Гилли отвечает: «Ты должен дать за нее три марки серебра»¹⁴⁹. «По-моему,— говорит Хоскульд,— ты оцениваешь эту рабыню очень дорого; ведь это — тройная цена». Тогда отвечает Гилли: «Верно ты говоришь, что я ее ценю дороже других; выбирай любую из этих 11-ти и заплати за нее марку серебра, а эта останется в моем владении». Хоскульд говорит: «Сначала я посмотрю, сколько серебра в сумке у меня на поясе»; попросил Гилли взять весы, а сам смотрит в сумку. Тогда сказал Гилли: «Это дело должно быть сделано без обмана с моей стороны, потому что большой есть изъян у женщины той; я хочу, чтобы ты знал это, Хоскульд, раньше, чем мы ударим по рукам». Хоскульд спрашивает, в чем дело. Гилли отвечает: «Женщина эта нема; много раз я пытался говорить с нею и никогда не мог добиться слова от нее; я уверен, что эта женщина не может говорить». Тогда говорит Хоскульд: «Давай сюда весы и посмотрим, сколько весит сумка, которая тут при мне». Гилли так и делает; дали они серебро, и было его три марки на вес.

¹⁴⁹ 1 марка = 1/4 кг серебра.

<28>

(Купленная Хоскульдом рабыня оказалась не немой и сообщила своему новому господину о своем происхождении: она была дочерью ирландского конунга Мюркьяртана, захваченной в плен в пятнадцатилетнем возрасте.)

<217—218>

...И после того как Болли пробыл одну зиму в Дании, отправляется он в дальние страны и не останавливается, пока не прибыл в Миклагард. Пробыв там недолго, он поступил в отряд варягов; мы не слышали рассказов о том, чтобы кто-нибудь из норманнов поступил на службу к конунгу Гарда до Болли, сына Болли. Пробыл он в Миклагарде много лет и считался храбрейшим мужем во всякой опасности и всегда шел возле тех, кто был впереди всех. Варяги очень ценили Болли, когда он был в Миклагарде.

Сага о людях со Светлого Озера
(*Ljósvetninga saga*)

<6>

[до 995 г.] (Исландец Сельмунд, изгнанный на 3 года из Исландии вместе со своим братом за нападение на одного исландского вождя, отправляется в морские походы.) В то время правил Норвегией Хакон ярл¹⁵⁰; пошел Сельмунд к нему, когда ему наскучили морские походы; ярл его очень ценил. Сельмунду захотелось в то лето в Исландию. Ярл сказал, что это неразумно при том, как у него дело обстоит там, и сказал, что сначала пошлет туда какие-нибудь ценные вещи, чтобы расположить к нему (тех, кто являются его врагами); он послал греческую¹⁵¹ шляпу Гудмунду Богатому, а Торгейру, годи¹⁵² Лъёсветнинга, — топор.

<103>

[XI в.] (Исландец Торвард, сын Хёскульда, осужденный на изгнание из Исландии на 3 года, уходит за море со своими товарищами; сага рассказывает о их приключениях у южных берегов Норвегии.) После того стали они держать путь к Дании и пошли на восток в Вик; там Торвард встретил доброго человека, которого звали Бард, и подружился с ним, и поручил ему Халля, сына Отрюгга¹⁵³; а Торвард собрался в Рим. А Бард направил свой корабль на Восток, и напали на них викинги и предложили им сдаться и сохранить себе жизнь, если они отдадут свое добро. А Бард сказал, что предпочитает не драться, и с этим согласилось боль-

¹⁵⁰ См. сноску 39.

¹⁵¹ girzkr (см. сноску 104).

¹⁵² Годи (godi) — жрец, предводитель в Исландии эпохи народовластия.

¹⁵³ Одного из своих спутников.

шинство корабельщиков. Халль отвечает: «Не сдамся я без боя». Бард сказал: «Лучше не попадать во власть викингов». Халль отвечает: «Versnar nú skulduneyti mitt við stórvirkjum¹⁵⁴, и ты не жди этого, и я сделаю то, чего мне больше хочется». (*Халль бьется с викингами, остальные на корабле следуют его примеру и одолевают нападающих.*)

<106—107>

[60-е годы XI в.] Муж звался Тормод и был сыном Асгейра, родич Мёдрувеллингов; он был на корабле Магнуса, сына конунга¹⁵⁵, и приехал тогда из Исландии, и замышлял на него¹⁵⁶. Магнус... помог ему уйти из страны, и не останавливался он, пока не дошел до Миклагарда, и поступил там на службу; а конунг и сын его после того помирились¹⁵⁷.

Saga о Гисли
(*Gísla saga Súrssonar*)

<141>

[976 г.] У Торкеля была гардская шляпа на голове и плащ серый, и золотая застежка на плече, а в руке меч.

Saga о Ньяле
(*Njáls saga*)

<63—69>

[ок. 972—975 гг.] Пришел корабль в Арнабелисос¹⁵⁸, и правил им Халльвард Белый, родом из Вика; отправился он гостить в Хлидаренди и пробыл там у Гуннара ту зиму, и постоянно говорил ему, чтобы он пошел за море... Гуннар спрашивает, ходил ли он на корабле в чужие страны. Он говорит, что плавал между всеми странами, какие были между Норвегией и Гардарики, «и ходил ятакже в Бьярмаланд». «Хочешь идти со мной на Восток?» — говорит Гуннар. «Конечно, хочу», — говорит он. Тогда решил Гуннар идти с ним за море. Ньяль взялся ведать всем имуществом

¹⁵⁴ Смысл текста здесь считается неясным; за неимением критического издания оставляю это место без перевода.

¹⁵⁵ Сын Харальда Хардрада и второй жены его, Торы.

¹⁵⁶ Это относится не к Магнусу, а к Халлю, сыну Отрюгга, исландцу, убившему одного из родичей Тормода, Кодрана, и служившему после того в Норвегии у Харальда Хардрада. Тормод убивает Халля, что вызывает гнев Харальда.

¹⁵⁷ Рассказ Ljósvefninga saga и Msk. (с. 92—93) об этом эпизоде — по существу один и тот же. В Msk. точнее указана степень родства Тормода с Кодраном, за смерть которого он мстит; отец его называется Эймдриди, а не Аскир.

¹⁵⁸ В Исландии.

Гуннара... Гуннар пошел за море и Кольскегг, брат его, с ним. Они поплыли к Тунсбергу и пробыли там зиму. «...Есть ли у тебя ¹⁵⁹ большой корабль?» — говорит Гуннар. «У меня их два», — говорит он. «Тогда я хочу, чтобы мы отправились в поход, — говорит Гуннар, — и достали себе людей, которые шли бы с нами». «На это я согласен», — говорит Халльвард. После того отправились они в Вик и взяли там два корабля, и собрались в путь оттуда; с людьми у них дело шло хорошо, потому что про Гуннара шла большая слава. «Куда же ты теперь хочешь держать путь?» — говорит Гуннар. «На восток в Хисинг к Ольвиру, родичу моему». «А чего ты от него хочешь?» — говорит Гуннар. «Он хороший человек, — говорит он, — и он нам поможет для той поездки». «В таком случае поедем туда», — говорит Гуннар. Как только они снарядились, стали они держать путь на восток в Хисинг и были там хорошо приняты. Гуннар пробыл там недолго, но успел очень поправиться Ольвиру; Ольвир спросил его о его поездке. Халльвард сказал, что Гуннар хочет идти в поход и добыть себе богатства. «Это невозможно, — говорит Ольвир, — раз у вас нет людей». «В этом ты можешь нам помочь», — говорит Халльвард. «По-моему, хорошее дело — помочь чем-нибудь Гуннару, — говорит Ольвир, — хотя ты в родстве со мной, но, по-моему, он стóит больше». «Что же ты можешь дать для этого?» — говорит он. «Два больших корабля, один на двадцать весел, а другой на тридцать». «А кто же даст людей для них?» — говорит Халльвард. «На один я посажу своих домашних людей, а на другой — бондов. Но слышал я, что немирно стало на реке; и не знаю я, удастся ли вам выйти» (*«Немирье» заключается в появлении там двух братьев, Вандиля и Карла, сыновей Снеульва Старого, «из Гаутланда с востока»; в сагах они больше нигде не известны.*)... Гуннар вышел из реки той Эльв, и были они с Кольскеггом оба на одном корабле, а Халльвард на другом... (*Гуннар и Кольскегг встречаются с Вандилем и Карлом и побеждают их.*) После того взяли они богатую добычу. Оттуда стали они держать путь на юг в Данию, а оттуда — на восток в Смаланд и всегда побеждали. Осенью они не стали возвращаться. На следующее лето они пошли к Ревелю и встретили там викингов, и бились [с ними], и сдержали победу. После того пошли они на восток к Эйсюсле и стояли там некоторое время возле одного мыса. Они увидели, что с мыса сходит вниз какой-то человек. Гуннар вышел на берег, чтобы встретиться с человеком тем, и стали они говорить. Гуннар спросил его имя; он назвал себя Тови... (*Далее Тови сообщает им о находящихся поблизости двух братьях-викингах, Халльгриме и Кольскегге, которых они побеждают, после чего берут зарытый викингами клад, который им показал Тови.*)... Гуннар спросил Тови, какой он хочет награды. Тови отвечал: «Я — датчанин родом и хотел бы, чтобы ты отправил меня к моим родичам». Гуннар спросил, как он попал

¹⁵⁹ Т. е. у Халльварда.

на Восток. «Я был взят викингами,— говорит Тови,— и высадили они меня на берег здесь, на Эйскюсле, и с тех пор я был здесь». Гуннар взял его к себе и сказал Кольскеггу и Халльварду: «Будем теперь держать путь к северным странам». Они одобрили это и предоставили ему действовать. Гуннар поплыл с Востока с большим богатством; у него было десять кораблей, и пошел он в Хейдабёр в Данию. Харальд конунг, сын Горма, тогда был там; ему сказали о Гуннаре, а также о том, что равного ему нет во всей Исландии; он послал своих мужей пригласить его к себе. *(Через полмесяца Гуннар собирается возвращаться в Исландию и прощается с Харальдом.)* Гуннар дал конунгу хороший корабль и много другого добра. Конунг дал ему свои роскошные одежды и перчатки, вышитые золотом, и повязку на голову с золотыми кистями, и шляпу русскую. Гуннар отправился на север в Хисинг. Ольвир принял его обеими руками¹⁶⁰. Он отдал Ольвиру свой корабль и сказал, что это его доля. Ольвир принял добро то и сказал, что он — хороший человек, и просил его пробыть у него некоторое время... *(Побывав после того на севере Норвегии, в Трандхейме, у Хакона ярла и прогостив там зиму, Гуннар весной возвращается в Исландию.)*

<177—178>

[991 г.] Теперь надо сказать о Кольскегге, что он приехал в Норвегию и пробыл зиму ту в Вике на востоке, а на следующее лето отправился на восток в Данию и поступил на службу к Свейну конунгу¹⁶¹, и был там в большой чести. Однажды ночью приснилось ему, что пришел к нему муж, он был светел, и казалось ему, будто он его будит. Он сказал ему: «Вставай и иди со мной». «Чего ты хочешь от меня?» — говорит он. «Я хочу женить тебя, и будешь ты моим рыцарем». Снилось ему, что он согласился; после того он проснулся. И пошел он к одному мудрецу и рассказал ему про сон тот, а он объяснил так, что он поедет на юг и будет божьим рыцарем. Кольскегг принял крещение в Дании, но не понравилось ему там, и поехал он на восток в Гардарики и пробыл там одну зиму. А после того поехал он оттуда в Миклагард и поступил там на службу. Последнее, что о нем узнали, это — что он женился там и был вождем варяжской дружины, и был там до самого дня смерти, и нет его больше в этой саге.

<275—276>

Торкель Дерзкий ходил за море и стал знаменит в чужих странах; он наделал бед на востоке в Ямтаског; после того отправился он на восток в Швецию и вошел в товарищество с Сёрквиром Стариком, и грабили они на Востоке. И к востоку от Балагардсида пришлось Торкелю однажды вечером доставать им воды.

¹⁶⁰ Т. е. радушно, с распростертыми объятиями.

¹⁶¹ Свейн Виллобородый.

И встретил он чудовище, и долго защищался от него, и кончилось дело у них тем, что он убил то чудовище. Оттуда отправился он на восток в Адальсюслу. Там он убил крылатого дракона, после этого он вернулся в Швецию, оттуда — в Норвегию, а после — в Исландию, и велел изобразить эти подвиги над своей постелью и на стуле перед своим «высоким местом»:

Saga o Стурмунгах
(*Sturlunga saga*)

<1, 14>

[1118 г.] Торгильс¹⁶² послал Олава, сына Хильда, бывшего под его покровительством, на юг [Исландии] в Эйр на попечение того человека, которого звали Арни и называли Фьёрускейв; он был зимой домашним человеком у Торгильса; у него стоял там корабль на суше; а другого человека звали Хермунд, сын Торварда из Ватсфьёрда. Оба они ездили в чужие страны с Сигурдом Йорсалафари — и были с тех пор товарищами. И послал Торгильс Арни слово, чтобы он увез Олава за море...

<1, 91>

[ок. 1165 г.] (Упоминается в Норвегии Городд Иерусалимец¹⁶³.)

<1, 104>

[1186 г.] Тогда Иерусалим был взят сарацинами, так что все христиане, которые там были раньше, или бежали, или были убиты, и все христианство было разрушено.

<1, 159>

[1198 г.] (Впервые упоминается исландец Сигурд, сын Одда, по прозвищу Грек.)

<1, 205>

[1118 г.] (Упоминание о смерти Алексея Комнина.)

<1, 228>

[1214—1216 гг.] У Торварда¹⁶⁴ был меч тот, который назывался Прокусывающий броню; его привез Сигурд Грек из Миклагарда, он был у Свейна, сына Иона, Свейтарбота, он был у Свейна, сына Иона, при Видинес¹⁶⁵, и [он] сильно рубил им¹⁶⁶. Сыновья Сигмунда, Туми и Стурла, торговали меч тот, но так и не

¹⁶² Сын Одда.

¹⁶³ Буквально — «иерусалимский муж», т. е. «ездивший в Иерусалим».

¹⁶⁴ Сына Орнульва.

¹⁶⁵ В северной Исландии место, где произошел бой между Кольбейном, сыном Туми, из рода Скагжирдингов и епископом Гудмундом Добрым.

¹⁶⁶ Свейн был в дружине Гудмунда.

пришлось им купить его, а Торвард колебался — одолжить ли Стурле меч тот, и дело так и оставалось нерешенным. Было тогда Стурле 17 лет, когда он въехал в Миклагард ¹⁶⁷. С ним было двое людей из Эйфирдинга. Подъехали они к двери, и Стурла вошел, а те остались верхом. Вошел Стурла в горницу бонда, и взял меч тот, и вышел на крыльцо, и хотел посмотреть и вынуть [его]. Тогда подошел священник ¹⁶⁸ и схватил меч тот, и не давал вынуть его, и позвал домашних людей. Подошел Торвард бонд и сказал ему, чтобы он не брал меч тот. Стурла просил его одолжить ему [меч]. Торвард сказал, что не так обстоит дело, чтобы можно было этого ожидать, и что он никак его не получит. Собрались тогда домашние люди, женщины и мужчины, и все хотели держать меч тот. Вышла толпа та в дверь ту, и был тогда отнят у него меч.

<1, 270>

[1225 г.] Отправился Арон ¹⁶⁹ на юг в Хьяльнес ¹⁷⁰ к Торстейну и пробыл там некоторое время, а оттуда в Одди к Харальду, сыну Семунда, и прожил там в пристройке некоторое время. Харальд отправил его за море; отправился он к Хакону конунгу в Норвегию, и Хакон конунг сделал его тогда своим дружинником.

<1, 408>

[1242 г.] (*Упоминается исландец Бьярни Иерусалимец.*)

<11, 256>

[1263 г.] На следующее лето отправились они за море с Халльвардом Гульскором ¹⁷¹ Сигват и Стурла. Сигват... стал его ¹⁷² дружинником. Он уехал из страны ¹⁷³... Поехал Сигват тогда на восток в Норвегию с телом Хакона конунга к Магнусу конунгу, сыну его. Принял Сигват там такую великую честь, какой там не принимал ни один исландец. Сигват сильно горевал о смерти Хакона конунга, потому что не считал никого равным ему в Норвегии. Магнус конунг не позволил ему уехать. Не понравилось ему тогда в Норвегии, и уехал он из страны, и захотелось ему в Иерусалим. И когда он пришел в Красное море, он заболел и умер за семь ночей до мессы Михаила, и о нем сильно жалели.

¹⁶⁷ Одноименное с Константинополем селение на севере Исландии, где жил Торвард; буквально — «Большой двор». Название это могло возникнуть совершенно независимо от знакомства исландцев с Константинополем и того названия, которым они его обозначали. Большие дворы, между прочим, довольно часто попадаются в русской топонимике.

¹⁶⁸ Из текста неясно, что это за лицо; очевидно, он гостил в это время или жил у Торварда.

¹⁶⁹ Сын Хьерлейва.

¹⁷⁰ В Исландии.

¹⁷¹ Норвежец, посланный Хаконом конунгом в Исландию.

¹⁷² Т. е. норвежского конунга Хакона.

¹⁷³ Т. е. из Норвегии с Хаконом в Шотландию, где Хакон умер.

<11, 339—340>

[1224 г.] Весной Арон отправился на юг страны к почтенному человеку, Харальду, сыну Семунда, и братьям его Вильхмamu и Филиппу. Они хорошо приняли его... Они устроили его на корабль к хорошим спутникам. Пошел тот корабль в Норвегию, и пристали они в Трандхейме, где более всего хотелось Арону... Тогда правил Скули ярл этой третьей страны; считалось, что он самый важный муж и лучше всего относится к исландцам. На эту зиму ярл предложил ему быть в его дружине, и Арон согласился... Так прошла зима та, и настало лето. Сказал Арон ярлу, что хочет уехать из страны и что обещал съездить в Иерусалим. Он это принял с неудовольствием... И пробыл Арон у ярла полгода на следующий год. Думал он о себе, что ему не следует брать обратно обет свой перед богом; но всем казалось, что не годится ехать без разрешения. И все же он решился на это и достал себе спутника, исландца, которого звали Эйольв. Они уехали. Поездка их была удачна, но все-таки опасна из-за немирья и иного другого. Было их некоторое время всего 16. Началась тогда болезнь в их дружине, и некоторые умерли. А те, кто остались в живых, не останавливались, пока не пришли в Иерусалим, и увидели те места, которые хотели. После того стали они возвращаться обратно; и не говорится, чтобы что-нибудь случилось в их поездке. Вернулся Арон в Норвегию, а также Эйольв с товарищами. Встретили они Хакона конунга в Вике на востоке и пошли к нему, и приветствовали его. Конунг принял их хорошо и предложил им отдохнуть, и велел расспросить их о новостях. И они сказали то, что знали. Олав звался муж, и был он сын Торда; он был другом Арона. Он сложил песню об Ароне и о его поездке.

<11, 400>

[1230 г.] *(Исландская грамота, датируемая временем между 1226 и 1230 г. Среди свидетелей назван Бьярни Иерусалимец.)*

Исландские анналы

(Íslenzkir annálar)

<352>

[1019 г.] Олав конунг Святой женился на Астрид, дочери Олава конунга Шведского, а Ярицлейв, конунг в Хольмгарде, — на Ингигерд.

Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна

(Halfdanar saga Eysteinsonar)

<520—521>

В это время правил в Альдейгьюборге конунг, которого звали Хергейр; он был уже стар; Искерд звалась жена его... У них была дочь, которую звали Ингигерд; она была прекраснее всех девушек...

<521—555>

Эйстейн ¹⁷⁴ подошел к Альдейгьюборгу со своим войском; у Хергейра войска было мало. *(Дело кончается победой Эйстейна.)*

(После Эйстейна конунгом становится Хальвдан. Дружинник Эйстейна, Ульвкель, посаженный им в Алаборге ¹⁷⁵, собирается отнять у Хальвдана его владения и подступает к Альдейгьюборгу. Ульвкель побежден и бежит в Бьярмаланд, где предлагает конунгу этой страны союз с ним и его братом и брак этого последнего с дочерью конунга.) «Я дам от себя Алаборг и Альдейгьюборг и все владения, которые к ним принадлежат, потому что все это мое». (Хальвдан идет на Бьярмаланд и покоряет эту страну.) После этого собрался он в путь оттуда домой в Альдейгьюборг.

Сага о Стурлауге
(Sturlaugs saga)

<640—646>

Фрамар ¹⁷⁶ собрался в путь с 60-ю кораблями и направился на Восток; они грабили летом и подошли со своим войском к Альдейгьюборгу. Там правил Ингвар конунг; он был мудрый человек и великий вождь. Ингигерд звалась дочь его, она была прекраснее всех женщин и очень мудрая. Фрамар послал своих мужей в Альдейгьюборг к Ингвару конунгу просить руки его дочери.

(Потерпев неудачу, Фрамар после разных приключений отправляется в Швецию, где был в то время Стурлауг, который и снаряжается ему на помощь в Гардарики; одержав победу и разграбив страну, они идут со всем своим войском к Альдейгьюборгу; весь народ в городе подчиняется им.)

Стурлауг тогда выдал Ингигерд, дочь конунга, за Фрамара... дал город Альдейгью Фрамару со всем богатством, которым владел Ингвар конунг, и вместе с тем — имя конунга. Стал Фрамар владеть землями и движимым имуществом и правил своими владениями, советуясь с лучшими людьми в той стране.

¹⁷⁴ Отец Хальвдана, героя саги.

¹⁷⁵ Ålaborg — название не выясненное; конечно, это не Алаборг в Дании; может быть, это переделка какого-нибудь финского названия (*Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906, с. 48*).

¹⁷⁶ Побратим Стурлауга.

Saga o Bósu
(*Bósa saga*)

<94>

Теперь следует сказать о Боси, что он приплыл со всем отрядом кораблей сына конунга ¹⁷⁷ к [острову] Варгей ¹⁷⁸, который лежит между Худингьярики и Хольмгардарики ¹⁷⁹.

<105>

(Оба побратима странствуют по лесу в Бьярмаланде и находят хижину.) Сын конунга постучал в дверь. Вышел человек и спросил, кто они. Сын конунга сказал, что он чужой, родом из Хольмгардарики.

<120>

(Хозяин хижины рассказывает другому человеку о гостивших у него людях, которые говорили, что они из Хольмгардарики).

Saga o Хрольве Пешеходе
(*Gaungu-Hrólfs saga*)

<237—238>

...Хрегтвид звался конунг, он правил в Хольмгардарики, которое некоторые люди называют Гардарики... Единственное дитя у него с его княгиней — дочь, которую звали Ингигерд; она была прекраснее и обходительнее всех женщин во всем Гардарики.

<271—272>

Они ¹⁸⁰ держали путь через Швецию, а оттуда — в Гардарики... прибыли в Альдейгьюборг; в городе сидел Эйрик конунг, и было это в начале зимы.

<284—285>

(Сага говорит об острове Хединсей, лежащем между Гардарики и Татарарики; Менелай, конунг татар, поставил править им мужа, который звался Соту)... он был родом оттуда ¹⁸¹ по его матери, а по отцу — из Хольмгардарики ¹⁸².

¹⁷⁷ Херрауд — товарищ и побратим Боси.

¹⁷⁸ Сейчас — остров Вардё на севере Норвегии.

¹⁷⁹ Характерно для поздних саг искусственное построение названия Новгорода: множественное число Holmgarðar, родительный падеж Holmgarða, по аналогии с Garðar (Русь) + ríki (область, княжество). Название города здесь перенесено на всю страну.

¹⁸⁰ Хрольв и Вильхьяльм.

¹⁸¹ Т. е. с острова.

¹⁸² Вариант: «из Хольмгарда». Этот отрывок является характерным образцом историко-географических сведений, которые мы встречаем в сагах типа Fas.

<321—347>

(Альдейгьюборг упоминается в связи с тем, что близ него происходит бой между Рольвом и Эйриком; потерпев поражение, войско Эйрика бежит в город; один из его витязей тонет в реке. Жители города в конце концов сдают его Рольву.)

<334>

...будет Хольмгардом конунг править, сын Стурлауга ¹⁸³,...

Сага о Хервёре
(*Hervarar saga*)

<419>

Альдейгьюборгом правил ярл по имени Бьярмар, могущественный и воинственный.

<528—529>

Однажды летом послал он ¹⁸⁴ людей на восток в Хольмгарды, чтобы предложить взять на воспитание сына Роллауга конунга, который был там самым могущественным конунгом. Послы прибыли в Хольмгард и сказали конунгу, что им поручено. Конунг решил послать сына своего ¹⁸⁵ Хейдреку.

Сага о Тидреке Бернском
(*Þiðreks saga af Bern*)

<1, 45>

Вилькин конунг... повел свое войско на Русь и завладел там многими большими городами. Там завладел он и этими городами—Смоленском, Киевом и Полоцком, а после этого въехал в Хольмгард, главный город Хертнита конунга. И был тогда жестокий бой под городом, потому что Хертнит конунг велел сильному войску устремиться из города... Вилькин конунг взял тогда город («и большую добычу, золото и серебро и ценные сокровища» и т. д. ¹⁸⁶).

<1, 314>

(Упоминание о Хертните как о конунге Хольмгарда.)

<11, 67>

...Хертнит конунг ¹⁸⁷ снарядился в поход из Хольмгарда и направился к северу по пути к земле вилькинов...

¹⁸³ Т. е. Рольв, женившийся на Ингигерд, дочери Хреггвида.

¹⁸⁴ Хейдрек.

¹⁸⁵ Херлауга.

¹⁸⁶ Это же место саги по другой редакции (Þiðr., II, с. 62—63); существенной разницы в тексте нет.

¹⁸⁷ Сын Вилькина.

<11, 183>

...Аттила конунг ...узнал такие вести, что Вальдемар, конунг хольмгардский, брат Озантрикса конунга, пришел в землю гуннов и производит опустошение с огромным войском.

<11, 310—311>

О битве в Хомгарде ¹⁸⁸

Тогда была жестокая битва в тот день, когда гунны напали на двор, а Нифлунги защищали [его], и зовется Хомгард ¹⁸⁹, где была битва, и так называется он и ныне Хомгард Нифлунгов.

Сага об Ингваре
(*Yngvars saga*)

<5>

В то время Эймунд ¹⁹⁰ был в Хольмгарде, и часто бывал в битвах, и во всех побеждал, и вернул конунгу много земель, обязанных данью.

Норвежская книга проповедей
(*Codex AM 619 quarto*)

<174>

Случилось однажды в Гардах на востоке, что загорелось в торговом городе, который назывался Хольмгард, и казалось, что сгорит весь город. И побежали все люди, полны страха, к одному священнику, который звался Стефан. Он служил в церкви святого Олава, и хотели [жители города] испытать в такой великой беде помощь и могущество святого Олава конунга и так проверить рассказы других людей. И как только священник услышал их желание и просьбу, он схватил изображение того доброго господина и обратил против огня. И огонь не пошел дальше того места, где он начался, и так была спасена большая часть города.

«Младшая Эдда» Снорри Стурлусона
(*Snorri Sturluson. Edda*)

<139>

Конунг звался Хальвдан Старый, он был славнейший из всех конунгов... Он был великий воин и далеко ходил на Восток; там он убил на поединке того конунга, который звался Сигтрюгг; он женился на той женщине, которую звали Альвиг Мудрая, дочери Эймунда, конунга из Хольмгарда; у них было 18 сыновей...

¹⁸⁸ По другой редакции — «в Хольмгарде».

¹⁸⁹ Вариант *Högnagarðr*, очевидно, стоит в связи с именем одного из героев эпизода, *Hogne*. По указателю, составленному издателем саги, *Hömgarðr* находится в Вестфалии, в Соасте, что и соответствует предыдущему тексту саги; вариант *Hólmgarðr*, *í Hólmgarðe* едва ли имеет какое-нибудь значение; судя по данному изданию *Íðg.*, он встречается только один раз; вероятнее всего, это просто опечатка. Вообще значение названия *Hólmgarðr* в этом тексте представляется неясным.

¹⁹⁰ Эймунд, сын Ринга.

САГА ОБ ЭЙМУНДЕ

Здесь начинается повесть об Эймунде и Олаве конунге

Ринг звался конунг, который правил в Упланде в Норвегии. Рингарики называлась та область, над которой он был конунгом. Был он мудр и любим, добр и богат. Он был сыном Дага, сына Ринга, сына Харальда Харфагра; вести свой род от него считалось в Норвегии самым лучшим и почетным. У Ринга было три сына, и все они были конунгами. Старшего звали Ререк, второго — Эймунд, третьего — Даг. Все они были храбры, защищали владения отца, бывали в морских походах и так добывали себе почет и уважение. Это было в то время, когда конунг Сигурд Свинья правил в Упланде; он был женат на Асте, дочери Гудбранда, матери Олава конунга Святого. Торни звалась сестра ее, мать Халльварда Святого, а другая — Истрид, бабушка Стейгар-Торира. Они были побратимами, когда росли, Олав, сын Харальда, и Эймунд, сын Ринга; они были к тому же почти одних лет. Они занимались всеми физическими упражнениями, какие подобают мужественному человеку, и жили то у Сигурда конунга, то у Ринга конунга, отца Эймунда. Когда Олав конунг поехал в Англию, поехал с ним и Эймунд; еще был с ними Рагнар, сын Агнара, сына Рагнара Рюкиль, сына Харальда Харфагра, и много других знатных мужей. Чем дальше они ехали, тем больше становилась их слава и известность. О конунге Олаве Святом теперь уже известно, что имя его знает весь Север. И когда он овладел Норвегией, он покорил себе всю страну и истребил в ней всех областных конунгов, как говорится в саге о нем и о разных событиях, как писали мудрые люди; всюду говорится, что он в одно утро отнял власть у пяти конунгов, а всего — у девяти внутри страны, как о том говорит Стюрмир Мудрый¹. Одних он велел убить или искалечить, а других изгнал из страны. В эту беду попали Ринг, Ререк и Даг, а Эймунд и Рагнар ярл, сын Агнара, были в морских походах, когда все это случилось. Ушли они из страны, Ринг и Даг, и долго были в походах, а после отправились на восток в Гаутланд и долго правили там, а Ререк был ослеплен и жил у Олава конунга, пока не стал умышлять против него и перессорил его гридей между собой так, что они

---

¹ Исландский автор XII—XIII вв., аббат монастыря в Видей. Труды его не сохранились и известны по другим источникам.

стали убивать друг друга. И напал он на Олава конунга в день вознесения на клиросе в церкви Христа и порезал парчовую одежду на конунге, но бог сохранил конунга, и он не был ранен. И Олав конунг тогда разгневался на него и послал его в Гренландию, если будет попутный ветер, с Тарарином, сыном Нефьюлва, но они прибыли в Исландию, и жил он у Гудмунда Богатого в Медрувеллир, в Эйяфиорде, и умер он в Кальфскинни.

Об Эймунде и Рагнаре

Прежде всего надо сказать, что Эймунд и Рагнар пришли в Норвегию немного спустя со многими кораблями. Олава конунга тогда нигде поблизости не было. Тут они узнали о тех событиях, о которых уже было сказано. Эймунд собирает тинг с местными людьми и говорит так: «С тех пор, как мы уехали, в стране были великие события; мы потеряли наших родичей, а некоторые из них изгнаны и претерпели много мучений. Нам жаль наших славных и знатных родичей и обидно за них. Теперь один конунг в Норвегии, где раньше их было много. Думаю, что хорошо будет стране, которой правит Олав конунг, мой побратим, хоть и нелегка его власть. Для себя я от него жду доброго почета, но не имени конунга». Друзья их обоих² стали настаивать, чтобы он поговорил с Олавом конунгом и попытал, не даст ли он ему имя конунга. Эймунд ответил: «Не подниму я боевого щита против Олава конунга и не буду во враждебной ему рати, но при тех великих обидах, что случились между нами, не хочу и отдаваться на его милость, и сложить с себя свое высокое достоинство. Раз мы не хотим идти на мир с ним, не думаете ли вы, что нам остается лишь не встречаться с ним? Если бы мы встретились, знаю, он воздал бы мне великую честь, потому что я не пойду на него, но не думаю, чтобы вы все, мои люди, также стерпели, видя великое унижение своих родичей. Вы теперь побуждаете меня [мириться с ним], а по мне это тяжело, потому что нам пришлось бы сначала дать клятву которую нам подобало бы сдержать». Тогда сказали воины Эймунда: «Если не идти на мир с конунгом, но и не быть во враждебной ему рати, то, значит, остается, по-твоему, не встречаться с конунгом и уйти изгнанником из своих владений?» Рагнар сказал: «Эймунд говорил много такого, что я и сам думаю; не верю я в нашу удачу против счастья Олава конунга, но думаю мне, что если мы покинем в бегстве наши земли, то надо нам позаботиться о том, чтобы в нас видели больших людей, чем другие купцы». Эймунд сказал: «Если вы хотите поступить по-моему, то я скажу вам, если хотите, что я задумал. Я слышал о смерти Вальдамара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем тем двум.

---

² Рагнара и Эймунда.

И зовется Бурислав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он — старший из них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего — Вартилав. Бурислав держит Кенугард, а это — лучшее княжество во всем Гардарики. Ярицлейв держит Хольмгард, а третий — Пальтескью и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений, и всех более недоволен тот, чья доля по разделу больше и лучше: он видит урон своей власти в том, что его владения меньше отцовских, и считает, что он потому ниже своих предков. И пришло мне теперь на мысль, если вы согласны отправиться туда и побывать у каждого из этих конунгов, а больше у тех, которые хотят держать свои владения и довольствоваться тем, чем наделил их отец. Для нас это будет хорошо — добудем и богатство, и почесть. Я на этом решу с вами». Все они согласны. Было там много людей, которым хотелось добыть богатства и отомстить за свои обиды в Норвегии. Они были готовы покинуть страну, только бы не оставаться и не терпеть притеснений от конунга и своих недругов. Собираются они в путь с Эймундом и Рагнаром и отплывают с большой дружиной, избранной по храбрости и мужеству, и стали держать путь на Восток. И узнал об этом Олав конунг, когда их уже не было, и сказал он, что это худо, что он не встретился с Эймундом, «потому что мы должны были бы расстаться лучшими [чем до того] друзьями; так и можно было ожидать, что у него гнев на нас, но теперь уехал из страны муж, которому мы оказали бы величайшие почести в Норвегии, кроме имени конунга». Олаву конунгу было сказано, что говорил Эймунд на тинге, и сказал конунг, что это на него похоже — найти хороший исход. И больше об этом нечего сказать, и сага возвращается к Эймунду и Рагнару.

Эймунд прибыл в Гардарики

Эймунд и его спутники не останавливаются в пути, пока не прибыли на восток в Хольмгард к Ярицлейву конунгу. Идут они в первый раз к нему после того, как Рагнар попросил. Ярицлейв конунг был в свойстве с Олавом, конунгом свиев, он был женат на дочери его Ингигерд. И когда конунг узнает об их прибытии в страну, он посылает мужей к ним с поручением дать им мир в стране и позвать их к конунгу на хороший пир. Они охотно соглашались. И когда они сидят за пиром, конунг и княгиня много расспрашивают их об известиях из Норвегии, об Олаве конунге, сыне Харальда. И Эймунд говорил, что может сказать много хорошего о нем и об его обычае; он сказал, что они долго были побратимами и товарищами, но Эймунд не хотел говорить о том, что ему было не по душе, — о тех событиях, о которых было уже сказано. Эймунда и Рагнара очень уважал конунг, и княгиня не меньше, потому что она была как нельзя более великодушна и щедра на деньги, а Ярицлейв конунг не слыл щедрым, но был хорошим правителем и властным.

Договор Эймунда с Ярицлейвом конунгом

Спрашивает конунг, куда они думают держать путь, и они говорят так: «Мы узнали, господин, что у вас могут уменьшиться владения из-за ваших братьев, а мы позорно изгнаны из [нашей] страны и пришли сюда на восток в Гардарики к вам, трем братьям. Собираемся мы служить тому из вас, кто окажет нам больше почета и уважения, потому что мы хотим добыть себе богатства и славы и получить честь от вас. Пришло нам на мысль, что вы, может быть, захотите иметь у себя храбрых мужей, если чести вашей угрожают ваши родичи, те самые, что стали теперь вашими врагами. Мы теперь предлагаем стать защитниками этого княжества и пойти к вам на службу, и получать от вас золото и серебро и хорошую одежду. Если вам это не нравится и вы не решите это дело скоро, то мы пойдем на то же с другими конунгами, если вы отошлете нас от себя». Ярицлейв конунг отвечает: «Нам очень нужна от вас помощь и совет, потому что вы, норманны — мудрые мужи и храбрые. Но я не знаю, сколько вы просите наших денег за вашу службу». Эймунд отвечает: «Прежде всего ты должен дать нам дом ³ и всей нашей дружине и сделать так, чтобы у нас не было недостатка ни в каких ваших лучших припасах, какие нам нужны». «На это условие я согласен», — говорит конунг. Эймунд сказал: «Тогда ты будешь иметь право на эту дружину, чтобы быть вождем ее и чтобы она была впереди в твоём войске и княжестве. С этим ты должен платить каждому нашему воину эйрир серебра ⁴, а каждому рулевому на корабле ⁵ — еще, кроме того, $\frac{1}{2}$ эйрира». Конунг отвечает: «Этого мы не можем». Эймунд сказал: «Можете, господин, потому что мы будем брать это бобрами и соболями и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране, и будем мерить это мы, а не наши воины, и если будет какая-нибудь военная добыча, вы нам выплатите эти деньги, а если мы будем сидеть спокойно, то наша доля станет меньше». И тогда соглашается конунг на это, и такой договор должен стоять ⁶ 12 месяцев.

Эймунд победил в Гардарики

Эймунд и его товарищи вытаскивают тогда свои корабли на сушу и хорошо устраивают их. А Ярицлейв конунг велел выстроить им каменный дом и хорошо убрать драгоценной тканью. И было им дано все, что надо, из самых лучших припасов. Были они тогда каждый день в великой радости и веселы с конунгом и княгиней. После того как они там пробыли недолго в доброй чести, пришли письма от Бурислава конунга к Ярицлейву конунгу, и говорится в них, что он просит несколько волостей и торговых го-

³ holl — может быть, точнее, «палата».

⁴ Одна восьмая часть марки.

⁵ skipstjórnmaðr — старший на корабле, «капитан».

⁶ Т. е. «оставаться в силе».

родов у конунга, которые ближе всего к его княжеству, и говорил он, что они ему пригодятся для поборов. Ярицлейв конунг сказал тогда Эймунду конунгу, чего просит у него брат. Он отвечает: «Немного могу я сказать на это, но у вас есть право на нашу помощь, если вы хотите за это взяться. Но надо уступить твоему брату, если он поступает по-хорошему. Но если, как я подозреваю, он попросит больше, то, когда это ему уступят, тебе придется выбирать — хочешь ли отказаться от своего княжества или нет, и держать его мужественно и чтобы между вами, братьями, была борьба до конца, если ты увидишь, что можешь держаться. Всегда уступать ему все, чего он просит, не так опасно, но многим может показаться малодушным и недостойным конунга, если ты будешь так поступать. Не знаю также, зачем ты держишь здесь иноземное войско, если ты не полагаешься на нас. Теперь ты должен сам выбирать». Ярицлейв конунг говорит, что ему не хочется уступать свое княжество безо всякой попытки [борьбы]. Тогда сказал Эймунд: «Скажи послам твоего брата, что ты будешь защищать свои владения. Не давай им только долгого срока, чтобы собрать войско против тебя, потому-то мудрые сказали, что лучше воевать на своей земле, чем на чужой». Поехали послы обратно и сказали своему конунгу, как все было и что Ярицлейв конунг не хочет отдавать своему брату несколько от своих владений и готов воевать, если он ⁷ нападет на них. Конунг сказал: «Он, верно, надеется на помощь и защиту, если думает бороться с нами. Или к нему пришли какие-нибудь иноземцы и посоветовали ему держать крепко свое княжество?» Послы сказали, что слышали, что там норманский конунг и 600 норманнов. Бурислав конунг сказал: «Они, верно, и посоветовали ему так». Он стал тогда собирать к себе войско. Ярицлейв конунг послал боевую стрелу ⁸ по всему своему княжеству, и созывают конунги всю рать. Дело пошло так, как думал Эймунд, — Бурислав выступил из своих владений против своего брата, и сошлись они там, где большой лес у реки, и поставили шатры, так что река была посередине; разница по силам была между ними невелика. У Эймунда и всех норманнов были свои шатры; четыре ночи они сидели спокойно — ни те, ни другие не готовились к бою. Тогда сказал Рагнар: «Чего мы ждем и что это значит, что мы сидим спокойно?» Эймунд конунг отвечает: «Нашему конунгу рать наших недругов кажется слишком мала; его замыслы мало чего стоят». После этого идут они к Ярицлейву конунгу и спрашивают, не собирается ли он начать бой. Конунг отвечает: «Мне кажется, войско у нас подобрано хорошее и большая сила и защита». Эймунд конунг отвечает: «А мне кажется иначе, господин: когда мы пришли сюда, мне сначала казалось, что мало воинов в каждом шатре и стан только для виду устроен большой, а теперь уже не то — им приходится ставить еще шатры или жить

⁷ Бурислав.

⁸ Скандинавский обычай пересылать по округу из одного селения в другое стрелу как знак призыва на войну или тинг.

снаружи, а у вас много войска разошлось домой по волостям, и ненадежно оно, господин». Конунг спросил: «Что же теперь делать?» Эймунд отвечает: «Теперь все гораздо хуже, чем раньше было; сидя здесь, мы упустили победу из рук, но мы, норманны, дело делали: мы отвели вверх по реке все наши корабли с боевым снаряжением. Мы пойдем отсюда с нашей дружиной и зайдем им в тыл, а палатки пусть стоят пустыми, вы же с вашей дружиной как можно скорее готовьтесь к бою». Так и было сделано; затрубили к бою, подняли знамена, и обе стороны стали готовиться к битве. Полки сошлись, и начался самый жестокий бой, и вскоре пало много людей. Эймунд и Рагнар предприняли сильный натиск на Бурислава и напали на него в открытый щит⁹. Был тогда жесточайший бой, и много людей погибло, и после этого был прорван строй Бурислава, и люди его побежали. А Эймунд конунг прошел сквозь его рать и убил так много людей, что было бы долго писать все их имена. И бросилось войско бежать, так что не было сопротивления, и те, кто спаслись, бежали в леса и так остались в живых. Говорили, что Бурислав погиб в том бою. Взял Ярицлейв конунг тогда большую добычу после этой битвы. Большинство приписывает победу Эймунду и норманнам. Получили они за это большую честь, и все было по договору, потому что бог господь Иисус Христос был в этом справедлив, как и во всем другом. Отправились они домой в свое княжество, и достались Ярицлейву конунгу и его владения, и боевая добыча, которую он взял в этом бою.

Совет Эймунда

После этого летом и зимой было мирно, и ничего не случилось, и правил Ярицлейв обоими княжествами по советам и разуму Эймунда конунга. Норманны были в большой чести и уважении, и были конунгу защитой в том, что касалось советов и боевой добычи. Но не стало жалованья от конунга, и думает он, что ему теперь дружина не так нужна, раз тот конунг пал и во всей его земле казалось мирно. И когда настал срок уплаты жалованья, пошел Эймунд конунг к Ярицлейву конунгу и сказал так: «Вот мы пробыли некоторое время в вашем княжестве, господин, а теперь выбирайте — оставаться ли нашему договору или ты хочешь, чтобы наше с тобой товарищество кончилось и мы стали искать другого вождя, потому что деньги выплачивались плохо». Конунг отвечает: «Я думаю, что ваша помощь теперь не так нужна, как раньше, а для нас — большое разорение давать вам такое большое жалованье, какое вы назначили». «Так оно и есть, господин, — говорит Эймунд, — потому что теперь надо будет платить эйрир золота каждому мужу и $1\frac{1}{2}$ марки золота каждому рулевому на корабле». Конунг сказал: «По мне лучше тогда порвать наш договор». «Это в твоей власти, — говорит Эймунд конунг, — но знаете ли вы

⁹ Т. е. сзади, с обратной стороны щита.

наверное, что Бурислав умер?» «Думаю, что это правда», — говорит конунг. Эймунд спросил: «Его, верно, похоронили с пышностью, но где его могила?» Конунг отвечал: «Этого мы наверное не знаем». Эймунд сказал: «Подобает, господин, вашему высокому достоинству знать о вашем брате, таком же знатном, как вы, — где он положен. Но я подозреваю, что ваши воины неверно сказали, и нет еще верных вестей об этом деле». Конунг сказал: «Что же такое вы знаете, что было бы вернее и чему мы могли бы больше верить?» Эймунд отвечает: «Мне говорили, что Бурислав конунг жил в Бьярмаланде зимой, и узнали мы наверное, что он собирает против тебя великое множество людей, и это вернее». Конунг сказал: «Когда же он придет в наше княжество?» Эймунд отвечает: «Мне говорили, что он придет сюда через три недели». Тогда Ярицлейв конунг не захотел лишаться их помощи. Заключают они договор еще на 12 месяцев. И спросил конунг: «Что же теперь делать — собирать ли нам войско и бороться с ними?» Эймунд отвечает: «Это мой совет, если вы хотите держать Гардарики против Бурислава конунга»¹⁰. Ярицлейв спросил: «Сюда ли собирать войско, или против них?» Эймунд отвечает: «Сюда надо собрать все, что только может войти в город, а когда рать соберется, мы еще будем решать, что лучше всего сделать».

Бой между братьями

Сразу же после этого Ярицлейв послал зов на войну по всей своей земле, и приходит к нему большая рать бондов¹¹. После этого Эймунд конунг посылает своих людей в лес и велит рубить деревья и везти в город, и поставить по стенам его. Он велел повернуть ветви каждого дерева от города так, чтобы нельзя было стрелять вверх в город. Еще велел он выкопать большой ров возле города и ввести в него воду, а после того — наложить сверху деревья и устроить так, чтобы не было видно и будто земля цела. А когда эта работа была кончена, узнали они о Буриславе конунге, что он пришел в Гардарики и направляется туда, к городу, где стояли конунги. Эймунд конунг и его товарищи также сильно укрепили двое городских ворот и собирались там защищать [город], а также и уйти, если бы пришлось. И вечером, когда наутро ждали рать [Бурислава], велел Эймунд конунг женщинам выйти на городские стены со всеми своими драгоценностями и насадить на шесты толстые золотые кольца, чтобы их как нельзя лучше было видно. «Думаю я, — говорит он, — что бьярмы жадны до драгоценностей и поедут быстро и смело к городу, когда солнце будет светить на золото и на парчу, тканую золотом». Сделали так, как он велел. Бурислав выступил из лесу со своей ратью и подошел к городу, и видят они всю красоту в нем, и думают, что хорошо, что не шло

¹⁰ Т. е. не уступать Буриславу.

¹¹ *bóndi* — крестьянин, свободный землевладелец, основной состав всякого скандинавского ополчения.

перед ними никаких слухов¹². Подъезжают они быстро и храбро и не замечают [рва]. Много людей упало в ров и погибло там. А Бурислав конунг был дальше в войске, и увидел он тогда эту беду. Он сказал так: «Может быть, нам здесь так же трудно нападать, как мы и думали; это норманны такие ловкие и находчивые». Стал он думать — где лучше нападать, и уже исчезла вся красота, что была показана. Увидел он тогда, что все городские ворота заперты, кроме двух, но и в них войти нелегко, потому что они хорошо укреплены и там много людей. Сразу же раздался боевой клич, и городские люди были готовы к бою. Каждый из конунгов, Ярицлейв и Эймунд, был у своих городских ворот. Начался жестокий бой, и с обеих сторон пало много народу. Там, где стоял Ярицлейв конунг, был такой сильный натиск, что [враги] вошли в те ворота, которые он защищал, и конунг был тяжело ранен в ногу. Много там погибло людей, раньше, чем были захвачены городские ворота. Тогда сказал Эймунд конунг: «Плохо наше дело, раз конунг наш ранен. Они убили у нас много людей и вошли в город. Делай теперь, как хочешь, Рагнар, — сказал он, — защищай эти ворота или иди вместе с нашим конунгом и помоги ему». Рагнар отвечает: «Я останусь здесь, а ты иди к конунгу, потому что там нужен совет». Пошел Эймунд тогда с большим отрядом и увидел, что бьярмы уже вошли в город. Он сразу же сильно ударил на них, и им пришлось плохо. Убили они тут много людей у Бурислава конунга. Эймунд храбро бросается на них и ободряет своих людей, и никогда еще такой жестокий бой не длился так долго. И побежали из города все бьярмы, которые еще уцелели, и бежит теперь Бурислав конунг с большой потерей людей. А Эймунд и его люди гнались за беглецами до леса и убили знаменщика конунга, и снова был слух, что конунг пал, и можно теперь было хвалиться великой победой. Эймунд конунг очень прославился в этом бою, и стало теперь мирно. Были они в великой чести у конунга, и ценил их всякий в той стране, но жалование шло плохо, и трудно было его получить, так что оно не уплачивалось по договору.

Об Эймунде

Случилось однажды, что Эймунд конунг говорит конунгу, что он должен выплатить им жалование, как подобает великому конунгу. Говорит он также, что думает, что они добыли ему в руки больше денег, чем он им должен был жалования. «И мы говорим, что это у вас неправильно, и не нужна вам теперь наша помощь и поддержка». Конунг сказал: «Может быть, теперь будет хорошо, даже если вы не будете нам помогать; все-таки вы нам очень помогли. Мне говорили, что ваша помощь нужна во всех делах». Эймунд отвечает: «Что же это значит, господин, что вы хотите один судить обо всем? Мне кажется, многие мои люди немало потеряли,

---

¹² Т. е. не было никаких слухов о их приближении.

иные — ноги или руки, или какие-нибудь члены, или у них попорчено боевое оружие; многое мы потратили, но ты можешь нам это возместить: ты выбирай — или да, или нет». Конунг сказал: «Не хочу я выбирать, чтобы вы ушли, но не дадим мы вам такое же большое жалованье, раз мы не ждем войны». Эймунд отвечает: «Нам денег надо, и не хотят мои люди трудиться за одну только пищу. Лучше мы уйдем во владения других конунгов и будем там искать себе чести. Похоже на то, что не будет теперь войны в этой стране, но знаешь ли ты наверное, что конунг убит?» «Думаю, что это правда, — говорит конунг, — потому что его знамя у нас». Эймунд спрашивает: «Знаешь ли ты его могилу?» «Нет», — говорит конунг. Эймунд сказал: «Неразумно не знать этого». Конунг отвечает: «Или ты это знаешь вернее, чем другие люди, у которых есть об этом верные вести?» Эймунд отвечает: «Не так жаль ему было оставить знамя, как жизнь, и думаю я, что он опасен и был в Тюрклянде зимой, и намерен еще идти войной на вас, и у него с собой войско, которое не станет бежать, и это — тюрки и блокумен¹³, и многие другие злые народы. И слышал я, что похоже на то, что он отступится от христианства, и собирается он поделить страну между этими злыми народами, если ему удастся отнять у вас Гардарики. А если будет так, как он задумал, то скорее всего можно ждать, что он с позором выгонит из страны всех ваших родичей. Конунг спрашивает: «Скоро ли он придет сюда с этой злой ратью?» Эймунд отвечает: «Через полмесяца». «Что же теперь делать? — сказал конунг. — Мы ведь теперь не можем обойтись без вашего разумения». Рагнар сказал, что он хотел бы, чтобы они уехали, а конунгу предложил репать самому. Эймунд сказал: «Худая нам будет слава, если мы расстанемся с конунгом [когда он] в такой опасности, потому что у него был мир, когда мы пришли к нему. Не хочу я теперь так расставаться с ним, чтобы он остался, когда у него немирно; лучше мы договоримся с ним на эти 12 месяцев, и пусть он выплатит нам наше жалованье, как у нас было условлено. Теперь надо подумать и решить — собирать ли войско, или вы хотите, господин, чтобы мы, норманны, одни защищали страну, а ты будешь сидеть спокойно, пока мы будем иметь дело с ними, и обратись к своему войску, когда мы ослабеем?» «Так и я хочу», — говорит конунг. Эймунд сказал: «Не спеши с этим, господин. Можно еще сделать по-иному и держать войско вместе; по-моему, это нам больше подходит, и мы, норманны, не побежим первыми, но знаю я, что многие на это готовы из тех, кто побывал перед остриями копий. Не знаю, каковы окажутся на деле те, которые теперь больше всего к этому побуждают. Но как же быть, господин, если мы доберемся до конунга, — убить его или нет? Ведь никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Конунг отвечает: «Не стану я побуждать людей к бою с

¹³ Blokumenn — неясный этнический термин; по мнению некоторых исследователей, — это волохи.

Буриславом конунгом ни выпить, если он будет убит». Разошлись они все по своим домам, и не собирали войска, и не готовили снаряжения. И всем людям казалось странным, что меньше всего готовятся, когда надвигается такая опасность. А немного спустя узнают они о Буриславе, что он пришел в Гардарики с большой ратью и многими злыми народами. Эймунд делал вид, будто не знает, как обстоит дело, и не узнавал. Многие говорили, что он не решится бороться с Буриславом.

Эймунд убил Бурислава конунга

Однажды рано утром Эймунд позвал к себе Рагнара, родича своего, десять других мужей, велел оседлать коней и выехали они из города 12 вместе ¹⁴, и больше ничего с ними не было. Все другие остались. Бьёрн звался исландец, который поехал с ними, и Гарда-Кетиль ¹⁵, и муж, который звался Асткелль, и двое Тордов. Эймунд и его товарищи взяли с собой еще одного коня и на нем везли свое боевое снаряжение и припасы. Выехали они, снарядившись, как купцы, и не знали люди, что значит эта поездка и какую они задумали хитрость. Они въехали в лес и ехали весь тот день, пока не стала близка ночь. Тогда они выехали из лесу и подъехали к большому дубу; кругом было прекрасное поле и широкое открытое место. Тогда сказал Эймунд конунг: «Здесь мы остановимся. Я узнал, что здесь будет ночлег у Бурислава конунга и будут поставлены на ночь шатры». Они обошли вокруг дерева и пошли по просеке и обдумывали — где лучшее место для шатра. Тогда сказал Эймунд конунг: «Здесь Бурислав конунг поставит свой стан. Мне говорили, что он всегда становится поближе к лесу, когда можно, чтобы там скрыться, если понадобится». Эймунд конунг взял веревку или канат и велел им выйти на просеку возле того дерева, и сказал, чтобы кто-нибудь влез на ветки и прикрепил к ним веревку, и так было сделано. После этого они нагнули дерево так, что ветви опустились до земли, и так согнули дерево до самого корня. Тогда сказал Эймунд конунг: «Теперь, по-моему, хорошо, и нам это будет очень кстати». После того они натянули веревку и закрепили концы. А когда эта работа была кончена, была уже середина вечера ¹⁶. Тут слышат они, что идет войско конунга, и уходят в лес к своим коням. Видят они большое войско и прекрасную повозку; за нею идет много людей, а впереди несут знамя. Они повернули к лесу и [пошли] по просеке туда, где было лучшее место для шатра, как догадался Эймунд конунг. Там они ставят шатер, и вся рать также, возле леса. Уже совсем стемнело. Шатер у конунга был роскошный и хорошо устроен: было в нем четыре части и высокий шест сверху, а на нем—

¹⁴ Обычное в скандинавских сагах число для небольшой группы людей.

¹⁵ Т. е. Кетиль из Гардов, Гардский, получивший это прозвище, очевидно, в связи с поездкой на Русь.

¹⁶ Шесть часов после полудня.

золотой шар с флюгером. Они видели из лесу все, что делалось в стане, и держались тихо. Когда стемнело, в шатрах зажглись огни, и они поняли, что там теперь готовят пищу. Тогда сказал Эймунд конунг: «У нас мало припасов — это не годится; я добуду пищу и пойду в их стан». Эймунд оделся нищим, привязал себе козлиную бороду и идет с двумя посохами к шатру конунга, и просит пищи, и подходит к каждому человеку. Пошел он и в соседний шатер, и много получил там, и хорошо благодарил за добрый прием. Пошел он от шатров обратно, и припасов было довольно. Они пили и ели, сколько хотели; после этого было тихо. Эймунд конунг разделил своих мужей; шесть человек оставил в лесу, чтобы они стерегли коней и были готовы, если скоро понадобится выступить. Пошел тогда Эймунд с товарищами, всего шесть человек, по просеке к шатрам, и казалось им, что трудностей нет. Тогда сказал Эймунд: «Рагнвальд и Бьёрн, и вы исландцы, пусть идут к дереву, которое мы согнули». Он дает каждому в руки боевой топор. «Вы — мужи, которые умеют наносить тяжелые удары, хорошо пользуйтесь этим теперь, когда это нужно». Они идут туда, где ветви были согнуты вниз, и еще сказал Эймунд конунг: «Здесь пусть стоит третий, на пути к просеке, и делает только одно — держит веревку в руке и отпустит ее, когда мы потянем ее за другой конец. И когда мы устроим все так, как хотим, пусть он ударит топором по веревке, как я назначил. А тот, кто держит веревку, узнает, дрогнула ли она от того, что мы ее двинули, или от удара. Мы подадим тот знак, какой надо, — от него все зависит, если счастье нам поможет, и тогда пусть тот скажет; кто держит веревку, и рубит ветви дерева, и оно быстро и сильно выпрямится». Сделали они так, как им было сказано. Бьёрн идет с Эймундом конунгом и Рагнаром, и подходят они к шатру, и завязывают петлю на веревке, и надевают на древко копья, и накидывают на флюгер, который был наверху на шесте в шатре конунга, и поднялась она до шара, и было все сделано тихо. А люди крепко спали во всех шатрах, потому что они устали от похода и были сильно пьяны. И когда это было сделано, они берутся за конец и так натягивают веревку, и стали советоваться. Эймунд конунг подходит поближе к шатру конунга и не хочет быть вдали, когда шатер будет сорван. По веревке был дан удар, и замечает тот, кто ее держит, что она дрогнула, говорит тем, кто должны были рубить, и стали они рубить дерево, и оно быстро выпрямляется и срывает весь шатер конунга, и [закидывает его] далеко в лес. Все огни сразу погасли. Эймунд конунг хорошо заметил вечером, где лежит в шатре конунг, идет он сразу туда и сразу же убивает конунга и многих других. Он взял с собой голову Бурислава конунга. Бежит он в лес и его мужи, и их не нашли. Стало страшно тем, кто остался из мужей Бурислава конунга при этом великом событии, а Эймунд конунг и его товарищи уехали, и вернулись они домой рано утром. И идет [Эймунд] к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурислава. «Теперь посмот-

рите на голову, господин,— узнаете ли ее?» Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: «Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин; позаботьтесь теперь о том, чтобы тело вашего брата было хорошо, с почетом, похоронено». Ярицлейв конунг отвечает: «Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам; вы должны позаботиться о его погребении. А что будут делать те, кто шли с ним?» Эймунд отвечает: «Думаю, что они соберут тинг и будут подозревать друг друга в этом деле, потому что они не видели нас, и разойдутся они в несогласии, и ни один не станет верить другому и не пойдет с ним вместе, и думаю я, что не многие из этих людей станут обряджать своего конунга». Выехали норманны из города и ехали тем же путем по лесу, пока не прибыли к стану. И было так, как думал Эймунд конунг,— все войско Бурислава конунга ушло и разошлось в несогласии. И едет Эймунд конунг на просеку, а там лежало тело конунга, и никого возле него не было. Они обрядили его и приложили голову к телу и повезли домой. О погребении его знали многие. Весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга ¹⁷ и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем.

Эймунд конунг ушел от Ярицлейва к его брату

Прошли лето и зима, ничего не случилось, и опять не выплачивалось жалованье. Некоторые открыто говорили конунгу, что много можно вспомнить о братоубийстве, и говорили, что норманны теперь кажутся выше конунга. И настал день, когда должно было выплатить жалованье, и идут они в дом конунга. Он хорошо приветствует их и спрашивает, чего они хотят так рано утром. Эймунд конунг отвечает: «Может быть, вам, господин, больше не нужна наша помощь, уплатите теперь сполна то жалованье, которое нам полагается». Конунг сказал: «Многое сделалось от того, что вы сюда пришли». «Это правда, господин,— говорит Эймунд,— потому что ты давно был бы изгнан и лишился власти, если бы не воспользовался нами. А что до гибели брата твоего, то дело обстоит теперь так же, как тогда, когда ты согласился на это». Конунг сказал: «На чем же вы теперь порешите?» Эймунд отвечает: «На том, чего тебе менее всего хочется». «Этого я не знаю»,— говорит конунг. Эймунд отвечает: «А я знаю наверное — менее всего тебе хочется, чтобы мы ушли к Вартилаву конунгу, брату твоему, но мы все же поедем туда и сделаем для него все, что можем, а теперь будь здоров, господин». Они быстро уходят к своим кораблям, которые были уже совсем готовы. Ярицлейв конунг сказал: «Быстро они ушли и не по нашей воле». Княгиня отвечает: «Если вы с Эймундом конунгом будете делить все дела, то это пойдет к тому, что вам с ним будет тяжело». Конунг сказал: «Хорошее было бы

¹⁷ Т. е. подчинился Ярицлейву.

дело, если бы их убрать». Княгиня отвечает: «До того еще будет вам от них какое-нибудь бесчестие». После того отправилась она к кораблям, и Рагнвальд, сын Ульва, с несколькими мужами, туда, где стояли у берега Эймунд и его товарищи, и было им сказано, что она хочет повидать Эймунда конунга. Он сказал: «Не будем ей верить, потому что она умнее конунга, но не хочу я ей отказывать в разговоре». «Тогда я пойду с тобой», — сказал Рагнар. «Нет, — сказал Эймунд, — это не военный поход и не пришла неравная нам сила». На Эймунде был плащ с ремешком, а в руках — меч. Они сели на холме, а внизу была глина. Княгиня и Рагнвальд сели близко к нему, почти на его одежду. Княгиня сказала: «Нехорошо, что вы с конунгом так расстаетесь. Я бы очень хотела сделать что-нибудь для того, чтобы между вами было лучше, а не хуже». Ни у того, ни у другого из них руки не оставались в покое. Он расстегнул ремешок плаща, а она сняла с себя перчатку и взмахнула ею над головой. Он ¹⁸ видит тогда, что тут дело не без обмана и что она поставила людей, чтобы убить его по знаку, когда она взмахнет перчаткой. И сразу же выбегают люди [из засады]. Эймунд увидал их раньше, чем они добежали до него, быстро вскакивает, и раньше, чем они опомнились, остался [только] плащ, а [сам] он им не достался. Рагнар увидел это и прибежал с корабля на берег, и так один за другим, и хотели они убить людей княгини. Но Эймунд сказал, что не должно этого быть. Они столкнули их с глинистого холма и схватили. Рагнар сказал: «Теперь мы не дадим тебе решать, Эймунд, и увезем их с собой». Эймунд отвечает: «Это нам не годится, пусть они вернуться домой с миром, потому что я не хочу так порвать дружбу с княгиней». Поехала она домой и не радовалась затеянному ею делу. А они отплывают и не останавливаются, пока не прибыли в княжество Вартилава конунга, и идут к нему, а он принимает их хорошо и спросил — что нового. И Эймунд рассказал все, что случилось, — как началось у них с Ярицлейвом конунгом и как они расстались. «Что же вы теперь думаете делать?» — говорит конунг. Эймунд отвечает: «Сказал я Ярицлейву конунгу, что мы сюда, к вам, поедem, потому что я подозреваю, что он хочет уменьшить твои владения, как брат его сделал с ним, и решайте теперь сами, господин, — хотите ли вы, чтобы мы были с вами или ушли, и думаете ли вы, что вам нужна наша помощь». «Да, — говорит конунг, — хотелось бы нам вашей помощи, но чего вы хотите за это?» Эймунд отвечает: «Того же самого, что было у нас у брата твоего». Конунг сказал: «Дайте мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я». Эймунд конунг соглашается на это. Вартилава конунг собирает тинг со своими мужами и говорит им, какой слух прошел о Ярицлейве конунге, брате его, — что он замышляет отнять его владения, и говорит, что пришел сюда Эймунд конунг и предлагает им

¹⁸ Эймунд.

свою помощь и поддержку. Они очень уговаривают конунга принять их. И тут заключают они договор, и оставляет конунг для себя его советы, «потому что я не так находчив, как Ярицлейв конунг, брат мой, и все-таки между нами понадобилось посредничество. Мы будем часто беседовать с вами и платить вам все по условию». И вот они в великом почете и уважении у конунга.

Мир между братьями Ярицлейвом и Вартилавом

Случилось, что пришли послы от Ярицлейва конунга просить деревень и городов, которые лежат возле его владений, у Вартилава конунга. Он говорит об этом Эймунду конунгу, а он отвечает так: «Это вы должны решать, господин». Конунг сказал: «Теперь надо сделать так, как было условлено, — что вы будете давать нам советы». Эймунд отвечает: «По мне, господин, похоже на то, что надо ждать схватки с жадным волком. Будет взято еще больше, если это уступить. Пусть послы едут обратно с миром, — говорит он, — они узнают о нашем решении». «А сколько времени тебе надо, чтобы собрать войско?» «Полмесяца», — говорит конунг. Эймунд сказал: «Назначь, господин, где встретиться для боя, и скажи послам, чтобы они сказали своему конунгу». И было так сделано, и поехали послы домой. С обеих сторон войско стало готовиться к бою, и сошлись они в назначенном месте на границе, поставили стан и пробыли там несколько ночей. Вартилав конунг сказал: «Что же мы будем здесь сидеть без дела? Не станем упускать победу из рук». Эймунд сказал: «Дай мне распорядиться самому, потому что отсрочка — лучше всего, когда дело плохо, и еще нет Ингигерд княгини, которая решает за них всех, хотя конунг — вождь этой рати; я буду держать стражу, господин». Конунг отвечает: «Как вы хотите». Сидят они так 7 ночей с войском. И однажды ночью было ненастно и очень темно. Тогда Эймунд ушел от своей дружины и Рагнар. Они пошли в лес и позади стана Ярицлейва сели у дороги. Тогда сказал Эймунд конунг: «Этой дорогой поедут мужи Ярицлейва конунга, и, если я хочу скрыться, мне надо было бы уйти, но побудем сначала здесь». После того как они посидели немного, сказал Эймунд конунг: «Неразумно мы сидим». И тут же слышат они, что едут и что там женщина. Увидели они, что перед нею едет один человек, а за нею другой. Тогда сказал Эймунд конунг: «Это, верно, едет княгиня; станем по обе стороны дороги, а когда они подъедут к нам, раньте ее коня, а ты, Рагнар, схвати ее». И когда те проезжали мимо, они ничего не успели увидеть, как конь уже пал мертвым, а княгиня вовсе исчезла. Один говорит, что видел, как мелькнул человек, бежавший по дороге, и не смели они встретиться с конунгом, потому что не знали, кто это сделал — люди или тролли. Поехали они тайком домой и [больше] не показывались. Княгиня сказала побратимам: «Вы, норманны, не спешите перестать оскорблять меня». Эймунд сказал: «Мы с вами хорошо поступим, княгиня, но не знаю,

придется ли тебе сразу же целовать конунга». Вернулись они в стан Вартилава конунга и говорят ему, что княгиня здесь. Он обрадовался, и сам стал сторожить ее. Наутро она позвала к себе Эймунда конунга, и когда он пришел к ней, сказала княгиня: «Лучше всего было бы нам помириться, и я предлагаю сделать это между вами. Хочу сначала объявить, что выше всего буду ставить Ярицлейва конунга». Эймунд конунг отвечает: «Это во власти конунга»¹⁹. Княгиня отвечает: «Но твои советы ведь больше всего значат». После этого идет Эймунд к Вартилаву конунгу и спрашивает его, хочет ли он, чтобы княгиня устроила мир между ними. Конунг отвечает: «Не скажу, чтобы это можно было посоветовать, — ведь она уже хотела уменьшить нашу долю». Эймунд сказал: «Ты будешь доволен тем, что у тебя было до сих пор?» «Да», — говорит конунг. Эймунд сказал: «Не скажу, чтобы это было [правильное] решение, — чтобы твоя доля не увеличилась, потому что ты должен получить наследство после брата твоего наравне с ним»²⁰. Конунг отвечает: «Тебе больше хочется, чтобы я выбрал ее решение, — пусть так и будет». Эймунд конунг говорит княгине, что есть согласие на то, чтобы она устроила мир между конунгами. «Это, верно, твой совет, — говорит она, — и ты увидишь, в чем меньше зла и какому быть решению». Эймунд конунг сказал: «Я не мешал тому, чтобы вам была оказана честь».

Затрубили тогда, сзывая на собрание, и было сказано, что Ингигерд княгиня хочет говорить с конунгами и их дружинниками. И когда собрались, увидели все, что Ингигерд княгиня — в дружине Эймунда конунга и норманнов. Было объявлено от имени Вартилава конунга, что княгиня будет устраивать мир. Она сказала Ярицлейву конунгу, что он будет держать лучшую часть Гардарики — это Хольмгард, а Вартилав — Кенугард, другое лучшее княжество с даниями и поборами; это — наполовину больше, чем у него было до сих пор. А Пальтескью и область, которая сюда принадлежит, получит Эймунд конунг, и будет над нею конунгом, и получит все земские поборы целиком, которые сюда принадлежат, «потому что мы не хотим, чтобы он ушел из Гардарики». Если Эймунд конунг оставит после себя наследников, то будут они после него в том княжестве. Если же он не оставит после себя сына, то [оно] вернется к тем братьям. Эймунд конунг будет также держать у них оборону страны и во всем Гардарики, а они должны помогать ему военной силой и поддерживать его. Ярицлейв конунг будет над Гардарики. Рагнвальд ярл будет держать Альдейгьюборг так, как держал до сих пор. На такой договор и раздел княжеств согласился весь народ в стране и подтвердил его. Эймунд конунг и Ингигерд должны были репать все трудные дела. И все поехали домой по своим княжествам. Вартилав конунг прожил не дольше трех зим, заболел и умер; это был конунг, которого

¹⁹ Т. е. Вартилава.

²⁰ Т. е. Ярицлейвом.

любили как нельзя больше. После него принял власть Ярицлейв и правил с тех пор один обоими княжествами. А Эймунд конунг правил своими и не дожил до старости. Он умер без наследников и умер от болезни, и это была большая потеря для всего народа в стране, потому что не бывало в Гардарики иноземца более мудрого, чем Эймунд конунг, и пока он держал оборону страны у Ярицлейва конунга, не было нападений на Гардарики. Когда Эймунд конунг заболел, он отдал свое княжество Рагнару, побратиму своему, потому что ему больше всего хотелось, чтобы он им пользовался. Это было по разрешению Ярицлейва конунга и Ингигерд. Рагнвальд, сын Ульва, был ярлом над Альдейгьюборгом; они с Ингигерд княгиней были детьми сестер. Он был великий вождь, и обязан данью Ярицлейву конунгу, и дожил до старости. И когда Олав Святой, сын Харальда, был в Гардарики, был он у Рагнвальда, сына Ульва, и между ними была самая большая дружба, потому что все знатные и славные люди очень ценили Олава конунга, когда он был там, но всех больше — Рагнвальд ярл и Ингигерд княгиня, потому что они ²¹ любили друг друга тайной любовью.

---

²¹ Олав и Ингигерд.

ХРОНИКА ЭРИКА, ИЛИ ДРЕВНЕЙШАЯ РИФМОВАННАЯ ХРОНИКА (Известия о русско-шведских отношениях XIII—XIV вв.)

Древнейшая шведская рифмованная хроника, или Хроника Эрика, сокращенно обозначаемая здесь ХЭ, представляет собой памятник, с которого начинается средневековая историография в Швеции. Она охватывает события с 1229 до 1319 г. с пробелом между 1313 и 1317 гг. и важна прежде всего ввиду скудости документов по истории Швеции в XIII и XIV вв., а также летописания более раннего, чем ХЭ. Предшествующие ей анналы на латинском языке, которые велись в монастырях, давали ее автору общую канву и ряд фактов для его значительно более подробного и разностороннего повествования; кроме того, он пользовался текстами юридического характера, актовым материалом, но главным образом преданиями знатного рода Фолькунгов, наиболее выдающимся представителем которого был знаменитый Биргер ярл, а затем сведениями, которые он получал в кругу так называемой партии герцогов при внуке Биргера ярла, короле Биргере (1290—1319 гг.). Междоусобные распри, возникшие вскоре после 1300 г. между этим королем и его братьями, герцогами Эриком и Вальдемаром, занимают наиболее видное место в ХЭ.

В первой части ХЭ, до 1290 г., изложены лишь главные события, и притом сравнительно кратко. Вторая часть отличается развернутым и подробным изложением, причем автор проявляет себя как сторонник партии герцогов, особенно Эрика (отсюда и название ХЭ), которого он восхваляет и идеализирует в духе средневековой рыцарской поэзии. Сам Эрик погиб в борьбе с королем Биргером, но партия его вскоре после того одержала верх, и в 1319 г. его сын Магнус стал шведским королем; это и есть тот «Магнушь, король свейский», о котором говорит наша Новгородская I летопись под 1348 и 1350 гг.

ХЭ не дает четкой и определенной хронологии и делает иногда ошибки в отношении тех дат, которые можно установить на основании ее известий. Не отличается она и особенно широкой осведомленностью автора в области политики описываемой эпохи. Как литературное произведение, она написана очень живо, легко и доступно, хорошим языком и местами не без юмора. Иноземным образцом ее, который автором был хорошо усвоен, являются немецкие рифмованные хроники XIII—XIV вв.; в смысле литературной формы от них же ведет свое происхождение и Ливонская рифмованная хроника. Влияние западноевропейской литературы,

рыцарской поэзии и романтики, которое уже проникло в Швецию в XIII—XIV вв., сказалось и на ХЭ. Если автор ее и не был настоящим историком с широким кругозором, он тем не менее излагает события правильно и дает целый ряд подробностей, которые можно проверить. ХЭ привлекала большой интерес современников и в дальнейшем получила широкое распространение: ею пользовались позднейшие историки, например Эрик Олай, писавший свою латинскую хронику во второй половине XV в.; ХЭ стали подражать, перерабатывать ее, и в результате появилось еще несколько произведений того же типа на шведском языке (так называемая Малая рифмованная хроника XV в. и др.).

Имя автора ХЭ не дошло до нас; кто он был — точно не известно. Во всяком случае, он — не духовное лицо и едва ли профессиональный поэт. Наиболее вероятно предположение, что он — выходец из мелкого дворянства, обладавший поэтическим талантом и литературными знаниями. Положение его в обществе определяется его явной близостью к тем кругам феодальной знати, которые поддерживали герцога Эрика и содействовали возведению на престол сына Эрика — Магнуса, в частности к Матиасу Кетильмундсону. Политические симпатии автора ХЭ не приводят его к резкой нетерпимости. Например, он соединяет свое сочувствие партии Эрика с таким же отношением к Торгильсу Кнутсону, который был враждебен Эрику. Это, может быть, объясняется тем, что Матиас Кетильмундсон, которого считают покровителем автора ХЭ и даже инициатором ее составления, сам был близок к Торгильсу Кнутсону в походе 1300—1301 гг.; кроме того, у Торгильса были родственные связи среди той самой знати, которая составляла окружение герцогов. И, наконец, возможно, что автор ХЭ как человек, разделяющий политические воззрения феодальных верхов общества, мог сочувственно относиться к Торгильсу Кнутсону в силу своих классовых симпатий вообще и независимо от партийных раздоров видеть в нем прежде всего импонирующего ему крупного магната, который проявил себя к тому же как крупный государственный деятель.

Время составления ХЭ — вопрос спорный. Старший список ее, Cod. Holm. D 2, относится к середине XV в. Наиболее вероятным представляется ее составление между 1320 и 1335 гг.

В отношении известий о русских и об их борьбе со шведами ХЭ, конечно, тенденциозна; первое, что обращает на себя внимание, — это замалчивание разгрома шведов на Неве в 1240 г. и похода Александра Невского на емь-тавастов в 1256 г. В переведенных здесь отрывках антирусская тенденция автора достаточно прозрачна, чтобы можно было без затруднения разобрать, в чем дело. Сведения о наиболее подробно изложенных событиях 1300—1301 гг. автор ХЭ получил, вероятно, от самого Матиаса Кетильмундсона, которого он в своем рассказе усиленно выдвигает и восхваляет, а также от других участников этого похода на Неву.

Нередкие у автора ХЭ выражения «я думаю», «я полагаю», меж-

ду тем как он говорит о фактах, несомненно ему известных,— лишь литературный прием, а не признак неосведомленности, заставляющей прибегать к предположениям.

ХЭ не подразделена в подлиннике на главы или строфы; заголовки приведенных здесь прозой отрывков поставлены мною. Цитируют ее обычно по строкам; страницы указаны по изданию: *Klemming G. E. Gamla eller Eriks-Krönikan. Svenska medeltidens rimkröniker, del. 1. Stockholm, 1865.* Более новое издание см.: *Erikskrönikan enligt cod. Holm. D 2, R. Pipping. Uppsala, 1921.* Некоторые краткие пояснения даны в сносках.

Настоящий очерк ХЭ как памятника составлен на основании научно-исследовательской литературы о ней на шведском языке, главным образом диссертации: *Andersson I. Källstudier till Sveriges historia (1230—1436). Lund, 1928* (где этой хронике посвящена первая глава) и статьи: *Bolin G. Till dateringen av Erikskrönikan.*— «Historisk tidskrift». Stockholm, 1927, 3. Для комментария использована работа: *Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsinki, 1926.*

I. Поход Биргера ярла на тавастов, 1249 г.

(строки 89—156, с. 4—6)

Тогда созвал король Эрик по всей своей стране и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг, как водится и ныне, когда государь объявляет своим людям, что он собирается вести войну. Звал он их в языческую землю и поручил своему зятю быть их начальником, потому что ему он более всего доверял. Его зять охотно за это взялся; ему хотелось побольше чести и славы. Он стал готовить оружие и снаряжение и смелых, бесстрашных воинов. Пошли тогда в ход шлемы, нагрудные пластины и панцири, и стало их много. Каждый [воин] готовился на своем месте, и они охотно исполняли то, что велел король. И были спущены на воду шнеки и быстроходные ладьи; много было больших мешков с деньгами развязано и отдано тем, кому приходилось расставаться со своим домом, не зная, когда они вернутся. Многие женщины плакали и ломали руки, но все-таки они радовались тому, что божья слава умножится от этого похода. Много старых отцовских мечей было снято с гвоздей, где они долго висели. С лаской проводили их¹ к берегу, с дружескими словами и рукопожатиями. Много целовали тогда алых уст, которых после уже не целовали с сердечной радостью, потому что многим больше не пришлось свидеться. Вот что бывает после такой разлуки!

Дул попутный ветер, и они отплыли. Тем временем готовились и язычники; они хорошо знали, что те придут не на пользу им, а на беду. Христиане вошли в гавань; увидели тут язычники по-

¹ Воинов.

золоченные щтевни бесчисленных кораблей; им пришлось больше горевать, чем смеяться! Они ² взяли свои знамена и сошли на берег. Христианам было там хорошо: их щиты и щлемы блистали по всей той стране; им хотелось испытать свои мечи на язычниках-тавастах; полагаю, что они так и сделали. Тавасты стали прятать золото и серебро и большие стада. Язычники потерпели поражение, а христиане победили. Всякому, кто подчинялся им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и добро и позволяли жить мирно, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти. Христиане построили там крепость и посадили там своих людей; эта крепость называется Тавастаборг — беда от нее языщикам! Они ³ посадили в стране той христиан; полагаю, что так и осталось поныне. Ту страну, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял.

Описываемый здесь шведский поход на Финляндию неизвестен в других ранних шведских источниках и вообще в скандинавской литературе того времени; не знают его и русские летописи. За вычетом довольно шаблонных литературных деталей, для которых автор ХЭ мог обойтись и без какого-нибудь определенного источника, устного или письменного, у нас остаются следующие основные факты: поход на Финляндию при короле Эрике (1222—1250 гг.) под предводительством Биргера ярла, правителя Швеции при Эрике и при своем сыне Вальдемаре, преемнике Эрика; Биргер был женат на сестре Эрика. Затем — подчинение и насильственное обращение в христианство финского племени тавастов, известного в русской летописи под названием «емь»; и, наконец, основание крепости, как полагают некоторые исследователи, на месте, расположенном несколько южнее Тавастхуса [нын. Хяменлинна], в Nakoisten (шведское Нага).

Это была не первая попытка христианизации тавастов; есть указания и на более ранние, в самом конце XII в. и в течение первой половины XIII в. Первый вообще шведский поход на Финляндию и начало христианизации финских племен относится еще к 1157 г., но после того внутренние распри в Швеции долго мешали предпринять сколько-нибудь серьезные действия с целью подчинения Финляндии; после окончательного утверждения Эрика на престоле в 1234 г. лишь в 1249 г. состоялся большой поход, о котором говорит ХЭ. Возможно, что Биргер не принимал в нем участия с самого начала, а прибыл в Финляндию несколько позже: есть сведения о его отсутствии в Швеции в 1249 г. весной, т. е. в такое время года, когда вероятнее всего и отплыл шведский флот, снаряженный для похода в Финляндию.

Основание шведского укрепленного пункта в земле тавастов могло быть еще до Биргера, заложившего там уже настоящую кре-

² Шведы.

³ Шведы.

пость, делом финляндского епископа Томаса в 20—30-х годах XIII в. Есть предположение, что тому же Томасу, энергичному церковному и политическому деятелю и христианизатору тавастов, принадлежит инициатива шведского похода на Неву в 1240 г., кончившегося для шведов, как известно, полным разгромом и не упоминаемого ни в одном шведском источнике, и что исходной точкой этого похода является, таким образом, не Швеция, а шведская Финляндия.

Какой гаванью на южном финском побережье воспользовались шведы в 1249 г., остается неясным: в землю тавастов оттуда было несколько водных путей.

Упоминание о серебре и золоте, которое прячут тавасты при приближении шведов, является в ХЭ общим местом, неоднократно повторяющимся в ее тексте. Золоту у тавастов, во всяком случае, неоткуда было взяться. Скот они прятали, загоняя его в леса. Для русского историка чрезвычайно интересным является заключительное замечание ХЭ в этом отрывке — о потере русскими земли тавастов: по смыслу оно прямым образом подтверждает, что до того времени тавасты находились с Новгородом в каких-то отношениях подчиненности. Очевидно, это было результатом неоднократных новгородских походов на емь-тавастов, о которых знает летопись начиная с 1042 г. Отношения тавастов с Новгородом осложнялись неприязнью между ними и карелами, постоянными союзниками Новгорода, а это было выгодно для шведского завоевания в земле тавастов. Карелы, по всей вероятности, ходили с новгородцами на емь не только в 1191 г., когда об этом говорит летопись: поход их на емь известен еще под 1143 г., а в 1228 г. они же вместе с ижорой принимают деятельное участие в отражении набега еми на Ладожское озеро. С целью более прочного закрепления за собой захваченной территории Биргер ярл, как мы видим из ХЭ, позаботился о колонизации ее шведами.

Язычниками ХЭ повсюду называет не только финские племена, державшиеся язычества, но также русских, т. е. православных по вероисповеданию, и обращенных в православие карелов.

II. Нападение на Сигтуну, 1187 г., и основание Стокгольма (строки 474—521, с. 17—18)

Швеции грозила большая опасность и тревога от карелов. Они смело и уверенно шли с моря в Меларн и в тихую погоду, и в бурю, по шведским шхерам; чаще всего их рать пробиралась тайком. Однажды вздумалось им сжечь Сигтуну, и сожгли они ее до основания, так что город тот больше уже не поднимался. Там был убит архиепископ Ион; этому были рады многие язычники; радовалась карельская и русская земля тому, что христианам пришлось так худо. Все они⁴ приободрились после того и принялись

⁴ Русские и карелы.

воевать. Как я здесь читаю, так и было. Ион ярл был убит в Асканесе; он провел девять лет в походах и ни разу не был дома за это время, и воевал с русскими и ижорой ради господина и святой веры. Вернувшись домой, он в первую же ночь был убит ими⁵. Его жена бежала в Хундхамар; ее сердце и мысли были полны великого горя и отчаяния. Эта превосходная благородная женщина собрала людей и большую силу и, как мне говорили, всех их перебила на утесе, называемом Eestaskär: все они там расстались с жизнью. И велела вытащить их ладьи на берег и сжечь, потому что ее постигло такое горе. Этой беде помог Биргер ярл, мудрый муж; он велел построить с великим искусством и большим разумением город Стокгольм — прекрасную крепость и хороший город. Все было сделано, как он велел. Это — замок на озере, так что карелы не могли их беспокоить. Я говорю, что это озеро прекрасно, потому что там 19 церковных приходов и семь торговых городов вокруг озера. Там теперь процветание и великая радость, а прежде были горе и глубокая печаль, причиненная им⁶ язычниками.

Автор ХЭ здесь прерывает свой рассказ о времени Биргера ярла и обращается к прошлому, к нападению карелов на Сигтуну в 1187 г., но делает это так, что вставное повествование сливается с текстом, относящимся к событиям XIII в.

Утверждая, что описываемые события действительно верны, автор пользуется глаголом *läsa*, имеющим значение «говорить» (как и русское «читать наизусть») и «читать то, что написано»; если принять второе значение, то ХЭ, следовательно, предназначалась для чтения вслух, как и полагают некоторые комментаторы. Это подтверждается тем, что автор называет в одном месте свое произведение «книгой».

Другие шведские источники говорят не только о карелах, но и о русских как участниках нападения на Сигтуну. Тесная связь карелов с Новгородом выражается в ХЭ в том, что и они и русские радуются успеху набега 1187 г. В XII и XIII вв. в Балтийском море на смену прежним скандинавским викингам IX — XI вв. появились другие — финские и славянские (вендские) по происхождению. Их походы и набеги, обусловленные иными причинами и совершавшиеся в иных окружающих условиях, носили более ограниченный характер, но представляли тем не менее весьма значительную опасность для тех, против кого они были направлены. Разгром Сигтуны и был одним из проявлений деятельности этих новых викингов-карелов (и, может быть, эстов), поддерживаемых в данном случае Новгородом. Памятью об участии эстов в этом набеге являются производные от их этнического наимено-

---

⁵ Теми, кто напал на Сигтуну.

⁶ Жителям берегов Меларна.

вания местные названия в районе озера Меларна вроде Eestaskär, которое упоминается в ХЭ.

Известие о гибели архиепископа Иона при нападении на Сигтуну есть и в других шведских источниках. Кто был Ион ярл — вопрос спорный и для нас интересный лишь в связи с указанием ХЭ на участие этого лица в войнах с русскими и ижорой в течение девяти лет, что ведет нас к 1178 г. как началу военной карьеры Иона в пределах Новгородской земли. Про шведские походы в данное время ничего неизвестно ни в шведских, ни в русских источниках, да и сама дата эта, 1178 г., ненадежна ввиду уже отмеченного здесь свободного обращения автора ХЭ с датой набега на Сигтуну. В Швеции в Линчепингском соборе есть надгробная надпись на латинском языке, довольно неясная, в память какого-то ярла Иоанна (dux Johannes); по чтению некоторых исследователей, она называет его «грозой язычников» и «защитником шведов». Кто был этот Иоанн и тождествен ли он с Ионом ярлом ХЭ — вопрос нерешенный. Линчепингскому епископу была подчинена на первых порах шведская церковная организация в Финляндии до установления финляндской епископии в первой четверти XIII в. Надпись относится к первой половине XIII в., но она могла быть сделана много времени спустя после смерти того лица, к которому она относится. Рассказ ХЭ о Ионе ярле и особенно о его жене восходит, по-видимому, к какой-то исторической песне, народной балладе, содержанием которой и воспользовался автор ХЭ.

Прямой переход от набега на Сигтуну к основанию Стокгольма при Биргере ярле в конце концов не так произволен и антиисторичен, как кажется: Стокгольм возник, вероятно, еще в конце XII в., т. е. вскоре после разгрома Сигтуны, и даже был укреплен, как полагают, другим Биргером ярлом (умер в 1202 г.), происшедшим из того же знатного и влиятельного рода Фолькунгов, как и его одноименный, более поздний и более знаменитый родич, который уже основательно укрепил Стокгольм. Первое известие об этом городе появляется в шведских источниках в 1252 г. В памяти предания этот второй Биргер ярл легко мог вытеснить первого.

Интересной подробностью в рассказе ХЭ о нападении на Сигтуну является то, что карелы, по ее словам, смело и уверенно шли по шведским шхерам независимо от погоды, да еще к тому же умели пробираться тайком. Это предполагает, по-видимому, большую осведомленность относительно расположения этих шхер, фарватера и т. д. Трудно сказать, является ли такая осведомленность результатом каких-то предыдущих и, очевидно, неоднократных набегов, оставшихся нам неизвестными (по тексту ХЭ так и выходит), или торговых поездок по этому водному пути, также нередких, о которых у нас сведений нет. Пока это все лишь догадки; остается тот факт, что новые викинги Балтийского моря хорошо знали свое дело и обладали не только смелостью, но и достаточным умением.

III. Поход на Финляндию и основание Выборга, 1293 г.
(строки 1324—1385, с. 46—48)

Пошли они ⁷ в языческую землю и положили конец злу и великой беде; язычники слишком близко подходили к ним. Это было там главным их делом; и построили они крепость в том краю, где кончается христианская земля и начинается земля языческая. Теперь там добрый мир, больше тишины и покоя и больше людей, верующих в бога. Эта крепость называется Выборг и находится на востоке; оттуда было освобождено много пленных. Это — преграда, сдерживающая язычников. У русских стало таким образом меньше подвластной им земли, и беда оказалась у них у самых дверей. Всю эту крепость построили из камня, а затем поехали господа домой и посадили там фогта, которому не страшно было видеть перед собой разъяренных людей и который не особенно боялся язычников. Он наконец покорил карелов и всю их землю с 14-ю погостами, большими и малыми. Кексгольм был тогда взят христианами и уцелел от огня; много язычников было там побито и застрелено в тот самый день, а тех, что были взяты в плен, они увели к себе в Выборг. Некоторые христиане хотели там остаться, а другие — вернуться домой и привезти им оттуда снабжение. Но их начальник запоздал, а русские тем временем готовились, желая отомстить за неудачу. Пока им доставляли снабжение, русские слишком быстро подошли и стали нападать днем и ночью; христиане охотно избежали бы этого. Шесть дней прожили они без пищи; удивительно, как люди могли это вынести. Наконец, они вышли биться; чем дольше они ждали, тем хуже становилось, потому что у них было мало силы ⁸, а к тому же они были близки к смерти от голода. Русские понесли большие потери, как и всегда бывает, когда они встречаются с упландцами; русскому тогда приходится. Христиане были там все перебиты, а русские радовались тому, что христиан постигло несчастье; спаслось их только двое. Там был убит Сигге Локе, да подаст бог царство небесное душе его! Все христиане погибли там ради господа и святой веры. После того островом там владели русские и сильно укрепили его, и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту.

Вскоре после смерти Биргера ярла (1266 г.) возникли распри между его сыновьями, закончившиеся победой наиболее энергичного и способного из них, Магнуса, который и был королем Швеции до 1290 г. Его преемником был его несовершеннолетний сын Биргер, при котором власть была в руках совета опекунов, главным образом наиболее выдающегося и талантливого из них, «мудрого мужа», как называет его ХЭ, марскалка (или марска) Тор-

⁷ Шведы.

⁸ В смысле «военной силы».

гильса Кнутсона. Почетное придворное звание, которое носил Торгильс и которое в Новгородской I летописи под 1300 г. принято за личное имя (Маскалка), заимствовано из Западной Европы (лат. *mariscalchus*) и заменило собою к этому времени старое скандинавское звание ярла. Как мы видим на примере Торгильса Кнутсона, со званием марскалка связывалось военное предводительство и положение королевского наместника, что и отмечено в Новгородской I летописи.

Как внутренняя, так и внешняя политика Торгильса Кнутсона шла по линии, намеченной деятельностью Биргера ярла. При нем шведам удалось проникнуть дальше на восток, в Карелию, где их завоевания были закреплены основанием Выборга. Можно думать, что Выборг издавна был важным пунктом для карельских и приладожских (через Кексгольм — нын. Приозерск) торговых путей; кроме того, он имел также значение для связи с устьем Невы через Бьёрке в Финском заливе. Древнейший Выборг находился, как полагают, на острове Линнасаари, к северу от того острова, на котором расположена крепость, поставленная Торгильсом Кнутсоном. ХЭ определяет этот район как предел «христианской земли»; под «христианами» подразумеваются, вероятно, прежде всего шведы, проникавшие туда с торговыми целями, а затем сравнительно немногочисленные карелы-католики; в громадном большинстве карелы-христиане были православные, т. е. получили христианство от Новгорода. Большое распространение православия в Карелии тем более побуждало католическую церковь поддерживать наступление шведов на восточную Финляндию; еще в 50-х годах XIII в. папа Александр IV писал упсальскому архиепископу о необходимости крестового похода на карелов.

«Главное дело», или задача, которую ставили себе шведы в западной Карелии, заключалось в том, чтобы сдержать угрожавший им напор неприятеля с востока. «Господа», возвращающиеся домой после основания Выборга, — очевидно, знатные шведские феодалы, стоявшие во главе похода; что касается самого инициатора его, Торгильса Кнутсона, то, по данным некоторых документов, он летом 1293 г. был в Швеции, а поход состоялся именно в это время.

Неясно замечание ХЭ относительно пленных: карелы ли это, которых шведы держали в плену в Выборге (и за освобождение которых, вероятно, брали выкуп с их соплеменников), или же шведы, попавшие в плен к карелам и освобожденные своими, обосновавшимися в Выборге. Кто такой был выборгский шведский наместник (фогт), занимавшийся покорением карелов, — неизвестно. Термином «погост» здесь переведено древнешведское *gis-lalagh*, значение которого наиболее правдоподобно объясняется как объединение людей, племенной коллектив, обязавшийся дать заложников завоевателям, а отсюда и территория, населенная ими. Термин этот есть и в шведском тексте Ореховецкого договора 1323 г. Некоторые финские ученые насчитывают как раз

14 таких gislalagh на карельской территории, включая сюда и 4 погоста в северной части Ижорской земли (Ингерманланда): Kuivaisi, Korpiselkä, Keltto, Pähkinälinna. Размер их неодинаков, что и соответствует определению их как «больших и малых» в ХЭ. Если верно предположение о принадлежности четырех ижорских погостов к числу 14-ти gislalagh, захваченных шведами, чьей операционной базой являлся Выборг, то, следовательно, шведы, начиная с 1293 г., предпринимали походы на Ижорскую землю. ХЭ, правда, говорит здесь только о подчинении карелов, но, может быть, потому, что карельских погостов было взято 10, а ижорских только 4.

Кексгольм — карельский центр и торговый пункт на пути из Ладожского озера в Финский залив мимо Выборга; здесь, вероятно, было карельское укрепление, «городок», которое и захватили шведы. Известие Новгородской I летописи под 1295 г. об основании его шведами следует понимать в том смысле, что шведы улучшили и расширили укрепления, уже существовавшие до них. Упоминание о пленных после сообщения о победе над карелами можно опять-таки понимать двояко: своих ли, попавших еще раньше в плен к карелам, увели шведы в Выборг, или карелов, захваченных при взятии Кексгольма? Скорее, пожалуй, второе.

Когда некоторые шведы собираются домой, то это значит не за море, в Швецию, а в Выборг, откуда и исходило нападение на Кексгольм и откуда предполагалось снабжать его шведский гарнизон. Дело снабжения представляется у шведов весьма слабой стороной; здесь обнаруживается отсутствие организованности и распорядительности. В результате кексгольмский гарнизон остался без продовольствия, что и ускорило падение крепости под ударами новгородцев. Характерно для автора ХЭ, что он, только что похваставшись тем, как трудно русским справляться со шведами, тут же вынужден признать, что все шведы были перебиты, за исключением двух. ХЭ называет шведов здесь, как и во многих других местах, упландцами, от названия центральной по своему значению в Швеции области Упланд, где и ныне находится столица Швеции Стокгольм. Погибший при взятии Кексгольма Сигге Локе знаком нам как воевода Сиг по Новгородской I летописи под 1295 г. Кексгольм в руках новгородцев представлял собою, по заключительным словам ХЭ в этом месте, весьма солидный укрепленный пункт.

IV. Поход на Неву и основание Ландскроны, 1300 г.; взятие Ландскроны русскими, 1301 г. (строки 1458—1805, с. 50—62)

В Троицын день маршалк Торгильс собрался в поход. От имени короля снарядил он такой отличный флот, какого никогда не видали, и решил больше не щадить язычников. Пошли они с 1100 способных к бою людей и построили Ландскрону; шведский

король был в силах и это сделать. Я уверен, что на Неве никогда не видели больше хороших кораблей, чем тогда. Там такая прекрасная гавань, что они стали борт к борту и штевень к штевню и устроили помост между кораблями, чтобы никакая буря не могла их оттуда выгнать. Они решили поставить крепость ту между Невой и Черной рекой на мысу, где сходятся обе эти реки. Всем им пришлось кстати, что Нева протекает к югу от крепости, а Черная река — к северу. Русские, как только об этом узнали, снарядились в большой поход в ладьях и на конях и рассчитывали на полный успех. Тогда христиане решили идти войной и больше не щадить язычников. Снарядились они в большой поход и пошли вверх по реке ⁹ в Белос ¹⁰ озеро; у них было не более 800 человек; начальник их звался Харальд. Им сказали, что на одном острове находится с тысячу язычников; туда они и задумали пойти и перебить их.

Белое озеро — как море, о чем здесь в этой книге и говорится; Русская земля лежит к юго-востоку от него, а Карельская — к северу, так что озеро их разделяет. Когда они отошли от своих ¹¹ на 30 морских миль и еще не прошли половины пути, поднялся сильный ветер и озеро побелело. Такая была буря, что они едва добрались до берега. Они стали держать путь в Карельскую землю и высадились на берег близ деревни на реке; было это утром, только начинало светать. Если бы они не вытащили ладьи на берег, их разбила бы буря. Многие промокли и устали. Они пробыли там пять ночей, убивали людей и сожгли их селение и много ушкуев старых и новых; они разрубили и сожгли их челны, а после того настала тихая погода, и они пошли обратно, потому что поели все съестные припасы, так что ничего не осталось. Когда они вернулись на Пеккинсаар ¹², там стоял их передовой отряд; одни остались там, а другие отправились вниз по реке к войску [в Ландскрону].

Однажды, когда они стояли там ¹³ и смотрели на берег, они увидели, что идет более 1000 готовых к бою людей. Дольше ждать не годилось; всякий знает, что ему следует делать, когда приходится трудно. И двинулись они вниз по реке [по направлению к Ландскроне]. А русские сделали из сухого дерева плоты выше иного дома и подожгли, так что они ярко горели, и пустили их вниз по течению, и рассчитывали при их помощи сжечь их корабли. Большая часть плотов остановилась на реке: поперек реки была положена большая сосна для того, чтобы плоты те не повредили кораблям.

Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых бронеи; их шлемы и мечи блистали; полагаю, что они шли в поход

⁹ Неве.

¹⁰ Ладожское.

¹¹ Т. е. от основной части шведского войска, находившегося в Ландскроне.

¹² Остров Орехов.

¹³ На Орехове.

на русский лад. У них было 30 и 1 тысяча войска — так говорил их переводчик. Упландцев было гораздо меньше, а русских воинов многим больше, но они были хуже. Они бросились на приступ ко рву; каждые двое помогали третьему перебираться через ров. Над тем рвом стояла стена с 8-ю башнями с бойницами. Ров был вырыт между обеими реками; за ним стояло все войско. Хельсинги стояли все вместе у южного конца того рва, а русские так стремительно подбежали, словно хотели сказать: «Пройду туда во что бы то ни стало, никого не спросясь». Хельсинг стрелял, рубил, колол, но русские все продолжали наступать. Тогда принялись за дело рыцари: Матиас Кетильмундсон подошел со своим отрядом, сильный и доблестный молодой воин, Хенрик фан Кюрна и Иван. Они отбили русских, также Педер Порсе младший и другие; их отряд тогда увеличился, и они перешли к ним ¹⁴ через ров немного раньше, чем они об этом узнали. Между ними ¹⁵ и рвом русской силы было раз в десять больше, чем этих упландцев; они все-таки отбивались и прорубались сквозь языческий сброд, так что у многих русских кровавый пот выступил. Все они ¹⁶ без вреда вернулись оттуда к себе.

Русский отряд тысяч в десять стоял на опушке леса у засеки; они сияли, как солнце, — так было красиво с виду их оружие! Они стояли и смотрели на крепость ту. Один их христиан сказал: «Я поборюсь с одним из лучших среди них или же он уведет меня к себе в плен; если марск ¹⁷ мне позволит, то я разбужу его ¹⁸, если он спит». И спешно стал снаряжаться, велел подать себе боевого коня и надеть на себя доспехи и переехал шагом через мост. Проехав заставу, благородный воин обернулся и пожелал своим товарищам благополучно оставаться: «Если бог даст нам удачу, то вы меня снова здесь увидите и, может быть, не одного; а если меня постигнет беда, то пусть это решает бог на небесах». Канцлер Матиас был тогда еще юношей; это он выехал на поединок и выслал переводчика, который исполнил его поручение и выслушал ответ от русских. Он сказал: «Здесь благородный муж, один из лучших среди нас; он здесь в полной готовности и ждет, и хочет побороться с лучшим из вас за жизнь, добро и плен. Как вы видите, он здесь близко. Если кто-нибудь из ваших его одолеет, то он сдастся в плен и пойдет за вами; если случится, что ваш будет побежден, то и с ним будет то же самое; больше ему ничего не надо». «Мы видим, что он здесь и уж очень близко подъехал к нам». И собрались они тогда и поговорили между собой. Князь их сказал: «Если кто-нибудь из вас хочет с ним побороться, то пусть подумает об этом. Мы видим, что он доблестный воин; я хорошо знаю, что они посылали к нам мужа не из худших. Вот и все!

¹⁴ К русским.

¹⁵ Шведами.

¹⁶ Шведы.

¹⁷ Марскалк.

¹⁸ Предполагаемого противника.

Я уверен, что если кто-нибудь станет с ним биться, то мы получим весть, что ему пришлось плохо». Русские отвечали: «Мы за это не беремся; здесь никого нет, кто хотел бы с ним биться». Он стоял там до самой ночи, а затем благородный муж повернул обратно и поехал к своим; его хорошо приняли, когда он вернулся. Хвалю этого воина за его смелость и не особенно хвалю скверный языческий сброд. Русские заключили перемирие на один день — иначе быть бы бою! Упландцы охотно сразились бы, если бы русские подождали. Они ушли в течение одной ночи и говорили, что слишком поспешили туда прийти.

Когда крепость та была построена и приведена в полную исправность и снабжена припасами и людьми, войско собралось домой. Поставили над ним хорошего начальника, доброго рыцаря; звался он господин Стен. А затем господа пустились в обратный путь. Они оставили там 300 человек, больших и малых: 200 способных к бою людей и 100 для того, чтобы работать; они должны были готовить солод, варить пиво и печь хлеб, а также сторожить по ночам. А войско вышло из устья реки [Невы] и стало там. Стояли они там и ждали попутного ветра, как и теперь многие ждут. Досадовали некоторые воины, что нет попутного ветра. Матиасу Кетильмундсону и его отряду, смелым и бодрым молодым воинам, все хотелось действовать, и велели они вывести на берег своих боевых коней, и прошли они с огнем и мечом по Ижоре и по Водской земле, жгли и рубили повсюду, где им сопротивлялись; вернулись к кораблю и отплыли на родину, а язычники остались на своих пожарах и помешивали тлеющие угли. Они вернулись домой ко дню св. Микеля¹⁹; король хорошо встретил их и был очень рад.

Те, кто остались в Ландскроне, нуждались во многом, чего им не хватало. За лето припасы у них испортились и мука слежалась; помещения были новые, и мука от тепла скоро стала затхлой, и солод перегрелся и слежался. Худо было им от этого; многие погибли. Стали они болеть; от цинги никому добра не бывает. Бывало, сидели они за столом с виду здоровые, ели и пили, а зубы у них падали на стол. Они держались, насколько сил человеческих хватало; многие от этого умерли; крепость почти опустела. Собрались они и стали жаловаться на свои невзгоды: «Не послать ли нам весть домой и сообщить марску о наших несчастьях? Мы знаем, он не замедлит нагрузить первый же корабль свежими припасами, живым скотом — свиньями и овцами, и прислать к нам здоровых людей, а больных увезти отсюда домой». Тогда отвечал один из рыцарей: «Не следует нам удручать сердце марска, ведь бог может помочь нам в беде».

Русские тогда снова собрались, и карелы, и язычники, потому что крепость та была так поставлена, что жителям того края ничего другого не оставалось, как подчиниться или бежать, если они

---

¹⁹ Михаила, 29 сентября.

хотели остаться в живых. Собрали они ²⁰ громадное войско, и сначала пришли туда небольшим отрядом и хотели забить сваями устье реки; отсюда было близко к крепости той — две мили пути или две морские мили, ехать ли верхом или грести. Когда в крепости той увидели, что они едут, то решили дольше не ждать: быстро надели свои боевые доспехи; их ²¹ не было всего и 20-ти человек, и поехали разузнавать, что русские намерены делать. Они ²² ни о чем не подозревали и видели только тех, кто ехал. Когда они подъехали к устью реки, то ничего там не заметили, кроме срубленных бревен, которые были туда притащены, и свай, которые они ²³ собирались вбивать. Не увидев русских, они повернули обратно и собрались ехать домой. Они ²⁴ устроили там засады, чтобы не дать им ²⁵ вернуться в крепость и изловить их или перебить. Они стояли неподалеку в лесу; в каждой засаде было по 100 человек русских. Христиане напали на них и прорубились сквозь две засады, а в третьей он был ранен, господин Стен, который был во главе их. Прорвались они через все три засады, и многим русским худо пришлось от них. Русские неутомимо преследовали их; шлемы их ²⁶ звенели; как то место, где куют железо. Им ²⁷ пришлось выдержать неравный бой; по многу ли, по малу ли людей на них нападало, они выбивали их из седел, так что им приходилось идти пешими. Они ²⁸ преследовали их ²⁹ до самых ворот, а затем русские повернули и уехали.

После того русские со своей силой осадили крепость ту. Когда русские подошли, там было 16 человек, способных к бою. Русские шли на приступ и днем, и ночью; много было нанесено сильных ударов. Христиан было мало, а крепость была большая. Язычники часто сменялись: один отряд подходил, а другой уходил; так они действовали и днем, и ночью. Христиане сильно утомились; вы можете понять, что это значит, когда человек трудится непрерывно и днем, и ночью — не удивительно, что он устает, когда у него нет отдыха. В крепости той вспыхнул огонь, и она загорелась; русские вошли с рукопашным боем. Христиане тогда ушли с крепостных стен в погреб и там защищались; некоторые же были убиты на стенах. Они были разбросаны, и каждый погибал в своем углу. Были убиты и многие из тех, кто лежали больные.

Господин Стен сказал русским так: «Или вы не привыкли брать добрых мужей?» Они сложили оружие и хотели сдаться,

²⁰ Русские.

²¹ Шведов.

²² Шведы.

²³ Русские.

²⁴ Русские.

²⁵ Шведам.

²⁶ Может относиться и к русским, и к шведам.

²⁷ Шведам.

²⁸ Русские.

²⁹ Шведов.

потому что каждый дорожил жизнью. «Мы сумеем нести рабский труд, поднимать и таскать [тяжести]». Торкиль Андерсон отвечал тогда: «Не удручайте так сердце марска!» Один из русских пронзил его копьем в грудь насквозь, и он сразу же упал. После того у них в погребе том была жаркая схватка. Одного смелого воина, которого звали Карл Хак, погубил его собственный товарищ: он ³⁰ был в русской одежде и хотел войти в погреб тот, и был убит, потому что его не узнали. Да сжалится бог над великим злом, которое тогда случилось, над отчаянной бедой и гибелью стольких воинов! Они так защищались в погребе том, что русские не могли их взять, пока не дали им клятву и не предложили сдаться, и не обещали сохранить им жизнь, взять их в плен и увести с собой. Тогда они вышли и сдались. Да подаст бог царство небесное душам тех, кто принял смерть там, и да сжалится он над постигшим их страшным несчастьем, когда им пришлось так худо, что они попали во власть язычников! После того как пленных поделили и с этим было покончено, и добыча была взята, а крепость та сожжена, все русские отправились домой и увели с собой пленных тех. Мало уцелело от огня. Так была взята крепость та.

Основание Выборга создавало для шведов выгодное положение в отношении торгового пути по Неве, которым особенно были заинтересованы ганзейские города с Любеком во главе. В 1295 г. было заключено соглашение между ними и шведским правительством, в силу которого они обязывались не провозить по этому пути оружия и железа и не предпринимать ничего вредного для Швеции. В 1300 г. Любек снова добивался у шведов свободного плавания по Неве. Шведы, таким образом, действовали против Новгорода, принимая все меры для утверждения своего господства на водном пути, по которому шла новгородско-ганзейская торговля. Этой же цели должно было служить и основание важного стратегического пункта, Ландскроны, уже на самой Неве возле впадения в нее Большой Охты, которую ХЭ называет Черной рекой. На Неве здесь была удобная стоянка для судов, о которой и говорит ХЭ. Возможно, что шведы вошли в Большую Охту, которая еще в XVII в. была судоходна даже для довольно больших кораблей. Способ укрепления, которым воспользовались шведы, совпадает с тем, что описывает в одном месте Ливонская рифмованная хроника: суда были поставлены поперек реки борт к борту и образовали нечто вроде моста.

Судя по ХЭ, шведы сначала действовали на Неве довольно свободно: основали Ландскрону, беспрепятственно прошли вверх по Неве до острова Орехова, установили там свои передовые посты. Этим подтверждается предположение о подчинении им в это время части территории, прилегающей к Неве с юга.

---

³⁰ Карл.

Та часть ХЭ, которая относится к событиям 1300 и 1301 гг. (начало похода на Неву ошибочно отнесено ею к 1299 г.), наиболее подробная и обстоятельная из всех, касающихся русско-шведских отношений. Она отличается точностью и четкостью топографических указаний и обилием личных имен шведских участников описываемых событий.

Финский ученый Р. Пиппинг высказывает весьма вероятное предположение, что весть о появлении шведского флота на Неве прежде всего пришла в Ладогу и что первая попытка дать отпор шведам была сделана ладожанами, которые в это время вообще деятельно выступают в борьбе с ними. Это подтверждается, между прочим, и упоминанием ладожан в некоторых списках Новгородской I летописи под 1301 г. Ко времени начала шведского похода новгородского князя, как сообщает та же летопись под 1300 г., не было в Новгороде.

Интересно название Ладожского озера в ХЭ: «Белое озеро», нигде больше не встречающееся ни в русских и шведских памятниках, ни в немецких ганзейских документах. Некоторые исследователи полагают, что оно возникло по ассоциации с Белым морем, к побережью которого шел путь из Приладожья; другие допускают смешение Ладожского озера с Белоозером, что мало вероятно, так как шведов это последнее не могло особенно интересовать. В западном Приладожье есть несколько местных названий, производных от финского *valkea* — «белый»; возможно, что в ХЭ «Белое озеро» — какое-то утраченное впоследствии, скорее всего карельское, название Ладожского озера. Прилегающая к этому последнему Карельская земля в тексте ХЭ называется *Karela* — обозначение, совпадающее с нашим летописным «Корела», «Корила» или же являющееся сокращением от *Karelaland*, аналогичного *Rytzland*. Кто такой предводитель шведской экспедиции на Ладожское озеро Харальд, в точности не известно; может быть, это некий Харальд Торстенсен, известный в 1306 г. как один из представителей шведской власти в западной Финляндии. Остров, где русские поджидали шведов, по предположению Р. Пиппинга, — Птинов; во всяком случае, он находится где-то между островом Орехов и устьем Волхова. Расстояние в 30 морских миль как около половины пути, пройденного шведскими судами, при 1 морской миле того времени, равной 7,42 км, сильно преувеличено; весь путь составит тогда более 445 км, что значительно превосходит всю длину и Невы, и Ладожского озера. Карельское поселение, опустошенное, как саранчой, занесенными туда бурей шведами, находилось, очевидно, на западном берегу Ладожского озера. В этом месте ХЭ интересны два финских слова, введенных в текст: *uska*, от которого произошло древнерусское «ушкуй», и *hara*, ныне финское *haario* — «колода, челн, однодеревка из ствола осины». Пеккинсаар — остров Орехов, от финского диалектного *rähken* — «орех».

Попытка русских поджечь шведские суда произошла близ

Ландскроны, куда шведы сочли за благо удалиться с Орехова при приближении русских ладей, едва ли, впрочем, столь многочисленных, как сообщает ХЭ. Там же было устроено и заграждение, задержавшее русские плоты-брандеры. И тот, и другой военный прием известен и помимо ХЭ. Нечто подобное первому мы встречаем в Брауншвейгской хронике XIII в., а второй близок к старому способу заграждения входа в залив, реки или пролива при помощи железной цепи, протянутой от одного берега к другому; этот способ был известен и скандинавам, и русским в предыдущую эпоху, во времена викингов.

В каком смысле ХЭ говорит, что русские шли в поход «на русский лад», остается неясным. Численность русской рати сильно преувеличена, как и выше число ладей. ХЭ дает весьма наглядное описание нападения русских на Ландскрону и расположения шведских сил. Укрепления здесь предполагаются деревянные; основная часть шведского войска стояла, очевидно, между рвом и стеной. Термин «хельсинги» здесь не обозначает, как «упландцы», шведов вообще, а отдельную часть шведского войска, состоявшую из уроженцев Хельсингланда, одной из северных областей Швеции. Есть предположение, что «хельсингами» называли финляндских, нюландских шведов; их участие в походе 1300 г. вполне возможно. Судя по противопоставлению хельсингов рыцарям с их феодальными дружинами, это — часть широкой массы войска.

Из числа рыцарей ХЭ более всего интересуется Маттасом или Маттсом Кетильмундсоном. Этот шведский феодал известен в документах с 1299 г. Впоследствии он был канцлером, главой правительства опекунов при несовершеннолетнем Магнусе Эрикссоне, а в конце своей жизни (умер в 1326 г.) — шведским военачальником в западной Финляндии. Иван (имя, ничего общего не имеющее с таким же русским) и Генрих фан Кюрна — немецкие (голландские) дворяне; Педер Порсе — датчанин по происхождению, родственник датского рыцаря Кнута Порсе, авантюриста и интригана, подвизавшегося в Швеции несколько позже.

Говоря о возвращении в Ландскрону неосторожно зарвавшихся рыцарей, которые были окружены русскими и еле выбрались (автор ХЭ и тут не преминул заметить, что русским пришлось при этом очень худо), ХЭ употребляет, как и выше, любопытное лексическое заимствование из карельского говора: «домой», «восвояси» она выражает сложным финско-шведским словом, первой частью которого является финское *maja* (дом, жилье). Несколько комическое впечатление производит наименование русской рати «языческим сбродом», причем через несколько строк оказывается, что этот «сброд» сиял, как солнце, блистая своим вооружением.

Эпизод с поединком — одно из проявлений романтического элемента в ХЭ. Мотив решающего поединка, очень древний и широко распространенный, встречается и в средневековой рыцарской поэзии; в ХЭ он поэтому, может быть, является литературным заимствованием, а не восходит непосредственно к устному преданию.

Категорический отказ одной из сторон от такого поединка — черта, не соответствующая обычному ходу дела в эпических преданиях; в таких случаях охотник принять вызов обычно находится, хотя и не сразу (как, например, в русском летописном предании под 992 г. о борьбе русского юноши с печенегом). Если этот эпизод ХЭ навеян подлинным преданием, то возможно, что автор искажил его в ущерб русским. Русский князь введен здесь произвольно: новгородский князь пока еще не имел отношения к военным действиям против шведов. Отступление русских на этот раз от Ландскроны как будто подтверждает предположение о том, что здесь действовали одни ладожане; новгородская рать была бы больше и эффективнее.

Вынужденная остановка шведского флота по выходе из устья Невы, может быть возле острова Котлин, была использована скупавшими без «дела» Маттисом Кетильмундсоном и его соратниками для бесцельного в сущности набега на местные финские племена. Дело происходило, по-видимому, уже не в ближайшей к Ландскроне части Ижорской земли, которая, вероятно, и без того была обобрана шведами, а в более западной: ХЭ называет здесь не только Ижорскую, но и Водскую землю — *Inger ok Watland*; название *Inger* соответствует русскому «Ижора». Никакой попытки подчинения себе этого района шведы не сделали и ограничились разрушительным набегом на беззащитную ижору и водь; автор ХЭ очень живо, образно и, бессознательно для себя, патетически очертил бедственное положение этих разоренных шведами финских племен в нескольких словах, выгодно отличающихся от тех довольно шаблонных приемов живописания, которыми он нередко пользуется.

Вместе с отплывшим осенью 1300 г. флотом отправился в Швецию и Торгильс Кнутсон. Поставленный в Ландскроне военачальник «господин Стень» известен нам как «воевода Стень» в Новгородской I летописи под 1300 г.; других сведений об этом лице не сохранилось. Основание Ландскроны, как и весь вообще поход на Неву, было, судя по свидетельству нашей летописи, предприятием большого масштаба, но, как мы видим из ХЭ, весьма плохо было организовано снабжение этой большой по размерам крепости и ее довольно многочисленного для того времени гарнизона. Что с продовольствием дело обстоит плохо, выяснилось еще летом 1300 г.; ХЭ с деловитым реализмом рассказывает об испорченных припасах — муке и солоде, о причинах и последствиях этих невзгод. Результатом бесхозяйственности были голод и цинга с большой смертностью. Положение стало критическим, когда к Ландскроне подступила сильная новгородская и суздальская рать. Русские действовали разумно и осмотрительно: сначала выступил небольшой отряд; предполагалось также заградить устье Невы посредством вбитых свай, чтобы не дать шведским судам выйти из него (военный прием, хорошо известный и на скандинавском севере во время викингов); там же, близ устья, была ловко перехвачена

шведская разведка; описывая ее столкновение с русскими, автор рисует не внушающую доверия картину: беглецы то и дело выбивают из седла преследующих их всадников!

Осада Ландскроны длилась, вероятно, недолго. Непрестанный и правильно организованный натиск русских вскоре сломил то слабое сопротивление, какое мог оказать ее гарнизон. Рассказ ХЭ о падении Ландскроны довольно сходен в основном с тем более сжатым описанием, которое мы находим в Новгородской I летописи под 1301 г., вплоть до заключительных благочестивых размышлений в том и другом памятниках.

Шведов уцелело в Ландскроне, вероятно, побольше, чем говорит ХЭ; иначе русским некого было бы делить в качестве пленных и уводить с собой. Любопытно замечание о рабском труде, как об участии, ожидающей пленных: автор ХЭ, очевидно, подразумевает здесь строительные работы, в чем, может быть, отражается представление о широко развернутом новгородском строительстве того времени.

РАССКАЗ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКИ XV В. О ПОХОДЕ МАГНУСА НА НОВГОРОДСКУЮ ЗЕМЛЮ

Предисловие

Переведенный здесь отрывок, касающийся похода короля Магнуса, сына герцога Эрика (род. в 1316 г., ум. в 1376 г.), на Новгород в 1348 г., взят из рифмованной хроники, являющейся продолжением ХЭ. Она охватывает весь XIV в. и занимает место между ХЭ и следующей по времени хроникой, доходящей уже до середины XV в. Этот промежуточный текст написан, как полагают, вскоре после 1452 г. Автор его подражает ХЭ, оказавшей на него большое влияние в отношении языка и стиля, но в противоположность своему образцу он вводит в некоторых местах точные даты. Он был знаком с документальным материалом описываемого им времени и с так называемой Хроникой Висбю, которая велась на латинском языке в одном из монастырей в этом городе, пользовался также устным преданием, а в особенности для времени до 1360 г., направленным против Магнуса политическим памфлетом на латинском языке «*Libellus de Magno Erici rege*».

Этим последним источником ярче всего определяется политическая тенденция рассматриваемой здесь хроники, совершенно иная, чем в ХЭ. В ХЭ, заканчивающейся избранием малолетнего Магнуса королем Швеции в 1319 г. и написанной, как полагают, не позже первых лет его самостоятельного правления, проявляется столь же сочувственное отношение к этому королю, как и раньше к его отцу Эрику и ко всей партии Эрика. Здесь же, наоборот, автор, описывая события XIV в., примыкает к оппозиции королю со стороны феодальной знати и высшего духовенства, вызванной внутренней политикой Магнуса, которая была направлена к укреплению королевской власти и ограничению привилегий светских и духовных феодалов.

В этой оппозиции самое горячее участие принимала Биргитта, впоследствии канонизированная и известная под названием Святой Биргитты (род. ок. 1303 г., ум. в 1373 г.) Она происходила из знатного упландского рода; ее отец, Биргер Персон, видный государственный деятель и член совета опекунов, правивших в Швеции до совершеннолетия короля Магнуса, был одним из крупнейших шведских землевладельцев того времени. Деятельность этой честолюбивой и фанатически религиозной женщины, обладавшей литературным талантом и резко выраженной склонностью к мистике

и экстазу, имела большое значение для шведской церкви XIV в. Биргитта основала Вадстенский монастырь и сочинила для него устав; ей же принадлежит инициатива перевода Библии на шведский язык. В целом ряде посланий и в «Откровениях», записанных около середины XIV в. и сохранившихся в латинском переводе (лишь в очень небольшой части — на шведском языке), Биргитта дает советы и наставления Магнусу, близкие по содержанию к тем произведениям средневековой поучительной литературы, в которых выводится идеал правителя как блюстителя справедливости и верного сторонника церкви. В начале своей карьеры Биргитта была в дружественных отношениях с Магнусом, но впоследствии резко разошлась с ним и стала громить его как отъявленного нечестивца. Указанный выше памфлет против него, составленный в 60-х годах XIV в., в значительной мере основан на писаниях Биргитты.

Поход Магнуса на Новгородскую землю в 1348 г. был продолжением той внешней политики Швеции XIII и XIV вв., о которой мы уже знаем из ХЭ. При том финансовом положении, которое неизменно было слабой стороной Швеции при Магнусе, это предприятие было совершенно непосильным, не говоря уже о том, что оно без всякой пользы нарушило весьма важную внутреннюю политическую деятельность, которая развертывалась в Швеции в первой половине правления Магнуса. Дело и тут не обошлось без влияния Биргитты. Большинство ее высказываний относительно тех «справедливых» на ее взгляд войн, которые полагается вести образцовому правителю, относится к первому походу Магнуса на Новгород в 1346 г. Этому «крестовому походу» она придавала большое значение и ждала от него успеха в смысле обращения «язычников» в католичество; в «Откровениях» подробно изложено, как следует действовать для достижения этой цели, — начинать с увещаний, а в случае их неуспеха действовать силой.

На рассматриваемой здесь хронике вообще в полной мере отразились «Откровения»; со шведским текстом одного из них буквально совпадают и многие места нашего отрывка о походе Магнуса. Но хроника гораздо конкретнее; несмотря на свою тесную связь с таким произведением, как «Откровение», она гораздо ближе к историческому повествованию, чем туманные вещания Биргитты. Тем не менее автор хроники не обнаруживает в рассказе о походе Магнуса той более солидной осведомленности о событиях и о хронологической их последовательности, какую он проявляет в других местах: он не дает четкого и последовательного изложения первого и второго похода Магнуса на Новгород; в его повествовании преобладает элемент исторического анекдота в соединении с «Откровениями» и их идеологией.

Источник известия о нападении русских на Магнуса и о том, как он избежал плена, в точности не выяснен. Неясно также, что это за река Ловка, близ устья которой незадачливый покоритель Ижорской земли чуть не попал в руки неприятеля; было выска-

зано предположение, что это река Луга, впадающая в Финский залив. В общей схеме событий — завоевания Магнуса на русской территории, за которыми вскоре последовало поражение и утрата завоеванного, — автор близок к Хронике Висбю.

Антинемецкая тенденция автора, как и многое другое, соответствует образу мыслей Биргитты, рисующей немцев как слуг дьявола и т. п. Но вместе с тем в этом сказалось и нечто более положительное и конкретное, чем ее неистовый фанатизм, а именно те довольно сложные отношения и те настроения, которые были вызваны в Швеции во второй половине XIV в. засилием немецких феодалов, пришедших туда с герцогом Альбрехтом Мекленбургским; в 40-х годах Магнус был свергнут, и Альбрехт стал королем при всемерной поддержке шведских феодалов. В обстановке длительных смут и междоусобий неизбежно обострились внутренние классовые противоречия. Для шведской феодальной знати волнения и недовольство среди широких масс были серьезной угрозой. Чтобы отвлечь ее в другую сторону, отвести от себя, прежние сторонники Альбрехта вскоре переменили позицию — им было выгодно направить на немецких феодалов то, что грозило им самим. На автора хроники, писавшего в середине XV в., в смысле отрицательного отношения к иноземному вмешательству, влияла и идеология современной ему эпохи, когда начинало слагаться шведское национальное государство.

Изображаемое автором заступничество немцев за новгородцев, захваченных в плен Магнусом в 1348 г., легко объясняется в связи с позицией Ганзы в отношении шведско-русской войны: Ганза поддерживала Новгород, так как для нее было чрезвычайно невыгодным нарушение торговли с ним, вызываемое подобными войнами. Одним из результатов похода Магнуса были поэтому натянутые отношения между Ганзой и Швецией в 50-х годах XIV в.

Для настоящего очерка использованы следующие работы шведских авторов: *Andersson I. Källstudier till Sveriges historia* (1230—1436). Lund, 1928; *Tunberg S. Äldre medeltiden. Sveriges historia till våra dagar, del. II*. Stockholm, 1926; *Schück H. och Warburg K. Svensk litteraturhistoria, bd. I*. Stockholm, 1895.

Строки 120—186, с. 175—177
по тому же изданию, что и ХЭ

Я никогда не слыхал, чтобы бог оказывал какому-нибудь королю большую милость [чем Магнусу]. Тогда еще была жива святая Биргитта; через нее бог наставлял его, как ему следует себя вести, но он с этим не считался. Он решил идти в поход на Русскую землю. Дева Мария велела возвестить ему: если он последует ее наставлениям, то она сохранит его от всякого зла. Она называла его своим новым сыном; он обратил на это очень мало внимания. Она говорила ему, чтобы он, когда соберется войной

па русских, не брал с собой иноземцев, а полагался на бога и на своих людей; она будет крепко охранять их и его войско со всех сторон; об этом не придется беспокоиться. Она сразу же соберет всех его недругов и отдаст ему в руки. Взяв их, пусть он их стережет и не щадит врагов бога. Еще обещала она ему тогда же, что он добудет святой гроб, если поступит так, как она велит. О, зачем он не послушался этих материнских наставлений! Несчастный, наоборот, поступил так, как не велела дева Мария.

Он собрал сильное войско — немцев и датчан, также герцога Голштинского и других подобных же; тем худшая постигла его беда. Вышло так, как говорила дева Мария. Он прибыл в Русскую землю; он захватил там все и овладел всеми своими врагами. Шведы тогда советовали поступить с ними так, чтобы они больше не противились христианам. Немцы советовали оставить их в живых: «Они дают нам много золота и серебра». Король пренебрег советом девы Марии и поступил так, как советовали немцы. Русские обещали ему серебро и золото и поклялись быть ему верными и принять христианство и позаботиться о том, чтобы все так поступали в земле той. Он велел обрить им бороды и окрестить их, а затем пустить их ехать и торговать. Но они должны были поехать для того, чтобы склонить всю свою землю к христианству и привести в подчинение короля. Король тогда истратил большую часть своих припасов; прошло время, самое удобное для того, чтобы воспользоваться им и покорить своих врагов.

Когда русские прибыли к себе, они собрали огромное наемное войско из русских, литовцев и татар и окружили то место, где находился король, и этим дали ему понять, что бороды у них снова отросли. Если бы он снял им головы с плеч, они так не обманули бы его. Он прокопал себе путь в стороне от устья Ловки — иначе они его захватили бы там. Он не послушался наставлений девы Марии и был поэтому лишен ее милости.

II

ИССЛЕДОВАНИЯ Е. А. РЫДЗЕВСКОЙ

О РОЛИ ВАРЯГОВ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вопрос о варягах принадлежит к числу наиболее спорных в области изучения ранней русской истории. В течение почти двух веков по поводу него велись нескончаемые споры. В XVI—XVII вв. в русских летописях и других письменных памятниках мы уже видим ученые гипотезы о происхождении Руси и о возникновении Русского государства. Научное изучение варяжского (или норманского) вопроса как особой проблемы началось в XVIII в. в Академии наук, основанной в 1724 г. В ней работали на первых порах преимущественно немецкие ученые. Среди них Г.-З. Байер (1694—1738 гг.) первый научно разработал норманскую теорию происхождения Руси и Русского государства; в 1749 г. в пользу нее высказался и Г.-Ф. Миллер, основные положения которого вызвали опровержение со стороны великого русского ученого М. В. Ломоносова (1711—1765 гг.). В отношении М. В. Ломоносова к трактовке этого вопроса немецкими учеными выразился протест русского национального чувства, вызванный временем Бирона. В противовес норманскому происхождению варягов и Руси, на котором настаивали авторы-немцы, М. В. Ломоносов выдвинул наметившуюся в русской историографии еще в XVI в. гипотезу не автохтонного происхождения славян — Руси на территории России, а прихода их из Восточной Пруссии, с Немана.

С М. В. Ломоносова начинается полемика по варяжскому вопросу, постепенно осложнявшаяся новыми гипотезами и привлечением нового материала. Почти одновременно появилась и финская гипотеза, представителями которой являются В. Н. Татищев (1686—1750 гг.) и И. Н. Болтин (1735—1792 гг.). У И. Н. Болтина интересно опровержение дикости Древней Руси и указания на обширные культурные связи Восточной Европы. До конца XVIII в. в русской исторической науке норманская школа оставалась господствующей. Наиболее ярким выражением ее являются труды А.-Л. Шлёцера (1735—1809 гг.): в них мы видим и норманское завоевание диких славянских племен, и принесение цивилизации и гражданского устройства из Скандинавии,

и т. д. Противником норманской теории выступил в первой половине XIX в. Г. Эверс (1781—1830 гг.), поставивший вопрос о черноморской Руси и о значении хазар в начальный период русской истории. Антинорманисты вообще выдвигали не только значение автохтонного славянского элемента, но и целого ряда влияний — хазарского, угорского, полабско-славянского, иранского. В этом их преимущество перед норманской школой с ее узким и односторонним историческим кругозором. Но одно дело, когда указывают на связи восточных славян с соседями и на возможное влияние со стороны этих последних, а другое — когда просто подставляют вместо излюбленных норманистами скандинавов какую-нибудь другую народность и ведут от нее и древнерусскую культуру, и общественный строй, и государство, не считаясь с конкретными условиями существования и развития и той, и другой стороны.

В начале XIX в. Н. М. Карамзин (1766—1826 гг.) принял норманскую теорию, правда — в несколько умеренном виде, и связал ее с той монархической тенденцией, которой проникнута его «История государства Российского». Многие другие авторы XIX в., русские историки и ориенталисты, шли по пути норманской школы и отыскивали следы норманского влияния в разных областях древнерусского общественного устройства и культуры. Среди них одним из крайних норманистов является М. П. Погодин (1800—1875 гг.), высказывавшийся, между прочим, в пользу германского происхождения Русской Правды. В течение первой половины XIX в. в качестве антинорманистов выступали М. Т. Каченовский (1775—1842 гг.) и Н. А. Полевой (1796—1846 гг.), применявшие сравнительно-исторический метод к изучению ранней русской истории и подходившие критически к первоисточникам, правда, впадая при этом со своей стороны в некоторые крайности. Отвергая идеализацию норманнов как основателей Русского государства и их господство почти во всех областях древнерусской жизни, некоторые ученые этого направления считали необходимым ставить вопрос о варягах отдельно от вопроса о Руси (М. А. Максимович, Ю. И. Венелин). Наиболее вескими и логическими являются возражения норманистам со стороны знаменитого русского историка С. М. Соловьева (1820—1879 гг.), хотя он и не выступал как деятельный участник в этой полемике. В области старой исторической науки взгляды Соловьева и его доводы ближе всего подходят к нашей современной концепции варяжского вопроса.

Большую поддержку норманской школе оказал А. А. Куник (1814—1899 гг.) своим солидным научным трудом «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen», Bd. I—II, вышедшим в 1844—1845 гг., и некоторыми другими исследованиями.

В этот же период на варяжский вопрос не могли не реагировать западники и славянофилы. Это было время наиболее горячих спо-

ров между ними как представителями двух противоположных направлений русской общественной мысли и исторического мировоззрения. Славянофилы, сторонники самобытности развития русской народности, были, конечно, противниками норманской школы. С середины XIX в. начинается более разностороннее и углубленное изучение Древней Руси. Что касается специальной полемики по варяжскому вопросу, то большое значение имели работы антинорманистов С. А. Гедеонова (1818—1878 гг.) и Д. И. Иловайского (1832—1920 гг.); последний был сторонником автохтонности славянской черноморской Руси. По мере того как полемика разрасталась и усложнялась, возникали новые гипотезы; из них одни являются натянутыми, неправдоподобными и просто ненаучными; другие намечали в отдельных подробностях верный подход к изучаемому материалу; третьи, наконец, сводятся, как это бывало и раньше, к исканию начала Руси среди соседних со славянами племен (например, литовская теория Н. И. Костомарова в его работах 60-х годов). По линии вопроса о черноморской Руси и о тавро-скифах византийских авторов идут чрезвычайно интересные исследования знаменитого византиста В. Г. Васильевского (80-е и 90-е годы XIX в.). Следуя пути, намеченному А. А. Куником, А. С. Будилович пытался обосновать готское происхождение Руси как народа и государства, а также самого термина «Русь». Но эта гипотеза была опровергнута с лингвистической и исторической стороны.

В Западной Европе в 70—90-х годах варяжским вопросом занимался целый ряд исследователей, среди которых наиболее выдающимся был датский филолог В. Томсен (1842—1927 гг.). Томсен пересмотрел эту проблему с исторической и филологической точки зрения; он является одним из наиболее видных и авторитетных представителей норманской школы, в общем — в духе А. А. Куника, с которым он расходился в отдельных подробностях. Труды В. Томсена, как и исследования А. А. Куника, благодаря своей большой обоснованности и солидному научному аппарату, значительно содействовали укреплению позиций норманской школы. Как в русской, так и в заграничной научной литературе в дальнейшем уже не появляется капитальных трудов по норманскому вопросу; выходит несметное множество статей, монографий, заметок, касающихся отдельных его деталей; им занимаются в той или иной мере все авторы, работающие по древнерусской истории в полном ее объеме, хотя бы и не задаваясь целью исследовать его специально. Много внимания уделяется восточным и византийским источникам и, наконец, в широкой мере привлекается археологический материал. Во всей этой громадной литературе получают выражение новые точки зрения, новые попытки решения вопроса, но в сущности продолжается старый спор между норманистами и антинорманистами в том измененном виде, какого он не мог не принять по мере дальнейшего развития русской и западноевропейской исторической науки

и расширения того круга материалов, которыми она пользуется. Так, линию норманистов продолжал А. А. Шахматов в связи со своими детальными и углубленными исследованиями русской летописи. Шведский филолог Р. Экблом пересмотрел вопрос о терминах «варяг» и «русь» на основании русской топонимики, преимущественно — Новгородского края. Этот автор, как и громадное большинство других зарубежных ученых, писавших за последние 30—40 лет, всецело стоит на точке зрения основания норманнами Русского государства, их колонизации на Руси и т. д.

Но здание, с большим искусством возведенное А. А. Куником и В. Томсеном, оказалось далеко не неуязвимым. Параллельно с разработкой их наследия идет и другое течение, продолжающее в общем дело антинорманистов или, по крайней мере, одну из его сторон, поскольку представители этого направления принимают автохтонность славян-руси и их культуры в Восточной Европе. Археологические исследования все более расширяли знание материальной культуры восточных славян; исследователи убеждались в том, что она имеет местные корни и сложилась не под влиянием заморских выходцев — скандинавов, а значительно раньше их появления на Руси в IX в.

Если эти основные положения, подтверждаемые археологическими данными, являются неоспоримыми, то нельзя сказать того же о филологических исследованиях рассматриваемого нами позднейшего периода изучения норманского вопроса. На основании филологических соображений строились и в русской, и в зарубежной научной литературе совершенно фантастические теории, как, например, относительно тюркского происхождения термина «русь», основания Русского государства франками или — еще лучше — возведение термина «варяг» при помощи арабского языка к слову «орангутанг» (не более не менее, как в 1911 г.).

Наша новая советская историческая наука получила таким образом варяжский вопрос в наследство от прежней в весьма осложненном и запутанном виде. За 200 лет эта научная проблема во многих отношениях расширилась и обогатилась положительными данными, новым и ценным материалом и т. д., но окончательное решение вопроса очень мало продвинулось. С одной стороны, устарелые догмы норманской школы так и не были решительно опровергнуты, а с другой — продолжалось обрастание всякими нелепостями проблемы, и без того чрезвычайно сложной и тяжеловесной. В деле ее пересмотра и переоценки русская историческая наука нашего времени не является продолжательницей ни того, ни другого из двух противоположных направлений, очерченных здесь выше: она ставит вопрос совершенно иначе. В том, что она прежде всего отрицает преувеличенное значение, которое норманисты придавали скандинавам, казалось бы, намечается ее преемственная связь с антинорманистами. В действительности же самый подход ее к опровержению норманизма со-

вершенно иной, чем у них. В наше время возможна правильная и объективная оценка сильных и слабых сторон обоих этих направлений, уже отошедших в прошлое русской историографии, использование того, что было в них положительного, и полная независимость от них в дальнейшей работе.

Среди материала, на котором основывались научные споры былого времени, более всего привлекала внимание летописная легенда о призвании варяжских князей. Норманисты принимали ее не критически и видели в ней главную опору своего основного положения о происхождении Русского государства. Между тем теперь можно считать установленным, что эта легенда включает в себе и некоторые исторические черты и тенденциозное сочинительство летописца. Историческая ее основа сводится к следующему: набеги норманнов на славянские и финские племена и взятие с них дани; борьба местного населения с заморскими разбойничьими дружинами; междуплеменные распри, свойственные той стадии развития, на которой стояли эти племена. При таких условиях вполне возможно приглашение одних скандинавских дружин как военной наемной силы для борьбы с другими, соплеменными им же, или с соседними местными племенами. Все это было использовано в XI в. летописцем для историографической схемы, в которой он хотел выдвинуть княжескую династию Рюриковичей, построить ее генеалогию и обосновать власть этих князей как прямых потомков первых правителей на Руси. Династию Рюриковичей нельзя считать чисто скандинавской по происхождению, но этот этнический элемент в нее, несомненно, входил, связи со скандинавским Севером у нее были, варяжские дружины занимали видное место в военном окружении князей IX—XI вв., а это и дало летописцу материал для той тенденциозной династической концепции, которая лежит в основе его изложения ранней русской истории. Три брата, которых он выводит из-за моря, — широко распространенный эпический мотив, но сама летописная легенда о призвании князей-правителей взята в целом, во всяком случае, не из народного предания. Имена Рюрика и Трувора вполне удовлетворительно объясняются как скандинавские — *Hrærek* и *Þórvargr*; менее ясно Синеус. Очевидно, это имена каких-то действующих на Руси варяжских вождей, о которых больше никаких сведений не сохранилось. За последнее время пытались, следуя фантастической гипотезе старого норманиста Ф. Крузе (1790—1866 гг.), отождествить Рюрика с одноименным ему датским вождем IX в., действовавшим главным образом во Фрисландии, но эта попытка лишена каких бы то ни было оснований и не заслуживает внимания историков.

Теория основания Русского государства норманнами опровергается, конечно, не только в результате критического анализа легенды о призвании, построенной летописцем аналогично тому, как это делали и авторы западноевропейских хроник в подобных же

случаях. В отношении так называемого норманского завоевания наша современная историческая наука приходит к выводу, что оно было весьма относительным. Значение его сильно преувеличивали в прежнее время даже авторы, не проявлявшие себя как ярые норманисты. Походы скандинавов на Русь, начавшиеся в конце VIII — начале IX в., являются разбойничьими набегами, которые в это время довольно трудно отделить от торговых предприятий. Отдельные дружины со своими вождями во главе шли на Русь с целью взятия дани, захвата пленных и освоения великих водных путей — сначала волжского, а несколько позднее и днепровского. По мере того как местное население привыкло обороняться от набегов, торговые отношения, от которых на первых порах дело очень легко переходило к нападениям и грабежам, стали преобладать над разбоем и более или менее стабилизироваться. Одновременно с этой стороной деятельности скандинавов на Руси большое значение имела для них и другая, а именно: наемная военная служба у русских князей. В русских летописях и скандинавских текстах дошло до нас немало указаний на отдельных дружинников и на целые отряды, приходившие с этой целью на Русь. Основание норманнами целого ряда княжеств на ее территории и объединение их под властью одной княжеской династии, как это представляли себе многие прежние историки, сводится, в сущности, к участию их как военной силы в борьбе, которой сопровождался этот процесс, а не к какой-нибудь организационной деятельности, затрагивающей внутренний строй древнерусского общества. Киевское государство, та варварская империя Рюриковичей, о которой говорит К. Маркс, и складывающиеся в ее время феодальные отношения — результат местного социально-экономического развития, а не какого бы то ни было решающего воздействия извне.

Нельзя заниматься норманским вопросом без самих норманнов, а общественный строй скандинавских народов эпохи викингов и является как нельзя более веским доказательством ложности теории основания ими Русского государства и убеждает нас в слабости их значения для того процесса феодализации древнерусского общества, который отмечает собою рассматриваемую нами эпоху. Скандинавы эпохи викингов стояли приблизительно на той же ступени общественного и культурного развития, как и восточные славяне. Походы викингов на Западную и Восточную Европу с конца VIII в. были результатом не каких-нибудь внешних обстоятельств или особых свойств характера северных германцев, т. е. скандинавов, а внутреннего процесса разложения родо-племенного строя, выдвижения знати и вождей, перехода от территориальной общины и военной демократии к феодализму. Морские походы, пока еще примитивно организованные и сохранявшие в своей организации черты военной демократии, были и для вождей, стоявших во главе их, и для рядовых участников внешним выходом из внутреннего общественного кризиса. Никаких «государственных

начал» и сложившегося государственного строя скандинавские пришельцы с собой на Русь не приносили и не могли принести по той простой причине, что и у них самих все это находилось лишь в периоде становления. Та примитивная организация военных дружин и торговых предприятий, с которой они приходили на Русь, обладая при этом большим опытом, смелостью и предприимчивостью в своем деле, могла иметь значение в соответственных областях жизни Древней Руси, но и только; послужить основой государственного строя она по своему существу не могла. Предполагать, что норманны увеличили своим притоком численность и силу тех слоев древнерусского общества, которые быстро феодализируются у нас на глазах в течение киевского периода русской истории, также совершенно неосновательно, так как феодальные отношения и феодальный способ производства не вносятся ни в какое общество извне, а вырастают на местной социально-экономической основе. Появление и деятельность скандинавских дружин на Руси никаких коренных изменений в способе производства и его развитии не произвели и не могли произвести. Если уж говорить хотя бы условно о норманском завоевании, то оно во всяком случае относится к той разновидности завоевания вообще, которая не затрагивает способа производства в стране и ограничивается только данью (К. Маркс).

Многие сходные явления и параллельные черты в разных областях общественного строя, быта, права, культуры и т. д. объясняются не заимствованием у скандинавов, а одностадийностью древнерусского и древнескандинавского общества в эпоху викингов — одностадийностью, о которой мы говорим, конечно, учитывая целый ряд неодинаковых условий и особенностей с той и с другой стороны. Таких параллелей и аналогий скорее даже найдется больше, чем полагали самые разные норманисты, неизменно усматривавшие в подобных явлениях прямое заимствование.

Культурные связи с норманнами у Древней Руси, конечно, были, и притом весьма оживленные: не случайно то, что ни в одной западноевропейской литературе мы не находим следов сношений с Русью в столь разнообразных по своему характеру и содержанию памятниках, как в древнескандинавской — рунические надписи, саги (исторические и сказочные), поэзия скальдов, «правды», географические и исторические сочинения. Все эти данные далеко не полны и не удовлетворительны с точки зрения историка, ищущего новые первоисточники для изучения Древней Руси, но они представляют тем не менее немалый интерес и свидетельствуют, во всяком случае, о тесных связях в течение нескольких веков между скандинавскими странами и Гардар или Гардарики, как там называли в древности нашу страну.

Касаясь пересмотра норманской проблемы в нашей современной науке и его результатов, необходимо отметить, что в буржуазной, в частности скандинавской, научной литературе старый норманистский тезис об основании Русского государства превратился

в догмат, в застывшую формулу, которую повторяют безо всякой критики не только авторы, консервативные по своим научным воззрениям и методу. Даже те ученые, за которыми вообще нельзя не признать способности к здравому критическому подходу к историческим вопросам и умения освещать их по-новому, попадают на мертвую точку, как только дело дойдет до основания Русского государства, и останавливаются на ней или, вернее, не останавливаются, не пересматривают критически тезис, превратившийся в какой-то фетиш. Между тем их же исследования по эпохе викингов, а прежде всего тот самый материал, те первоисточники, над которыми они работают, являются весьма показательными и убедительными в смысле опровержения устарелых положений норманской школы.

В области рассматриваемой нами здесь проблемы наряду с вопросом о возникновении Русского государства появился с течением времени и другой — о норманской колонизации на территории Древней Руси. В зарубежной литературе он особенно выдвинулся за последние 20—30 лет. В первую очередь для него используется археологический материал: каждый факт наличия норманских вещей в погребении или в составе случайной находки принимается как лишнее доказательство широкой норманской колонизации на Руси. В действительности же археологические данные при более осторожном и критическом подходе к их показаниям подтверждают это не более, чем все остальные источники, которыми мы пользуемся.

Нет ни малейших указаний на занятие заморскими пришельцами незаселенных территорий, на расчистку и обработку не тронутых культурой земель, освоение их природных богатств и т. д. Что касается районов заселенных, то и здесь их интересовало иное: на первых порах — грабеж и дань, а в дальнейшем — те торговые отношения, которые связывали их с местными городскими центрами. Целью не менее важной и заманчивой для их наемной военной службы на Руси было не приобретение земельных владений, а жалованье и добыча (вассалитет без ленных отношений. — К. Маркс). Несомненно, что они не только часто бывали в нашей стране в IX—XI вв., но и поселялись там в отдельных случаях; так, например, было в Ладоге, в Новгороде, в Киеве, в смоленском Гнездове. У них, вероятно, имелись и другие, менее значительные опорные пункты для их торговых предприятий, где они бывали из года в год или жили подолгу. Но все это еще далеко не колонизация с вытекающими из нее последствиями. Даже зарубежные сторонники скандинавских колоний на Руси вынуждены признать, что скандинавы рано и быстро слились с местным населением и как этнический элемент растворились в нем. Но и самый процесс этот ограничивался, с одной стороны, высшим и средним городским слоем, а с другой — княжеско-дружинной средой. Конечно, те варяжские дружинники, которые прочно оседали на Руси, получали от своих князей и земель-

ные владения; трудно себе представить, например, чтобы князья, которым служили в XI—XII вв. знаменитый Шимон-варяг и его потомки, не пожаловали их землей. Но пришлый воин-наемник с приведенной им с собой дружиной, тесно связавшийся с военной и административной службой в качестве княжеского ставленника и воеводы и тем самым вошедший в местное феодализирующееся и феодальное общество, разумеется, весьма далек от колонизатора.

За последнее время к варяжскому вопросу был привлечен топонимический материал, долго остававшийся неисследованным или, по крайней мере, очень мало исследованным. Были сделаны попытки объяснения целых групп русских местных названий как производных от скандинавских личных имен. Географическое распространение такой номенклатуры приблизительно совпадает с теми районами Древней Руси, куда скандинавы могли проникать и где встречаются археологические находки соответствующего типа. Западноевропейские ученые поспешили на этом основании заключить, что топонимические данные являются подтверждением скандинавской колонизации на территории Древней Руси. Но прежде всего мы видим, что ни один из древнерусских крупных городских центров не носит названия, которое объяснялось бы соответственным образом; ни один из них не был основан скандинавскими пришельцами. Это — факт несомненный, и его необходимо подчеркнуть, говоря о роли скандинавов на Руси как торгового элемента. Далее, если взять множество названий более мелких пунктов, привлеченное ныне к исследованию, то этот материал требует весьма осторожного подхода к себе: большая часть его, с точки зрения поставленного здесь вопроса, оказывается весьма сомнительной. Одни названия явно более древние, чем эпоха викингов и чем языки, уже сложившиеся к этому времени, будь то северногерманские, восточнославянские или какие-нибудь иные; другие ближайшим образом объясняются из русского языка и его диалектов; и, наконец, остается сравнительно небольшая группа таких, которые действительно можно возводить к скандинавским личным именам. Но значит ли это, что и носители этих последних имели соответственное этническое происхождение? Подобные имена входили в состав древнерусской ономастики и держались до XIII—XIV вв. Производные от них местные названия в большинстве случаев, очевидно, связаны с лицами, носившими такие имена, но по происхождению уже не имевшими никакого отношения к скандинавам. Выше уже были указаны те социальные слои, которыми главным образом ограничивалось общение скандинавов с русскими. Помимо наиболее крупных городских центров, в разных других местах, где в IX—X вв. заморские выходцы собирали дань и вели торговлю, где у них были пристани, склады и т. п., они вступали в сношения с местным обществом, опять-таки с теми слоями его, которые имели отношение к сбору дани и были заинтересованы в торговле. В одной исландской саге, написанной в конце XII

или начале XIII в., говорится о знатном норвежце, служившем у русского князя Владимира Святославича и посланном им для сбора дани к эстам, по-древнерусски говоря — к чуди, где его встречает лицо, обязанное собрать для него дань в округе и следить за внесением ее. Это, очевидно, — местный «нарочитый муж», старейшина, представитель верхушки общества, на почве сбора дани вступивший в определенные отношения к княжескому воеводе. Сага описывает здесь события X в. и имеет в виду уже утвердившуюся на довольно обжитой территории княжескую власть, но вполне возможно, что дело было организовано подобным же образом еще раньше и что такие же складывались отношения при набегах норманнов в тех районах, где они систематически вимали дань с населения. Общение их с местными «мужами добрыми», «нарочитой чадью» — возможный источник проникновения скандинавских личных имен в русскую и финскую этническую среду, а следовательно, и появления производных от них местных названий. Браки скандинавов с женщинами всех указанных здесь слоев общества, которые нельзя считать широкими, вели к поглощению скандинавского этнического элемента местным, а не к укреплению и утверждению первого.

! Пересмотр отношений норманнов к древнерусскому обществу приводит нас, между прочим, к весьма важному выводу о слабости их значения не только в процессе классообразования и возникновения Русского государства, но и в процессе этногенеза русского народа.

Даже и такую сравнительно узкую общественную среду, как княжеско-дружинная, нельзя считать варяжской по преимуществу. Тесные связи с варягами у нее, несомненно, были, но не ими одними исчерпывается ее этническое происхождение, ее культурный облик и культурная ориентация. Взять, например, Святослава — в его внешности, в его «портрете», так хорошо нарисованном Львом Диаконом, нет ничего норманского, и вся политика его связана с югом Восточной Европы, а не со скандинавским Севером.

С теми выводами, к которым мы приходим в результате критического рассмотрения целого ряда русских местных названий, якобы восходящих к скандинавским личным именам, как будто не согласуется наличие в греко-русских договорах X в. многих имен, уже давно обративших на себя внимание исследователей и вполне удовлетворительно объясняющихся как скандинавские, даже при самом осторожном и критическом подходе к ним. Но всякое противоречие здесь отпадает, если мы отдадим себе отчет в том, кто были носители этих имен. Такие лица, как Володислав и Предслава в договоре 944 г., несомненно, — славяне по происхождению. В этом же договоре появляется племянник Игоря с именем Акун, ближайшим образом объясняющимся из скандинавского *Nakon*. В договоре участвовала непосредственно или через своих представителей целая группа лиц, соединенная родственными

и союзными отношениями с киевским княжеским родом, причем она заключала в себе и людей скандинавского происхождения. За нею следуют многочисленные «сли и гостье», среди которых также немало скандинавских имен. Если считать всех этих лиц представителями местной, русской, землевладельческой знати, то в этой последней придется допустить порядочную долю норманского этнического элемента или по крайней мере норманизацию этого общественного слоя в такой степени, что занесенные извне имена вытесняют местные. Между тем видное место, занимаемое в договорах носителями скандинавских имен, объясняется их ролью купцов и воинов — социального элемента, вполне подходящего по своим данным и для походов на Византию, и для участия в переговорах с нею. Также и несколько позднее, когда княгиня Ольга ездила в Царьград, в ее окружении, для которого Константин Багрянородный, к сожалению, не сохранил ни одного личного имени, были, несомненно, и представители местной русской знати, и разные северные Гуннары, Руальды и т. д., связанные на Руси не с землевладением, а с военными и торговыми делами, с дружинной службой у князей, с которой их соединяли профессиональные, а не территориальные интересы.

Среди местных названий, для которых с большим или меньшим правдоподобием (а иногда и вовсе без него) предполагалось скандинавское происхождение, исследователи давно уже обратили внимание на двойные — русские и славянские — названия днепровских порогов у Константина Багрянородного. Историками и филологами было выдвинуто много предположений относительно того, что этот автор подразумевал под их русскими названиями. В отношении этой группы названий объяснение из скандинавского вполне правдоподобно. Это были не поселения, а места, где норманны постоянно бывали проездом и которые хорошо знали из своей практики поездок по днепровскому пути. У них, следовательно, могла установиться и своя номенклатура для наиболее трудных и опасных точек этого пути.

Что же представляет собой самый термин «варяг», о происхождении и значении которого было столько же споров, как и по другим отдельным вопросам из области норманской проблемы? В древнерусском словоупотреблении он имеет несколько значений. Варяги — это прежде всего скандинавские разбойничьи дружины, приходившие на Русь за данью; далее это наемные воины из той же среды в составе русской княжеской дружины. Еще позднее термин «варяжский» появляется в церковной терминологии со значением «латинский», «римско-католический», поскольку скандинавские народы, в противоположность восточным славянам, получили христианство из католической Западной Европы, а не из Византии. Весьма распространенное в великорусских говорах «варяг» в смысле «торговец-разносчик» восходит, может быть, к древнейшему периоду, но не непосредственно, а путем некоторой эволюции значения. Если в древнерусском языке «варяг» происходит от

скандинавского *væringr*, то, судя по фонетическим признакам, заимствование это относится к наиболее раннему периоду русско-скандинавских отношений. В языке самих скандинавов термин *væringr* или *væringi* имеет весьма ограниченное распространение и применяется только к воину-наемнику, главным образом в Византии, реже — на Руси. Происхождение его до сих пор не установлено окончательно. Наиболее правдоподобно его объяснение из термина *vár*, употребляющегося во множественном числе — *várag*, со значением «клятва», но встречающегося только в поэтическом языке. Значение это подходит и к отношениям дружинника к вождю или князю, и к взаимным обязательствам, соединяющим членов военно-торговых объединений...

Что касается скандинавского влияния на древнерусский язык, то и оно было сравнительно невелико. Соответствующий языковой материал (лексика и фонетика) до сих пор еще не пересмотрен и не проверен в нашей современной науке; основными остаются пока исследования В. Томсена. Даже и представители норманской школы насчитывали относительно немного заимствований; среди них вполне правдоподобны «тиун», «гридь» и некоторые другие.

Чрезвычайно важным источником для изучения норманской проблемы являются археологические данные, подтверждающие выводы наших современных историков. Предположение о норманской колонизации ни в какой мере не оправдывается археологическими находками. О постоянных поселениях норманнов на Руси свидетельствуют лишь немногие отдельные места — Гнездово, Старая Ладога. Нет массовых погребений норманского типа с соответствующим обрядом и инвентарем. Многие погребения со скандинавскими вещами принадлежат, по мнению наших археологов, верхушке местного общества, причастной к сбору дани для норманнов и к торговле с ними (например, приладожские курганы). Путем торгового обмена такие вещи проникали и в менее зажиточные слои общества, а следовательно, получали более широкое распространение. Не все предметы скандинавского стиля непременно привозные — их выделывали и на месте по чужим образцам. Но знаменитый северный звериный стиль, возникший еще до эпохи викингов, достигший пышного расцвета у себя на родине и прочно державшийся там в разных областях художественного ремесла, не оказался особенно устойчивым на Руси и за пределами X—XI вв. не получил дальнейшего развития в русском искусстве. Характерное и интересное явление — так называемый смешанный стиль, соединявший в себе элементы северные, скандинавские, и восточновизантийские, проникавшие на Русь, а оттуда и в скандинавские страны, преимущественно в Швецию. Норманны принимали деятельное участие в восточной торговле Древней Руси; клады восточных серебряных монет нередко встречаются на территории нашей страны в соединении с вещами скандинавского типа, а в Швеции — с предметами, вывезенными с Руси или с Востока и из Византии через Русь. Что касается оружия, то норманны привозили с собой

мечи, но большей частью не собственной выделки, а вывезенные ими из Западной Европы (франкские клинки). Археологические данные не свидетельствуют о преобладании и других норманских предметов вооружения в Древней Руси по сравнению, например, с теми, которые происходят с Востока. Судя по раскопкам последних лет в Киеве, вскрывшим жилища и погребения конца IX — X в., значение норманской культуры в этом наиболее важном центре Древней Руси было невелико, несмотря на то что норманны там бывали, и не только временно, проездом по днепровскому пути. Примером того, что даже районы, территориально относящиеся к днепровскому бассейну, могли оставаться незатронутыми прямыми или косвенными сношениями с норманнами, засвидетельствованными археологическими находками соответствующего характера, является земля радимичей, где такие находки отнюдь не занимают видного места в материальной культуре, обнаруженной в этой области.

Варяжский вопрос осложняется своей тесной связью с вопросом о «Руси», о термине «Русь», происхождение которого до сих пор не вполне ясно. Бесконечная полемика по поводу того, следует ли отождествлять варягов с Русью и, следовательно, считать ее норманской, исходила из нескольких всем известных мест Повести временных лет: 1) географическое введение, где Русь — один из северногерманских народов наряду со шведами, норвежцами и др.; 2) легенда о призвании под 862 г., где мы находим то же самое и где указано, что от призванных варяжских князей, приведших с собой «всю Русь», пошло название «Русская» земля; сюда же относится и замечание такого же содержания по другому поводу, под 898 г. Исследования А. А. Шахматова по древнейшим русским летописям показали, что отождествление варягов с Русью в этих текстах не является первоначальным: оно введено составителем Повести временных лет первой редакции (1111 г.), а согласно предшествующему ей Начальному своду 1093 г., восстанавливаемому А. А. Шахматовым, варяжские дружины стали называться Русью лишь после того, как перешли на юг, в Киев.

(Термин «Русь» — во всяком случае, не скандинавский. Эпоха викингов его не знает; в рунических надписях наша страна называется Гардар, в древнесеверной литературе — то же или Гардарики, а сравнительно редкое в ней *Rusia* — термин книжный, взятый не из живой речи. В памятниках, написанных на местных языках, а не на латинском, географические и этнические обозначения, производные от «Русь», появляются не раньше XIII — XIV вв. В науке существует еще с XVIII в. мнение, принимаемое большинством ученых и до сих пор, о происхождении в русском языке термина «Русь» через посредство финского названия шведов «*Ruotsi*», как выходцев из *Roslagen* — области, расположенной на шведском побережье против Финляндии (аналогично древнерусскому Сумь от *Suomi*). Такое объяснение финского названия шведов правдоподобнее всех других, но «Русь» из «*Ruotsi*» небылупречно в фонетическом

отношении. Корень «рус» — «рос» широко распространен в топонимике Восточной Европы от Новгородской земли до Киевской, от Немана до Волги, если принять во внимание ее древнее название (Ra — Rha). С первой половины IX в., уже по письменным свидетельствам византийских и других авторов, мы находим это «рос» — «рус» тесно связанным с югом, с относящейся к нему географической и этнической терминологией, при полном отсутствии его в таких районах северной полосы нашей страны, как Приладожье и Верхнее Поволжье. Если взять вместе с Поднепровьем и Причерноморьем множество местных названий на «рус-» в Галиции и Волыни и считать их более древними, чем образование и расширение Киевского государства в IX — X вв., то «рос» — «рус» оказывается принадлежащим основной территории восточного славянства. Группу местных названий на «рус-» в Новгородской земле сторонники происхождения «Русь» из «Ruotsi» относят за счет норманнов эпохи викингов. Часть ее, может быть, принадлежит тому несравненно более древнему яфетическому слою, о котором говорит Н. Я. Марр, а часть — тому сравнительно позднему историческому периоду, когда обозначения, производные от «рус-» (русин, русский), приобрели более широкое значение, распространяясь и на Новгород, и на целый ряд других районов нашей страны. По летописи мы видим, что первоначально Русь, Русская земля — это Киев, Чернигов, Переяславль, т. е. центральная территория зарождающегося в IX — X вв. Киевского государства. Географическое введение в Повести временных лет, впрочем, уже объединяет под Русью полян, древлян, новгородцев, полочан и других на основании их общности по языку.

Византийские и восточные авторы, а также наши летописные греко-русские договоры дают нам картину военных и торговых отношений Руси, русов, с соседями. Та Русь, с которой имели дело эти соседи, представляет собой социальную верхушку, стоящую во главе военно-торговых предприятий; в ее состав входят и пришельцы с Севера (преимущественно из Швеции) — воины, дружинники, купцы. Византия и Восток имели дело не с широкими массами населения, а именно с этой прослойкой — отсюда и то отождествление Руси с норманнами, которое как будто вытекает из ономастики греко-русских договоров и из названий днепровских порогов у Константина Багрянородного. Та Русь, которая, по свидетельству этого же автора, ходит в походы, собирает дань с восточнославянских племен и совершает ежегодные путешествия по Днепру в Константинополь, — это не племя, а социальная группа, киевская дружина, включающая в себя норманнов, но состоявшая далеко не исключительно из них. Столетием раньше аналогичное отождествление Rhos с норманнами, в частности со шведами, мы находим в Бертинских анналах под 839 г. в составе этой Rhos вполне могли быть и выходцы из Швеции, которую в Германии в это время уже знали; Sueones Бертинских анналов — это *pars pro toto*, но ни в коем

случае не доказательство скандинавского происхождения Руси. Что касается отождествления варягов с Русью у составителя Повести временных лет, то это — явление несколько иного порядка. Конечно, и тут могли иметь значение участие и роль норманнов в южнорусских военно-торговых предприятиях, но в основном летописцу понадобилось ввести эту комбинацию в свой труд и развить ее в связи с той историографической концепцией, в которую входит и легенда о призвании князей. Название «Русь» связано с югом; там сидят киевские князья, так называемые Рюриковичи; их норманское происхождение и генеалогия утверждаются легендой о призвании в обработке летописца. Отсюда недалеко и до возведения Руси к тем же варягам и до превращения ее в никогда не существовавшее скандинавское племя.

[1939 г.]

О НАЗВАНИИ РУСИ GARḑARÍKI

Одним из вопросов, долго остававшихся невыясненными в области скандинаво-русских отношений в древнейший, домонгольский, период русской истории, является вопрос о названии Руси у скандинавов Garḑar или Garḑariki; первое является более ранним и более народным, второе — позднее и носит скорее книжный характер¹. Разъяснение этого вопроса дал недавно вкратце Ф. А. Браун². Настоящая небольшая работа примыкает к его постановке вопроса и является развитием кратко очерченной им темы, давно уже указанной им мне в качестве предмета исследования, за что я приношу ему здесь глубокую благодарность³.

Основное — двойное — значение слова garḑr в древнескандинавском языке: 1) «ограда, забор», 2) «огороженное место, участок земли, жилье, двор». По существу, мы его находим во всех языках германского корня; с ним оно переходит и в финский и родственные ему языки (финское — kartano, мордовское — kardas, зырянское — karta и др.)⁴. В славянских же языках, заимствовавших его из готского⁵, оно получило значение не «дом, двор, жилье», как в германских, а «город» в смысле urbs, «укрепление», arx — в частности, «городская стена». В древнескандинавском языке garḑar — именительный падеж множественного числа от существ-

¹ *Söderberg S.* Runologiska och arkeologiska undersökningar på Öland sommaren 1884.— «Antiqvarisk tidskrift för Sverige», 1905, del. 9, N 2, s. 17.

² *Braun F.* Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X.—XIV. Jahrhunderts.— In: Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag. Halle, 1924, S. 192.

³ Этого же вопроса мне уже пришлось коснуться вкратце в статье «Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgarḑr» (ИРАИМК, т. II. IIб. 1922, с. 110).

⁴ *Mikkola J. J.* Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Helsingfors, 1894, S. 20, где это слово рассматривается как заимствование из языка индоевропейского, но не славянского. См. также: *Thomsen W.* Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Halle, 1870, S. 41; *Погодин А. Л.* Киевский Вышгород и Гардарики.— ИОРЯС, 1914, т. XIX, кн. 1, с. 11.

⁵ *Paul H.* Grundriss der germanischen Philologie, Bd. I. Strassburg, 1891, S. 355; Bd. II. Strassburg, 1893, S. 826; *Falk H. og Torp A.* Etymologisk ordbok over det norske og det danske sprog. Kristiania, 1903—1906 (под словом gaard, где указано, между прочим, что литовское garḑas заимствовано из германского, а литовское žardis восходит к индо-германскому *ghordi); *Krek G.* Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Aufl. Graz, 1887, S. 147.

вительного мужского рода *garðr* (основа на -а; *garða* — родительный падеж множественного числа); *ríki* — в территориальном смысле «страна, область, государство»; в виде имени существительного это слово встречается еще в праиндоевропейском *ǵhértos* и *ǵhordis*; обе эти формы восходят к корню *ǵher* со значением «охватывать, окружать»; отсюда же латинские *cohors* и *hortus* и греческий *χóρτος* ⁶.

«Город, городок, городец» (в зависимости от размеров) у русских славян называлось как всякое укрепленное место — постоянное или служившее временным убежищем для населения (многие русские городища являются, по-видимому, остатками таковых), так и крупные и значительные в военном, торговом и административном отношении — Киев, Новгород, Смоленск и др.

По мнению В. О. Ключевского, Русь называлась у скандинавов *Garðaríki*, т. е. «Страна городов», по множеству этих последних, возникших преимущественно по главным речным торговым путям и становившихся в некоторых случаях средоточием крупных земель-областей⁷. Это же толкование принято еще одним из первых исследователей русских городов и городищ — З. Я. Доленга-Ходаковским⁸, а также многими авторами вышедших в России работ, касающихся этого вопроса⁹. Правильно ли это толкование вообще и насколько правильно, может показать исследование слова *garðr* в самом древнескандинавском языке.

Ставя вопрос о его значении в так называемую эпоху викингов (VIII—XI вв.) — наиболее интенсивную и значительную для скандинаво-русских отношений, мы имеем, по-видимому, возможность пользоваться данными памятников, не только сравнительно близко стоящих к ней по описываемым событиям и по времени записи, т. е. XII—XIII вв., но и таких, которые заходят далее в XIV в. (как, например, некоторые шведские законы), так как слово *garðr* не имело заметной эволюции основного значения.

I

Основное и первоначальное значение слова *garðr* в древнескандинавском языке — «ограда, изгородь, забор»¹⁰ — встречается в сагах и других памятниках во множестве примеров, «дом с бли-

⁶ *Hoops J.* Reallexikon der germanischen Altertumskunde, Bd. I. Strassburg, 1911, под словом Garten.

⁷ *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. 1. М., 1904, с. 155; *Самоковцов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873, с. 91.

⁸ *Доленга-Ходаковский З. Я.* Пути сообщения в Древней России. — В кн.: Русский исторический сборник. М., 1837, с. 1—50.

⁹ *Падалка Л. В.* Происхождение и значение имени «Русь». — «Труды XV археологического съезда в Новгороде», т. I. М., 1914, с. 371; *Погодин А. Л.* Указ. соч., с. 27—28.

¹⁰ *Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1874; *Fritzner J.* Ordbog over det gamle norske sprog, bd. 1. Kristiania, 1886, s. 559—562.

жайшими жилыми и хозяйственными постройками» — древнескандинавское «bæg» в тесном смысле этого слова; т. е. жилье, дом был обнесен оградой, за пределами которой лежали поля, луга и выгоны, принадлежавшие тому же владельцу, в свою очередь также обнесенные изгородью¹¹.

В древнешведских законах мы встречаем термин *toptargarþer*, *toftgarþer* (от *topt*, *toft* — «участок земли»)¹². Исследователь древнешведского права К. И. Шлютер отождествляет этот термин с *bolgarþer*¹³ в противоположность внешней ограде, *utgarþer*, которой были обнесены пахотные и луговые земли усадьбы. Тем же словом *garðr* обозначалась в языческие времена и ограда, которой был обнесен храм (*hof*) — *hofgarðr*.

Следующее значение слова *garðr* — самый участок земли, окруженный изгородью для какой-нибудь определенной цели, — «пашня, выгон, огород». Терминов, в которых это слово встречается с подобным значением, очень много во всех отраслях хозяйства, земледелия, рыболовства и охоты¹⁴. В христианскую эпоху появляется слово *kirkjugarðr* в смысле, во-первых, ограды, окружающей церковь, во-вторых, кладбища¹⁵.

Устройство ограды являлось особым ремеслом, обозначаемым словами *leggja garðr* (класть ограду), *vegra garðr* (насыпать ее), глагол того же корня *gerða* (реже — *gírða*), *grípa með garðum* (охватить, окружить оградой)¹⁶. Древнескандинавские законы очень подробно определяют ее высоту и устройство калитки и ворот, сделанных в ней¹⁷, за прочность ее отвечал сам владелец; всякая порча ее имела определенную расценку в смысле наложения взыскания. В пределах огороженной таким образом усадьбы заключалась частная недвижимая собственность, неприкосновенность которой законы строго охраняли.

Третье значение слова *garðr* или *búgarðr* (*bú* — «дом, жилье, хутор») — «двор, принадлежащий частному владельцу». Многие местные названия в скандинавских странах есть названия таких одиночных, более или менее крупных дворов-усадоб. Так же назывался и двор, входящий в состав селения или города¹⁸. В связи с этим термином в древнескандинавском языке имеется целый ряд

¹¹ Hón. þór., 10; Laxd., 115; Eg., 96; Flóam., 128; Nj., 187; Dropl., 154; Glþ., NGL, I, 41; Frþ., NGL, I, 241; Grág., I, 82, 453; и многие другие.

¹² Corp. jur., I, 31.

¹³ Ibid., I, 63, 213; bol — жилье, двор, хутор.

¹⁴ Dipl. Isl., I, 271—272, 268. Ср.: Corp. jur., I, 47; Nj., 255; Laxd., 182; Eyrb., 79; и многие другие.

¹⁵ Glþ., NGL, I, 8; и другие.

¹⁶ Svarfd., 180; Grág., II, 261, 282; и другие.

¹⁷ Что же касается материала, из которого ее сооружали, то здесь наблюдается большое разнообразие в зависимости от местных условий: были плетни, изгороди из заостренных кольев или жердей, из досок, брусьев, бревен и т. п.; камень, торф, земля — а в Исландии и лава — также часто шли в дело.

¹⁸ Laxd., 68; Flat., I, 293; Hkr., I, 386; Hkr., II, 94; Eg., 195; Msk., 95; In. Bard., 129.

производных: *garðsbondi* (владелец двора), *garðsmaðr* (человек, живущий в чужом доме и находящийся в известной зависимости от хозяина), *Konungsgarðr* — что соответствует нашему древнерусскому «княжь дворъ», в христианскую эпоху *biskups-garðr*, т. е. «двор епископа», и т. п.

Во всех этих значениях слово *garðr* встречается и в различных образных выражениях, в пословицах и поговорках, в юридических терминах, а также в поэзии скальдов.

Говоря о нем, нельзя не упомянуть о другом слове, часто совпадающем с ним по смыслу, а именно *tún* (существительное среднего рода, основа на -а). Древнейший смысл его в индоевропейских языках — «укрепленное место». По мнению Г. А. Хирта¹⁹, оно перешло в германские языки из кельтского (*dunon*, откуда такие местные названия, как *Lugdunum*, *Augustodunum* и т. п.) и в древнейшем своем значении осталось в английском *town* — «город» и в скандинавских местных названиях *Lugtuna*, *Eskilstuna* и др., но в смысле «город» оно встречается в древнескандинавском языке очень редко²⁰, а больше в смысле *garðr* и часто в соединении с этим словом (*tungarðr* — «ограда»).

II

Таким образом, все данные древнескандинавского языка сводятся к тому, что слово *garðr* никогда не обозначало город в смысле *urbs* или *arx* (для этого имелись другие слова — *by*, *staðr*, *borg*). Тем не менее существует одно место в *Hauksbók*²¹, где в географическом обзоре русские города называются именно *garðar*, *hofuðgarðar*, т. е. «главные города»²², причем перечислены Киев, Новгород, Полоцк и др.: «*í því ríki er þat Ruzcia heitir þat kollum ver Garðaríki þar ero þessir hofuðgarðar. Moramar. Rostofa. Surdalar. Holmgarðar. Syrnes. Gaðar. Palteskja. Kœnugarðr*», т. е. «в том государстве (или в той стране), которое зовется Руссия и которое мы называем Гардарики, главные города: Муром, Ростов, Суздаль, Хольмгард (Новгород Великий), Сирнес (?), Гадар (?), Полоцк и Кёнугард (Киев)»²³.

Те скандинавские ученые, которые касались этого вопроса, находили объяснение создающемуся, по-видимому, противоречию между выводами, вытекающими из исследования слова *garðr* в

¹⁹ *Hirt H. A. Etymologie der neuhochdeutschen Sprache. München, 1909, S. 96; Paul H. Grundriss der germanischen Philologie, Bd. III. Strassburg, 1900, S. 787.*

²⁰ *Kauptún* — торговый город: *OSh (Fms., IV), 48—49.*

²¹ *Hauks., 155.*

²² Ср. аналогичное выражение *hofuð staðr* в этом же смысле *OST, Munch, s. 18, 24.*

²³ Место это Ф. Йонссон считает вставкой из исландского источника; в несколько иной редакции те же известия мы находим в географическом сочинении исландского аббата Николая, жившего в XII в. (*Symbolae ad geographiam medii ævi, ex monumentis islandicis, ed. E. Ch. Werlauff. Hauniae, 1821, p. 10).*

древнескандинавском языке, с одной стороны, и этим местом Hauks-bók — с другой, в том, что это слово, действительно не совпадающее по смыслу с русским «городъ», принимает свойственное тому последнему значение в тех случаях, когда речь идет о русских городах. Происходило это потому, что города имели деревянные укрепления, походили по своему типу на скандинавские дворы — garðr'ы²⁴. Последнее предположение высказано В. Томсеном. Оно заставляет нас задаться вопросом — была ли такая существенная разница во внешнем виде варяжского и русского города в этот период?

Вопрос о типах русских городов и городищ давно уже разрабатывается русскими историками и археологами. Положение этих мест определяется, как известно, прежде всего топографическими условиями; большинство из них находится близ водных путей, редко — на ровном, открытом месте, а большей частью — на высокоом берегу реки, на мысу, образуемом слиянием двух рек, между рекой и оврагом и т. п.; с той стороны, где не было естественной защиты, сооружались искусственные валы и рвы.

Таков в самых общих чертах тип русского города в интересующую нас здесь эпоху. Кроме непосредственных археологических изысканий, много интересных и подробных сведений в этой области могут дать русские летописи, в языке которых город имеет двойное значение, уже указанное выше, т. е. 1) «городская стена, ограда» и 2) «город как населенное и укрепленное место». Многие такие места служили временным убежищем для окрестного населения в случае нашествия неприятеля²⁵.

²⁴ Thomsen W. Der Ursprung des Russischen Staates. Gotha, 1879, S. 83. В русском переводе: Томсен В. Начало русского государства. — ЧОИДР, 1891, кн. 1, с. 73—74; Fritzner J. Op. cit., где указано также, что этим же словом скандинавы называли Константинополь — Miklagarðr (от mikill — большой, великий), византийский император — Garðskonungr.

²⁵ Долenga-Ходаковский З. Я. Указ. соч.; Самоквасов Д. Я. Указ. соч., с. 48, 113; Андриашев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887, с. 51; Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891, с. 16; Ляско-коронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1903, с. 90—167; Зубарев Ф. Русские городища и города в связи с развитием русской государственности (Краткий обзор древнерусской стратегии). Старица, 1914, с. 42; Антонович В. Б. О городищах докняжеского и удельно-вечевого периода, находящихся в западной части древней Киевской земли. — «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», кн. III. Киев, 1889, с. 10—16; Самоквасов Д. Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могильникам. М., 1908, с. 2; Бобринский А. А. Сведения о различных курганах и земляных сооружениях, находящихся в Зеньковском уезде Полтавской губернии, в окрестностях села Глиница, и на границе губерний Полтавской и Харьковской. — В кн.: Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год. СПб., 1897, с. 125; Романцев И. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, с кратким описанием последних. Новгород, 1911; Полонской Н. Д. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 годов в мест. Белгородке. — «Труды Москов-

Приблизительно такую же картину дают и археологические разыскания, произведенные в Прибалтийском крае и в области полабских славян²⁶. В гористых и скалистых местностях располагались норвежские и исландские города-крепости; саги дают много сведений об укреплениях (*borgar*) и разных защитных сооружениях (*virki*)²⁷. Как на Руси преобладали в связи с природными условиями дерево и земля в качестве материала для сооружения укреплений, так у норвежцев и исландцев могли иметь, в зависимости от природы их страны, большее применение камень, торф и даже лава, но знаменитый датский вал *Danavirki* был в большей части своей сооружен из дерева. Положение укрепленного пункта определялось теми же приблизительно топографическими условиями. Есть указания на то, что и здесь, как и всюду, он мог служить временным убежищем для окрестных жителей с их имуществом в случае нападения врагов, т. е. являться тем, что немецкие ученые называют *Fluchtbург*.

Необходимо отметить также характерные картины укрепленных дворов-усадоб, рисующиеся нам в сагах. Ограда хутора могла приобрести значение укрепленного вала, если была достаточно высока и прочна; обнесенный ею, удобно расположенный, с точки зрения, так сказать, стратегической, двор приобретал значение укрепленного пункта, и картина враждебного столкновения двух вождей производит впечатление осады и обороны настоящей крепости²⁸. Но едва ли можно в этих известиях искать подтверждения существованию такой значительной разницы между русскими и скандинавскими городами того времени, что вследствие нее первые назывались *garðr*'ами по сходству со скандинавскими городами-

ского предварительного комитета XV археологического съезда». М., 1911, с. 47—66. Летописные известия: Новгородская I летопись, 989 г., 1092 г., 1115 г., 1146 г.; Новгородская II летопись, 1116 г.; Ипатьевская летопись, 1078 г., 1090 г., 1140 г.; Лаврентьевская летопись, 1151 г. и др.

²⁶ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. I. Рига, 1876, с. 23; *Баллод Ф. В.* Отчет о командировке в Прибалтийский край летом 1909 года.— «Труды Московского предварительного комитета XV археологического съезда», с. 46; *Piž J. L.* Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage. Leipzig, 1886, S. 175—176, 230—231; *Cohausen A.* Alte Berschanzungen, Burgen und Stadtbefestigungen im Rheinland und in Preußen.— «Zeitschrift für Preussische Geschichte und Landeskunde», 111 Jg., H. 1, 1866, S. 613—627; *Krek G.* Op. cit., S. 316, 412.

²⁷ *Piper O.* Burgenkunde. München — Leipzig, 1905, S. 7—8; *Hildebrand H.* Sveriges medeltid, del. 1. Stockholm, 1879, s. 27—62; *Wiberg C. F.* Om Gestriklands fornborgar.— «Svenska fornminnesföreningens tidskrift», bd. 1. 1871—1872, s. 46; *Schatelig H.* Notiser om bygdeborgar. Aarberetning for 1908.— «Foreningen til norske tidsmindebevarings Bevaring», 64. aarg., 1909, s. 124—130; и др. Известия car: OSh (Hkr., II, 94, 143, Fms., IV, 121), Uphaf Magnus Konungs berfoetts (Hkr., III, 250—251), Svrr. s. (Fms., VIII, 148), OST (Hkr., I, 300, Flat., I, 110—111, Fms., I, 123, 128), Uphaf Magnus blinda (Hkr., III, 331—332), Har. Harðr. (Fms., VI, 259), Knytl. (Fms. XI, 395).

²⁸ Sturl., I, 58—59, 172, 182, 184—185, 273, 307; Korm., 140—148; Eyrb., 132, 207; Þorst. vik., 419; Gaut. s. (Fas., III, 20, 21).

усадебными. Во-первых, не все эти последние бывали укреплены, а во-вторых, большинство подобных известий относится, как это видно из *Sturlunga saga*, к довольно позднему периоду, ко времени наиболее обостренных междоусобий в Исландии (первая половина XIII в.).

Таким образом, несмотря на то что разница между скандинавским и славяно-русским типом расселения и соответствующего быта и устройства, несомненно, была, литературные и археологические данные едва ли подтверждают предположение В. Томсена. Разъяснение и вместе с тем поправку к *Garðaríki* — «Страна городов» может дать иная постановка вопроса, предложенная Ф. А. Брауном: в применении этого слова к русским городам в окончании скандинавских названий Киева и Новгорода *Kænugarðr* и *Holmgarðr*²⁹, а также, вероятно, и Константинополя *Miklagarðr* следует видеть не древнескандинавское слово *garðr* с присущим ему в этом языке смыслом и значением, а переделку на скандинавский лад русского «городъ» — слова одного корня с ним и близкого по значению. Его-то и следует считать исходной точкой при истолковании того названия, которое скандинавы давали Руси.

Неизбежно возникает вопрос о том, почему скандинавы не называли русских городов привычным им словом *borg*, которое, кстати сказать, к укрепленным дворам-усадебам, как таковым, саги не применяют. Возможно, что причину следует искать в том особом оттенке, который имел его смысл в древнескандинавском языке; наиболее знакомое нам его значение — «город, главным образом укрепление», *agx*; второе — «возвышенность, небольшая гора, утес, уступ, горная площадка, круто обрывающаяся с одной стороны над низменной полосой земли»³⁰. Местные названия, заключающие в себе это слово, могут происходить как от укрепления, постоянного или временного, так и от природной возвышенности, хотя бы на ней и не было никогда укрепленного пункта³¹. Их довольно много как в Исландии, так и в Норвегии. Саги, кроме того, часто употребляют это слово и в значении природной возвышенности, как таковой³². Не исключена поэтому возможность, что оно было слишком тесно связано с представлением о высокой горной местности, чтобы вполне подходить к русским городам

²⁹ В поздних сагах Новгород — *Nogarðr*; ср. также латинизированное *Novogardia*.

³⁰ *Cleasby R.*, *Vigfusson G.* Op. cit., *Jonsson E.* Oldnordisk ordbok. Kjöbenhavn, 1863; *Fritzner J.* Op. cit.; *Falk H.* og *Torp A.* Op. cit.

³¹ *Norske Gaardnavne*, ed. *O. Rygh*. Forord og Indledning. Kristiania, 1898, s. 44; bd. I. Kristiania, 1897, s. 313; bd. III. Kristiania, 1900, s. 315; bd. IV, 2 halvdel. Kristiania, 1902, s. 155; bd. XIV. Kristiania, 1901, s. 275; *Rygh O.* Gamle personnavne i norske stedsnavne. Kristiania, 1901; *Kålund K.* Bidrag til en historisk-topografisk Beskrivelse af Island, bd. I. Kjöbenhavn, 1877, s. 374.

³² *Eg.*, 271, 273; *Sturl.*, I, 27—28, 330.

в большинстве случаев ³³. Вместо него могло скорее привиться другое, а именно *garðr*. Оно было очень обычно, так как выражало собою весьма распространенную форму скандинавского быта и поселения. Посредством него же легко передавалось близкое ему по происхождению и по значению русское «городъ», весьма обычное, в свою очередь, и в русской речи, и в русском государственном, военном и экономическом быту, в котором город имел такое выдающееся значение, как военный, защитный и торговый центр. Это возвращает нас опять к той же «теории городов» В. О. Ключевского ³⁴.

Памятники древнерусской литературы сохранили сравнительно немного местных названий, в состав которых неотделимо входит слово «городъ», — Новгород (Новгород Великий и Новгород «въ земле рустей», т. е. Новгород Северский), Вышгород, Звенигород, Белгород, — но оно подразумевается при всяком таком названии, как Переяславль, Всеволожь, Глебль, Володимерь (Владимир Волынский), т. е. город Переяслава, Всеволода, Глеба и т. д., Киев — город Кия, по толкованию летописи, затем Полотъскъ, т. е. Полотский город, Смольньскъ, Сновъскъ и т. д., иногда в распространенной форме «градъ Бужескъ», «градъ Белъ», «Святополчъ градъ» и т. п. ³⁵

Что у скандинавов со словом *garðr* не связывалось понятие о городе в русском смысле этого слова, доказывает, между прочим, и отсутствие у них как в древности, так и в нынешнее время крупных центров с названиями, в состав которых входило бы это слово; довольно распространенное в Исландии и в Гренландии *Garðar* имеет основное значение «двор, хутор, усадьба»; несколько таких дворов объединялись в одно поселение по родовым связям их владельцев, а также по культовым отношениям (общий храм). В таком же смысле, т. е. «единичный двор», является это слово и в составе местных названий в Норвегии, подробно изученных К. Д. Рюгом. По его мнению, они в большинстве случаев обозначают, что данный хутор является частью другого, более старого, основного поселения — по русской терминологии, «выселком»; на топографическое положение такого отделившегося двора по отношению к основному определению указывают такие названия, как *Nordgaarden*, *Østgaarden* и т. п.

История местных названий, их возникновения, их смысла и значения — область весьма обширная и сложная, неразрывно связанная с изучением того, что германские ученые называют *Siedel-*

³³ Исключение — Ладога (*Aldeigjuborg*); в песнях скальдов встречается, впрочем, краткое *Aldeigja*. *Palteskiuborg* вместо *Palteskja* — Полоцк встречается лишь в поздних сагах.

³⁴ Ключевский В. О. Указ. соч., ч. 1, с. 155.

³⁵ Ипатьевская летопись, 992 г., 1067 г., 1156 г.; Новгородская I летопись, 1216 г.; значительно позднее, а именно в договоре 1407 г. Полоцка с Ригой — «Полоцкой городъ», «Ризькой город» (Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868, с. 129—130).

ungswesen, т. е. с историей расселения, его форм и эволюции в различные эпохи и у различных народов. В пределах поставленной здесь задачи, ограничивающейся разъяснением скандинавского названия Древней Руси, можно, мне кажется, сделать на основании всех имеющихся у нас данных следующий вывод: Gaṛḁaríki есть действительно «Страна городов», как переводили до сих пор русские историки, но слово gaṛḁr в его составе не имеет присущего ему в древнескандинавском языке значения, а является своего рода народной этимологией, приспособлением близкого слова, взятого из чужого языка, к своему.

[Около 1924 г.]

О ВОЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ СКАНДИНАВОВ И РУСИ К ВИЗАНТИИ ПО ГРЕКО-РУССКИМ ДОГОВОРАМ И ПО САГАМ

Тема моего сообщения непосредственно связана с докладом В. А. Брима, прочитанным в предыдущем заседании¹ и касавшимся упоминаний о Греции в шведских рунических надписях. Моим материалом являются сведения древнескандинавской литературы, которые касаются военных отношений к Византии и которые я попытаюсь сопоставить с некоторыми пунктами греко-русских договоров. Литература саг, очень богатая и чрезвычайно интересная сама по себе, единственная в своем роде как литературное явление той эпохи, к которой она относится, дает нам фактов, конечно, гораздо больше и подробнее, чем краткие рунические надписи, но зато, с другой стороны, именно вследствие своей большей разработки и принадлежности по записи ко времени более позднему, является источником гораздо менее непосредственным и подлинным, чем они. Рунический камень мы имеем таким, каким его сделал мастер X или XI вв.; каждая сага прошла не через одни руки, не одну стадию устной и письменной передачи, а потому требует еще более внимательной и всесторонней критики. Еще одна черта, которую следует предварительно отметить, заключается в том, что рунические надписи, касающиеся Руси, относятся почти исключительно к Швеции, а саги говорят только о норвежцах и исландцах и немного — о датчанах, шведах и англосаксах. Единственная дошедшая до нас в рукописи XIV в. шведская сага *Guta saga*, составленная в XIII в., упоминает о поездке готландцев в Грецию — известие, особенно интересное для нас тем, что оно говорит о пути туда через Русь по Западной Двине.

Еврейский документ X в. о Хальгу, которого Роман Лакапин подбивает напасть на хазар, — наиболее раннее свидетельство о союзнических отношениях Руси с Византией².

Обращаясь к тексту наших договоров, мы находим следующие места, касающиеся военных отношений с Византией. Это прежде всего условия активного военного союза с киевским князем в договоре 944 г.: «аще ли хотети начьнетъ наше цесарьство от вась вои на противящаяся намъ, да пишють къ великому кънязю вашему, и посълетъ къ намъ, еликоже хоцемъ: и отътоле уведать ины

---

¹ Речь идет о докладах в Комиссии по изучению греко-русских договоров (Сост.).

² *Роговцов П. К.* Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке. — ЖМНП, 1913, № 11.

страны, каку любовь имеютъ Гръци съ Русию»³; «аще просить вои у насъ кнѣзь Русьскыи, дамъ ему, елико ему будетъ тебе, и да воюеть»⁴. Последняя фраза входит в состав статьи, ограждающей Корсунские владения императора от того же русского князя. В случае нападения Черных Болгар на эту область «велимъ кнѣзю Русьскому, да ихъ не пускаетъ пакостити стране его»⁵; далее при Ольге «вои въ помощь»⁶. Наконец, в договоре 971 г. Святослав обязуется не нападать на подчиненные императору области, а кроме того: «да аще инъ кѣто помыслитъ на страну вашу, да азъ буду противънъ ему, и борюся съ нимъ»⁷. Фрагментом не дошедшего до нас в летописной передаче аналогичного греко-русского договора является известие о посылке шеститысячного отряда руссов великим князем Владимиром в 988 г. при заключении им мира с царем Василием и женитьбе на его сестре Анне⁸.

Далее, в договоре 911 г. мы видим инициативу отдельных лиц, желающих поступить на службу к византийскому императору: «Егда же требуетъ на воину ити. Егда же потребу творите на воину ити, и си хотятъ почестити цесаря вашего, да аще въ кое время елико ихъ придетъ, и хотятъ остатися у цесаря вашего своего волею, да будутъ отъ Руси не възбранени»⁹. В связи с предыдущей статьей¹⁰ это относится, по-видимому, к русским, попавшим в плен и получившим свободу¹¹, но ими, конечно, не ограничивалось в Византии число военных наемников из Киевской Руси. К этой теме принадлежит, по-видимому, и следующая несколько далее статья того же договора: «О работающихъ въ Грецехъ Руси у хрестіаньскаго цесаря. Аще кѣто умреть, не урядивъ своего имения, ци и своихъ не иматъ, да възвратятъ имение къ малымъ ближикамъ въ Русь. Аще ли сътворитъ обряжение таковыи, възметъ уряженое его; кому будетъ писаль наследити имение, да наследитъ е»¹². Несмотря на применение в договоре 944 г. глагола «работати» к пленным, здесь едва ли имеются в виду подневольные люди, к положению которых мало подходит распоряжение своим имуществом, наследование его и т. п.; а это скорее — военные наемники у византийского императора. Принимая во внимание опасности и случайности, связанные с этой службой, тем более было важно предусмотреть вопрос о наследстве.

³ [Шахматов А. А.] Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, с. 58.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 73.

⁷ Там же, с. 86—87.

⁸ Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков.— Труды, т. I. СПб., 1908, с. 196, 200—201.

⁹ [Шахматов А. А.] Повесть временных лет, т. I, с. 38.

¹⁰ Там же, с. 37.

¹¹ Самоквасов Д. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славянорусов к грекам до Владимира Святославича Равноапостольного.— «Варшавские университетские известия», 1886, № 6, с. 22.

¹² [Шахматов А. А.] Повесть временных лет, т. I, с. 39.

В связи с возникавшими нередко враждебными отношениями с Византией стоят статьи о выкупе и возвращении пленных, которых в договоре 911 г. две («о техъ, аще пленникъ обою страну...» и «о Руси о плененей») ¹³ и в договоре 944 г. тоже две («елико хрестиянъ отъ власти нашея...» и «аще ли обрящются Русь работающе у Грькъ, аще суть пленницы...») ¹⁴. Условие о возвращении на Русь пленных входило, вероятно, и в состав еще одного не дошедшего до нас в летописи договора, заключенного в 1046 г. после неудачного похода русских на Царьград в 1043 г.: «по трьхъ же летехъ, миру бывъшу, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Яро-славу» ¹⁵.

Сведений о службе скандинавов-варягов на Руси в летописи довольно много, Константинополь же упоминается в данный период лишь один раз, под 980 г., когда часть варягов Владимира, недовольная им, отправилась «Цесарюграду въ Греky», причем Владимир предупредил императора об опасности, которую может представить эта дружина ¹⁶.

Обращаясь к скандинавской литературе, следует прежде всего отметить, что походы и поездки скандинавов как на Русь и на Восток (Austrvegr, под понятие которого у них подходила вся Прибалтика), так и в Константинополь (Miklagarðr, как называют его саги), обычно тесно связанные друг с другом, нельзя рассматривать как предприятия в государственном масштабе, а лишь как проявление военной и торговой предприимчивости частных лиц — вождей и их дружин и отдельных смелых искателей военной славы и добычи. (Оно и не могло быть таким в то время, потому что тогда и государства в собственном смысле слова у скандинавов не было.) Там, на месте, в Царьграде, у них образовалась своя определенная организация, знаменитый варяжский корпус, со своими обычаями и порядками, с договорными условиями, заключаемыми с византийским императором, ближайшая стража, которая состояла из варягов, но являлись они туда все-таки в качестве отдельных лиц или отрядов с вождем во главе, как, например, наиболее известный из них Харальд Хардрада, будущий норвежский король, и многие другие в течение X и XI вв. Лишь значительно позже эпохи наших договоров мы встречаемся с такими отношениями скандинавских конунгов и византийских императоров, в которых можно видеть отношения представителей двух государств (начало XII в. — поездки в Царьград Эйрика Датского в 1103 г. и Сигурда Норвежского в 1110 г.) ¹⁷. И, наконец, еще позже, еще дальше от интересующего нас периода в 90-х годах XII в. мы находим известие о том, что император Алексей (по-видимому, Алексей III) отправил на Север с одним норвежцем, долго бывшим в чужих странах (очевидно, и в

¹³ [Шахматов А. А.] Повесть временных лет, т. I, с. 37—38.

¹⁴ Там же, с. 56—57.

¹⁵ Там же, с. 196.

¹⁶ Там же, с. 95.

¹⁷ Fms., XI, 315—316; Нкг., III, 267—284, 499.

Греции), просьбу к Свериру Норвежскому о присылке ему 90 воинов и о том же — к королям Дании и Швеции.

Наши же договоры X в. имеют в виду определенное политическое целое, близкое к Византии и в географическом, и в политическом отношении, с представителями которой заключаются известные соглашения, в том числе и касающиеся военного союза. Относительно поступления отдельных лиц на службу к императору договоры принимают во внимание не только их инициативу, но и принадлежность их к той государственной организации, которую представляет собой Русь, Киевское княжество, империя Рюриковичей.

Статьи, касающиеся военнопленных, в сагах нам сопоставить не с чем, потому, по-видимому, что в качестве пленников скандинавы попадали в Грецию постольку, поскольку они участвовали в русских походах на Царьград, о которых исторические саги не сохранили известий, помимо же связи с Русью они появляются там только в качестве военных наемников.

О торговых сношениях скандинавов с Византией саги непосредственно не говорят (в противоположность нашим договорам), вероятно, потому, что такого рода сношения велись через Русь, и в сведениях о поездках туда с такой целью можно тем самым предполагать и торговлю с Византией. Место в *Finnboga saga*¹⁸, где говорится о торговле приезжих норманнов с греками, едва ли можно принимать в расчет, так как эта сага поздняя, а главное, в значительной степени вымышленная.

Хронологические пределы известий о поездках в Царьград в древнескандинавской литературе: середина X в. — второе или третье десятилетие XIII в.; большинство их приходится на XI и XII вв. Большей частью они представляются весьма правдоподобными в том, что касается самого факта поездки и пребывания в Греции; другое дело подробности, среди которых есть много легендарного, много следов переработки, поздних вставок и эпизодов, а если и не очень поздних по времени составления, то, во всяком случае, мало правдоподобных. И этот материал имеет, конечно, свое значение. Известия XII в. несколько противоречат принятому многими историками, в том числе и В. Г. Васильевским, мнению об очень значительном сокращении числа служивых скандинавов в Константинополе в этот сравнительно поздний период, хотя несомненно то, что в XII в. в наемных войсках в Византии было и много других национальных элементов. С точки зрения скандинаво-русских отношений разницу составляет то, что путь с Севера в Царьград лежал уже не через Русь, где связь Приднестровья и Киева с Византией была значительно затруднена, а через Западную Европу.

Как полагает шведский историк Х. Шюк¹⁹, доказательством того, насколько обычны были поездки в Грецию даже во время

¹⁸ *Finnboga s.*, 39.

¹⁹ *Schück H. Svenska folkets historia*, bd. I. Lund, 1914, s. 230.

более позднее, чем классическая, так сказать, эпоха викингов, является упоминание о них в шведских вестерготландских законах, составленных в начале XIII в., в статье, касающейся вопроса о наследовании после того, кто находится в Греции (буквально «сидит в Греции») ²⁰. К этому можно присоединить и подобную же статью в древнейшей редакции норвежских законов Гулатинглаг, относимой к началу XII в. ²¹

Обзор скандинавских памятников, упоминающих о сношениях с Грецией, был бы не полон, если не отметить историографическую литературу того времени. Так, первый исландский историк Ари Торгильссон, по прозванию Мудрый (ум. в 1148 г.), вводит в свой труд под 1118 г. синхронистическую таблицу общеевропейского характера — даты смерти целого ряда лиц, известных как на скандинавском Севере, так и в Западной Европе, в том числе Алексея, греческого царя, сидевшего на престоле в Миклагарде 38 лет ²². Это — Алексей I Комнин, хорошо известный северным сагам; есть аналогичные обзоры по этому же образцу и в более поздних сводах и редакциях саг ²³.

Среди всего этого материала подробнее всего, конечно, сведения саг со вставленными в них целиком или отрывками песнями скальдов, значение которых так верно оценил В. Г. Васильевский, несмотря на незнание исландского языка и литературы. Для X в. их немного — только в двух случаях они могут считаться достоверными ²⁴. С этих же первых известий устанавливается известная общая форма их содержания приблизительно в таком виде: такой-то был в Миклагарде и поступил на службу к греческому государю, заслужил там большой почет; иногда упоминается, что он стал там предводителем варягов. К первому десятилетию XI в. относится первое упоминание о варягах как о вполне сложившейся организации, объединенной общим строем и обычаями ²⁵. Подробнее всего в этом отношении сага о Харальде Хардрада, явившемся в Царьград с Руси, вероятно, в 1035 г. при Михаиле IV Пафлагоняnine ²⁶ и поступившем там на службу вместе со своими спутниками, которых он привел с собою целый отряд (очевидно, с Руси же). К нему быстро начинает собираться еще много варягов, присоединяются также местные уроженцы и латиняне, под которыми можно понимать разных выходцев из Западной Европы, какие могли появляться в этих краях в это время. Помимо жалованья от греческого императора, эта дружина с Харальдом во главе добывала себе добычу во время походов; сага в разных своих редакциях говорит о них очень подробно, соединяя исторические факты с вы-

²⁰ Cp.: Corp. jur., I, 28, 138.

²¹ Glp., NGL, I, 26.

²² Isl. b., 21.

²³ Flat., I, 247; Fms., XI, 405, 410 (Sögubrot).

²⁴ Hrafnk., 97, 110; Hallfr. s., 88.

²⁵ Heið. s., 40.

²⁶ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 263.

мыслями, с преданиями легендарного и эпического характера. Варяжский вождь держит себя весьма самостоятельно, ссорится главным образом из-за добычи со своим старшим начальником, греческим полководцем Gyrgir'ом, по другому варианту, Georgius (Fask.), в котором совершенно неправильно изображен грозный и энергичный Георгий Маниак. Подчеркивается привилегированное положение варяжской дружины и подчиненность лишь непосредственно императору и императрице. По возвращении из похода Харальда обвиняет эта последняя (Зоя) в присвоении себе того, что принадлежало по праву императору. Одна из редакций саги говорит об условиях, в силу которых Харальд должен был ему отдавать часть добычи, полученной во время похода (100 марок с корабля). Рассказ о его заключении в тюрьму и освобождении, об участии в перевороте 1042 г. и низвержении Михаила V Калафата (которое сага изображает как личный акт мести Харальда) достаточно подробно разобран В. Г. Васильевским в его прекрасном исследовании как со стороны византийского материала, так и скандинавского, поскольку он был ему доступен. Отмечен им также и раскол среди варягов, часть которых оставалась верной Михаилу и погибла при нападении Харальда. Сага много говорит о богатствах, добытых Харальдом, в особенности о золоте, и указывает на разграбление царских палат, в котором он трижды участвовал на основании существовавшего якобы обычая, чтобы варяги после смерти императора забирали себе все, что угодно, в его сокровищницах. Представление о таком своеобразном обычае могло сложиться под влиянием частых дворцовых переворотов в Византии, во время которых наемная дружина, конечно, захватывала свою долю. В этой же саге мы встречаем выражение *Væringia skift* ²⁷ — по ее толкованию, дворы, где жили варяги, но по мнению В. Г. Васильевского вернее, что это место во дворце, где находилась царская стража. В другой редакции говорится о занимаемом царской дружиной жилище в два этажа; в верхнем помещались варяги ²⁸. Другое название, *Væringjaset* ²⁹, может быть понято в двойном значении: *seta* в древнескандинавском языке значит, во-первых, место жительства, двор, усадьба и т. п., во-вторых, отряд людей, гарнизон, предназначенный для защиты какого-нибудь места. К варягам в Византии может подойти и тот и другой смысл этого слова, объясняемого некоторыми исследователями как часть города, где жила варяжская дружина.

К числу обычаев этой последней относится описываемый в *Grettis saga* ³⁰, и в существенных своих чертах правдоподобно, смотр перед походом, на который собираются все варяги, чтобы показать свое оружие, а также и все те, кто с ними; здесь мы можем предполагать отдельных выходцев с Запада: *Latinumenn* в *Hkr.* и

²⁷ Fask., 229.

²⁸ Fms., VI, 147.

²⁹ Hrafnk., 95; Laxd., 218.

³⁰ Grettis s., 139.

Fask., франки и фламандцы, а также воины из Киевской Руси, присоединившиеся к ним на византийской службе, в том числе и не разгаданные до сих пор колбяги, Kylfingar, Kulpiggoi.

Поступление на службу с заключением определенных условий с обеих сторон обозначается в сагах выражением *ganga á mála*; *máli* значит, во-первых, условие, договор, соглашение, во-вторых, определенное по условию жалованье. В обоих этих значениях оно очень распространено в древнескандинавском языке, но выражение *ganga á mála* саги употребляют только о поступлении на службу к иностранному государю или вождю. В древнешведском языке оно сохраняется очень долго и встречается еще в юридических памятниках XIV в. в значении частных соглашений семейного и хозяйственного характера.

Те же черты большой независимости варяжской дружины и личной близости к императору рисуются и в упомянутых уже преданиях легендарного и в большинстве случаев уже христианского характера, которые сохранили нам саги и которые представляют собой очень интересную область отражения исторических фактов и отношений в древнескандинавской письменности, черты общения Севера с Византией (и не с ней одной) и введения новых мотивов в скандинавскую литературу. Упоминания о Греции могут, впрочем, отчасти восходить и не к скандинавскому преданию, сложившемуся под влиянием непосредственного общения с Византией, а к книжному заимствованию по западноевропейской письменности. Так как все это уже выходит за пределы моей темы, то я ограничусь лишь указанием на ту область, в которой уже осуществлены, как известно, некоторые интересные исследования. Так, сказание о Торстейне и Спес, вставленное в *Grettir saga*, разобрано В. Г. Васильевским в связи с целым рядом подобных сюжетов³¹; сказанием о Харальде Хардрада в Византии в связи с русскими былинами занимался А. И. Лященко³².

Весьма интересны также слова и термины, заимствованные скандинавами из греческого языка и обихода, из которых многие относятся к мореплаванию.

Варягами в Греции ученые занимались уже довольно много, но, мне кажется, не исключена возможность, что исследователи-византинисты могут найти в памятниках византийской историографии и литературы еще материал, дополняющий непосредственными или косвенными указаниями и подробностями то, что нам уже известно.

[1920-е годы]

³¹ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 224 и сл.

³² Лященко А. И. Былина о Соловье Будимировиче и сага о Харальде.— В кн.: *Sertum bibliologicum* в честь президента русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пб., 1922, с. 94—136.

К ВОПРОСУ ОБ УСТНЫХ ПРЕДАНИЯХ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ

В научной литературе есть целый ряд указаний на восточные параллели к летописным преданиям. Еще больше писали о сходстве многих из этих последних со скандинавскими. На большинстве подобных работ отразилась вся запутанность и сложность пресловутого варяжского вопроса вообще, и в частности — один из самых вредных предрассудков, созданных старой норманской школой, заключающийся в трактовке древнерусских преданий, близких к скандинавским, исключительно как заимствований из скандинавского источника. В связи с этим одной из задач исследования устных источников нашей летописи является следующее: пересмотреть целый ряд тех преданий, вошедших в ее состав, которые в той или иной мере аналогичны скандинавским, проверить, насколько значительна близость между ними, и установить, чем она объясняется. В результате мы получим возможность судить о том, что именно в области летописных сказаний можно относить за счет скандинавского этнического элемента и есть ли основание считать предания, слагавшиеся среди варягов на Руси или принесенные ими с Севера, одним из источников нашей древнейшей летописи.

Что касается вопроса о том, какую форму имели вошедшие в летопись устные предания какого бы то ни было происхождения, то большинство исследователей, в том числе А. А. Шахматов, на которого мне здесь придется неоднократно ссылаться, говорят об исторических песнях. Восстановить первоначальную поэтическую форму летописных преданий довольно трудно, поскольку в стиле соответствующих мест летописного текста нет прямых указаний на нее ¹. А. Н. Веселовский предостерегал от чрезмерного увлечения восстановлением эпоса по летописи: не за всеми живописными эпизодами ее можно предполагать утраченные былины; сходство по материалу и мотивам между летописным эпизодом и эпосом еще не обозначает, что обо всем этом пелось ². В IX—X вв. с одинаковым

¹ Редким исключением является, по-видимому, текст Повести временных лет под 980 г., где говорится о сватовстве Владимира к Рогнеде: Б. М. Соколов довольно убедительно восстанавливает для него первоначальную песенную форму (Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса).— «Ученые записки Саратовского гос. университета», 1923, т. I, вып. 3, с. 97).

² Веселовский А. Н. Новые исследования о французском эпосе.— ЖМНП, 1885, № 4, с. 259; он же. Русский эпос и новые его исследователи.— «Вестник Европы», 1888, т. IV, с. 147.

успехом могли существовать и прозаические сказания в эпическом духе, и героические песни, давшие позднее, в конце XII в., такой великолепный образец высокой и несомненно старой культуры народного творчества, как «Слово о полку Игореве».

В области устных преданий и фольклора летопись сохранила далеко не так много, как хотелось бы историку, но и то, что дошло до нас на ее страницах, свидетельствует об интересе ее составителей к народному творчеству, к местным преданиям как историческому источнику, хотя бы они и исходили от людей, которые «бяху погани и невеголоси». Интерес этот, на наше счастье, не был заглушен церковной идеологией, как бы она сильно ни влияла на образ мыслей и на изложение летописца. Громадная ценность летописи заключается в том, что она не чуждалась живого устного творчества и сохранила фрагменты подлинного фольклора с отразившимися в нем историческими воспоминаниями — взять хотя бы такие общеизвестные примеры, как пословицы «погибоша аки Обре» и «беда аки в Родне».

В области ранней истории Русской земли, излагаемой в летописи, церковно-исторический элемент, конечно, отпадает, поскольку церковное предание в полной мере вступает в силу лишь со времени крещения Ольги и особенно христианизации Руси при Владимире. За вычетом церковно-исторического предания у нас остается полуисторический, полусказочный устный материал, относительно которого неизбежно возникает вопрос: народное предание или княжеское и дружинное? А вслед за этим вопросом возникает и другой, непосредственно связанный с темой настоящей работы: если мы говорим о дружинном предании, то какова здесь роль варяжского элемента? Ответ на этот вопрос я попытаюсь дать в своем дальнейшем изложении по мере и на основании рассмотрения целого ряда летописных преданий, а пока ограничусь лишь следующими замечаниями. Варяги, несомненно, были весьма видной и активной составной частью княжеской дружины, но наряду с ними в нее входили и представители местной, славянской, знати и верхов городского населения. Не следует при этом забывать, что возникновение русских городских центров не стоит в связи с появлением варягов на Руси. Если варяги и сыграли значительную роль в развитии древнерусской торговли, в освоении и расширении торговых путей и т. д., то главные городские центры Древней Руси основаны, во всяком случае, не ими, и общественный строй древнерусского города складывался и развивался на местной почве независимо от их появления на Руси и раньше, чем это произошло.

Что касается социального характера дружины, то мы знаем, что общество Киевской Руси стояло на грани старого общинного строя и слагавшегося в процессе его разложения нового, феодального. В эту переходную эпоху древнерусское общество еще не утратило свойственной начальной поре становления классового общества сравнительной легкости перехода из одного социального слоя в другой. Возьмем, например, известное предание о сыне кожевника,

победившем богатыря-печенега, после чего Владимир «великимъ мужемъ створи того и отца его» (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку под 992 г.). Можно думать, что здесь перед нами не только красивая легенда в демократическом духе, но и какое-то отражение подлинных общественных условий того приблизительно времени, к которому ее приурочивает летописец. Знать с ее привилегированным положением и экономической силой, выросшими на почве разложения родовых связей и территориальной общины, обрисовывается перед нами в это время уже достаточно четко, а в XI в., в процессе дальнейшей феодализации общества, мы видим остро выраженные социальные противоречия, нашедшие себе выражение в восстаниях смердов. Но княжескую дружину раннего периода (IX—X вв.) еще нет оснований рассматривать как вполне замкнутую, строго очерченную аристократическую корпорацию.

Если говорить о дружинном предании как об особой категории устного творчества, то оно же благодаря вхождению в состав дружины местных людей, органически связанных с теми социальными слоями, из которых они вышли, становится достоянием более широких кругов населения, становится народным. Несомненно, что в зависимости от условий и от событий сказания, касающиеся представителей верхушки местного общества, влившихся в состав княжеской дружины, могли отражать в себе и отрицательное отношение к ним. Представим себе, например, что о Яне Вышатиче, подавлявшем восстание смердов в Ростове и на Белоозере в 1071 г., сложились бы в этой среде предания — и не только в этом крае, где он был пришельцем: они, очевидно, менее всего стали бы изображать его с сочувствием³. Сам Ян, о рассказах которого летописец под 1106 г. отзывается как о своем устном источнике, очевидно, со своей стороны, излагал события с точки зрения той среды, к которой принадлежал.

Дружинное предание было тесно связано с народным; оно пользовалось широко распространенными мотивами и сюжетами так называемых международных бродячих сказаний. Эти сюжеты и мотивы в сущности не бродили и не передвигались, или, по крайней мере, значительно меньше, чем полагают многие исследователи, а складывались аналогично у разнообразных народов в обстановке сходных социально-экономических и исторических условий.

Если говорить о дружинном предании как об особом устном источнике летописи, то, во всяком случае, нельзя ставить знак равенства между определением «дружинный» и «варяжский». Не подлежит сомнению, что варяги как воины-наемники играли весь-

³ Ср. замечания В. Ф. Миллера о предполагаемом им отражении в былинах, и притом в отрицательном освещении, другого исторического лица — Путяты, брата Яна, чей двор был разграблен во время киевского восстания в 1113 г., или же того Путяты, которого Иоакимовская летопись знает как соратника Добрыни в деле насильственного крещения новгородцев (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. II. М., 1910, с. 29—31).

ма видную роль в княжеской дружине IX—X вв., но не ими одними исчерпывался ее состав, ограничивающийся к тому же не только двумя этническими элементами — скандинавским и славянским. Известия летописи об участии чуди, мери и веси в походах Олега и Игоря, так же как и некоторые другие данные наших письменных памятников, указывают на то, что в состав дружины входили представители социальных верхов и этих племен, — не говоря уже о тех народах, с которыми Киевская Русь имела разнообразные связи и отношения (хазары, угры, печенеги). Древнерусское дружинное предание принадлежит не пришлым варягам, а прежде всего местным феодализовавшимся общественным слоям и представляет собою их неписаную историю, которая начиная с XI в. получает письменное оформление на страницах летописи.

В. Ф. Миллер говорит о летописных сказаниях IX—X вв. как об идущих от княжеской дружины, по составу своему преимущественно варяжской, как о сказаниях высшего класса, участников княжеских походов и полюдий; для широкой народной среды какой-нибудь Олег — только угнетатель, сборщик дани и полона и едва ли мог быть прославляем⁴. Идеализировать деятельность таких князей, как Олег, и их отношения с местным населением мы, конечно, не будем. Но, поскольку славянский этнический элемент участвовал, например, в царьградских походах того же Олега, он неизбежно втягивался в связанный с этими походами круг интересов, и в его устном творчестве соответствующие события и лица, несомненно, получали какое-то отражение таким же порядком, как и в княжеско-дружинной среде, представители которой руководили этими предприятиями. Поэтому нет оснований для того, чтобы представлять себе хранение исторических воспоминаний и легенд ограниченным исключительно этой средой.

Кроме того, я попытаюсь показать на ряде примеров, что если предание, княжеско-дружинное или принадлежащее более широкому общественным слоям, говорит о варягах, то это еще не значит, что только эти последние были средой, в которой оно сложилось и пользовалось известностью и откуда тем или иным путем попало в летопись...

I

В порядке хронологии летописи на первом месте стоит легенда о призвании князей под 862 г. В течение почти 200 лет вокруг нее, в связи с варяжским вопросом, велись нескончаемые споры. О ней писал и академик А. А. Шахматов в статье «Сказание о призвании варягов»⁵, в «Разысканиях»⁶ и, наконец, в предисловии к изданию Повести временных лет⁷.

⁴ Миллер В. Ф. Указ. соч., т. III. М.— Л., 1924, с. 17.

⁵ ИОРЯС, 1904, т. IX, кн. 4, с. 284—365.

⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 290 и сл.

⁷ [Шахматов А. А.] Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, с. VI—VII.

Шахматов относит составление этого сказания в его первоначальном виде к первой половине XI в. и считает его новгородским по происхождению. Согласно общей схеме развития летописания, установленной Шахматовым, это сказание, составленное новгородцем, вошло в первый Новгородский свод XI в., построенный по образцу Древнейшего Киевского свода и соединивший новгородский источник с южнорусскими преданиями.

По Шахматову, в основу новгородской записи сказания, относящейся к первой половине XI в., положены народные предания, может быть, и исторические песни, а для согласования всех этих данных составитель воспользовался сочинительством и произвольной группировкой лиц и событий. В порядке дальнейшего развития летописания Шахматов различает три основные версии сказания: в Начальном Киевском своде, в Повести временных лет редакции 1116 г. и редакции 1118 г. Все три версии пользуются народным преданием, но книжники подвергают их переработке с целью объяснить начало Русской земли в духе схематической притчи о происхождении государства⁸.

В первой, новгородской, версии Шахматов возводит к устному преданию известие о дани, взимаемой варягами с новгородских славян и других соседних племен, и об изгнании варягов восставшими против них данниками⁹. Из того же источника взяты и имена Рюрика, Синеуса и Трувора, в литературной обработке ставших братьями между собой и посаженных по городам¹⁰.

В изложении автора первого Новгородского свода сказание о призвании соединилось с южными преданиями. Двумя источниками, киевским и новгородским, пользовался и Начальный свод¹¹; судя по восстановленным Шахматовым текстам¹², можно думать, что Начальный свод довольно точно передал сказание о призвании, читавшееся в Новгородском своде.

Вторая версия (в Повести временных лет редакции 1116 г.) отличается большей книжностью и ученостью. В ней при переработке положенного в ее основание Начального свода сказались знакомство редактора с византийскими хрониками и его собственные географические познания. В ней же впервые, в противоположность предыдущим летописным трудам, появляется отождествление варягов и Руси¹³. Составитель этой версии также пользовался на-

⁸ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов.— ИОРЯС, 1904, т. IX, кн. 4, с. 348—349, 324—328, 333—334.

⁹ Там же, с. 334.

¹⁰ Там же, с. 350—351.

¹¹ Шахматов А. А. Разыскания, с. 290 и сл., 302 и сл.

¹² Шахматов А. А. Разыскания, с. 611—612 и [Шахматов А. А.] Повесть временных лет, т. I, с. 367—368.

¹³ Шахматов А. А. Сказание, с. 334—335, 353—362. М. Д. Приселков (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 39) относит это отождествление не ко второй, а к первой, Несторовой, редакции Повести временных лет и видит именно в Несторе первого русского «ультранорманиста», от замечаний которого по поводу варягов и Руси и ведет начало варяжский вопрос в русской историографии. Вопрос о соот-

родными преданиями, внося при этом свои дополнения и поправки ¹⁴.

Третья версия (в Повести временных лет редакции 1118 г.) интересна тем, что она сажает Рюрика не в Новгороде, как первая и вторая, а в Ладоге, приписывая ему и основание этого города. По Шахматову, это восходит к живому местному преданию, утверждающему приоритет Ладоги перед Новгородом и непосредственно сообщенному ладожанами составителю этой редакции Повести ¹⁵. В древнейших списках Повести сохранилось два вида сказания в зависимости от того, с Новгородом связан Рюрик или с Ладогой. Первый вид дошел до нас в списках Лаврентьевском и Троицком, а второй — в Радзивилловском, Московском Академическом, Ипатьевском, Хлебниковском и в Летописце Переяславля-Суздальского. Шахматов считает первый вид первоначальным, а второй — сложившимся под влиянием ладожских преданий, знакомых составителю редакции 1118 г. ¹⁶

Ладожская версия утверждает большую древность Ладоги по сравнению с Новгородом и ее значение как центра целого края. По мнению М. Д. Приселкова, эта версия была введена в третью редакцию Повести временных лет по инициативе Мстислава Владимировича, сына Мономаха, долго сидевшего в Новгороде; из близких к нему кругов и вышла третья редакция Повести ¹⁷. В дальнейшем разногласие двух редакций этого памятника (1116 и 1118 гг.) побудило составителя владимирского свода 1193 г. опустить во фразе «старейший Рюрик седе Новегороде» слова «седе Новегороде». Эта фраза так и читается без них в Лаврентьевском списке и читалась в Троицком, где «новг» над именем Рюрика было поздней припиской ¹⁸.

Во всех своих разновидностях сказание неизменно содержит в себе следующие три момента, намеченные Шахматовым: 1) обложение данью варягами словен и соседних с ними племен, 2) изгнание варягов и прекращение даннических отношений, 3) призвание варяжских же князей и добровольное подчинение им. Из этих трех моментов первый и второй можно с уверенностью возводить к тому устному источнику, каким являлись местные новгородские

ношении терминов «варяг» и «Русь», которому Шахматов посвятил детальные исследования (*Шахматов А. А.* Сказание, с. 339 и сл., 357 и сл.; *он же.* Разыскания, с. 325 и сл., 328, 338 и сл.), оставляю здесь в стороне на том основании, что задачей моей работы является вопрос о скандинавском элементе в летописных легендах, а термин «Русь», во всяком случае, не скандинавского происхождения. В отождествлении терминов «варяг» и «Русь» сами скандинавы ни при чем: любой варяг IX—X вв., вероятно, с такой же полной уверенностью стал бы отрицать скандинавское происхождение термина «Русь», как и современный исследователь, свободный от старых норманистских воззрений.

¹⁴ *Шахматов А. А.* Сказание, с. 334—335, 357 и сл.

¹⁵ Там же, с. 335—336, 362.

¹⁶ [*Шахматов А. А.*] Повесть временных лет, т. I, с. VI—VII.

¹⁷ *Приселков М. Д.* Указ. соч., с. 44—45.

¹⁸ Там же, с. 80.

предания. Нет, конечно, ни малейшего основания приписывать их появление в летописи варяжским сказаниям, использованным летописцем. Внутренние распри среди указанных летописцем племенных образований также, по всей вероятности, не сочинены им, а являются в какой-то мере отголоском исторической действительности. Вся предыстория призвания представляет собою в сравнительно немногих словах несколько страниц ранней русской истории, так и оставшихся неизвестными нам во всех подробностях. Сочинительство начинается с того момента, когда летописец выдвигает междуплеменные распри как причину призвания варяжских князей. Относительно этого последнего остается лишь повторить лишний раз то, в чем в нашей современной исторической науке едва ли кто-нибудь сомневается, а именно: что легенда о призвании — искусственного, книжного происхождения. Достаточно ясны как ее исторические основания, которые летописец по-своему использовал, так и цель, с которой он ввел ее в свое изложение: ему надо было объяснить происхождение Русского государства и княжеской власти, привести в порядок и согласовать имеющиеся предания (новгородские и киевские) о первых русских князьях и подчинить их определенной схеме, основанной на принципе династической унификации. В результате все князья, в последовательном порядке выступающие в летописи, оказались членами одной династии, ведущей свое происхождение от Рюрика, а этот последний и его два брата — призванными «княжити и володети» на Руси в качестве мудрых и справедливых правителей. А. А. Шахматов указывает на использование летописцем для создания этой легенды сведений о независимости, с которой Новгород издавна приглашал и изгонял князей¹⁹, а, может быть, также и известий о «правде и уставе», которые дал новгородцам Ярослав Мудрый²⁰.

Весьма ценно то, что внес в объяснение исторической основы сказания о призвании¹ В. О. Ключевский. В своем курсе русской истории он говорит²¹, что для отражения набегов одних скандинавских разбойничьих дружин славянские и финские племена обращались к другим как к наемным защитникам. А отношения, возникавшие на такой почве, не исключали в дальнейшем возможности, что пришедшая военная сила, хорошо вооруженная и организованная, сядет, так сказать, на шею тем, кто ее приглашал. При желании все это нетрудно было превратить чисто литературным путем в призвание мудрых правителей, т. е. подменить наем дружин с их вождями во главе призванием этих вождей в качестве князей, а захват — мирной договорной идиллией, как это и сделал наш летописец. Не буду приводить здесь целый ряд подобных ле-

¹⁹ Шахматов А. А. Разыскания, с. 296, 311—312. Мысль о влиянии новгородских порядков на возникновение легенды о призвании высказывал еще Д. И. Иловайский (*Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876, с. 238—239).

²⁰ Шахматов А. А. Сказание, с. 350, прим. 1.

²¹ Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. 1. М., 1904, с. 166.

генд о призвании, хорошо известных исследователям по западно-европейским хроникам, легенд, неоднократно обращавших на себя внимание благодаря своему замечательному сходству, иногда почти дословному, с нашей летописной. Взять хотя бы призвание саксов бриттами у Видукинда Корвейского с его «terra lata et spatiosa» и т. д. Все эти западные легенды о призвании аналогично нашей, объясняющей появление Рюриковичей на Руси и пытающейся исторически оправдать их княжескую власть, имеют целью благовидное разъяснение и обоснование владычества завоевателей. Возможно, что сходство между этими искусственными книжно-литературными комбинациями объясняется более или менее сходными политическими условиями, при которых авторы ставили себе аналогичные политические цели²².

Говоря о весьма правдоподобном восстановлении реальной исторической основы сказания о призвании, которое мы находим у Ключевского, я хотела бы высказать предположение о том, не являются ли каким-то отголоском подлинных исторических условий те былины об Илье Муромце, в которых он спасает город (Бекетов, Смолягин, Чернигов) от татар, после чего население приглашает его к себе воеводой?²³ Отнюдь не подразумевая при этом, что самый образ былинного Ильи должен непременно расшифровываться как образ варяга-викинга, я считала бы возможным предполагать в этих былинах какое-то отражение исторической действительности. Между прочим, они сходятся с летописью в одном весьма существенном анахронизме: варяжских князей Повесть временных лет изображает как лиц, призванных «володети и судити (с вариантом «рядити») по праву», а по былинам спасенный Ильей город предлагает ему быть воеводой (или князем) и «суды судить да ряды рядить» (или «суды судить все правильно»). И в том и в другом случаях перед нами — модернизация в духе

²² Предлагаю такое объяснение, не решаясь прямо утверждать вместе с В. А. Пархоменко (*Пархоменко В. К.* вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси. — «Историк-марксист», 1938, № 4, с. 107, 108), что летописная легенда о призвании восходит к западноевропейскому литературному источнику; весьма интересный вопрос о возможности влияния западноевропейской книжности на древнерусские памятники представляется мне еще недостаточно выясненным. Нельзя не согласиться с тем, что ближе всего к нашей легенде — вариант Видукинда Корвейского. Но в какой обстановке, при каких условиях мог летописец познакомиться с тем, что писал хотя бы тот же Видукинд? П. М. Бицилли сближает сказания о крещении Хлодвигу у Григория Турского и о крещении Владимира в летописи, проникновение франкской традиции на Русь он ставит в связь с немецкими браками русских князей XI в. (*Бицилли П. М.* Западное влияние на Русь и начальная летопись. Одесса, 1914, с. 18—21). Но этот же автор оставляет открытым вопрос о знании летописцем латинского языка.

²³ *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. II. М., 1862, с. 327—328; ч. III. Петрозаводск, 1864, с. 24—25; ч. IV. СПб., 1867, с. 46;

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, изд. 2-е, т. III. СПб., 1900, с. 66.

того времени, когда в руках князя или воеводы были сосредоточены широкие судебные-административные функции. Исследователи русского народного эпоса уже обращали внимание на эти былины об Илье. О. Ф. Миллер отмечает, что почти во всех вариантах предложение награды и власти Илье как спасителю города исходит от всех жителей этого последнего и лишь в меньшинстве случаев — от воевод, князей и бояр²⁴. В. Ф. Миллер приурочивает эти былины к Черниговской земле и видит в них отголоски черниговских событий XI—XIII вв. (междукняжеские распри и нападения половцев). «Дело Ильи под Черниговом, — говорит этот автор, — не носит какого-нибудь любопытного сказочного характера, а скорее напоминает как будто историческую черту»²⁵. Мое предположение является попыткой отодвинуть историческую основу этих былин об Илье еще дальше и искать ее в той эпохе, на исторических условиях которой построено летописное сказание о призвании князей.

Таким образом, если в летописном рассказе о призвании два первых момента основаны на устных преданиях исторического по существу характера, то третий момент, наиболее важный для самого летописца, никак нельзя возводить к тому же источнику. Отпадает, следовательно, и вопрос об отражении в данном случае в летописи каких-нибудь варяжских преданий. Дошедшая до нас достаточно богатая литература скандинавского Севера не содержит ни одного хотя бы отдаленного намека на что-нибудь подобное. Замечательно, что и в ранней русской литературе легенда о призвании Рюрика с братьями и о Рюрике как родоначальнике русских князей ограничена только летописью²⁶. В других памятниках есть указания на варяжское происхождение князей и части господствующего класса, бояр²⁷, но легенда о призвании так и не получила никакого распространения и развития в древнейшей русской письменности. Даже и летопись, т. е. наиболее ранние ее списки, с которыми мы здесь имеем дело и из которых эта легенда перешла в позднейшее летописание²⁸, после упоминания об Игоре как о сыне Рюрика под 882 г. больше не возвращается к этому последнему, не говоря уже о Синеусе и Труворе. Самое имя Рюрик среди русских князей XI—XIII вв. встречается сравнительно редко.

²⁴ Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом русского эпоса. СПб., 1869, с. 307—308.

²⁵ Миллер В. Эскурсы в область русского народного эпоса, I—VIII. М., 1892, с. 184—185.

²⁶ Это было отмечено еще Д. И. Иловайским (*Иловайский Д. Указ. соч.*, с. 240—241). Рюрик как предок русских князей снова всплывает лишь в «Задонщине» (Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Подгот. к печати П. Симоны. Вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий. Пг., 1922, с. 20).

²⁷ Шахматов А. А. Разыскания, с. 309, прим. 2.

²⁸ Шахматов А. А. Сказание, с. 363.

Шахматов полагает, что имена трех первых князей восходят к народным преданиям: ладожским — о Рюрике, белозерским — о Синеусе и изборским — о Труворе ²⁹. Весьма возможно, что летописцем были использованы взятые из этого источника имена каких-то варяжских вождей, а носители их превращены им в братьев в целях той династической унификации, к которой он стремился. За этими «братьями» скрываются, может быть, оставшиеся нам неизвестными конкретные исторические фигуры, воспоминания о которых летописец и приладил к своей легенде о призвании ³⁰. Имена «Рюрик» и «Трувор» благополучно объясняются из скандинавских языков, но с именем «Синеус» дело не так просто. Возводить его к древнескандинавскому *Signjótr*, как это часто делается с легкой руки А. А. Куника ³¹⁻³², можно лишь с натяжкой, прибегая к спасительному в трудных случаях средству — к предполагаемому влиянию народной этимологии («синий ус»)...

Что же представляют собой предания о трех князьях, помимо мотива призвания? Ладожские — о Рюрике можно вместе с Шахматовым считать подлинными на основании летописи. Наиболее старая запись белозерских — о Синеусе относится к XVI в. ³³ Время, конечно, позднее; впрочем, в пользу их первоначального, устного, а не вторичного, книжного, происхождения говорит, может быть, то, что они в XVI в. локализовали своего героя в Кистеме, имеющей местное значение; вымышленное предание скорее посадило бы его в каком-нибудь более общеизвестном городе, например в самом Белозерске. Хуже всего обстоит дело с Трувором, о котором никаких преданий не сохранилось; так называемая могила его близ Изборска весьма подозрительна, как позднее изделие, не связанное ни с местным фольклором, ни с какими бы то ни было данными древней псковской письменности ³⁴. Эти оговорки необходимо сделать, раз мы полагаем, что источником имен первых князей было народное предание, но, как мы видим, некоторые основания для этого у нас имеются.

Происхождение летописной легенды о призвании, таким образом, довольно сложно: в ней соединяются и предания исторического характера, и тенденциозное сочинительство летописца. Анализ можно еще продолжить в отношении ее третьей части, расчленив ее, в свою очередь, на две: 1) сказание о трех братьях, пришедших из-за моря, и 2) само призвание. О том, что представляет собой это последнее, здесь уже было сказано. Относительно трех братьев Шахматов говорит следующее: «Весьма вероятно,

²⁹ Шахматов А. А. Сказание, с. 350—351; он же. Разыскания, с. 312 и сл.

³⁰ Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу (Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси), ч. 2. — ИАН, VII серия, ООИ, Л., 1934, № 8, с. 620, прим. 1.

³¹⁻³² Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, Bd. II. SPb., 1845, S. 134.

³³ Шахматов А. А. Сказание, с. 336; он же. Разыскания, с. 312.

³⁴ Сведениями об отсутствии этих данных в районе Пскова я обязана сотруднику ЛОИИ А. И. Васильеву.

что представление о трех князьях-братьях было дано как эпический мотив из других рассказов, других преданий, подобных и тому преданию, которое в Киеве приурочивало построение города именно трем братьям»³⁵. По мнению Тиандера, это мотив, известный под названием «переселенческое сказание»; он подробно исследован этим автором у германских племен (саксов, лангобардов и др.)³⁶. Но мотив трех братьев, стоящих во главе рода или племени, распространен далеко не у одних германцев и не всегда связывается с переселением. Тиандер не отделяет его от мотива призвания, которое, как уже сказано выше, является результатом искусственной комбинации некоторых подлинных исторических условий (если уж говорить, вслед за Тиандером, о германцах, то условий эпохи переселения народов и эпохи викингов) с определенной тенденцией автора того или иного письменного памятника. Касаясь нашей летописной легенды, Тиандер усматривает в летописи два варианта переселенческого сказания: один приурочен к Новгороду, а другой — к Киеву; первый представлен летописной легендой о Рюрике, Синеусе и Труворе, второй — сказанием о Кие, Щеке и Хориве и, в свою очередь, имеет вариант в повествовании летописи об Аскольде и Дире³⁷. О первом варианте мы еще будем говорить. Что касается второго, то полная несостоятельность сближения его с каким бы то ни было скандинавским переселенческим сказанием как нельзя более очевидна. Летопись совершенно отчетливо изображает Кия, Щека и Хорива как местных героев-эпонимов, основателей Киева и родоначальников местных, а не пришлых, князей. То же самое можно сказать, например, о трех братьях, основателях трех сел, и о брате с двумя сестрами в аналогичной роли в украинских преданиях³⁸. Нельзя поэтому согласиться и с приведенным выше сопоставлением предания о Кие с легендой о призвании, сделанным Шахматовым.

Генезис предания об основании Киева освещен, как известно, Н. Я. Марром. В его исследовании мы видим армянских двойников Кия с братьями — Куара, Мелтея и Хореана, а также сестры их Лыбеди, поскольку Марр связывает имя «Хореан» с армянским Кагар, Лебедь³⁹. Ссылка Тиандера на Синописис 1674 г.⁴⁰, по которому Кий с братьями — пришельцы, ничего не доказывает: это памятник поздний, и относится он к кругу летописания, воскресившего предание о призвании князей, в котором Кий, Щек и Хорив могли превратиться в пришлых князей наподобие Рюрика, Синеуса и Трувора. Нет ни малейшего сомнения в том, что

³⁵ Шахматов А. А. Разыскания, с. 314.

³⁶ Тиандер К. Скандинавское переселенческое сказание.— В кн.: Датско-русские исследования, вып. III. Лг., 1915, с. 1—186.

³⁷ Там же, с. 175 и сл.

³⁸ Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864, с. 125, 643.

³⁹ Марр Н. Я. Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении.— ИРАИМК, т. III. Л. 1924, с. 257—287.

⁴⁰ Тиандер К. Указ. соч., с. 178.

летописная легенда о Кие никакого отношения к варягам не имеет.

Что касается Аскольда и Дира, то они, несмотря на варяжское происхождение, приписываемое им летописью, связаны со скандинавским переселенческим сказанием не более, чем их местные предшественники, Кий с братьями. В том виде, в каком их рисует летопись, они представляются нам очередными викингами, забравшимися в Южную Русь, но нельзя же всякий набег викингов подводить под переселенческое сказание! По мнению Шахматова, в Древнейшем Киевском своде ничего не говорилось о приходе откуда-то Аскольда и Дира⁴¹. Вопрос о них вообще — довольно неясный, но это мнение Шахматова, хотя бы и гипотетичное, как гипотетичен и весь восстанавливаемый им текст Древнейшего свода, является до некоторой степени лишним доводом против включения летописных сказаний об Аскольде и Дире в комплекс скандинавского или вообще какого бы то ни было переселенческого сказания.

Решительно отмежевываясь таким образом от взглядов Тиандера на указанные только что летописные легенды как на разновидности северного переселенческого сказания, вернемся к мотиву трех братьев в составе легенды о призвании. В трактовке летописца призвание — момент центральный, наиболее для него важный и интересный, может быть, заслонивший собой поэтому мотив переселения, причины и обстановку ухода какой-то группы населения за море с тремя вождями во главе. Остались ли от всего этого какие-нибудь следы в летописи? Тиандер усматривает в ее тексте фрагмент весьма типичного для переселенческого сказания обстоятельства, а именно: выбора переселенцев по жребию, происходящего в условиях голода, который и вынуждает избыточное население покинуть страну. Таким фрагментом, по его мнению, является неясное в сущности выражение: «Избьрашася три братия съ роды своими»⁴². Предположение этого автора не лишено правдоподобия, но это — единственное, на чем можно обосновать сближение нашей летописной легенды с переселенческим сказанием. Последнее известно, между прочим, и на территории, более или менее близкой к новгородской, близкой в одних случаях географически, в других — по культурным связям. Здесь мы видим готландскую *Guta saga*, а также местные сказания, записанные в Финляндии и на острове Даго. В этой второй группе пришельцы, в большинстве случаев — с тремя братьями во главе, являются из Швеции или с Готланда, поселяются и основывают города; в ней отразились, таким образом, связи Швеции и Готланда с этой территорией и появление в ее пределах шведского этнического элемента. В *Guta saga* три брата, сыновья первого поселенца на Готланде, делят остров между собой; далее сага повествует о перенаселении и голоде на Готланде среди их потомков и о выселе-

⁴¹ Шахматов А. А. Разыскания, с. 322—323.

⁴² Тиандер К. Указ. соч., с. 176.

нии части жителей по жребию; мотив трех братьев здесь уже не повторяется, как и в очень близком к этой саге предании, записанном на Даго.

Прямым прототипом нашего летописного сказания не является ни одно из тех, которые кратко очерчены мной только что ⁴³. Если и не исключена возможность, что летописные три брата, пришедшие из-за моря, из варяжской земли, заимствованы из устных преданий указанной здесь группы, то нет надобности искать передатчиков непременно в варяжской среде: новгородцы могли с таким же успехом услышать что-нибудь подобное от чудских, т. е. суоми-карельских, племен. Связь наших летописных выходцев из-за моря со скандинавским переселенческим сказанием держится, как мы видим, на довольно тонкой ниточке («избъраша» и т. д. в толковании Тиандера), а помимо нее у нас остается полная возможность возникновения на Руси предания о трех братьях (мотив чуть не всемирный), пришедших из-за моря (приход откуда-то является уже вариантом этого мотива), совершенно независимо от каких бы то ни было аналогичных соседних преданий ⁴⁴. Условия были более или менее сходны в обоих случаях: местное население встречается с воинственными заморскими пришельцами, у него складываются те или иные отношения с ними, и народное предание оформляет все это при помощи широко распространенного мотива трех вождей-братьев.

Скандинавское происхождение русских князей, выдвигаемое летописной легендой о призвании, можно принять лишь как частично скандинавское. В той же летописи мы находим в их среде в X в. славянские личные имена, а это уже указывает на слияние скандинавов с местным обществом, по крайней мере с теми его слоями, с которыми они ближе всего соприкасались. Володислав и Предслава, упоминаемые в греко-русском договоре 944 г., — очевидно, представители местных общественных верхов, объединившихся с варяжскими вождями и дружинами в военноторговых сношениях с Византией. Далее следует имя «Святослав» в русском княжеском роде, а также генеалогия рода Свенельда, как ее восстанавливает Шахматов: Малуша и Добрыня — внуки

⁴³ Сопоставляю их, конечно, при условии вычета из летописной легенды мотива призвания, на который в этой группе сказаний нет ни малейшего намека.

⁴⁴ Не могу поэтому согласиться с В. А. Пархоменко, который, следуя К. Ф. Тиандеру, утверждает, что летописная легенда сложилась под византийским и западным влиянием (*Пархоменко В. А. У истоков русской государственности*. Л., 1924, с. 7). Нельзя обойти молчанием еще один источник, в котором некоторые исследователи, как, например, тот же Тиандер (указ. соч., с. 182—184), находят отголоски скандинавского переселенческого сказания, связанного с Русью, $\rho\omega\varsigma$ — это византийская хроника Симеона Логофета, соответствующее место которой приведено у А. А. Куника (*Kunik E. Op. cit., Bd. II, S. 412*). Но, судя по переводу Куника, испещренному вопросительными знаками, смысл этого текста настолько темен, что всякие выводы, сделанные на его основании, являются очень рискованными.

Свенельда, дети его сына, носившего славянское же имя Мистиша и упоминаемого в Повести временных лет под 945 г.⁴⁵

Поскольку мы здесь сопоставляем летописные известия с данными древнескандинавской литературы, следует подчеркнуть, что саги, будучи более или менее знакомы с генеалогией русских князей (правда, не раньше Владимира) и неоднократно указывая на наличие у них многочисленных дружинников-скандинавов и на другие связи с севером, нигде не обмолвились ни одним словом о варяжском происхождении самих князей. Из этого можно заключить, что в глазах скандинавов оно не являлось родственным для них. Интересен и тот факт, что саги называют почти всех русских князей, которых они знают, их славянскими именами, переделывая их на свой лад (Valdimarr, Jarizleifr, Vissivaldr). Казалось бы, проще было им называть этих лиц скандинавскими именами, которые и запоминались бы легче, чем славянские. Но таких случаев известно только два: Holti — один из сыновей Ярослава Мудрого и Ингигерд (по-видимому, Всеволод), и Haraldr Valdamarsson, Мстислав Владимирович — сын Мономаха. Странно было бы, если бы скандинавы не знали, например, варяжского имени такого известного в сагах русского князя, как Ярослав. Это наводит на мысль, что варяжского имени у него и не было вовсе.⁴⁶

Что касается дальнейшей судьбы легенды о призвании в древнерусской литературе, то, как уже было сказано, в ранний период она не пользовалась особой популярностью. Начиная с XV—XVI вв., наоборот, в летописных сводах и других памятниках Рюрик играет большую роль в вымышленных генеалогиях московских князей и царей, ведущих через него свой род от Августа кесаря. Среди ряда изменений, внесенных в легенду о призвании в памятниках московского периода, мы видим, между прочим, что неясное «избърашася» имеет вариант «избравше варяги три брата»⁴⁷. Переделка вызвана, вероятно, неясностью смысла первоначального текста.

⁴⁵ Шахматов А. А. Разыскания, с. 373 и сл. Шахматов полагает, что Малуша в Древнейшем Киевском своде называлась Малфредь, Málmfríðr, а Малушей названа в тексте Начального свода под влиянием имени Малко, отождествляемого Шахматовым с Малом древлянским и ставшего в этом своде отцом Малуши (там же, с. 373—376). Мне представляется не менее возможным и другое: имя «Малуша», по происхождению своему связанное с «Малко» или «Мал», является, может быть, славянской переделкой имени Málmfríðr, своеобразным приспособлением его к славянской ономастике, вполне естественным в условиях смешанного этнического происхождения предполагаемых потомков Свенельда.

⁴⁶ Исследования В. В. Гинзбурга (*Гинзбург В. В.* Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд. — КСИИМК, 1940, № 7, с. 62, 66) показали, что по расовому типу Ярослав — не пришелец с Севера, а человек местного происхождения; в его черепе нордические элементы не могут быть совершенно исключены, но в общем он ближе всего подходит к славянскому типу.
Халанский М. Г. Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий. — «Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII археологического съезда», 1902, т. I, с. 410 и сл.

II

Под 882 г. мы находим в Повести временных лет предание о взятии Олегом Киева и о гибели княживших там Аскольда и Дира. Олег, родич Рюрика, воспитатель и воевода его сына Игоря, идет войной на Смоленск и на Любеч, а затем на Киев и узнает, что там княжат Аскольд и Дир, дружинники Рюрика, ушедшие с его разрешения в Царьград и по дороге осевшие в Киеве, о чем летопись говорит под 862 г. Оставив часть своей рати поодаль, Олег направляется к самому городу под видом купца, идущего в Грецию с торговыми ладьями, в которых в действительности спрятаны воины. Он приглашает к себе Аскольда и Дира и тут сбрасывает, так сказать, маску, его воины выскакивают из ладей и убивают Аскольда и Дира, после того как Олег изобличил их как узурпаторов и указал на Игоря как на законного князя.

Эта легенда в том виде, в каком нам ее дает летопись, складывается из нескольких элементов, а именно: из преданий о походе Олега на Смоленск, Любеч и Киев, о хитрости, которую он пустил в ход против Аскольда и Дира, и из той совершенно явно выраженной династической тенденции, которой руководствовался летописец при обработке своего материала. Согласно этой тенденции он, во-первых, связал южнорусских князей, Аскольда и Дира, с призванными на севере князьями, сделав их дружинниками Рюрика⁴⁸; во-вторых, стремясь согласовать между собой многочисленные устные предания древнейшего периода и подчинить их определенному династическому принципу, выдвигающему первенство рода Рюриковичей, он изобразил Олега родичем Рюрика и чем-то вроде регента при Игоре. Походы, о которых говорит здесь летопись, ведутся Олегом от имени рода Рюриковичей и в его интересах; Аскольд и Дир оказываются самозванцами, узурпаторами, которых и устраняет тот же Олег⁴⁹.

Вся эта часть, конечно, ни в какой мере не восходит к варяжским преданиям: варяги менее всего беспокоились о соблюдении каких бы то ни было легитимистских принципов и с величайшей легкостью переходили от одного князя к другому в зависимости от собственных выгод. Это относится даже к тому времени, когда взаимоотношения между русскими князьями уже стабилизировались (хотя бы теоретически) на основе счета старшинства и первенства киевского князя перед другими: сага об Эймунде достаточно ярко и убедительно рисует отношения между князьями

⁴⁸ По Шахматову, в Начальном своде о появлении Аскольда и Дира в Киеве говорилось до сообщения о призвании Рюрика с братьями; перестановка сделана составителем Повести временных лет (*Шахматов А. А. Сказание*, с. 359—360).

⁴⁹ Шахматов полагает, что выразившаяся в этом историческая и политическая концепция единства княжеского рода принадлежала еще Начальному своду; в нем же Олег превращен в воеводу Игоря (*Шахматов А. А. Сказание*, с. 361; *он же. Разыскания*, с. 293, 317, 321).

и их наемными заморскими дружинниками, повествуя о происходившей в XI в. борьбе Ярослава со Святополком и Брячиславом⁵⁰.

Вопрос о первоначальном виде сказания о взятии Киева Олегом, так же как и об Аскольде и Дире, является весьма сложным. Если взять это сказание в том виде, в каком его дает летопись, то за вычетом тенденциозной обработки, приданной ему составителями летописных сводов (Начального свода и Повести временных лет), можно понимать его как столкновение двух варяжских дружин с их вождями во главе из-за такой привлекательной добычи, как Киев, или как борьбу продвигающихся на юг варяжских дружин с какими-то местными князьями — ситуация также весьма правдоподобная с исторической точки зрения. Подобных столкновений и участников их, как местных по происхождению, так и пришлых, в действительности было, вероятно, гораздо больше, чем указано в летописи, выдвигающей в силу своей династической схемы и исторической концепции почти исключительно род Рюриковичей. В ней совершенно ступшевались подчиненные Олегу «светлые князья» в греко-русском договоре 911 г. и «всякое княжье», упоминаемое в договоре 944 г. Надо думать, что и о них своим чередом слагались предания (будь то в форме прозаических рассказов или былевых песен), в которых, вероятно, сплетался и местный, и скандинавский элемент и которые не попали в летопись.

Оставляю здесь в стороне спорный вопрос о том, кто были в действительности Аскольд и Дир, выступали они вместе в первоначальном виде предания или один из них введен в него позже, и т. д. Несмотря на то, что имя, по крайней мере одного из них, Аскольда, удачно объясняется из древнескандинавского *Askuldgr*, варяжское происхождение их обоих подлежит сомнению⁵¹; его можно отнести за счет того же летописца, который сделал их братьями между собой и дружинниками Рюрика. То обстоятельство, что от одной варяжской дружины отделяется другая и в дальнейшем предпринимает походы и набеги в поисках добычи независимо от первой, не представляется необычным для эпохи викингов. Летописец, желая связать Аскольда и Диру с Рюриком и представить их его дружинниками и, конечно, варягами, мог воспользоваться в данном случае примером из жизни, а не только одним вымыслом.

В позднейших хронографах XVI—XVII вв. Аскольд и Дир — не более не менее как племянники Кия, убитые Олегом, взявшим

⁵⁰ Противоположным характером отличаются, как известно по древнерусским памятникам, отношения к русским князьям Шимона-варяга и его сына Георгия, которые были прочно связаны с определенной ветвью княжеского рода.

⁵¹ См. интересные соображения В. А. Пархоменко по этому поводу (*Пархоменко В.* К вопросу о хронологии и обстоятельствах жизни летописного Олега. — ИОРЯС, 1914, т. XIX, кн. 1, с. 230 и сл.).

Киев ⁵². Есть вариант, по которому Олег отнимает Киев не у них, а у самого Кия и его братьев ⁵³. По третьей версии Кий, Щек, Хорив и их сестра разбойничали в Новгороде, были пойманы Олегом, помилованы и отпущены в Киев, где на них напали Аскольд и Дир, посланные Олегом в Царьград; этим и был вызван поход Олега против Аскольда и Диры ⁵⁴. Все эти поздние варианты имеют, по-видимому, целью установить прямую связь между преданиями о Кие с братьями, об Аскольде и Дире, об Олеге и Игоре. В сущности, это те же приемы книжной обработки древних преданий, которыми пользовались и более ранние летописцы. Шахматов полагает, что имена Аскольда и Диры были соединены в местном киевском предании, а гибель их в связи с нападением Олега на Киев — комбинация составителя Древнейшего свода ⁵⁵. Он сомневается, чтобы в устном предании Олег имел дело с Аскольдом и Диром, и считает возможным, что оно приписывало Олегу убийство Кия с братьями, о чем и говорится в позднейших летописных сборниках ⁵⁶. Почему в некоторых из них устранены Аскольд и Дир и проведена прямая линия от Кия к Олегу — один из тех вопросов, для которых требуется особое исследование о преданиях древнейшей летописи в составе московских сводов. Пока можно лишь выразить сомнение в предполагаемом Шахматовым фольклорном происхождении этого, в частности, варианта, основанного, может быть, на том, что в глазах сводчика Кий как эпоним был ярче и выразительнее Аскольда и Диры; это и побудило его непосредственно перекинуть мостик от Кия к знаменитому Олегу.

Не касаясь также неясностей и противоречий, связанных с вопросом о взаимоотношении между полулегендарными в трактовке летописца образами Олега и Игоря, в том виде, в каком дает это летопись и как пытаются восстановить исследователи. Как уже было сказано, Олег был превращен в воеводу Игоря, по предположению Шахматова, — еще в Начальном своде, а вслед за этим сводом и в Повести временных лет. Но та же Повесть временных лет вводит в свой текст такой документ, как греко-русский договор 911 г., в котором нет ни слова об Игоре и великим князем является Олег.

Об Олеге высказан ряд интересных соображений в связи со спорным вопросом об отождествлении его с «царем России» Хальгу, известным из хазарско-еврейской переписки X в. (кембриджский документ). По мнению некоторых исследователей, Хальгу —

⁵² *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 136—137.

⁵³ *Гилларов Ф. А.* Предания русской начальной летописи. М., 1878, с. 69—70.

⁵⁴ *Халанский М. Г.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем.— ЖМНП, 1902, № 8, с. 292.

⁵⁵ *Шахматов А. А.* Разыскания, с. 320—321. Относительно киевских топографических данных (могилы Аскольда и Диры) см. там же, с. 290, 323.

⁵⁶ Там же, с. 320.

может быть, только тезка вещего Олега и один из оставшихся неизвестными в летописи представителей русского «княжья» X в.⁵⁷ Не входя во все подробности вопроса о Хальгу, упомяну лишь об указании кембриджского документа на взятие этим Хальгу Самбарая (Тмутаракани) «воровским способом», что напоминает как будто взятие Киева Олегом по летописи⁵⁸.

Поскольку здесь неизбежно приходится хотя бы и далеко не исчерпывающим образом касаться поздних вариантов интересующих нас летописных сказаний, отмечу одну подробность в тексте Повести временных лет под 882 г. С первого взгляда кажется несколько странным, что приезжий купец, каковым прикидывается Олег, вызывает к себе киевских князей, а не отправляется к ним сам. Это наводит на мысль о непервоначальном виде этого места в летописи. А. И. Кирпичников обратил внимание на эту несообразность и на попытки позднейших сводчиков исправить ее⁵⁹: так, например, по Никоновской летописи, Олег сказывается больным, а потому и приглашает к себе киевских князей. Возможно, что в данном случае перед нами не поправка книжника, а следы какого-то устного варианта; из числа поздних сводов именно Никоновский заключает в себе немало подлинного фольклорного материала. Рационализировать изложение, в котором встречается какая-нибудь несообразность, может и устная передача; это — не исключительно черта книжной обработки.

Хитрость, которой воспользовался Олег для взятия Киева, является вариантом широко распространенного сюжета о проникновении вооруженных людей в укрепленное место при помощи переодевания и скрывания внутри разных предметов. Так определяет этот сюжет А. С. Орлов, он дает также обширный библиографический обзор его⁶⁰. Проникновение хитростью в запрещенную область — мотив, по которому материал имеется громадный; проникновение, в частности при помощи переодевания, — тема также весьма широкая; здесь можно выделить военную цель действия и переодевания купцами⁶¹. Таким образом, мы приближаемся к сюжету летописной легенды о взятии Киева Олегом.

На территории нашей страны известен целый ряд параллелей к этой легенде: прежде всего взятие Азова казаками, являющееся

⁵⁷ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности, с. 75—76; *он же*. Когда жил Вещий Олег? — «Slavia», 1936—1937, гош. XIV, seš. 1/2, с. 170—171; Мавродин В. В. Славяно-русское население нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV веках. — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», Факультет исторических наук, 1938, т. XI, с. 246.

⁵⁸ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 118—120.

⁵⁹ Кирпичников А. И. К литературной истории русских летописных сказаний. — ИОРЯС, 1897, т. II, кн. 1, с. 58.

⁶⁰ Орлов А. С. Сказочные повести об Азове. «История» 7135 года. Варшава, 1906, с. 158 и сл.

⁶¹ Там же, с. 159.

предметом исследования Орлова в его указанной только что работе и сопоставляемое им с преданием о взятии иранского города Фарабада Степаном Разиным; далее украинская легенда о взятии Торча (древнего Торческа) ⁶², и, наконец, рассказ шведского автора XVII в. Петра Петрея об усадьбе Василия Темного с племянниками, воспользовавшимися подобной же уловкой для проникновения в монастырь, где скрывался Василий, и олонецкая легенда о поляках, пробравшихся в Москву при Димитрии Самозванце в бочках, в которых якобы везли приданое Марины Мнишек ⁶³.

Орлов приводит также египетские, греческие, римские, иранские, западноевропейские и монгольские параллели ⁶⁴. К ним можно прибавить еще одну, приуроченную в исландской саге к борьбе англосаксов с датчанами в XI в. ⁶⁵ Но в области древнескандинавской литературы особенно обратил на себя внимание другой аналогичный эпизод, который мы находим в «Gesta Danorum» Саксона Грамматика ⁶⁶. Hvítserkus (древнескандинавский Hvítserkr) — сын полулегендарного датского героя Рагнара Лодброка, властвует над Скифией, завоеванной Рагнаром. Местный геллеспонтский князь, тщетно пытавшийся одолеть его в открытом бою, вводит своих воинов к нему в город под видом купцов с повозками, нападает на него и одерживает победу. О гибели этого сына Рагнара на Востоке, í Austrvegi, знает и исландская сага о Рагнаре, составленная позднее, чем труд Саксона; рассказ ее сравнительно очень краток, и о взятии города под маской торговли в ней не говорится ⁶⁷.

В скандинавской научной литературе издавна упрочилось сопоставление этого эпизода у Саксона с летописной легендой о взятии Киева Олегом. Судя по весьма неопределенным топографическим данным в «Gesta Danorum», дело происходит где-то в Восточной Европе, на территории Древней Руси или в соседней с нею Прибалтике. Норвежский ученый Г. Сторм видит в Геллеспонте отражение представления о водном пути по Западной Двине и Днепру в Черное море, а в летописном сказании о взятии Киева — следы предания, излагаемого Саксоном ⁶⁸. По мнению датского ученого И. Стеенструпа, Hvítserk играет ту же роль, как Аскольд и Дир в летописи, если и не отождествляется ни с тем, ни с другим ⁶⁹. И, наконец, датский же исследователь Саксона А. Ольрик считает взятие Киева исторической основой предания

⁶² Там же, с. 61 и сл.

⁶³ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. III, с. 339.

⁶⁴ Орлов А. С. Указ. соч., с. 73, 160—227.

⁶⁵ Flät., I, 204.

⁶⁶ Saxonis Grammatici Gesta Danorum, hrsg. A. Holder. Strassburg, 1886, S. 211.

⁶⁷ Völsunga saga ok Ragnars saga Loðbrókar, udg. M. Olsen. København, 1906—1908, s. 168—169.

⁶⁸ Storm G. Kritiske bidrag til vikingetidens historie. Christiania, 1878, s. 94.

⁶⁹ Steenstrup J. C. H. R. Normannerne, Bd. I. Kjøbenhavn, 1876, s. 125.

о гибели Hvítserk'a, входящего в цикл сказаний о Рагнаре и его сыновьях ⁷⁰.

Так ли значительна близость между двумя рассматриваемыми здесь сказаниями, как полагают все эти авторы? Выдвинутое ими, если можно так выразиться, уравнение «Hvítserkr = Аскольд» и предположение о заимствовании с той или иной стороны (русской или скандинавской) тонет, как мы видим из обзора в работе А. С. Орлова, среди множества очень близких параллелей, приуроченных к самым разнообразным событиям, эпохам и лицам, и притом у самых разнообразных народов. Касался этого вопроса голландский ученый Ян де Фрис ⁷¹. Допуская некоторую возможность связи между Hvítserk'ом и Аскольдом через устное предание, занесенное варягами с Руси, этот автор вместе с тем указывает, что сюжет военной хитрости с маскировкой под вид торговли известен у очень многих народов. А кроме того, есть основание полагать, что Hvítserkr первоначально не имел отношения к Рагнару и сказание о нем как о сыне этого героя включено в соответствующий цикл не раньше XII в. ⁷²

Таким образом, родство Hvítserk'a с Рагнаром и державшаяся на этом локализация первого в Восточной Европе оказываются сомнительными, а следовательно, отпадает единственное, на чем основывалось сближение рассказа Саксона с летописным преданием. Остается полагать, что эти два варианта одного и того же широко распространенного сюжета появились и существовали независимо друг от друга. Как мы увидим в дальнейшем, этим еще не исчерпывается вопрос о русских параллелях в цикле о Рагнаре Лодброкке в связи с его несомненной «восточной ориентацией», но данный пример, несмотря на явную общность сюжета, нельзя считать убедительным доказательством ни русского влияния на скандинавские сказания, ни скандинавского — на русские ⁷³.

III

Из ранних летописных преданий одним из самых сложных по своему составу является рассказ Повести временных лет о походе Олега на Царьград под 907 г. Он представляет собой целый цикл

⁷⁰ Olrik A. Kilderne til Saksens oldhistorie, bd. II. København, 1894, s. 129.

⁷¹ Vries J. de. Die ostnordische Überlieferung der Sage von Ragnar Lodbrók. — «Acta Philologica Scandinavica», 1927, II. aarg., 2. h., s. 115—149.

⁷² Ibid., s. 135—140.

⁷³ Если говорить об отражении русского предания о взятии Киева Олегом, то оно более вероятно, например, в том эпизоде взятия города войнами, проникающими туда под видом купцов, который мы находим в немецкой поэме об Ортните: здесь играет видную роль русский князь Илья (Ilias, Eligas), отождествляемый М. Г. Халанским с Олегом (Халанский М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем, с. 331 и сл.). Не касаясь указанного А. С. Орловым сюжета похода для добывания невесты, который нередко соединяется с проникновением в город под видом торговли (именно так обстоит дело в Ортните), поскольку этот сюжет не имеет отношения к летописному преданию о взятии Киева.

о вещем Олеге, но по сравнению с тем, что говорилось обо всем этом в устном предании, является, вероятно, лишь очень кратким и сжатым обзором. Шахматов доказывает неисторический характер даты этого летописного известия и зависимость текста договора 907 г. от текста договора 911 г.; в Начальном своде этот поход датировался 922 г. (как и в Новгородской I летописи по спискам, близким к Синодальному), а в Повести временных лет на основании некоторых хронологических соображений был приурочен к 907 г.⁷⁴

Независимо от неисторичности того, что мы читаем в Повести временных лет под 907 г., для нас интересны те предания, которыми обросло в ее тексте это известие. Здесь объединено несколько эпизодов, и не всегда вполне последовательно. Олег подходит к Царьграду; греки затворяют город с моря и с суши; Олег выходит на берег и начинает грабить окрестности, после чего велит поставить корабли на колеса и поднять паруса и подходит на них к самому городу. Испуганные греки обещают какую угодно дань и предлагают Олегу угощение, от которого он отказывается, «бе бо устроено съ отравою. И убояшася Греци и реша: «нести се Олегъ, но святыи Дмитреи посланъ на ны от бога». Далее следует заключение мира и известный эпизод с парусами, которые Олег дал славянам и Руси. Этот эпизод разбит на две части благодаря вставке другого известия, а именно: о прикреплении щита Олега на воротах Царьграда.

Уже давно замечена близость эпизода с кораблями на колесах с одним из рассказов Саксона Грамматика о Рагнаре Лодброке⁷⁵, с той разницей, что у Саксона вместо кораблей фигурируют медные кони на колесах с прицепленными к ним боевыми колесницами. Но, как полагает А. Ольрик, под конями здесь следует понимать корабли; конь как обозначение корабля восходит к живому устному творчеству, к поэзии скальдов⁷⁶. Возможно, что в представлении самого Саксона, человека с литературным образованием, дело не обошлось без реминисценций, как об античных боевых приспособлениях на колесах, так и о тех, которыми, по свидетельству западноевропейских хроник, пользовались норманны при осаде Парижа в 886 г. Ольрик не говорит о сходстве медных коней Рагнара с кораблями Олега, но сближать эти два сказания тем более заманчиво, что место действия похода Рагнара — где-то в Восточной Европе, может быть на Западной Двине. Они объединены тем, что в них корабли на колесах являются военной хитростью. В этом отношении к ним примыкает в литературе античного мира рассказ о лакедемонском полководце Лизандре, запертом со своим флотом в афинской гавани и отправившем сво-

⁷⁴ Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с Греками Олега и Игоря. — «Записки Неофилологического общества при имп. Петроградском университете», 1915, вып. VIII, с. 385—407.

⁷⁵ Saxonis Grammatici Gesta Danorum, S. 308.

⁷⁶ Olrik A. Op. cit., bd. II, s. 117—118.

их воинов в обход сушей, на кораблях, поставленных на колеса ⁷⁷. И, наконец, сюда же относится и сообщаемое М. Г. Халанским предание о турецких галерах, передвигавшихся под парусами по деревянному настилу при осаде Константинополя в 1453 г. ⁷⁸

Легендарный образ корабля, поставленного на колеса или вообще передвигавшегося так или иначе по суше с неменьшим успехом, чем по воде, известен не только как орудие военной хитрости в фольклоре — русском, немецком, скандинавском ⁷⁹. Наряду с этим мы знаем широко распространенные изображения корабля на колеснице в египетском, вавилонском и античном искусстве и на Дальнем Востоке. Шведский ученый О. Альмгрен привлекает весь этот обширный материал к исследованию наскальных изображений эпохи бронзы в Скандинавии ⁸⁰ и приходит к выводу о принадлежности этих кораблей к культу солнца и плодородия. О восходящих к этому древнему культу праздничных шествиях с кораблями есть сведения в западноевропейских источниках XII—XIII вв.; пережитки эти сохранились вплоть до нашего времени в карнавальных процессиях, например, во Франции ⁸¹.

Ф. И. Буслаев указывает на сходство известий античных авторов о древнегерманских культах (германская «Изида» с ее кораблем) и средневековых писателей — о корабле на колесах в праздничных процессиях с летописной легендой о кораблях Олега, не делая, впрочем, отсюда никаких определенных выводов ⁸².

Если допустить, что далеким предком Олеговых кораблей является культовый корабль в том значении, какое устанавливает для него Альмгрен, то приходится рассматривать их как нечто

⁷⁷ На этот рассказ римского автора I в. н. э. Фронтин (Strategemata, I, 7) ссылается А. Стендер-Петерсен (Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. — «Acta jutlandica», bd. VI. Aarhus, 1934, s. 99), не касаясь вопроса о его источнике. Как мне указал С. А. Жебелев, у Фронтин исторические факты здесь перепутаны: Лизандр не был заперт в афинской гавани, а, наоборот, сам блокировал ее. Корабли на колесах остаются тем не менее параллелью к нашей летописной легенде, даже если сам Фронтин их взял не непосредственно из устного предания, а из какого-нибудь письменного источника.

⁷⁸ Халанский М. Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем, с. 351—352.

⁷⁹ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования, т. XIII. СПб., 1881, с. 72—73; Bolte J. und Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd. III. Leipzig, 1918; Bd. V. Leipzig, 1932, в указателе под словом Schiff; Almgren O. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden. Frankfurt a. M., 1934, S. 323—325.

⁸⁰ По мнению О. Альмгрена, на этих изображениях корабли (или ладьи) поставлены на полозья — более примитивное приспособление для передвижения, чем колеса (Almgren O. Op. cit., S. 78).

⁸¹ Некоторые интересные дополнения к фактическому материалу, которым пользуется Альмгрен, и к устанавливаемому им комплексу культовых образов и представлений вносит статья: Canney M. A. Boats and Ships in Processions. — «Folk-Lore», 1938, v. XLIX, N 2, p. 139—144; они касаются старинных народных обычаев в Египте, в Марокко и на Цейлоне.

⁸² Буслаев Ф. И. Народная поэзия. — Сборник ОРЯС, т. XLII, кн. 2. СПб., 1887, с. 242—243.

исключительно легендарное, а применение их в качестве военной хитрости — как вторичную, сравнительно позднюю, форму пережиточного существования культового корабля. Но если взять эпоху, о которой повествует летопись, то такое применение корабля могло в одинаковой мере представляться и скандинавским викингам, и восточным славянам как высокое усовершенствование способа передвижения волоком — техники транспортировки, хорошо знакомой им на практике. Таким образом, и у тех, и у других можно предполагать одинаковую точку соприкосновения этого легендарного образа с действительностью. Это — другая, более близкая и конкретная возможность генезиса Олеговых кораблей на колесах. Принимая ее, мы возводим их не к отдаленным культовым пережиткам, а непосредственно к материальной культуре, к быту и технике той эпохи, о которой говорит летопись.

Способом, сходным с переправкой волоком, воспользовался, по свидетельству Анны Комнины, ее отец император Алексей при осаде Никеи греками и крестоносцами: он велел погрузить легкие суда на повозки и доставить их таким образом к озеру близ города, на котором эти суда и пошли в действие ⁸³.

В область быта ведет нас еще одна любопытная, правда очень поздняя, параллель к Олеговым кораблям под парусами на колесах. У Герарда Меркатора в его «Космографии», вышедшей в Дуйсбурге в 1595 г., в разделе, посвященном Китаю, отмечена как проявление необычайной изобретательности китайцев езда на повозках под парусами; автор ссылается на сообщения португальских путешественников ⁸⁴.

Перейдем теперь к вопросу о том, какое отношение имеют Олеговы корабли к рассказу Саксона. Применение корабля на колесах в качестве военной хитрости не известно в северных сагах и поэтических произведениях. Между тем эти памятники достаточно богаты всяким материалом, относящимся к войне, начиная с вполне конкретных военно-технических данных и кончая легендарными подробностями и эпическими мотивами. Но единственный случай появления корабля на колесах в боевой обстановке мы находим при условиях, в которых можно думать о занесении этой легенды с Руси.

Рассмотрим несколько подробнее оба варианта — в древнерусской летописи и у Саксона. В пользу первоначальности русского варианта совершенно явно свидетельствует его логичность и ясность. Если принять во внимание поправку в расположении текста, подсказываемую нам некоторыми более поздними летопи-

⁸³ *Comnena Anne. The Alexiad. Transl. by E. A. S. Dawes. London, 1928, p. 272.*

⁸⁴ *Gerardi Mercatoris Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura. Amsterodami, 1628, p. 672.* Из труда Меркатора сведения о том, что в Китае «на возах парусами ездят скорее конной езды», попали в русскую «Космографию 1670 г.» (Общество любителей древней письменности, т. XXI, LVII, LXVIII. СПб., 1878—1881, с. 359).

сями, чем Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, то корабли на колесах понадобились Олегу, как и Лизандру у Фронтину, для движения в обход, в чем Рагнар, судя по тексту Саксона, надобности не имел; никаких парусов Рагнар не поднимает; не следует вообще упускать из виду, что поход его был не морской, а сухопутный. Эпизод с «конями» Рагнара производит в общем впечатление чего-то механически вставленного, навешанного со стороны. А главное, как отмечает Ян де Фрис⁸⁵, остается неясным, что собственно представлял себе Саксон под тем военнотехническим приемом, который он приписывает Рагнару? По этому поводу мнения исследователей расходятся, и, несмотря на весьма остроумное объяснение Ольрика, согласно которому «кони» Рагнара — не что иное, как корабли, не исключена возможность, что корабли тут вообще ни при чем. В таком случае аналогия с нашим летописным эпизодом отпадает. Если же придерживаться толкования Ольрика и учитывать локализацию рассказа о Рагнаре у Саксона в Восточной Европе, то она остается в силе, и можно думать, что это предание, сложившееся на Руси и использованное летописцем для эффектной картины наступления Олега на Царьград, было занесено скандинавами к себе на родину и отразилось в эпизоде с Рагнаром у Саксона. Знал ли его в конце XII в. Саксон в том несколько туманном и неопределенном виде, в каком он его передал, приурочив его к Рагнару, или сам не совсем понимал, в чем тут дело? Скорее можно предполагать второе: четкость и выразительность этой легенды легче могла утратиться в представлении и изложении ученого книжника, каким был Саксон, чем в той «мирской» среде, куда ее занесли люди, для которых походы и набеги, особенно морские, и все, что было связано с морским делом, являлось родной стихией...

Перейдем теперь к эпизоду с парусами, которые Олег дал славянам и Руси. В моей статье «К летописному сказанию о походе Руси на Царьград в 907 г.»⁸⁶ я сопоставила его с довольно сходным местом в одной северной саге. Поскольку норманские дружинники и купцы входили в состав той Руси, которая предпринимала походы на Византию и заключала мирные договоры с ней, возможны отдельные черты сходства между летописными преданиями об этих походах и теми, которые мы находим в сагах. В рассматриваемом здесь эпизоде Русь занимает выгодное положение, а «словене» оказываются обиженной стороной. Но является ли это результатом противопоставления славян именно варягам? Термином «словене» летопись, повествуя о событиях IX—X вв., называет новгородцев; Русь, если рассматривать этот термин как географический, обозначает Киев, Чернигов, Переяславль, т. е. южную территорию восточных славян. В летописном рассказе о парусах, противопоставляющем Русь словенам в ущерб этим

⁸⁵ Vries J. de. Op. cit., s. 137—139.

⁸⁶ ИАН, VII серия, ООИ, Л., 1932, № 6, с. 471—479.

последним, вся, так сказать, соль заключается в более выгодном положении не варягов по сравнению со славянами, а Руси по сравнению с новгородским Севером, Руси в смысле зарождающегося Киевского государства с его обширными причерноморскими связями и с той руководящей организацией, которая стояла во главе его и вела сношения с Византией. С этим нельзя не сопоставить и того факта, что Новгород не назван в числе городов, на которые по договору, приуроченному к 907 г., Олег требует «даяти уклады». Во всяком случае, это предание, даже если признавать в нем некоторое скандинавское влияние, не дает никакого основания считать его исключительно варяжским. Оно вполне могло принадлежать тем самым «словенам», которые по смыслу его оказались обойденными⁸⁷, а также быть известным и другим славянским участникам походов Руси на Царьград. К тому времени, когда предание вошло в летопись, оно, вероятно, было достоянием легендарного фонда как в Киевской, так и в Новгородской земле.

Мотив Олегова щита на воротах Царьграда подробно рассмотрен мною в статье «Датская Хуно-сага и эпизод из древнерусской летописи», где указаны параллели в исландской саге о норвежском конунге X в. Олаве, сыне Трюггви, у которого в молодости были связи с Русью, и в датской легенде о богатыре Нипо по записи XVII в.⁸⁸ Статья эта написана мною до появления в печати работы И. И. Мещанинова «Халдовы ворота»⁸⁹, которая лишь упомянута мною в статье о царьградском походе 907 г. Коснусь здесь ее несколько подробнее. Мещанинов пишет, что, согласно тексту одной надписи, халдский завоеватель VIII в. до н. э. прибывает щиты к воротам, посвященным богу Халду. Отголосок этого обряда — русское летописное сказание о щите Олега. Глосса летописца, «показуя победу», указывает на то, что ему было уже непонятно культовое содержание этого действия. Возможно, что народное предание приписало Олегу еще сохранившийся в памяти обычай, являющийся следом халдско-скифских пережитков у восточных славян⁹⁰. Таким образом, через Халдовы ворота перед нами открывается широкая культурно-историческая перспектива, позволяющая с полной уверенностью говорить о глубокой древности этого мотива, приуроченного к Олегу, и о русском происхождении аналогичных скандинавских преданий.

Еще несколько замечаний по поводу упоминания летописи о св. Димитрии. Само собой разумеется, что возводить это место к устному варяжскому преданию, возникшему в X в., было бы

⁸⁷ См. замечания А. А. Шахматова относительно новгородского происхождения этого летописного рассказа (*Шахматов А. А. Разыскания*, с. 334—335).

⁸⁸ *Rydzevski H. Die dänische Huno-Sage und eine Episode aus der altrussischen Chronik.*— «Acta Philologica Scandinavica», 1930—1931, V. aarg., 1. h. s. 34—40.

⁸⁹ Язык и литература, Л., 1929, т. III, с. 59—69.

⁹⁰ Там же, с. 63—64.

совершенно фантастично: если христианство в это время и начало распространяться среди киевских и византийских варягов, то, во всяком случае, недостаточно для того, чтобы можно было считать их передатчиками легенд, в которых выступают греческие святые⁹¹. Но вспомнить о византийских варягах в связи с упоминанием о Димитрии приходится по следующему поводу. У Кедрина есть рассказ об осаде Салоник болгарами в 1040 г., согласно которому Димитрий помогает грекам и спасает город. В защите Салоник, по весьма правдоподобному предположению В. Г. Васильевского⁹², принимал участие, наряду с другими наемными варягами, знаменитый Харальд Хардрада, впоследствии конунг Норвегии (ум. в 1066 г.). В сагах о Харальде и его старшем брате, конунге Олаве Святом (ум. в 1030 г.), есть весьма близкие к Кедрину рассказы, но в них Димитрий уже заменен норвежским святым — Олавом, который чудесным образом является на белом коне и помогает византийским варягам одержать победу⁹³.

Этот легендарный эпизод входит в состав древнейшей редакции саги об Олаве Святом, составленной в 60—80-х годах XII в. и сохранившейся в отрывках, и норвежского гомилиария конца XII или начала XIII в.; Васильевский знал несколько более поздние тексты. В XII—XIII вв. всякого рода святые, иноземные и местные, уже входят в обращение в скандинавских легендах, но отражение салоникской легенды в сагах никакого прямого отношения к летописному упоминанию о Димитрии не имеет. Дело тут не только в эпохе, но и в диаметрально противоположном смысле обоих рассказов: по летописи предполагается грозное появление святого как орудия божьего гнева, а по салоникской легенде он — помощник и спаситель осажденного города. По мнению Шахматова

⁹¹ Вопрос о роли варягов-христиан в деле христианизации Руси в связи с их сношениями через Русь с Византией ставится иногда совершенно не критически, и соответствующим данным, встречающимся в сагах, дается неверная оценка. Так, С. В. Бахрушин в своей статье «К вопросу о крещении Киевской Руси» («Историк-марксист», 1937, № 2, с. 49) говорит о влиянии скандинавского эпоса на предание о крещении Руси и указывает на сагу об Олаве, сыне Трюггви, «воспевавшую крещение русской земли, в которой (в русской земле? — Е. Р.) вопрос этот обсуждался по инициативе героя саги Олава на «тинге», т. е. вече, в присутствии конунга Владимира». Скандинавскому эпосу приписывается здесь то, к чему он совершенно не причастен. Указанное место в саге о норвежском конунге Олаве, сыне Трюггви (ум. в 1000 г.), составленной исландским монахом Оддом в конце XII в., как нельзя более далеко от чего бы то ни было похожего на эпос. Оно выдержано в стиле поучительного церковного жития и является у Одда искусственным построением, генезис которого я пыталась установить в моей статье «Легенда о князе Владимире в саге об Олаве Трюггвасоне» («Труды Отдела древнерусской литературы», М.—Л., 1935, т. II, с. 14 и сл.).

⁹² Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. — Труды, т. I. СПб., 1908, с. 269—270.

⁹³ Там же, с. 268—270. В двух вариантах «чудо» Олава отнесено в сагах не ко времени пребывания Харальда в Византии, а к более позднему, к войнам Византии с печенегами при Алексее Комнине.

ва, вставка о Димитрии сделана в летописи (еще в Древнейшем Киевском своде) под влиянием болгарского источника⁹⁴, что и является наиболее вероятным.

IV

Летописное предание о смерти вещего Олега в Повести временных лет под 912 г. и близкий к нему рассказ исландской саги об Орвар-Одде — одна из скандинавско-русских параллелей, более всего обращавших на себя внимание ученых с тех пор, как был вообще привлечен к исследованию литературный материал, имеющий отношение к варяжскому вопросу.

По Шахматову, в наших древнейших летописях есть три версии о смерти Олега. В Повести временных лет по Лаврентьевскому списку он умирает от укуса змеи, выползшей из черепа его коня, от которого волхвы предсказывали ему гибель. Это происходит где-то близ Киева; Олег похоронен на горе Щековице. По Новгородской I летописи: «иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладугу. Друзии же сказють, яко идущу ему за море и уклону змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозе». Шахматов видит в этом тексте Новгородской I летописи два источника и полагает, что в Древнейшем Киевском своде читалось: «иде Олегъ к Новугороду и оттуда за море и уклону змиа въ ногу и съ того умре», а в Новгородском своде XI в.: «иде Олегъ къ Новугороду и оттуда въ Ладугу и тамо умре, есть могила его в Ладозе». Приурочение смерти Олега к Киеву и связь ее с возвращением его из царьградского похода принадлежит составителю Повести временных лет⁹⁵.

Необходимо отметить, что восстановленный Шахматовым для Древнейшего Киевского свода текст предания о смерти Олега, так же как и использованный им для этого текст Новгородской I летописи, дает лишь фрагмент той легенды, которая читается в Повести временных лет, лишь окончание ее (смерть от укуса змеи); ни волхвов с их предсказанием, ни коня здесь нет. В полном и законченном виде эту легенду знает лишь Повесть временных лет. В Начальном своде, по реконструкции Шахматова, читалось то же, что и в Новгородской I летописи⁹⁶.

Принимая два варианта, восстанавливаемые Шахматовым по тексту Новгородской I летописи, как зафиксированные в более ранних сводах, чем Повесть временных лет, можно тем не менее допустить, что в устной передаче все три версии существовали одновременно.

⁹⁴ Шахматов А. А. Разыскания, с. 466—467; см. также, с. 674, ссылка на объяснение Д. И. Иловайского.

⁹⁵ Шахматов А. А. Разыскания с. 333—335, 478.

⁹⁶ Там же, с. 612, прим. 8; [Шахматов А. А.] Повесть временных лет, I, с. 372.

По саге, ее герою, норвежцу Одду, вещунья предсказывает смерть от змеи, которая выползет из черепа его собственного коня, по имени Факси. Одд убивает коня, но по истечении многих лет, после всяких походов и подвигов в дальних странах, он, уже будучи стариком, вместе со своими товарищами посещает те места, где жил в молодости; при этом он уверен, что пророчество о его смерти у себя на родине не сбудется. Он спотыкается о конский череп и ударяет по нему копьём; из черепа выползает змея, от укуса которой Одд и умирает.

Издатель и исследователь саги об Орвар-Одде Р. Бур справедливо отмечает несообразность в этом месте саги, указывающую на сравнительно позднюю форму, в которой оно дошло до нас: убив коня, Одд считает себя в безопасности, между тем как вещунья предсказала ему смерть от змеи, скрывающейся в черепе коня; следовательно, для устранения опасности убить коня было еще недостаточно. По мнению Бура, русское летописное предание точнее передает это сказание в его более первоначальном виде ⁹⁷.

В тексте саги есть некоторые указания на приспособление его к песне вещуньи, в которой и содержится пророчество, — Одд заваливает тяжелыми камнями яму, где зарыт конь, а по пространной редакции саги, спутники Одда говорят ему, когда он спотыкается о череп: «А как ты думаешь — не Факси ли это череп?»

В XVIII в. датский ученый Тормод Торфеус ⁹⁸ знал другой вариант саги о смерти Одда, в котором предсказание не упоминает о змее, — она появляется из черепа неожиданно; таким образом, оправдывается пророчество о смерти от коня, хотя самого коня уже давно нет на свете. Торфеус ссылается на норвежские устные народные предания ⁹⁹; значительно позднее, в 1872 г., в Норвегии было записано местное народное сказание об Одде, в котором дело обстоит точно так же ¹⁰⁰. Как и наша летописная легенда о смерти Олега (Повесть временных лет, 912 г.), эта группа преданий об Одде более логична и первоначальна по своему характеру, чем рассказ саги.

Ближайшей параллелью к Олегу и Одду является сербская сказка о султани и его коне; есть сходные английские легенды, где герой — рыцарь или барон, немецкие предания, связанные с образом уже не воина-викинга и не средневекового рыцаря, а «дикого охотника» (*der wilde Jäger*), датские сказания, где вместо коня фигурирует змей или дракон, и, наконец, множество сказок и легенд у разных народов на общую всем им тему о предсказании

---

⁹⁷ *Orvar-Odds saga*, 9, 95.

⁹⁸ *Thormodi Torfaei historia rerum Norvegicarum*, t. I. Hafniae, 1711, p. 266.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 274.

¹⁰⁰ *Liestøl K. Norske trollvisor og norrøne sogor*. Kristiania, 1915, s. 88 ff. За неимением этой книги ссылаюсь на нее по *Stender-Petersen A. Op. cit.*, S. 187.

герою или героине смерти от определенного животного или предмета и об исполнении этого предсказания, несмотря на все принятые меры предосторожности ¹⁰¹.

Пересматривая вопрос об отношении летописного предания о смерти Олега к саге об Одде в научной литературе, мы встречаем три основные гипотезы.

Скандинавское происхождение летописной легенды отстаивал А. И. Лященко в указанной мною статье. Вслед за А. А. Куником он отождествляет Олега с Оддом ¹⁰² и даже прозвище Олега «Вещий» как нельзя более произвольно и фантастически объясняет переводом с древнескандинавского *helgi*, утверждая, что этот термин совпадает по значению с именем Олег, т. е. русской формой древнескандинавского *Helgi* ¹⁰³. Издавна принятое объяснение «Олег» из «*Helgi*» весьма правдоподобно, но прилагательное *helgi* никогда не имело значения «мудрый», «вещий» ¹⁰⁴.

Диаметрально противоположны мнению Лященко о скандинавском происхождении легенды о смерти Олега высказывания Тиандера в пользу русского предания как ее исходной точки. Рассказ саги, по мнению этого автора, менее последователен и более сложен; в ней мотив предсказания о смерти от коня стал всего лишь художественным приемом, связывающим ее начало и конец ¹⁰⁵.

Третья гипотеза принадлежит голландскому ученому Р. Бурру. Предания, сходные с летописным рассказом о смерти Олега и с сагой об Одде, известны, говорит он, и помимо этих двух текстов; тем не менее сходство между ними не может быть случайным. Если одно из них не восходит к другому, то остается предположить для них общий источник, что Бур и считает наиболее вероятным. Скандинавское предание о роковом для героя конском черепе в том виде, в каком оно имеется как в саге об Одде, так и в летописи, было распространено в IX в. и на Руси: его локализовали здесь варяги, а в Норвегии оно было приурочено к личности Орвар-Одда. Сходство между преданиями о смерти обоих этих

¹⁰¹ Весь этот обширный материал описан более подробно в книге К. Ф. Тиандера «Поездки скандинавов в Белое море» (СПб., 1906, с. 235—245) и в статье А. И. Лященко «Летописные сказания о смерти Олега Вещего» (ИОРЯС, 1925, т. XXIX, с. 274—276).

¹⁰² Лященко А. И. Указ. соч., с. 274 и сл.

¹⁰³ Там же, с. 270—271.

¹⁰⁴ К сожалению, совершенно не критическое отношение Лященко к саге об Одде и еще, пожалуй, худшая семантика термина «*helgi*» всецело приняты Н. К. Гудаем в его «Истории древней русской литературы» (М., 1938, с. 126). Надо сказать, что история и литература скандинавского Севера в эпоху саг почему-то вообще являются плохо изученным разделом в нашей научно-исследовательской литературе: ни в одной, кажется, другой области не наблюдается так часто в работах разных авторов разлад с фактами и с научной критикой и оценкой первоисточников, начиная с мелких неточностей и кончая грубейшими ошибками.

¹⁰⁵ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов, с. 243.

героев могло содействовать дальнейшему перенесению отдельных черт с одного из них на другого ¹⁰⁶.

Вполне убедительными и решающими не являются в сущности ни аргументация Тиандера, ни направленные против нее возражения Лященко. Если говорить о последовательности изложения, о его простоте или сложности, то сага и летописное предание являются величинами трудно сравнимыми. Мы уже видели, что есть полное основание считать летописное предание первоначальным; в саге же тема сильно переработана, но нельзя согласиться с Тиандером в том, что она является здесь лишь художественным приемом, лишь внешней формой: она только утратила свой первоначальный вид, к которому летописное сказание ближе, так же как и указанные выше варианты, известные в XVIII в. Торфеусу, и норвежская запись 1872 г.

Все, что сага рассказывает о походах и приключениях Одда, особенно легко можно было вставить в то предание об этом герое (а их было связано с ним не мало), где говорилось о пророчестве о смерти от коня и о многих годах, прошедших раньше, чем оно исполнилось. Летопись в этом случае ограничилась только царьградским походом Олега; сага ввела множество разнообразных событий и приключений — особенно ее поздняя (распространенная) редакция. Такая амплификация, как в устной передаче, так и в книжной обработке, могла произойти с любым вариантом рассматриваемого здесь сюжета: ей давала простор формула предания «прошло много лет» и т. д.

Как художественное произведение небольшой рассказ летописи заслуживает высокой оценки: это, если можно сделать такое сравнение, — нечто вроде монументальной фресковой живописи строгого и простого стиля. В заслугу летописцу можно поставить и выдержанный им эпический тон, свободный от всяких отступлений в сторону христианской морали, психологизации и т. п. Тем не менее при всей выдержанности и цельности стиля порядок изложения здесь не безупречен. Историю с пророчеством о смерти от коня летописец в сущности начинает с конца: «живяше Олегъ... княжа в Кieve и приспе осень и помяну Олегъ конь свои и бе же поставил кормити и не вседати на нь» и в виде пояснения сообщает о пророчестве волхвов о смерти Олега от этого коня. Начало вставлено, таким образом, в том месте, где дело уже близится к развязке. По существу, значение и ценность рассказа от этого, конечно, мало страдает; это лишь деталь композиционного характера.

Что касается гипотезы, которую выдвигает Бур, то она, как я попытаюсь доказать, представляется приемлемой, но с некоторыми оговорками относительно материала, который может ее подтвердить.

¹⁰⁶ Boer R. C. Über die Orvar-Odds saga. — «Arkiv för nordisk filologi», 1892, [bd. VIII, h. 2, s. 109—112. Этот же взгляд кратко изложен автором в предисловии к изданию краткой редакции саги об Орвар-Одде (Orvar-Odds saga, S. XV).

Основная тема пророчества о смерти героя от такого-то животного или предмета, которое и сбывается, несмотря на все принятые против этого меры, сама по себе настолько распространена во множестве сказок и легенд у самых разнообразных народов, что в принципе можно предположить развитие рассматриваемых нами двух вариантов, русского и скандинавского, независимо друг от друга, с применением к местным условиям и местным героям, и независимо от других известных нам вариантов того же основного мотива, хотя бы даже очень близких. Отголосок этого мотива в украинском фольклоре, отмеченный Тиандером¹⁰⁷, показывает, что он был известен у восточных славян не только в том варианте с конем, который мы знаем из летописной легенды об Олеге.

Но вместе с тем нельзя отрицать, что в пользу скандинавского происхождения летописного сказания о смерти Олега говорит приурочение его к варяжскому князю, каким летописец изображает Олега и каким Олег, вероятно, и был в действительности, а особенно та версия о его смерти, согласно которой он после всех своих воинственных деяний погибает за морем от укуса змеи, совсем как Орвар-Одд. Правда, эта версия, как и вообще весь текст Древнейшего свода, восстановлена Шахматовым, и относиться к ней непосредственно как к первоисточнику было бы рискованно при всем уважении к блестящей текстологической работе автора «Разысканий», но восстановлена она очень правдоподобно и убедительно¹⁰⁸.

Сближение преданий об Олеге и Одде прежде всего подтверждается, казалось бы, тем, что сага об Одде имеет восточную ориентацию — поход героя в Грецию, в Хуналанд, который в древнескандинавской литературе представляется какой-то восточноевропейской территорией, близкой к Гардарики, т. е. к Руси, в Бьялкаланд, под которым, как полагает Бур, скрывается также нечто русское¹⁰⁹. Но насколько достоверна и первоначальна эта восточная ориентация саги? Предполагаемая Буром локализация Бьялкаланда на Руси остается довольно шаткой гипотезой независимо от того, что поход в этот край, как думает Бур, приписывался Одду сравнительно очень рано. Хуналанд, куда едет Одд по древнейшему списку саги, в некоторых других списках заменен на

¹⁰⁷ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов, с. 238.

¹⁰⁸ Для известия Новгородской I летописи о том, что Олег ушел за море, предложено недавно новое объяснение в указанной выше статье В. В. Мавродина. Автор полагает, что «царь Руси» Хальгу в еврейско-хазарской переписке X в. — не вещий Олег, а князек или воевода, порвавший с Киевом, или совершенно не связанный с ним туземный владетель причерноморской Руси. Переписка говорит о его неудаче в войне с греками и уходе морским путем в Персию (или Фракию — см.: Кокошцов П. К. Указ. соч., с. 120, прим. 15), где он и погиб. Не спутал ли летописец вешего Олега с Олегом-Хальгу и не объясняется ли таким образом летописное известие о смерти Олега за морем? (Мавродин В. В. Указ. соч., с. 246—247).

¹⁰⁹ Boer R. C. Op. cit., S. 107 ff.; Orvar-Odds saga, S. XV.

«Гардарики», но тем не менее сам он не таков, чтобы его можно было принимать за конкретное указание на Русь; историческая сага не стала бы пользоваться этим названием как географическим термином. Поездку Одда в Грецию знает еще краткая редакция саги, но и в ней, судя по предисловию Бура к ее изданию ¹¹⁰, этот эпизод относится уже к числу поздних добавлений. В распространенной редакции подвиги и приключения Одда в той же Греции, а также в Гардарики представляют собою как нельзя более явные вставки, в которых очень характерно соединяются поздняя приключенческая романтика и домыслы книжной учености ¹¹¹. Указанная выше статья А. И. Лященко не дает никакого представления о весьма сложном и далеко не единообразном составе и генезисе саги; этот автор совершенно некритически пользовался данными обеих ее редакций для отождествления Олега с Оддом — отождествления, весьма рискованного уже хотя бы потому, что Одд является лицом более чем наполовину не историческим, а Олег — несомненно историческим, несмотря на неясности и противоречия в дошедших до нас летописных известиях о нем и на те легенды, которые связаны в них с его именем.

Таким образом, именно *Rossica* саги об Одде — наиболее слабое основание для сближения преданий об Олеге и Одде. Не следует забывать, что сага об Орвар-Одде — одна из тех романтических саг второй половины XIII в. ¹¹², которые охотно переносили приключения своих героев в Восточную Европу, уже являющуюся в это время (и особенно в XIV в.) для Исландии и исландских авторов «землей неизвестной», и пользовались восточноевропейской географической номенклатурой, уже утратившей для них конкретное значение. Возможно, что и восточную ориентацию саги об Одде **следует** в большей мере относить за счет этой литературной моды, чем подлинного древнего предания, восходящего к эпохе викингов.

Значительно более веским является то, что Новгородская I летопись под 922 г. сохранила следы какой-то версии о смерти Олега за морем от укуса змеи. Эта версия, восстановленная Шахматовым для Древнейшего Киевского свода, действительно сближает предание о конце жизни Олега с возвращением Одда на родину и его смерти там от укуса змеи. Вся деятельность на Руси, особенно заключенный от его имени договор 911 г., говорит в пользу того, что он, даже если и был норманном (а это, как уже было сказано, очень вероятно), обосновался на Руси довольно прочно и отъезд его представляется несколько неожиданным. Именно в этом моменте, более чем где бы то ни было, можно, как мне представляется, видеть следы спайки между преданием об

¹¹⁰ Altnordische Saga-Bibliothek, H. II. Halle a. S., 1892, S. XVIII.

¹¹¹ См. замечания Р. Бура в предисловии к его изданию распространенной редакции (*Orvar-Odds saga*, S. XIV).

¹¹² Древнейший список ее относится к первой половине XIV в.

Одде и летописной легендой об Олеге и воздействие первого на вторую. У нас, таким образом, получается два варианта сказания о смерти Олега: один — предполагаемый Шахматовым на основании текста Новгородской I летописи, близкой к преданию об Одде, но представленный лишь фрагментом; другой — в Повести временных лет под 912 г., где он уже имеет вид местного, русского, предания; от ухода Олега за море здесь уже не осталось и следа. Этот вариант изложен целиком (пророчество о смерти и т. д.). По своему типичному сюжету он является двойником преданий о смерти Одда в том первоначальном виде, в котором это последнее известно нам не столько по саге, сколько по фольклорным источникам. Намечается, следовательно, некоторая эволюция от скандинавского (норвежского) предания к русскому, носителями которого были уже не одни варяги.

Со стороны фольклора в той разновидности основного сюжета, где роковую роль играет конь (Олег, Одд и некоторые другие), обращает на себя внимание следующее. Конская голова по верованиям многих народов имеет магическое значение как предмет защитный, благоприятный, приносящий счастье. Здесь же она, наоборот, приносит смерть владельцу коня. Причиной гибели является, таким образом, предмет, обладающий благотворной магической силой, но обращенный на этот раз против своего же владельца. Это напоминает известные нам у Саксона примеры смерти его героев от собственного меча; она постигает владельца меча как наказание, как месть за совершенное им убийство¹¹³. Далее, проклятие в «Эдде», обрекающее проклиняемого по той же причине на смерть от собственного меча¹¹⁴. И, наконец, неоднократно встречающаяся в греко-русских договорах X в. формула, касающаяся возможности нарушения клятвы, как, например, в договоре 944 г.: «да посечени будут мечи своими». Эта формула построена по весьма распространенному типу условного проклятия самого себя¹¹⁵.

Смерть от своего коня не лучше смерти от своего меча. Это наводит на мысль о том, не содержит ли в себе пророчество такой смерти элемент проклятия? В отношении Орвар-Одда это возможно. Дело в том, что по тексту саги Одд встретился с вещуньей на пиру в доме, куда она была приглашена в качестве почетной гостьи и где все присутствующие по очереди с большим почтением выслушивали ее предсказания. Только Одд обошелся с нею крайне невежливо, относясь с полным пренебрежением к ее пророчествам. Разгневанная вещунья в ответ на это и преподнесла ему в поэтической форме песни предсказание смерти от змеи, которая

¹¹³ Saxonis Grammatici Gesta Danorum, S. 67, 101.

¹¹⁴ Старшая Эдда. Вторая Песнь о Хельги Убийце Хундинга (Helgakviða Hundingsbana, II), строфа 33.

¹¹⁵ Ср.: Hoops J. Reallexikon der germanischen Altertumskunde, Bd. I. Straßburg, 1911—1913, S. 322—324.

выползет из черепа его собственного коня. Как уже было сказано выше, первоначально речь шла, вероятно, о смерти от коня, без предупреждения о змее, по типу недосказанного пророчества (своего рода *reservatio mentalis*).

Тиандер, разумеется, сильно преувеличивал, утверждая, что для Одда «предсказание колдуньи стало проклятием его жизни, не дававшим ему покоя; он вынужден был изъездить моря и земли»¹¹⁶. Одд — не Агасвер, осужденный на вечные скитания, а викинг, для которого «изъездить моря и земли» — дело, как нельзя более естественное и заманчивое. Из текста саги нигде не видно, чтобы предсказание вещуньи в течение всех последующих лет хоть сколько-нибудь отравляло ему жизнь. Тем не менее в том, что писал Тиандер, может быть, есть доля правды.

В одном из более поздних английских вариантов того же мотива, в обстановке рыцарского средневековья, вещая женщина предсказывает одному рыцарю, из-за которого погибла ее дочь, смерть от его собственного боевого коня. Через много лет, по возвращении из крестового похода, рыцарь, позаботившийся своевременно о том, чтобы убить коня, поранил себе ногу об его кость и умер от этой раны¹¹⁷.

В нашем летописном предании нет никаких прямых указаний на элемент мести и проклятия в пророчестве кудесника. Лишь в виде предположения, может быть слишком смелого, можно думать о выразившемся в этом враждебном отношении местного населения к Олегу как к завоевателю, захватчику и в такой роли, очевидно, большому любителю добычи и обильной дани. Здесь пришлось бы допустить какие-то обостренные отношения вроде тех, о которых летопись говорит под 862 г., если только позволить себе принимать ее слова как отражение подлинных исторических фактов. Но нет основания сомневаться в возможности подобных фактов; менее всего можно представить себе, что набеги норманнов, взимание ими дани и т. п. не вызывали вооруженного отпора. Как бы ни была искусственна и надуманна летописцем сама легенда о призвании князей, но вводное к ней сообщение об изгнании варягов и о прекращении уплаты им дани очень похоже на правду. Между варяжскими дружинами и местным населением, во главе которого стояли свои вожди, столкновений было, по всей вероятности, гораздо больше, чем можно заключить из летописи, в значительной мере упрощающей и схематизирующей то, что происходило на Руси в IX—X вв. как в области варяжско-русских отношений, так и в связи со значительно более существенным для ранней русской истории процессом феодализации общества и образования русского государства. Волхв, кудесник, как представитель местного общества, противопоставленный Олегу, — фи-

¹¹⁶ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов, с. 243.

¹¹⁷ Taylor A. The death of Orvar-Oddr. — «Modern Philology», 1921, v. XIX, p. 93 ff. (по Stender-Petersen A. Op. cit., S. 189).

гура вполне возможная¹¹⁸. При условии более благополучных отношений с князем понятно и такое явление, как «волхи-волшебники» в числе почетных гостей на пиру у Владимира Красное Солнышко¹¹⁹. В этом можно видеть отражение дохристианской эпохи и нечто весьма близкое к засвидетельствованной сагами почетной роли вещей женщин в древнескандинавском языческом обществе. Проводя это сравнение, я имею в виду, конечно, не заимствование и не влияние скандинавских обычаев на древнерусские, а стадиальную близость между скандинавами эпохи викингов и восточными славянами в их общественном и культурном развитии.

V

Под 945 г. Повесть временных лет рассказывает о походе Игоря на древлян, предпринятом по побуждению дружины этого князя («Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы»). Этот рассказ является яркой иллюстрацией к замечаниям К. Маркса относительно инициативы дружины, в поисках славы и добычи подталкивавшей своих вождей на новые предприятия¹²⁰.

Древлянский поход кончился для Игоря плачевно: он был убит, а вместе с ним погибла и та небольшая дружина, с которой он вторично пошел на древлян, «желая больша имения». Об отношениях Игоря к Древлянской земле мне придется говорить далее, в главе 7-й (о Святославе), учитывая при этом соображения Шахматова по поводу соответствующих мест летописи. Здесь я коснусь лишь тех сведений о смерти Игоря, которых нет в летописи и которые мы находим в столь ценной для нас «Истории» Льва Диакона (кн. VI, гл. 10): древляне привязали Игоря к двум согнутым деревьям, затем отпустили их, и он был разорван пополам. Как известно, наша летопись этой подробности не знает. Но не являются ли косвенным намеком на нее те слова, которые летописец приписывает древлянским послам, сброшенным по приказанию Ольги в яму, где их и засыпали живьем: «Пуще ны Игоревы смерти» (Повесть временных лет, 945 г.). Здесь как будто подразумевается какая-то особо жестокая смерть; на этом основании можно думать, что летописцу (по Шахматову, — составителю Начального свода) было знакомо то предание, которое мы знаем по Льву Диакону.

Параллелями к этому известию Льва Диакона является древнегреческое сказание о разбойнике Синисе, расправлявшемся со своими жертвами таким же способом, и один эпизод у Саксона Грам-

¹¹⁸ Позднее, как мы знаем, исторически засвидетельствована руководящая роль волхвов уже в иных социальных условиях, в активной борьбе широких масс как против местных богатых собственников, выделившихся из сельской общины, так и против князя-феодала (восстания смердов в XI в.).

¹¹⁹ Гильфердинг А. Ф. Указ соч., изд. 2-е, т. II. СПб., 1896, с. 62.

¹²⁰ Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 76.

матика, где то же самое проделывает некий Røtho, Ruthenorum pirata¹²¹. Для Саксона заимствование из классической литературы вполне возможно, как это и предполагал А. Ольрик¹²², но вернее, что Røtho оказался русским не случайно, не в силу какой-то игры фантазии автора «Gesta Danorum» и что это — одно из тех мест у него, где контаминация с русскими преданиями не менее вероятна, чем с другими источниками. Шведский ученый Х. Шюк объясняет появление у Саксона параллели к Синусу в лице Røtho как отражение какого-то греческого народного предания, восходящего к античности и занесенного варягами из Византии на север¹²³. Но почему же тогда Røtho — русский? Даже если Саксон скалькировал его с Синиса, можно полагать, что он сделал его русским на основании знакомства с аналогичным преданием, касающимся русского князя.

VI

Древнейшая летопись сохранила целый ряд преданий о княгине Ольге, жене Игоря, выступающей в рассказе летописца главным образом уже после смерти мужа. При его жизни о ней известно сравнительно немного: упоминается о его женитьбе на ней (Повесть временных лет под 903 г.), а в греко-русском договоре 944 г. она — одна из тех женщин, у которых есть свои послы в числе прочих, заключавших этот договор. Б. Д. Греков справедливо отмечает значение того факта, что русские женщины посылают своих представителей в Византию¹²⁴. Это — ценное свидетельство о положении женщины в древнерусском обществе. К сожалению, те скудные данные, которые содержит летопись, относятся главным образом к верхушке общества, к представительницам княжеского рода и знати; таковые в договоре 944 г. сама Ольга и, очевидно, Предслава, а также та Сфандр, имя которой остается до сих пор неразгаданным. Тем не менее можно принимать эти данные как показательные для этой эпохи вообще. В дальнейшем Ольга проявляет себя как энергичная правительница, как представительница правящего княжеского рода; она возглавляет его с немалым авторитетом и с такими же правами, какие принадлежали мужчине...

В настоящем очерке я оставляю в стороне вопрос о крещении Ольги по летописным и житийным повествованиям и элемент христианской легенды, сильно отразившийся на многих устных преданиях о ней, очевидно, под влиянием духовенства, насаждав-

¹²¹ Saxonis Grammatici Gesta Danorum, S. 241—242.

¹²² Olrik A. Op. cit., bd. II, s. 246. О смерти Игоря по Льву Диакону этот автор, по-видимому, не знал.

¹²³ Schück H. Byzans och Norden.— In: Kulturhistoriska skizzer. Stockholm, 1922, s. 51—55.

¹²⁴ Греков Б. Автор «Слова о полку Игореве» и его время.— «Историк-марксист», 1938, № 4, с. 14; он же. Киевская Русь. М.— Л., 1939, с. 77—78.

шего почитание ее как святой ¹²⁵. Среди всего остального материала коснусь лишь тех преданий, которые уже неоднократно были отмечены как близкие к скандинавским, а именно: месть Ольги древлянам за убийство Игоря — расправа с древлянскими послами и взятие Искоростеня.

Прежде чем перейти к этим преданиям, надо хотя бы вкратце затронуть спорный вопрос об этническом происхождении Ольги, являющейся в летописи, независимо от прославления ее как христианки, личностью не менее значительной, чем вещий Олег, и, во всяком случае, более выдающейся, чем Игорь. Данных для решения этого вопроса у нас очень мало. Имя «Ольга» весьма правдоподобно объясняется из скандинавского «Helga», как и «Олег» из «Helgi». В этом, по всей вероятности, сказался лишь некоторый привходящий скандинавский элемент в происхождении или в личных связях Ольги. Считать ее норманкой нет оснований; Псков, откуда производит ее летопись, — во всяком случае, не из тех древнерусских центров, где можно предполагать особенно оживленное общение с норманнами. В летописных известиях о деятельности Ольги норманны не появляются, если не считать участия Свенельда и Асмуда в древлянском походе Ольги. Правда, в этих известиях ее соратники и ее окружение вообще не указаны — будь то русские или норманны или еще кто-нибудь иной. Имя ее посла в договоре Игоря с греками, Искусеви, до сих пор не расшифровано; едва ли оно норманское, но и на славянское не похоже.

Относительно времени появления в летописи рассказов о мести Ольги мнения исследователей расходятся. По Шахматову, это — вставки, причем первой (о расправе с древлянскими послами в Киеве и об избии древлян на тризне) еще не было в Древнейшем своде — она сделана составителем Начального свода, а вторая (о древлянском походе Ольги и взятии Искоростеня) появилась впервые в Повести временных лет ¹²⁶. По мнению В. М. Истрина, эти рассказы не похожи на вставки и вполне последовательно связываются с остальным повествованием летописца ¹²⁷.

Как бы ни решать этот вопрос, принадлежность рассматриваемых здесь летописных преданий устному народному творчеству не вызывает сомнений.

М. И. Сухомлинов указывает на сходство между сожжением древлянских послов в бане и двумя эпизодами из саг, не делая,

¹²⁵ В связи с этим первоначальность и подлинность некоторых преданий, записанных П. И. Якушкиным, вызывает большое сомнение. Близость их к летописи едва ли объясняется общим древним источником; скорее, это — позднее книжное влияние на народную легенду (*Якушкин П. И. Путевые письма. Из Псковской губернии.* — Сочинения. СПб., 1884, с. 240—241).

¹²⁶ *Шахматов А. А. Разыскания*, с. 109—110.

¹²⁷ *Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова.* Л., 1924, с. 56—57.

впрочем, никаких дальнейших выводов на основании этого сходства ¹²⁸.

Из этих двух параллелей первая взята из саги о Ньяле ¹²⁹; герой ее был сожжен в своем доме напавшими на него врагами. В сагах, где говорится о распри между исландскими вождями эпохи викингов, такой способ истребления противников — явление нередкое. Второй эпизод — из саги о Вига-Стюре, *Víga-Styrs* или *Heiðarvíga saga*; Стюр заманивает в баню двух людей, которых хочет погубить, и сжигает их ¹³⁰. Сюда же можно присоединить и датскую народную песню о том, как датская королева конца XII в. София, жена Вальдемара I, сожгла в бане свою соперницу ¹³¹.

Прямой и непосредственной связи между этими скандинавскими преданиями и летописным рассказом об Ольге и древлянских посланцах не замечается. Менее всего близка к нему гибель Ньяля, которого никуда не заманивают; на него нападают в его собственном жилище, которое подвергается настоящей осаде. Подобные столкновения в Исландии эпохи викингов являются небольшими внутренними войнами, в дальнейшем (XII—XIII вв.) принимающими уже довольно внушительный масштаб. В *Heiðarvíga saga* предательское сожжение в бане уже несколько ближе к нашему летописному сказанию. Этот эпизод вообще принадлежит легендарному, а не историческому элементу в саге о Вига-Стюре. По поводу датской баллады о маленькой Тове, как она ласково называет эту соперницу гордой красавицы-королевы, можно, пожалуй, вспомнить русское происхождение Софии, правнучки Владимира Мономаха. Но гораздо ближе к преданию об Ольге то, что говорится в сагах о знаменитой Сигрид Гордой. Сведения о ней, о ее происхождении, ее браке сначала со шведским конунгом Эйриком (ум. в 993 г.), а затем с датским Свейном Тьюгускеггом, т. е. Раздвоенная Борода (ум. в 1014 г.), так же как и другие подробности ее биографии в имеющихся у нас источниках, неточны и противоречивы. Об этой исторической личности (если вообще считать ее вполне исторической, в чем некоторые ученые даже сомневаются) существует целая литература и ведется полемика среди скандинавских историков ¹³². Входящая в состав свода саг, озаглавленного *Heimskringla*, сага о норвежском конунге Олаве, сыне Трюггви, на которую я здесь неоднократно ссылаюсь, знает Сигрид как вдову Эйрика Шведского; она — бабушка Ингигерд,

¹²⁸ Сухомлинов М. И. О преданиях в древней русской летописи. — Сборник ОРЯС, т. LXXXV. СПб. 1908, с. 264—265.

¹²⁹ Nj., 299—303.

¹³⁰ Heið. s., 13—14.

¹³¹ Grundtvig S. Danmarks gamle folkeviser, del. III. Kjöbenhavn, 1862, s. 46 ff.

¹³² См. сравнительно новую литературу, указанную у Ф. А. Брауна (*Braun F. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X.—XIV. Jahrhunderts.* — In: *Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag.* Halle, 1924, S. 160).

жены Ярослава Мудрого. Сигрид является одним из характерных для саг женских образов, в которых отразилась энергия и самостоятельность женщины эпохи викингов ¹³³. Будучи владелицей многочисленных крупных хуторов, Сигрид была в экономическом отношении совершенно независима. По одной саге, она еще при жизни мужа была правительницей целой области. Саги приписывают ей видную роль в политических событиях ее времени и отзываются о ней как о мудрейшей из женщин, и к тому же вещей, *forsrá um marga hluti* ¹³⁴. Прозвище «Гордая» рисует ее как личность властную, честолюбивую. Предание о ее расправе со сватавшимися к ней женихами, которых она сожгла в доме, где устроила для них пир, очень напоминает рассказ летописи об Ольге и древлянских послых, сватах князя Мала, которых она велела сжечь в бане. Мотив мести у Сигрид отсутствует; мстить ей не за кого, и она истребляет своих незадачливых женихов лишь с целью проучить мелких князьков, осмеливающихся свататься к ней. Вообще же сходство между этими двумя героинями летописи и саги, Ольгой и Сигрид, безусловно, есть. Правда, и тот, и другой женский образ как явление своего времени мог войти в предание и получить в нем сходную характеристику, каждый со своей стороны, независимо друг от друга, на основании сходных общественных и бытовых условий. Оба рассматриваемые здесь предания — не единственные в своем роде. Н. И. Коробка ¹³⁵ приводит как параллель к мести Ольги рассказ Геродота об одной египетской царице, которая устраивает пир для убийц своего брата и топит их, выпустив на них воду из реки.

В отношении наших двух героинь, как и в целом ряде других случаев, обращает на себя внимание то, что предание о Сигрид, близкое к летописному — об Ольге, связывается с именем русского князя с востока, из Гардарики, т. е. с Руси, Виссавальда, в числе прочих сватавшегося к Сигрид. По мнению Ф. А. Брауна, это — Всеволод Владимирович, дважды упоминаемый в Повести временных лет: под 980 г. как сын Владимира и Рогнеды и под 988 г., где перечислены все сыновья Владимира. Но, как отмечает Браун, хронологически это не сходится с известиями саг: по хронологии, восстанавливаемой для *Heimskringla* ¹³⁶, выходит, что Виссавальд ездил к Сигрид в Швецию и погиб там в 995 г. Во всяком случае, в летописи он оставил очень мало следов; о смерти его она ничего не знает. А после 988 г. в Швеции неожиданно появляется какой-то русский Всеволод-Виссавальд ¹³⁷. Дело неясно; очень возможно, что это и не сын Владимира, а какой-то

¹³³ Рыдзевская Е. А. О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы. — «Советская этнография», 1937, № 2—3, с. 23.

¹³⁴ Нкг., I, 339.

¹³⁵ Коробка Н. И. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче. — ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 1, с. 309—310.

¹³⁶ Нкг., I, 340—341.

¹³⁷ Braun F. Op. cit., S. 160—161.

одноименный с ним русский князь, оставшийся неизвестным в летописи, как, например, тот Хрисохир, родич Владимира, о котором упоминает Кедрин ¹³⁸.

Кто бы ни был этот Виссавальд, но представляемый им русский элемент в рассказе саги о Сигриде и ее женихах устанавливает связь между этим рассказом и сходным летописным преданием об Ольге в смысле возможного занесения этого последнего в Швецию, у которой были тесные связи с Русью, и приурочения его к Сигриду.

Откуда же появился эпизод с Виссавальдом у исландского историка Снорри, сына Стурлы, составившего *Heimskringla* в 30-х годах XIII в.? Со шведскими легендами и преданиями он был знаком, и сам однажды побывал в Швеции. Не предпринимая специального исследования, трудно проследить происхождение интересующего нас здесь фрагмента древнесеверной *Rossica*. Во всяком случае, он известен не только у Снорри, а включен в так называемую легендарную редакцию саги об Олаве Святом, составленной, как полагают, довольно поздно (около 1240 г.), но восходящей к древнейшей саге о нем же. В дошедших до нас восьми отрывках этой древнейшей саги рассказа о Сигриде и ее женихах нет, но возможно, что он уже входил в состав этого памятника ¹³⁹. Он читается также в саге о другом Олаве Норвежском, сыне Трюггви, написанной в конце XII в. исландским монахом Оддом; здесь мы находим ту же мотивировку наказания Сигрида ее женихов, как и в легендарной саге об Олаве Святом, и в *Heimskringla* Снорри; Одд писал раньше Снорри; латинский текст его саги об Олаве, сыне Трюггви, дошел до нас в трех разных переводах и редакциях. Список той редакции, в которой есть рассказ о Сигриде ¹⁴⁰, по мнению некоторых исследователей, — позже времени написания *Heimskringla*, и на этом основании Бур полагает, что в нем этот эпизод мог появиться под влиянием труда Снорри ¹⁴¹. Как уже было сказано выше, вопрос о его литературной судьбе в составе северных саг нельзя решить без особого исследования. С норвежскими преданиями сказания о Сигриде были, во всяком случае, связаны тем, что в числе ее жертв был один норвежский областной конунг, отец знаменитого Олава Святого, и что впоследствии к ней сватался норвежский же и не менее известный конунг Олав, сын Трюггви ¹⁴². Но в основе своей сага о Сигриде, несомненно, шведского происхождения, и можно думать, что именно в Швеции, на почве связей с Русью, произошло сращение мотива мести Ольги со шведскими сказаниями о близкой к ней по своему общему облику Сигриде.

¹³⁸ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 206—207.

¹³⁹ Boer R. C. Untersuchungen über den Ursprung und die Entwicklung der Niebelungensage, Bd. III. Halle, 1909, S. 165 ff.

¹⁴⁰ OST, Groth, s. 51.

¹⁴¹ Boer R. C. Untersuchungen über den Ursprung, S. 159—160, 165.

¹⁴² Beckman N. Sverige i isländsk tradition.— «Historisk Tidskrift», Stockholm, 1922, årg. 42, h. 2, s. 156.

Шахматов считает летописные сказания о мести Ольги вставками, но отсюда, конечно, не следует, что сами сказания позднего происхождения. Он лишь полагает, что составитель Древнейшего свода не решился включить в свой труд баснословные предания о мести Ольги древлянам¹⁴³. Следовательно, они предполагаются известными в первой половине XI в. Эти народные предания, несомненно, сложились раньше, чем началось летописание. Поскольку они относятся к Ольге, они являются и преданиями княжескими, династическими. В Киево-Печерском монастыре, где был составлен Начальный свод, а также предшествующий ему свод 1073 г.¹⁴⁴, сказание о сожжении древлянских послов Ольгой могло стать известным как княжеское родовое предание через общение с этим монастырем киевских князей Ярославичей, Изяслава и Святослава, происходящих по отцу от Ольги, а по матери — от той же Сигрид. Аналогично этому в другое литературное произведение, возникшее в Киево-Печерском монастыре, в Патерик Печерский, вошли генеалогические предания рода Шимона-варяга¹⁴⁵.

Что касается легендарного элемента в рассказах саг о Сигрид, то он сближает ее с типом гордой, независимой и неприступной женщины-богатыря, истребляющей тех, кто осмеливается к ней свататься, — типом, весьма распространенным в сказках разных народов и встречающимся в древнескандинавской литературе в сагах сказочного характера. Одна из них приписывает своей героине, шведской девице-богатырю Торбьёрг, буквально те же слова, в каких Heimskringla и другие тексты формулируют намерение Сигрид проучить дерзких мелких князей¹⁴⁶. Сага эта поздняя, и заимствование здесь совершенно явно. Своеобразным вариантом неудачного сватовства к женщине-богатырю является рассказ другой подобной же саги¹⁴⁷, где датский эпический герой Хельги добывается руки воинственной владетельной особы вроде Торбьёрг. Она любезно принимает его у себя и, основательно напоив на пиру, усыпляет посредством укола «сонным шипом» svefnþorn (ср. общеизвестную сказку о спящей красавице), затем кладет в кожаный мешок и отправляет в таком виде к нему на корабль, к его дружинникам. В этом сказочном эпизоде трагическая судьба женихов, дерзающих свататься к «царь-девице», уже переключается на комическое положение, менее лестное для героя, чем гибель в смелом предприятии.

¹⁴³ Шахматов А. А. Разыскания, с. 479.

¹⁴⁴ Там же, с. 420 и сл.

¹⁴⁵ Эти соображения относительно родовых преданий Ярославичей принадлежат В. Л. Комаровичу, с разрешения которого я и привожу их в настоящей работе как освещающие весьма правдоподобно устный источник летописи для одного из ее повествований о мести Ольги древлянам.

¹⁴⁶ Hrólfs s., 17.

¹⁴⁷ Hrólfs saga Kraka, 17—19.

Если предание о мести Ольги было приурочено к Сигрид, то именно по линии мотива истребления женихов невестой-богатырем. Очень возможно, что и летописное сказание о расправе киевской княгини с древлянскими сватами не обошлось без контаминации с аналогичным русским сказочным мотивом. Н. И. Костомаров говорит об эпизоде с древлянскими послами, сожженными в бане, как о несколько напоминающем русскую сказку о царевне Змеевне, которая заманивает к себе молодых и сжигает их в печи¹⁴⁸. Но этот мотив стушевался перед историческим преданием об Ольге, вполне последовательно изображающим ее как мстительницу за мужа. Не является ли также некоторым следом сказочного образа женщины-богатыря то псковское народное предание, которое говорит об Ольге как о «сильной богатырке», переносившей с места на место огромные камни?¹⁴⁹ Вспомним также белорусское сказание о царевиче Игре Игрьвиче, добывающем себе невесту из Царьграда, «царь-девку»¹⁵⁰. Это, очевидно, смутные воспоминания об Игоре и отражение неясного представления о какой-то связи и его, и Ольги с Царьградом. В поздних летописях оно, как известно, выразилось в перенесении древлянского похода Ольги на Царьград, который она берет при помощи подожженных птиц, как и древлянский Искоростень. Какое-то отношение к богатырскому образу Ольги имеют, может быть, и записанные Н. И. Коробка предания о вражде Вольги (Ольги) с Игорем, которого она убивает, правда, не зная, что это — ее муж...

В скандинавской литературе мы находим следующее. У Саксона Грамматика — два рассказа о взятии города по искоростенскому способу¹⁵¹; из них первый, о датском эпическом герое Хаддинге (Haddingus), локализован в Восточной Европе, по-видимому на Западной Двине (Hellespontus, Duna urbs), а второй — в Ирландии, причем Саксон ссылается здесь на военную хитрость, приписываемую им выше Хаддингу. Далее — взятие города в Сицилии норвежцем Харальдом Хардрада, участвовавшим в качестве предводителя византийских варягов в походе на Сицилию в 1038—1040 гг.¹⁵² Для сказания о Хаддинге и для саги о Харальде характерна их русская ориентация; в саге — даже прямая связь с Русью в лице Харальда, который жил некоторое время на Руси, ушел оттуда в начале 30-х годов XI в. в Византию, а лет через 10 вернулся и женился на дочери Ярослава Мудрого, Елизавете.

Совпадение рассказа саги о Харальде с искоростенской ле-

¹⁴⁸ Костомаров Н. И. Указ. соч., т. XIII, с. 108.

¹⁴⁹ Это предание записано в 1917 г. В. И. Чернышевым, который любезно сообщил мне его по своим записям.

¹⁵⁰ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник, ч. I. СПб., 1891, с. 501 и сл.

¹⁵¹ Saxonis Grammatici Gesta Danorum, S. 24, 119.

¹⁵² Hkr., III, 83—84.

гендой В. Г. Васильевский объясняет тем, что и то, и другое восходит к аналогичным ближневосточным преданиям об Александре Македонском и об эмире Багдадском Ибн Хосрове, о которых говорит армянский историк XI в. Стефан Таронский (Асохик). Как полагает Васильевский, «все это рассказывалось в Армении современно с пребыванием там и вблизи русского корпуса, почти современно с зимовками Варягов в Халдии, и тогда мы будем, по всей вероятности, гораздо ближе к родословной Гаральдовых птиц и Ольгиных воробьев и голубей»¹⁵³.

В отношении, так сказать, варяжской линии огненосных птиц предположение Васильевского очень правдоподобно, но летописные искоростенские воробьи и голуби оказываются, таким образом, довольно поздними, не раньше XI в., залетевшими на Русь из тех краев, где бывали и русские, и варяги, состоявшие на военной службе в Византии. По Шахматову, рассказ о взятии Ольгой Искоростеня вставлен составителем Повести временных лет. Взята ли она из местного, русского, народного творчества или занесена с Ближнего Востока, как и вариант, содержащийся в саге о Харальде?

Прежде всего, каково происхождение самих птиц с подожженными хвостами? Применение их в качестве военной хитрости — скорее всего, момент вторичный. У Асохика есть прямое указание на применение их в культе¹⁵⁴. Ф. Либрехт возводит описываемые им древнеримские и иранские обычаи такого рода к глубокой древности, к культу огня, солнца и плодородия¹⁵⁵.

Если говорить об этом культе, то теоретически можно предположить возникновение связанных с ним обрядов независимо от определенной народности и территории. В Западной Европе наши огненосные птицы могли быть автохтонны у кельтов, у германцев, у славян и т. д., как и самый культ солнца и плодородия. Для эволюции значения этих птиц интересен весьма распространенный у индейцев Северной и Южной Америки миф о птице или животном, познакомившем людей с употреблением огня; одна такая птица приносит им огонь на хвосте¹⁵⁶. В фольклоре современных европейских народов сохранилось немало следов почита-

¹⁵³ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 232—235.

¹⁵⁴ Des Stephanos von Taron Armenische Geschichte, übers. von H. Gelzer und A. Burckhardt. Leipzig, 1907, S. 143—144.

Интересно, что поджигание птиц по случаю праздника приписывается этим автором тому же Ибн Хосрову, который поджигал города по искоростенскому способу.

¹⁵⁵ Liebrecht F. Zur Volkskunde. Heilbronn, 1879, S. 261—263. На эти данные ссылается и Ян де Фрис (*Vries J. de. Die Wikingersaga.*— «Germanisch-romanische Monatsschrift», 1927, Jg. XV, H. 3/4, S. 90), указывая на культовое, магическое, значение, лежащее в основе военной хитрости с птицами, а в нашей научной литературе И. Н. Жданов (*Жданов И. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I—V. СПб., 1895, с. 448, прим. 2).*

¹⁵⁶ Frazer J. G. Mythes sur l'origine du feu. Paris, 1931, p. 194—195.

ния огня и солнца, но, насколько мне известно, не обнаружено до сих пор ничего такого, что можно было бы непосредственно сопоставить с этим индейским мифом или с теми обычаями, которые описывает Либрехт. Вторичный, пережиточный, момент (военная хитрость) представлен, как мы уже видели, в античной литературе, а в средневековой — только в памятниках XII—XIII вв. Уэльский роман «Brut Tysilio», восходящий к «Historia regum Britanniae» Гальфрида Монмутского (вторая половина XII в.), повествует о взятии города при помощи подожженных воробьев. Этот же мотив знают три других автора той же эпохи. Ф. Ло¹⁵⁷ возводит его у всех этих четырех авторов к одному литературному источнику, как он полагает, воспользовавшемся в свою очередь скандинавским преданием, занесенным в Англию; в «Brut Tysilio» взятие города при помощи подожженных птиц совершается при участии викинга Гормунда. Очень возможно, что норманны занесли этот мотив с Ближнего Востока. По Васильевскому, такого же происхождения и сицилийский эпизод в саге о Харальде, а на Руси — искоростенские птицы. Тем не менее вопрос о генезисе этих последних я попытаюсь поставить несколько иначе — с должной осторожностью, поскольку он у нас очень мало исследован. Не являются ли Ольгины птицы следом не ближневосточного заимствования XI в., а какого-то древнего субстрата, общего и у восточных славян, и, скажем, у иранцев? Говорю об этих последних, поскольку именно у них, судя по данным Либрехта, культовый характер рассматриваемого нами легендарного образа засвидетельствован весьма отчетливо. Иначе говоря, не объясняется ли наше летописное предание об огненосных птицах аналогично тому, как И. И. Мещанинов объясняет предание о щите Олега на воротах Царьграда, в котором он видит халдо-скифские пережитки у восточных славян? В таком случае и сицилийские птицы Харальда могут восходить непосредственно к русским преданиям.

Интересно, что по Летописцу Переяславля-Суздальского Ольга предлагает древлянам дать ей дань в виде птиц как «жертву богомъ»; воробьи, как поясняют некоторые поздние летописи, были у славян «зело честны»¹⁵⁸. Откуда бы ни взялась в Летописце такая мотивировка требования Ольги, она, во всяком случае, весьма удачна, если рассматривать ее с точки зрения того генезиса искоростенских птиц, который подсказывают нам приведенные мною выше данные, собранные Либрехтом.

¹⁵⁷ Lot F. Gormond et Isembard. — «Romania», Paris, 1898, t. XXVII, p. 24 ff.

¹⁵⁸ Кирпичников А. И. Указ. соч., с. 60—61. Автор указывает на предисловие к Летописцу Переяславля-Суздальского (Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов). Издан М. А. Оболенским. М., 1851, с. V—VI), где это место сопоставлено с известиями о древнерусском обычае принесения в жертву птиц.

VII

Переходя к летописным преданиям о Святославе, существенно дополняемым Львом Диаконом — автором, более близким к нему по времени, чем самый ранний из наших летописцев, мы встречаемся в лице этого русского князя с одним из самых ярких эпических образов, которые рисует летопись. Привлекая некоторые предания о нем к основной теме настоящего исследования, мы решительно отвергаем представление о Святославе как о северном викинге и о его окружении как о преимущественно норманском по своему происхождению. Святослав — не викинг, пересаженный на южнорусскую почву. И сам он, и окружающая его среда, и вся его бурная деятельность представляют собою нечто, безусловно, родственное в общем тому, что буржуазные ученые называют «духом эпохи викингов»; если в дружине Святослава были варяги, то, вероятно, чувствовали себя там весьма недурно. Но поставить здесь знак равенства было бы грубейшей и антиисторической ошибкой. Можно лишь приветствовать то, что Пархоменко в своих последних работах решительно отказался от своего прежнего, впрочем, не им одним высказанного мнения о Святославе как о «типичном норманском витязе»¹⁵⁹. Он ссылается, между прочим, на известный портрет Святослава у Льва Диакона, в котором нет ничего типично норманского¹⁶⁰. Если у Святослава и были некоторые норманские связи, то, во всяком случае, не ими определяется характеристика и его самого, и его времени. Они ступеньются в той сложной, богатой и многогранной культурной обстановке, какую мы находим в южной Руси с ее тесными и разнообразными связями с Хазарским каганатом, с придунайскими и балканскими странами, с азовско-черноморским юго-востоком.

Рядом со Святославом стоит не вполне ясная фигура Свенельда. Шахматов дает детальный анализ летописных известий о нем и приходит к выводу, что в Древнейшем Киевском своде читался рассказ об уступке Игорем уличской и древлянской дани воеводе Свенельду (ср. в Новгородской I летописи под 922, 940 и 942 гг.) и о недовольстве Игоревой дружины, под влиянием которой Игорь предпринимает поход на древлян, тем самым нарушая интерес Свенельда. Игорь погибает в борьбе с Свенельдом от руки его сына Мистиши. Составитель Начального свода знал предание об убийстве Люта Свенельдича Олегом Святославичем, княжившим в Древлянской земле (Повесть временных лет, 975 г.); А. А. Шахматов отождествляет Люта с Мистишей, упоминаемым в Повести под 945 г. как сын Свенельда¹⁶¹. Но Свенельд здесь уже не враг киевского князя (Ярополка Святославича), а его воевода; желая отомстить за сына, он восстанавливает Ярополка

¹⁵⁹ Пархоменко В. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913, с. 147 и сл.

¹⁶⁰ Пархоменко В. К вопросу о «норманском завоевании», с. 109.

¹⁶¹ Шахматов А. А. Разыскания, с. 357—365.

против Олега. Составитель Начального свода отдал предпочтение этой второй версии об отношении Свенельда к киевским князьям, что и вызвало в тексте Начального свода ряд изменений, выставивших Свенельда в совершенно ином освещении, чем в Древнейшем своде: Свенельд перенесен в другую эпоху и оказывается воеводой Святослава, участником похода Ольги на древлян, а позднее — похода Святослава на греков.

Он остается при Святославе до конца его жизни и после гибели его в борьбе с печенегами в 972 г. возвращается в Киев, к Ярополку Святославичу ¹⁶².

Резюмирую здесь очень кратко результаты весьма сложной аргументации Шахматова; ею, может быть, и не исчерпываются все возможности решения вопроса о неясностях, связанных со Свенельдом и его сыном как историческими лицами и как героями преданий, послуживших источником летописи ¹⁶³. Дошедшие до нас в Новгородской I летописи известия об отдаче уличской и древлянской дани киевским князем своему воеводе весьма правдоподобны как пример той системы «ленов, состоящих только из дани», о которой говорит К. Маркс ¹⁶⁴. Личное имя Свенелдъ, Свеналдъ легко объясняется из древнешведского (рунического) *suainaltr*, в латинских актах XIII—XIV вв. *Svenaldus*, *Svanaldus* ¹⁶⁵. Что касается деятельности Свенельда, то если принимать вместе с Шахматовым рассказ о нем по восстанавливаемому этим автором Древнейшему своду как первоначальный, то оказывается, что в Древлянской земле Свенельд был уже тесно связан с местным обществом; по отношению к киевскому князю его личные интересы (защита своего лена-дани) совпадают с интересами древлян, готовых дать отпор «волку», повадившемуся нападать на стадо. Выше я уже имела случай говорить, ссылаясь на Шахматова, о личных связях Свенельда, которые, если предполагать в нем норманна по происхождению, соединяли его с местным славянским окружением.

Об Асмуде, воспитателе Святослава, дважды упомянутом в Повести временных лет (945 и 946 гг.), мы знаем очень мало; возведение его имени (с вариантом «Асмолдъ») к скандинавскому *Āsmundr* или *Āsmóðr* возражений не вызывает. В рассказе о походе Ольги на древлян в 946 г. есть одна эпическая черта, которую с первого взгляда как будто можно связать с норманскими обычаями. Битва с древлянами начинается с того, что маленький

¹⁶² Шахматов А. А. Разыскания, с. 366—371.

¹⁶³ Шахматов считает те места летописи о Свенельде, которые читаются под 945, 946, 971 и 972 гг., вставками составителя Начального свода, сделанными в порядке перенесения деятельности Свенельда на более позднее время (Шахматов А. А. Разыскания, с. 371). Но договор 971 г. с его датой остается все-таки документом, с которым нельзя не считаться.

¹⁶⁴ Marx K. Op. cit., p. 76.

¹⁶⁵ Отождествление имен «Свенелдъ» и «Святослав» у В. А. Пархоменко в его работе «Начало христианства Руси» (с. 98) совершенно неудачно; неубедительно также и вытекающее отсюда отождествление этих двух лиц.

Святослав кидает копьё в древлянскую рать, правда — не совсем удачно, «бе бо детескъ»; Асмуд призывает дружину последовать примеру своего юного князя¹⁶⁶.

В северных сагах хорошо известен древний обычай начинать бой с того, что вождь первый бросает копьё в противника, тем самым посвящая этого последнего Одину и обеспечивая себе победу; такое объяснение в большинстве случаев дают нам саги. Обычай этот, несомненно, более древний, чем сам Один и его культ в том виде, в каком мы его знаем по сагам, «Эдде», и т. д. Но известен он не только у скандинавов и вообще германцев. В Древнем Риме при объявлении войны жрец-фециал, стоя на границе вражеской территории, бросал туда окровавленное копьё¹⁶⁷. По Аммиану Марцеллину, вождь хионитов, северных соседей Ирана, «по обычаю своего народа и наших фециалов», начинает битву с того же самого действия¹⁶⁸. По Генриху Латвийскому, литовцы под Кукенойсом [Кокнесе] кидают копьё в Двину в знак отказа от мира с немцами¹⁶⁹. Вероятно, о пережиточном обрядовом действии сообщается и в рассказе Ипатьевской летописи под 1245 г. о войне галицко-волинских князей с Польшей: дойдя до Вислы, Василько Романович «стрели... чересь... Вислу, не могоша бо переехати си реки понеже наводнилася бяше». Невольно напрашивается сопоставление с легендами о Карле Великом в старофранцузских хрониках, где Карл, овладев Испанией, бросает копьё в море, преграждающее ему путь к дальнейшим завоеваниям¹⁷⁰, а также с весьма близким рассказом об императоре Оттоне II в Дании в 975 г. в исландской саге об Олаве, сыне Трюггви¹⁷¹.

Перед нами — интересный комплекс обычаев и пережитков, заслуживающий особого исследования. Ограничиваясь здесь лишь его отношением к летописному рассказу 946 г., мы можем сделать следующие выводы. Несмотря на близкие параллели из саг и на

¹⁶⁶ Говорю здесь об одном Асмуде, принимая мнение Шахматова об имени Свенельда, как о вставке в Начальном своде, обличаемой формой единственного числа: «рече Свенелдъ и Асмудъ» (*Шахматов А. А. Разыскания*, с. 369).

¹⁶⁷ *Pauly—Wissowa. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. VI. Stuttgart, 1909, Sp. 2264.

¹⁶⁸ *Аммиан Марцеллин. История. Перевод с латинского Ю. Кулаковского и А. Софии*, вып. I. Киев, 1906, с. 251. Автор статьи об Аммиане (*Pauly—Wissowa. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. I. Stuttgart, 1894, Sp. 1851) относит это известие за счет наблюдающегося у Аммиана произвольного использования имевшихся у него сведений. Не берусь судить об этой манере Аммиана, но если принять во внимание те разнообразные аналогичные данные, которыми мы располагаем, то почему бы этому обычаю не быть действительно принятым и у того племени, о котором говорит Аммиан?

¹⁶⁹ *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1938*, с. 161.

¹⁷⁰ *Riant P. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte. Paris, 1865*, p. 75—76.

¹⁷¹ *OST, Groth*, p. 23.

то обстоятельство, что, по летописи, воспитателем Святослава был Асмуд, в котором можно предполагать норманна, нет никакой необходимости относить выступление Святослава с копьем за счет варяжского влияния и уроков доброго воинского поведения, которые тот же Асмуд преподавал своему питомцу. Этот обычай мог возникнуть на местной восточнославянской почве и иметь здесь свой смысл, вне всякого отношения к культу Одина, с которым он связывается в сагах. Так же, очевидно, возник он своим чередом и у литовцев Генриха Латвийского.

Трудно сказать, какого происхождения были Икмор и Сфенкел, воеводы Святослава в его войнах с болгарами и Византией, лица, о которых Лев Диакон (кн. VIII, гл. 5; кн. IX, главы 2, 6) говорит как о следующих после князя по значению. В. Томсен объясняет греческую форму Ἰκμορ как передачу славянской Икморъ < сканд. Ingimaгг¹⁷³. Это вполне возможно; но если так, то самый факт, что греки узнали это имя в его славянской форме, говорит не в пользу преобладания варяжского элемента в дружине Святослава.

Еще менее ясен Сфенкел, Σφεγκελος. Томсен полагает, что Сфенкел — Свенельд¹⁷³. Шахматов также говорит о Сфенкеле Льва Диакона как о летописном Свенельде¹⁷⁴, но это противоречит собственным высказываниям автора «Разысканий» о тех местах летописи, где говорится об участии Свенельда в войнах Святослава как о непервоначальных (971 и 972 гг.)¹⁷⁵. По Льву Диакону, этот Сфенкел был убит под Доростолом (кн. IX, гл. 2). Единственное, что сближает имя Сфенкела с норманскими именами, это близость первого его члена к именам Свен-елд (Sveinaldr) и Σφεγγος — имя брата Владимира Святославича, по Кедрину, которое можно объяснять из Sveinki, как это и делает Томсен¹⁷⁶. Попытка возводить Σφεγκελος к теоретически возможному *Sveinkell < *Sveinketill представляется рискованной. Насколько мне известно, Sveinkell нигде не засвидетельствован во всей дошедшей до нас весьма богатой древнескандинавской ономастике. Интересно, что даже такой столп норманской школы, как А. А. Куник, не решался прямо возводить имя Сфенкела к какому-нибудь северному имени¹⁷⁷.

И Сфенкела, и Икмора Лев Диакон определяет как богатырей. Вполне возможно, что о них были известны какие-нибудь эпические сказания, к сожалению, не дошедшие до нас.

Остались ли от походов Святослава и от того великолепного героического образа его, который дает нам летопись, какие-

Thomsen V. Samlede Afhandlingar, bd. I. København — Kristiania, 1919, s. 398.

¹⁷³ Ibid., s. 406.

¹⁷⁴ Шахматов А. А. Разыскания, с. 367, прим. 1.

¹⁷⁵ Там же, с. 371.

¹⁷⁶ Thomsen V. Op. cit., bd. I, s. 406.

¹⁷⁷ Kunik E. Op. cit., Bd. II, S. 186—187.

нибудь следы в сагах? В одной полуисторической и довольно поздней саге появляется византийский император Ион, Jon¹⁷⁸. Может быть, это затерявшийся в легендарном изложении саги фрагмент исторического воспоминания об Иоанне Цимисхий; кстати, сам герой саги, исландец Финбоги,— историческое лицо и жил во второй половине X в.

Отражение одного из летописных сказаний о Святославе можно, как мне кажется, найти в своде саг под заглавием *Morkinskinna*, составленном в первой половине XIII в. Этот эпизод входит в состав саги о норвежском конунге Сигурде, ездившем в Иерусалим и в Константинополь в 1107—1110 гг.; отсюда его прозвище *jórsalafari*. В сагах он является большой знаменитостью в связи с этой поездкой; о ней знает не только *Morkinskinna*, но и ряд других источников. *Morkinskinna* относится к числу тех, которые не жалеют ярких красок и легендарных рассказов при описании поездки Сигурда, его пребывания в Константинополе и пышного приема, оказанного ему императором (Алексеем Комнином). Между прочим, она сообщает нам следующее. Император посылает гостящему у него Сигурду богатые дары — золото и серебро. Но Сигурд даже не посмотрел на них и велит своим дружинникам поделить между собой. Узнав об этом, император говорит, что конунг, по-видимому, очень богат, раз не обращает внимания на такие вещи. Он вторично посылает Сигурду золото; тот снова отдает его дружине. Император отзывается о Сигурде так: или он богаче всех других конунгов, или у него разума меньше, чем подобает конунгу (попросту, по-русски говоря, — чужак, да и только!). Он в третий раз посылает ему много самого лучшего золота, а сверху велит положить два больших золотых кольца. Сигурд берет их себе, надевает на руку и благодарит императора «в прекрасных словах», *með fögrom orðum*. «И был он поэтому в великой чести у императора, и сидел с ним рядом на самом почетном месте», — говорит в заключение сага¹⁷⁹.

Русскому историку все это не может не напомнить рассказа об испытании Святослава дарами (Повесть временных лет, 971 г.). Византийский император (Иоанн Цимисхий) дважды посылает Святославу богатые дары — золото и паволоки; его послы зорко следят за тем, какое это произведет на него впечатление. Дважды Святослав даже и смотреть не хочет на эти дары («не возре на ня», «кроме зря») и велит своим отрокам убрать их; в Новгородской I летописи под 971 г. (где этот эпизод изложен с той разницей, что поднесение золота и паволок происходит один раз, а не два) Святослав говорит отрокам: «возмете кому что будеть». Греки сообщают об этом императору; в третий раз, получив от него вместо золота и ценных тканей оружие, Святослав принимает подарок и «нача хвалити, и любити».

¹⁷⁸ *Finnboga s.*, 39 ff.

¹⁷⁹ *Msk.*, 163—164.

Шахматов считает этот эпизод вставкой, сделанной скорее всего в Начальном своде, охотно дополнявшем свой рассказ из народных преданий и песен¹⁸⁰. Поскольку Шахматов говорит об устном предании, очевидно, надо понимать, что вопрос о болгарской хронике, принимаемой им как источник летописных известий о походах Святослава¹⁸¹, в данном случае отпадает. Не вдаваясь в поставленный Шахматовым вопрос о болгарских и русских элементах в летописной статье 971 г., полагаю, что естественнее предполагать в основе этого летописного рассказа русское дружинное предание, а не болгарское. Даже если, как думает Шахматов¹⁸², национальное чувство болгар, побитых Святославом, и утешало себя тем, что этот киевский князь бил и греков с немалым успехом, то все-таки болгарский источник, устный или письменный, едва ли стал бы рисовать эффектную картину испытания дарами с таким сочувствием Святославу, какое выражено в нашем ярком и живом летописном рассказе. Героическая характеристика Святослава как дружинного вождя вообще вполне соответствует тому идеалу, который неоднократно проявляет себя на страницах летописи.

Но вернемся к сравнению этого предания о Святославе с указанным выше — о Сигурде. Эпоха и обстановка тут, конечно, совершенно разная. Святослав для греков — грозный враг, только что разбивший их наголову, а Сигурд — просто иноземный гость, конечно — северный варвар в глазах византийского императора и окружающей его среды, но не опасный. В саге поэтому нет того настроения, каким отличается рассказ летописи. Тот идеал конунга как дружинного вождя, который сложился в эпоху викингов и очень сходен с древнерусским, для скандинавов начала XII в. является уже в значительной мере архаизмом; сага, очевидно, хочет возвысить Сигурда, изображая его в духе той героической эпохи, которая в то время уже отходила в прошлое.

По сути дела, близость между рассматриваемыми здесь двумя преданиями, безусловно, можно найти, но мотив испытания дарами разработан в них по-разному. Святослав, суровый воин — «тавро-скиф», угрожающий такой державе, как Византия, равнодушен к роскошным дарам, отдает их дружине и с удовольствием принимает только оружие. Отсюда вывод: «лють се мужь... Имися по дань», — советуют императору его «боляре». В саге, согласно иным историческим условиям и иным отношениям, звона оружия не слышно и изображение Сигурда как образцового вождя дружины построено несколько иначе: будучи гостем в великолепном мировом городе, он не прельщается пышными дарами, щедро раздает их дружинникам, а себе оставляет лишь очень скромную долю и именно ее принимает как подобающую лично ему и заслуживающую благодарности.

¹⁸⁰ Шахматов А. А. Разыскания, с. 131.

¹⁸¹ Там же, с. 124 и сл.

¹⁸² Там же, с. 131.

Все это как будто указывает на предание о Сигурде как на ослабленный вариант нашего летописного испытания дарами. Откуда взяла его сага? Возможно, что она перенесла на Сигурда какой-нибудь аналогичный западноевропейский мотив. Так, В. Г. Васильевский указывает на одну подробность из поездки того же Сигурда в Константинополь (по тексту, близкому к *Mogkinskinna*, в которой в этом месте имеется пробел и сохранился лишь самый конец рассказа), совпадающую с тем, что одна старо-французская хроника говорит о герцоге Роберте Норманском¹⁸³. Отголоски русских дружинных преданий также не исключены. Сигурд, правда, на Руси не бывал; его поездка в Константинополь относится к тому времени, когда скандинавы уже начинали чаще ездить туда через Западную Европу, чем по старому пути из Варяг в Греки. Но связи с Русью у этого норвежского конунга были: он был женат на *Málmfríðr*, дочери князя Мстислава-Харальда Владимировича, внучке Мономаха. Это возможный путь проникновения предания о Святославе из одной княжеско-дружинной среды XII в. в другую, из русской в норвежскую.

VIII

Под 980 г. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку рассказывает о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери полоцкого князя Рогволода, и о походе обиженного отказом Рогнеды Владимира на Полоцк. «Робичич», которому гордая полоцкая княжна предпочла его брата Ярополка, побеждает Рогволода, убивает его самого и двух его сыновей и берет Рогнеду себе в жены...

Решительно отвергая выдвинутую Б. М. Соколовым гипотезу заимствования из старонемецкого эпоса и сближение Рогнеды с типом «девы-богатыря»¹⁸⁴, нельзя обойти вопрос и о другом возможном источнике — о скандинавских сагах. Параллели в них есть, и нам еще придется проверить, дают ли они основание приписывать преданию о Рогнеде варяжское происхождение. Пока в связи с тем, что было сказано выше о девице-богатыре, решаюсь, во всяком случае, утверждать, что и с той Брюнхильд, которую так ярко рисуют нам песни «Эдды» и сага о Вольсунгах, Рогнеда в родстве не состоит.

В сагах я сопоставляю с летописным преданием о Рогнеде следующее. В *Ynglinga saga*, повествующей о легендарных конунгах Швеции и Норвегии, говорится о сватовстве одного областного норвежского конунга к дочери другого, которую звали Асой; получив отказ, он идет на него войной; в бою гибнет и отец, и брат Асы, ее самое победитель берет себе в жены, но года два спу-

¹⁸³ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 240. Источники имеющихся в сагах преданий о поездке Сигурда в Иерусалим и в Византию мало исследованы в скандинавской научной литературе.

¹⁸⁴ Соколов Б. М. Указ. соч., с. 69—102.

стя погибает от руки подосланного ею убийцы¹⁸⁵. У Асы, как и у Рогнеды, есть сын от мужа-захватчика. Месть, как мы видим, в обоих случаях происходит не сразу. Аналогично тому, как Рогнеда, по версии 1128 г., после разрыва с Владимиром получает свою «отчину» с Изяславом, Аса после смерти мужа уходит в то княжество, которым владел ее отец, и там воспитывается ее сын¹⁸⁶. Далее, в саге о норвежском конунге Олаве, сыне Трюггви (995—1000 гг.), мы находим следующий эпизод. В Трандхейме происходит столкновение конунга Олава, ревностного христианина и христианизатора, с местными вождями, отстаивающими языческую веру. Дружинники Олава разрушают идолов и убивают видного местного вождя Ярнскегги, выступавшего на тинге (народном собрании) против Олава. Этому последнему приходится дать выкуп за убитого его родичам. Примирение с ними завершается браком Олава с дочерью Ярнскегги Гудрун. В первую же ночь Гудрун пытается зарезать спящего Олава, но он вовремя просыпается и выхватывает у нее нож. Дело кончается тем, что Гудрун, забрав все свое добро, уходит от Олава вместе со всеми людьми, сопровождавшими ее, и, как говорит сага, «с тех пор Гудрун и Олав уже больше не спали в одной постели»¹⁸⁷.

Здесь нет сватовства и отказа, результатом которого является захват невесты силой: брак Олава с Гудрун устраивается путем мирных переговоров между ним и родичами Ярнскегги, которым он внес выкуп за убитого. В сагах вражда между двумя семьями вообще нередко кончается внесением выкупа, а иногда и браком между представителями обеих враждующих сторон. Что дочь Ярнскегги тем не менее пытается убить Олава, вполне согласуется с теми случаями в сагах, когда кто-нибудь из родичей убитого не удовлетворяется мирным разрешением конфликта и настаивает на мести; очень часто такую непримиримую позицию занимает именно женщина. В эпизоде с Гудрун действие разворачивается интенсивнее, чем в летописном сказании о Рогнеде под 1128 г., где рассказывается о ее неудачной попытке убить ночью Владимира спустя несколько лет после того, как он взял ее в жены. Гудрун пытается отомстить в первую же брачную ночь.

Позволю себе небольшое отступление по поводу предания об Олаве и Гудрун. Каков был его первоначальный вид? Без специального исследования о нем можно, во всяком случае, сказать следующее. То, что мы читаем в *Heimskringla*, не является единственной версией этого предания. В несколько более ранней саге об Олаве, сыне Трюггви, написанной на латинском языке монахом Оддом и дошедшей до нас в древнескандинавском переводе и переработке, отношения Олава к Ярнскегги и его дочери Гудрун представлены иначе и не имеют никакой связи с сюжетами летописной легенды о Рогнеде. Рассказ Снорри, наоборот, является

¹⁸⁵ Нкг., I, 81—82.

¹⁸⁶ Ibid. I, 86.

¹⁸⁷ Ibid., I, 385—387.

вполне ясно выраженным вариантом той основной темы, к которой восходит и наша легенда. Откуда же взялся у Снорри этот вариант? Хорошо зная норвежские легенды и исторические предания, автор имел возможность почерпнуть его из норвежского устного творчества, где этот вариант, конечно, мог сложиться совершенно независимо от русского сказания о Рогнеде, как и тот, где героиней является Аса. Но в изложении Снорри обращают на себя внимание некоторые детали, по существу второстепенные, но тем не менее замечательно близкие к тому, что говорится в летописном рассказе под 1128 г. Привожу здесь дословный перевод того места *Heimskringla*, которое уже было только что кратко пересказано мною, и летописный текст 1128 г., выделив в нем только то, что близко к саге.

*Сага об Олаве, сыне Трюггви,
по Heimskringla*

И в первую ночь, когда они лежали вместе, как только конунг заснул, она замахнулась [на него] ножом и хотела нанести ему удар. И когда конунг это заметил, он отнял у нее нож и встал с постели, и пошел к мужам своим и говорит, что случилось¹⁸⁸.

*Лаврентьевская летопись
под 1128 г.*

Неколи же ему пришедшу к ней и уснувшю, хоте и зарезати ножемъ. И ключи-ся ему убудитися и я ю за руку... и созва боляры и поведа им¹⁸⁹.

Если бы эпизод с Гудрун целиком был сочинен самим Снорри по образцу ставшей ему каким-то путем известной русской легенды, то он, вероятно, ближе держался бы своего образца и прежде всего ввел бы мотив сватовства и отказа, характерный для предания о Рогнеде. Но близость между приведенными здесь двумя текстами выражается в подробностях второстепенного характера. Предположим, что, излагая подлинное норвежское предание об Олаве и Гудрун, родственное по сюжету нашему летописному — о Владимире и Рогнеде, но независимое от него, Снорри не стал его переделывать и лишь немного обработал его на основании того, что знал из русской легенды. Но тогда придется допустить, что он слышал пересказ этой последней в какой-то среде, где она весьма хорошо сохранилась, с прочно закрепившимися в устной передаче подробностями. А это, между прочим, значит, что и в русском устном предании эти подробности в то время уже были налицо. Знакомство с русскими летописями для Снорри, конечно, совсем исключено; не более вероятно оно и для тех норвежских кругов, которые могли что-нибудь знать о русских преданиях. В течение первых трех десятилетий XIII в., когда Снорри бывал в Норвегии, там не было, судя по известиям саг, такого общения с Русью, за счет которого можно было бы отнести русские литературные заимствования. Но для XI и XII вв. сношения с Русью

¹⁸⁸ Ibid., I, 387.

¹⁸⁹ Пропускаю слова Рогнеды, вторичный приход Владимира к ней и сцену с Изяславом. Заступничество бояр Владимира за Рогнеду не имеет параллели в саге, которая не говорит о том, как реагировали на случившееся мужи Олава, и прямо переходит к отъезду Гудрун.

засвидетельствованы неоднократно; были браки норвежских конунгов с русскими князьями, в связи с чем возможно занесение преданий из русской княжеско-дружинной среды в соответствующий слой норвежского общества. А если искать в еще более ранней эпохе, то сам герой эпизода с Гудрун, Олав, сын Трюгви, по сведениям саг, был в юности на Руси при князе Владимире, у которого служил его дядя со стороны матери, Сигурд¹⁹⁰. В норвежском народном предании та версия об Олаве и Гудрун, которую мы находим у Снорри, могла, повторяю, возникнуть и помимо всякого влияния извне, как возникло, очевидно, и близкое к ней сказание об Асе, но появление в ней в тексте *Heimskringla* подробностей, сближающих ее с нашей летописной легендой, указывает, по-видимому, на контаминацию с этой последней в результате проникновения русского предания в Норвегию. Оно вполне могло прийтись там по вкусу и хорошо запомниться. Сам ли Снорри ввел некоторые детали из него в свою сагу об Олаве чисто литературным путем как нечто подходящее для саги о герое, который в молодости был связан с Русью, и в частности с князем Владимиром, или они были приурочены к имени Олава еще в устной передаче, последним этапом которой и явилась запись высокоталантливой исландской историкой? Возможно, в конце концов, и то и другое. Все высказанные здесь предположения, разумеется, весьма гадательны, но близость обоих рассматриваемых мною текстов невольно ведет к какой-то попытке разъяснить ее происхождение...

Перейдем теперь к вопросу об этническом характере предания о Рогнеде. Обычно исследователи говорят о Рогволоде Полоцком и его дочери как о норманнах. Так, например, сопоставляя летописное предание о Рогнеде с былинами о Хотене Блудовиче и об Иване Годиновиче, О. Ф. Миллер усматривал и в них варяжские черты¹⁹¹. В этом, конечно, сказалось то, что летопись в обоих своих вариантах говорит о Рогволоде как о князе, пришедшем из-за моря. Тут же упоминается и оставшийся нам неизвестным Туры, князь такого же происхождения, от которого летописец произво-

¹⁹⁰ Время, проведенное Олавом на Руси, по сагам — в Хольмгарде, т. е. в Новгороде, не поддается точной датировке (972—983 гг. или 978—987 гг.). Имею в виду, конечно, только исторически правдоподобное пребывание Олава на Руси в начале его карьеры, оставляя в стороне его вторую поездку туда и его участие в крещении Руси как нечто совершенно апокрифическое. В связи с тем, что в саге об Олаве обнаруживаются черты, близкие к летописной легенде о Рогнеде, невольно возникает мысль о том, не прав ли американский ученый С. Х. Кросс, когда предполагает в русской княгине, жене Владимира, покровительствующей юному Олаву на Руси, не кого иного, как Рогнеду (*Cross S. H. La tradition islandaise de saint Vladimir.* — «Revue des études slaves», 1931, t. XI, fasc. 3—4, p. 144)? Догадка этого автора довольно правдоподобна; имя Рогнеды могло быть вытеснено в устной передаче именем другой, более знаменитой, русской княгини — Ольги, чье имя сага дает жене Владимира в своеобразной переделке *Allogia*.

¹⁹¹ Миллер О. Указ. соч., с. 389, 370, 372—373, 378—379.

дит название города Турова, — этимология явно искусственная и натянутая ¹⁹². Но какой-то варяжский вождь или князь по имени Туры, *Þórir*, мог существовать в действительности. Как уже было сказано выше, таких вождей, а также князей местного происхождения на Руси, несомненно, было известно больше, чем упомянуто в летописи, тенденциозно выдвигающей только тех, которых она ведет от Рюрика. Вполне возможен поэтому и какой-то реальный Рогволод, хотя он как историческое лицо остается довольно неясным и неопределенным. Его имя, прочно вошедшее в традицию в роду полоцких князей, а также имя его дочери правдоподобно объясняются как скандинавские и обладают характерной аллитерацией ¹⁹³. Сам Полоцк был знаком скандинавам как один из крупных русских городских центров.

Все это так, но нельзя не принять во внимание того обстоятельства, что некоторые русские историки находят основание сомневаться в варяжском происхождении полоцких князей, потомков Рогволода. П. В. Голубовский считает возможным, что в Полоцке сложилось, по образцу предания о Рюриковичах, династическое сказание о собственном местном княжеском роде варяжского происхождения, равном Рюриковичам по достоинству ¹⁹⁴. Не доверяет этому полоцкому преданию и М. В. Довнар-Запольский, относящий его возникновение в связи с отношениями Полоцка с норманнами ¹⁹⁵.

Если предание о Рогволоде как о норманне родом — действительно только династическое, в духе, например, тех уже совершенно фантастических генеалогий, какие известны в русской историографии московского периода, то вопрос о варяжском происхождении летописной легенды о Рогнеде уже в значительной мере теряет под собой почву. Обнаруженный до сих пор в районе Полоцка археологический материал со своей стороны не свидетельствует о сколько-нибудь значительной роли норманского элемента в древнем Полоцком княжестве.

Что же можно сказать в этом отношении о самом содержании легенды и общем характере образа ее героини? Б. М. Соколов совершенно прав, когда отзывается об обеих частях летописного рассказа под 1128 г., как об одном целом и отмечает выдержанность и последовательность вытекающей из этого рассказа характеристики Рогнеды, сохранившейся, по его мнению, даже в позднем повествовании Тверской летописи под 988 г., несмотря на книж-

¹⁹² Голубовский П. Несколько соображений к вопросу о князе Туре. — «Киевская старина», 1891, т. XXXV, октябрь, с. 70 и сл.; Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу. — ИАН, VII серия, ООП, Л., 1934, № 7, с. 527.

¹⁹³ Мнение об этих именах как о чисто славянских см., например; у Н. И. Костомарова (Исторические монографии, т. XIII, с. 177) и М. В. Довнар-Запольского (Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кричской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891, с. 70).

¹⁹⁴ Голубовский П. Указ. соч., с. 67.

¹⁹⁵ Довнар-Запольский М. В. Указ. соч., с. 70.

ное сочинительство в агиографическом духе, которым оно проникнуто ¹⁹⁶.

Легенда о Рогнеде, яркая, цельная и выдержанная, перекликается с северными сагами; образ дочери Рогволода, мстительницы за своих кровных родичей, глубоко родствен героиням саг и «Эдды». В скандинавском обществе эпохи викингов еще сохраняли свою силу отношения и понятия, унаследованные от родового строя, и в этом обществе женщина занимала высокое и почетное положение. С идеологией, еще державшейся в скандинавском быту этой эпохи, можно пытаться связывать также и не вполне до сих пор ясную сцену с Изяславом в версии 1128 г., когда маленький Изяслав выступает с мечом в руке против своего отца, Владимира Святославича, защищая Рогнеду. Называю ее не вполне ясной, поскольку для нее, насколько мне известно, до сих пор не найдено никаких аналогий ни в русском фольклоре и русских литературных памятниках, ни в каких бы то ни было других устных и письменных источниках. Тем не менее мотив этот был, по-видимому, распространен: отголосок его мы находим в упомянутом выше тексте Тверской летописи под 988 г. ¹⁹⁷ Единственное, с чем можно сблизить сцену с Изяславом по ее внутреннему содержанию, — это неоднократно проявляющийся в северных сагах взгляд на сына как на члена рода матери (а не только отца), как на возможного заступника за нее и мстителя за ее родичей даже против собственного отца. Таким образом, в основе выступления Изяслава, подготовленного Рогнедой, лежит, может быть, не только попытка смягчить и растрогать Владимира неожиданным появлением Изяслава в критический и опасный для Рогнеды момент, но и те представления о кровнородственной связи по материнской линии, которые как пережитки глубокой древности восходят к матриархальной стадии родового строя ¹⁹⁸. Если стать на эту точку зрения, то Рогнеда выступает перед нами не только как энергичная и цельная женская индивидуальность, но и как представительница целой идеологии, основанной на родовых отношениях.

Выше я уже указывала на сомнительный с исторической точки зрения характер летописных известий о норманском происхождении Рогволода Полоцкого, если искать в этих известиях основание для того, чтобы возводить легенду о Рогнеде и Владимире к варяжскому преданию на Руси. После всего сказанного только что перевес как будто оказывается, наоборот, на стороне именно такого предположения. Но решается ли этим вопрос окончательно?

Для того чтобы рассматривать эту легенду как отражение понятий и отношений, свойственных именно скандинавскому обществу эпохи викингов, как нечто близкое и понятное прежде всего для скандинавского этнического элемента, надо доказать, что

¹⁹⁶ Соколов Б. М. Указ. соч., с. 97—98.

¹⁹⁷ Там же, с. 101.

¹⁹⁸ Рыдзевская Е. А. О пережитках матриархата, с. 13—44.

у восточных славян в данную эпоху не было и не могло быть подобных же пережитков родового строя. А это еще отнюдь не доказано тем обстоятельством, что для древнерусского общества у нас соответствующего материала несравненно меньше, чем в сагах — для эпохи викингов, что разыскивать и восстанавливать его гораздо труднее и что в нашей научной литературе еще нет специальных исследований по этому вопросу. Основной письменный источник по древнейшей русской истории, каким является наша летопись, в силу преобладающего в нем церковного мирозерцания неблагоприятно относится к женщине, затушевывает ее значение и отодвигает ее на второй план. Если учитывать стадиальную близость восточных славян и скандинавов в данную эпоху, то не оказывается никакого основания теоретически отвергать возможность, что основное содержание легенды о Рогнеде сложилось на Руси, на местной этнической и социальной почве, и как эпический сюжет пользовалось популярностью, встречало понимание и сочувствие местного населения, а не только в кругу заморских выходцев, княжеских дружинников-варягов.

Что предание о Рогнеде и Владимире в его двух вариантах, привлеченных летописцами к повествованию о междукняжеских отношениях X—XII вв., попало в летопись из княжеско-дружинной среды, вполне допустимо, но нельзя ограничивать одной этой средой происхождение самого сюжета и интерес к нему. Здесь перед нами — не только княжеское родовое предание, использованное летописцами, но и отражение отношений и понятий, имеющих значительно более широкую и более древнюю основу.

Остается еще одна подробность, а именно: удачный или неудачный исход мести. В большинстве рассматриваемых здесь сказаний преобладает первый. Летописное предание о Рогнеде и эпизод с Гудрун в саге об Олаве, сыне Трюггви, являются скорее исключением. Относительно Владимира и Олава было хорошо известно, что они в действительности не были убиты своими женами. Поэтому возможно, что не только в процессе литературной обработки, но и раньше, когда слагались устные варианты сказания о мести в брачную ночь, удачный исход мести естественно должен был отпасть. Цельность первоначальной схемы сюжета могла быть нарушена в обоих этих случаях под влиянием тех фактов из биографии героев, которые уже утвердились в народной памяти и в сознании составителей письменных источников (русской летописи и северной саги) как несомненные, как достояние истории, а не легенды.

Поскольку в настоящей главе мне пришлось коснуться корсунской легенды, добавлю уже независимо от сказаний о Рогнеде несколько замечаний по поводу сведений о варягах, содержащихся в Житии Владимира особого состава.

Повесть временных лет, говоря об осаде Херсонеса Владимиром в 988 г., приписывает греку Анастасу содействие Владимиру, выразившееся в том, что Анастас послал ему стрелу с указания-

ми относительно наиболее легкого способа овладеть городом. Житие особого состава, которое Шахматов считает более ранним, чем Начальный свод, а следовательно, и чем Повесть временных лет ¹⁹⁹, дает нам другую версию: стрелу посылает из Корсуни варяг Ждѣберн, расположенный к Владимиру. Взяв город, Владимир щедро награждает Ждѣберна, ставит его там своим наместником и отдает ему в жены корсунскую княжну. Ждѣберн — воевода Владимира, как и тот неизвестный нам более подробно Олег, вместе с которым он несколько позже отправляется в Царьград с поручением сосватать своему князю царевну Анну.

Каким образом очутился этот Ждѣберн в Корсуни? Весьма вероятно, что он был на военной службе у греков. Если допустить, что в это время варяжские наемники в Византии еще не были объединены в особую постоянную военную организацию, состоящую при императоре, то тем более возможно было Ждѣберну оказаться какими-то судьбами на положении авантюриста-одиночки; никаких товарищей его в Корсуни Житие не знает — разве что предполагать, что таковым был Олег, и видеть в нем, как и в самом Ждѣберне, корсунское приобретение Владимира. Все эти предположения, конечно, гадательны, но уж если делать их, то не исключена возможность, что Ждѣберн был одним из тех варягов, которые ушли из Киева в 980 г. (см. далее, гл. 9-ю), и что он в конце концов счел за благо вернуться к своему прежнему вождю, рассчитывая на большую щедрость с его стороны, чем было проявлено несколькими годами раньше, когда Владимир только что утвердился в Киеве.

Шахматов полагает, что в изложении летописи, начиная с Начального свода, Ждѣберн и Олег были устранены, как сказочные лица народной песни, как былинные герои, которым не должно быть места в историческом повествовании ²⁰⁰. На это можно возразить, что летопись содержит в себе немало эпического материала и не проявляет столь строгого ригоризма в различении исторического и неисторического элемента. О Ждѣберне и Олеге ходили, может быть, какие-нибудь сказания, которые слишком определенно давали им неблагоприятную, с христианской точки зрения, характеристику, а потому эти два лица и не годились для повествования о крещении Владимира. «Нечестие» самого Владимира до крещения — другое дело: оно входило в агиографическую программу как контраст к христианским добродетелям, проявленным им после крещения.

Перейдем теперь от гипотетических соображений к эпизоду со стрелой Ждѣберна, более конкретному, несмотря на его легендарный характер. Стрела как своего рода способ связи хорошо известна у скандинавов эпохи викингов. Такова боевая, ратная, стрела, *һеог*, которую пересылали из одного округа в другой как

¹⁹⁹ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906, с. 73—74.

²⁰⁰ Там же, с. 90—91.

сигнал к созыву ополчения. Тем не менее в рассказе о Ждѣберне это сообщение отнюдь не имеет исключительно скандинавского характера. Стрела с письмом, пущенная из осажденного города, встречается в греческих, лонгобардских и иранских преданиях ²⁰¹. Не лишено интереса и применение ее, напоминающее то, что на современном языке называется повесткой. В русских былинах поется о Василии Буслаеве:

Стал он стрелочек поделывать,
Стал на стрелочках подпись ту подписывать:
Кому хочется да сыто есть и пить,
Тот ступай к Василью на широкой двор,
На широкой двор да на почестен пир ²⁰².

У О. Ф. Миллера есть подобные же указания на былины об Илье Муромце и Дюке Степановиче ²⁰³. Дюк пускает в шатер Ильи стрелу с «ярлыком». Оба эти героя пользуются весьма хорошо организованной «службой связи» при посредстве стрел: в случае необходимости помощи со стороны Ильи Дюк должен пускать стрелы с ярлыками в чисто поле, где сокол Ильи подберет их и, как исправный письмоносец, доставит адресату ²⁰⁴.

Нет никакого основания видеть какую-то особую северную специфику также и в отдаче Ждѣберну корсунской княжны в заключение расправы Владимира с корсунским князем и его семьей. Такое предание могло сложиться о вожде любого варварского племени в подобных же условиях.

Варяжское происхождение устного источника корсунской легенды отнюдь не доказано той ролью, которую играет в ней Ждѣберн, и указанием Жития особого состава на наличие у Владимира варяжского отряда, куда Ждѣберн и посылает свою стрелу. Предания, связанные с его именем, могли быть известны и другим участникам похода Владимира на Корсунь.

IX

Под 980 г. мы читаем в Повести временных лет о том, как после гибели Ярополка, которого Владимир и его воевода Блуд, изменивший Ярополку, заманили в Киев, где он и был предательски убит, «реша варязи Володимеру: «Се градъ нашъ; мы прияхомъ и, да хотимъ имати окупъ на них, по 2 гривне от человека». И рече им Володимеръ: «Пождете, даже вы куны сберутъ, за месяц».

²⁰¹ Меликова С. Критические заметки к речам Горгия и их фрагментам. — ЖМНП, 1914, № 10, с. 444, прим. 1 (о переговорах между героями Троянской войны посредством надписей на стрелах и копьях в изображении греческого автора IV в. до н. э.); Костомаров Н. И. Указ. соч., т. XIII, с. 157—158; Krappe A. H. Die Sage von der Tarpeja. — «Rheinisches Museum für Philologie», 1929, Bd. LXXVIII, H. 3, S. 258.

²⁰² Гильфердинг А. Ф. Указ. соч., [изд. 1-е]. СПб., 1873, стб. 216.

²⁰³ Миллер О. Указ. соч., с. 601.

²⁰⁴ Стрела с письмом известна также в украинских легендах о Михалко и Батые (Веселовский А. Н. Южно-русские былины. СПб., 1881, с. 6).

И ждаша за месяц, и не дасть имъ, и реша варязи: «Сольстиль еси нами, да покажи ны путь въ Греки». Он же рече имъ: «Идете». И избра от нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы, глаголя сице царю: «Се идуть к тебе варязи, не мози их держати въ граде, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разнo, а семо не пуцай ни единого».

Этот небольшой рассказ отличается от остального рассматриваемого здесь материала тем, что в нем действительно можно видеть предание варяжское по своему общему характеру и по содержанию, касающемуся отношений между князем и его наемной дружиной и рисующему возникший между ними конфликт. Он производит впечатление небольшой саги или повести, þátttr, сложившейся в варяжской среде и трактующей события с точки зрения интересов этой последней. На древнескандинавском языке она могла бы носить заглавие «Egá því hversu Valdimarr konungr sveik Væringja málagjöldum» («О том, как Вальдимар конунг обманул варягов [и не дал им жалованья]») и с успехом войти в состав какой-нибудь более обширной саги как особая глава-эпизод. Сам Владимир обрисован здесь не особенно лестно: он скуповат, уклоняется от выдачи своим наемникам должного вознаграждения; использовав их помощь, он хочет отделаться от них и сбить их с рук куда-нибудь подальше.

В этом рассказе есть некоторые черты, сближающие его с тем, что мы знаем об отношениях между русскими князьями и их варяжскими наемниками из саги об Эймунде, где одним из главных действующих лиц является сын Владимира, Ярослав. Согласно той характеристике, которую эта сага дает Ярославу, он также не отличается щедростью и всячески оттягивает уплату жалованья своей заморской дружине. «Пождете, даже вы куны сберуть, за месяц» напоминает месячный срок уплаты жалованья норманнам, назначаемый в саге об Эймунде. Сопоставляя эти сообщения, я отнюдь не предполагаю какой-нибудь прямой зависимости рассматриваемого здесь летописного эпизода от того предания, которое дошло до нас в саге об Эймунде, или наоборот. В области отношений между русскими князьями и их скандинавскими наемниками конфликты из-за «кун», полагающихся этим последним, были, несомненно, бытовым явлением, в одинаковой мере возможным и при Владимире, и при Ярославе.

Весьма вероятно, что хитрая политика Владимира в отношении отправленных им в Византию варягов, от которых ему хотелось избавиться, является создавшейся в варяжской среде мотивировкой неблестящего положения, в котором оказались в данном случае варяги, пришедшие в Византию. По мнению В. Г. Васильевского, особый варяжский военный корпус был организован в Византии лишь после 980 г.²⁰⁵ Следовательно, и почетная роль варя-

²⁰⁵ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 176 и сл., 183, 196 и сл.

гов как военной охраны при императоре должна относиться к несколько более позднему времени; впрочем, как указывает тот же автор, и после того бывали случаи неблагосклонного приема вооруженной толпы, приходившей в Византию из Киева²⁰⁶. Наша маленькая сага, таким образом, взваливает, может быть, на Владимира, не поладившего с варягами, вину за то, что они, уйдя от него в Византию, попали там в невыгодное положение и были «расточены разном» вместо того, чтобы сохранить свою сплоченную дружинную организацию, в составе которой вернее можно было рассчитывать на успешные действия и богатую добычу.

Васильевский говорит о варягах 980 г. как о первых, пришедших в Византию²⁰⁷. Между тем есть полное основание полагать, что они попадали туда и раньше. Греко-русский договор 911 г. предусматривает возможность поступления русских на военную службу в Византию²⁰⁸. Посылка военной силы из Киева в Византию является одним из условий договора 944 г.²⁰⁹ Под 955 г. упоминаются «вои въ помощь», обещанные византийскому императору княгиней Ольгой²¹⁰. Военная помощь императору со стороны Киева практиковалась, таким образом, еще до того времени (988 г.), когда у византийских и других авторов появляются те сведения о ней, на которые указывает Васильевский²¹¹. В составе всех этих дружин и отрядов, о которых говорит летопись под 912, 945 и 955 гг., несомненно, были и варяги. Поэтому варягов 980 г. нет надобности считать своего рода первыми ласточками, залетевшими в Византию с севера, и относить за счет этого обстоятельства ту постигшую их неудачу, которую можно предполагать на основании летописного рассказа 980 г.

Совет Владимира императору, по словам Васильевского, — «живая летописная (эпическая) форма для передачи факта, совершившегося в действительности»²¹². Что весь этот эпизод восходит к устному преданию, представляется как нельзя более вероятным, но если рассматривать его с точки зрения стиля и трактовки (насколько можно все это восстановить по летописному рассказу), то эпического в нем, пожалуй, окажется очень мало: он скорее близок к более реальному, более повседневному и деловому изложению событий, наблюдаемому зачастую в северной саге и придающему ей большую ценность как историческому источнику. Рассматриваемый здесь эпизод можно принимать как сохра-

²⁰⁶ Там же, с. 183, 206—207.

²⁰⁷ Там же, с. 181.

²⁰⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л. 1926, стб. 36.

²⁰⁹ Там же, стб. 52.

²¹⁰ Там же, стб. 63. Об этом обещании ни в предыдущем, ни в последующем тексте Повести временных лет больше ничего не говорится. Шахматов возводит это место к Начальному своду, в который оно могло быть вставлено из особой легенды о крещении Ольги (*Шахматов А. А. Разыскания*, с. 113.)

²¹¹ *Васильевский В. Г.* Указ. соч., . 196 и сл.

²¹² Там же, с. 183.

нившийся в древнерусском тексте фрагмент того устного повествовательного творчества, который на скандинавском Севере достиг пышного литературного расцвета в исландских сагах.

Возможно, что в летопись не вошел конец этой маленькой исторической повести, из которого было видно, какова была дальнейшая судьба варягов, ушедших от Владимира в Византию; но это могло и не особенно интересовать летописца, а потому конец рассказа и не был включен им в его изложение. «Удивительно, — замечает Васильевский, — что в Византийской хронике нет никаких следов (пришедших в 980 г. из Киева варягов. — *Е. Р.*), несмотря на очень подробную повесть о военных действиях 980-го и следующих годов»²¹³. Но этим, по-видимому, и подтверждается, что пришедшие из Киева варяги в Византии были, так сказать, распылены (если и не по совету Владимира, то по собственным соображениям византийских властей) и при таких условиях ничем особенным себя не проявили.

Иначе смотрит на это место летописи Шахматов. По его мнению, это — первый рассказ в Древнейшем своде, который трудно возвести к народному преданию или к старшему письменному памятнику²¹⁴. На широко распространенное народное предание он действительно не похож. Но Шахматов идет дальше и считает его вставленным произвольно рукою летописца. Дело в том, что из него не ясно, что именно натворили варяги в Киеве, против чего предостерегает императора Владимир? На основании некоторых известий о разорении и пожаре Киева Шахматов полагает, что в 1017 г. варяги, которые помогли Ярославу победить Святополка, бесчинствовали в Киеве, как и в Новгороде двумя годами раньше (Новгородская I летопись под 1015 г.). Это могло побудить Ярослава сбывать их в Византию с должным предупреждением императору. Эти-то события и были, по мнению Шахматова, перенесены литературным путем в повествование о времени Владимира и приурочены к 980 г. Между событиями после смерти Святослава и после смерти Владимира (борьба между князьями-братьями) Шахматов видит известное сходство, которое и отразилось в рассказе летописца, перенесшего события и обстоятельства, более близкие к нему хронологически, на время более отдаленное²¹⁵.

Сходство, параллелизм, отмеченный Шахматовым для событий, о которых он говорит, отрицать нельзя; нам еще придется в дальнейшем коснуться по другому поводу соответствующих замечаний этого автора. Но его доводы в пользу произвольного отнесения летописцем ко времени Владимира эпизода с варягами, имевшего место при Ярославе, далеко не убедительны.

Шахматов ссылается на два источника²¹⁶. Это, во-первых, хроника Титмара Мерзебургского, в которой говорится о разоре-

²¹³ Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 183, прим. 2.

²¹⁴ Шахматов А. А. Разыскания, с. 480—482.

²¹⁵ Там же, с. 480—483.

²¹⁶ Там же, с. 483.

нии и пожаре Киева в 1017 г. Шахматов полагает, что это и было следствием бесчинства варягов в городе, завоеванном Ярославом. Но у Титмара в повествовании о русских событиях 1018 г. (кн. VIII, гл. 32) есть только указание на пожар «монастыря святой Софии» в предыдущем, т. е. в 1017 г., происшедший от случайной причины. Далее Титмар сообщает, что Киев подвергался нападениям печенегов (союзников Болеслава и Святополка) и сильно страдал от пожаров, но это относится к 1018 г., когда Киев был захвачен Святополком и Болеславом (см. Повесть временных лет под 1018 г.).

Во-вторых, Шахматов указывает на текст Повести временных лет по Лаврентьевскому списку под 1017 г.: «Ярославъ иде в Киевъ, и погоре церкви». Как протекало занятие Ярославом Киева, покинутого Святополком, который бежал «в Ляхы», мы не знаем. Вооруженные столкновения, грабежи и пожары тут возможны; у Святополка в Киеве были сторонники. Но вступление Ярослава в Киев летопись относит к 1016 г., а под 1017 г. лишь отмечает пожар, — по хронике Титмара, происшедший, как мы уже знаем, от какой-то случайной причины. Ни о каком разорении Киева в 1017 г. ни летопись, ни Титмар не говорят. Таким образом, нет оснований приписывать все это Ярославовым варягам.

Что касается отношений Ярослава с его варяжскими наемниками в это время, то едва ли он стал бы отсылать их от себя в Византию, когда борьба со Святополком еще не была закончена. Новгородские события 1015 г. были лишь инцидентом, правда довольно крупным, но по ликвидации его опять-таки были наняты варяги. Под 1018 г. они снова упоминаются в летописи в составе военной силы Ярослава и, очевидно, были членами той дружины, с которой он, окончательно справившись со Святополком, «утерь пота.... показавъ победу и трудъ великъ» (Повесть временных лет, 1019 г.).

Нельзя не согласиться с Шахматовым в том, что эпизод с варягами под 980 г. похож на вставку или, по крайней мере, является отклонением в сторону от основного повествования летописца. Но наблюдающаяся в нем недосказанность еще не свидетельствует об искусственном построении рассказа, а лишь о неполноте передачи его в Повести временных лет. Установить причину этого явления довольно трудно²¹⁷, а главное, остается неясным, зачем

²¹⁷ Сравним, например, отмеченное Шахматовым очень краткое изложение под тем же 980 г. предания о верном стороннике Ярополка Варяжке (Шахматов А. А. Разыскания, с. 484). Само предание, несомненно, говорило о нем и о его дальнейших отношениях к Владимиру гораздо подробнее. За краткими известиями летописца кроется, вероятно, целая особая сага, не дошедшая до нас в своем полном объеме. Употребляю здесь термин «сага» в его общем смысле как применимый не только к скандинавским, но и к древнерусским преданиям. Личное имя «Варяжко», кстати сказать, еще не доказывает скандинавского происхождения его носителя. В действиях этого лица против Владимира никакой варяжской ориентации мы, во всяком случае, не видим: он обращается не к заморским дружинникам, «вабя я на Володимера», как сказала бы летопись, а к степнякам-печенегам.

летописцу вообще понадобилось переставлять события так, как полагает Шахматов. Эта неясность — одно из оснований для того, чтобы рассматривать эпизод 980 г. как отражение каких-то подлинных событий, подробности которых так и остаются нам не известными.

Относительно любезного предупреждения, сделанного Владимиром византийскому императору, конечно, не может не возникнуть вопроса, правдоподобно ли оно для 980 г. с точки зрения русско-византийских отношений? Но этот вопрос, на который скорее можно ответить отрицательно, отпадает, если принимать обращение Владимира к императору не как отражение исторического факта, а как то объяснение неудачи, постигшей варягов 980 г. в Византии, которое давало устное варяжское предание. Если это так, то можно думать, что предание сложилось окончательно несколько позднее того времени, к которому оно приурочено в летописи, — в самом конце X в. или в XI в., когда у киевских князей уже установились прочные (если и не всегда одинаково благополучные) отношения с Византией.

О том, что произошло у Владимира с варягами в 980 г., можно лишь догадываться. Вероятно, им надоело ждать обещанных «кун», как и Эймунду с его товарищами, после того как они помогли Ярославу справиться со Святополком, и они пустились добывать обещанное путем самоуправства, грабежа и т. п., на что, по саге, уже не покушались норманны Эймунда, нашедшие иной ближайший выход — покинуть Ярослава и уйти к другому русскому же князю (Вартилафу-Брячиславу). Бесчинства Владимировых варягов в Киеве, на которые намекает летопись под 980 г. («оли то створять ти зло, яко и сде»), конечно, не могли не вызвать недовольства населения (как и во времена Ярослава в Новгороде, в 1015 г.) и не побудить киевского князя принять какие-то меры. Вспомним по этому поводу ту характеристику взаимоотношений между князем и наемной дружиной, которую дает К. Маркс, когда говорит о том, что князьям случалось отправлять куда-нибудь в поход своих буйных и ненасытных собратьев по оружию только для того, чтобы от них отделаться ²¹⁸.

Х

Под 992 г. Повесть временных лет излагает предание о войне с печенегами, представителя которых побеждает в поединке русский юноша. Дело происходит на Трубеже, «где ныне Переяславль» — город, как известно, уже существовавший до времени Владимира и упоминаемый летописью под 907 и 945 гг. Этот эпизод, внесенный в летопись, по мнению Шахматова, составителем Повести временных лет ²¹⁹, можно, как мы видим, лишь условно называть «переяславским»; искусственна и этимология названия го-

²¹⁸ См.: *Маркс К.* *Op. cit.*, p. 76.

²¹⁹ *Шахматов А. А.* Разыскания, . 485.

рода, которую летописец связывает с именем своего героя: «зане перея славу отроко тѣ» (по Радзивилловскому и Московскому Академическому спискам: «зане Переяславъ отроку тому имя»).

Не буду излагать содержания этого общеизвестного эпизода. Параллелей к нему мы находим очень много, начиная с той весьма близкой, которая известна из Библии, — поединок Давида с Голиафом. Близость эта, во всяком случае, не объясняется книжным заимствованием и сознательной стилизацией летописцем, который в таком случае не преминул бы сравнить своего героя с Давидом и стал бы распространяться на эту тему. Переяславская легенда слишком свежа и непосредственна для того, чтобы заподозрить ее в книжном происхождении.

Безымянный в Повести временных лет победитель печенежского богатыря (вариант Радзивилловского и Московского Академического списков нельзя, конечно, принимать как свидетельство об его имени) в Никоновском своде под 1001 и 1004 гг. и в Степенной книге называется Ян Усмошвец²²⁰. Фольклорными отголосками переяславской легенды являются украинская сказка о Кирилле Кожемяке²²¹ и тамбовская — о Никите с тем же прозвищем²²², а в особенности украинское сказание о борьбе с турками: царь дважды вызывает охотника побороться с турецким богатырем, на третий вызов является малорослый и тщедушный паренек, турецкий богатырь смеется над противником, однако оказывается побежденным, правда — не силой, а хитростью²²³.

Эпический мотив единоборства с вызовом охотника, испытанием его силы и победой его над врагом-богатырем широко распространен у очень многих народов. Так, с одной стороны, весьма сходные мотивы встречаются в старофранцузских *Chansons de gestes*²²⁴, а с другой — в монгольских и бурятских эпических сказаниях²²⁵.

Вернемся к основной теме настоящей работы. Причем же в переяславской легенде варяги? В летописи под 992 г. о них не говорится ни слова, но вопрос этот вызван тем, что переяславский эпизод исследователи неоднократно сопоставляли с некоторыми скандинавскими сказаниями, дошедшими до нас в сагах.

Это, во-первых, повесть о Торстейне Бычьего Нога, *Þorsteinn uxafotz*, вставленная в позднюю (распространенную) редакцию саги о конунге Олаве, сыне Трюггви²²⁶. Здесь мы находим мотив

²²⁰ ПСРЛ, т. IX, с. 68; т. XXI, ч. 1, с. 125, 126.

²²¹ Костюмаров Н. И. Указ. соч., т. XIII, с. 164—165.

²²² Худяков И. Народные исторические сказки. — ЖМНП, 1864, № 3, с. 57—58.

²²³ Халанский М. Г. Южно-славянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса, I. Варшава, 1893, с. 221—223.

²²⁴ Указанием на них я обязана В. Ф. Шишмареву.

²²⁵ Schmidt I. J. Geschichte der Ost-mongolen und ihres Fürstenhauses. SPb. und Leipzig, 1829, S. 155. Решающий поединок известен в бурятских преданиях о войнах с тунгусами (эвенками).

²²⁶ Flät., I, 249—263.

испытания силы героя на быке, с той разницей, что норвежский юноша отрывает быку ноги (отсюда его прозвище «Бычья Нога»), а русский вырывает у него кусок мяса. Этим сходство и ограничивается, во всем остальном сюжет и обстановка повести о Торстейне ничего общего с переяславской легендой не имеет, и ее никак нельзя считать «скандинавской переделкой» этой последней, как полагал С. А. Геденов²²⁷. Испытание силы на быке, может быть, действительно является каким-то фрагментарным отголоском древнерусского сказания, но и только.

Во-вторых, русский эпизод в саге о Бьёрне, составленной в конце XII или начале XIII в. С ним дело обстоит сложнее. Исландец Бьёрн был на Руси (по хронологии саги — в 1008—1010 гг.) у конунга Вальдимара, т. е. князя Владимира, который подвергся в это время нападению со стороны могучего богатыря Кальдимара, своего близкого родича, *náfrændi*. Считалось, что оба имеют одинаковое право на княжество, не доставшееся Кальдимару лишь на том основании, что он был моложе своего соперника.

Ему оставалось пуститься в походы и грабежи, чтобы добыть себе славу. Он идет войной на Вальдимара и вызывает на поединок кого-нибудь из его дружинников, чтобы таким путем решить спор из-за владений, на которые претендует. На нападение с его стороны Вальдимар реагирует посылкой к нему людей с предложением мира и с приглашением прийти и взять половину княжества. Но Кальдимар хочет владеть им безраздельно и предоставляет сопернику на выбор — идти друг на друга всей ратью или устроить поединок. Дружина советует Вальдимару собрать войско и биться с Кальдимаром. Вальдимар движется навстречу противнику, а затем уже сам предлагает поединок и вызывает охотника среди своих. Никто из его дружинников не решается выступить. На бой с Кальдимаром вызывается Бьёрн и убивает его²²⁸.

Р. Бур видит в этом столкновении между двумя русскими князьями отражение летописного известия под 980 г. о борьбе Ярополка с Владимиром²²⁹. Ф. А. Браун²³⁰ и Х. де Боор²³¹ сомневаются в предложенной Буром исторической идентификации этого эпизода, так как в летописи под 980 г. никакого поединка нет. Браун считает вероятным влияние на сагу переяславского эпизода, с которым у нее есть точки соприкосновения, а также предания о единопорстве Мстислава с Редедей (Повесть временных лет под 1022 г.). Все это объединено одним и тем же эпическим мотивом решающего поединка; оба русские сказания в процессе развития саги слились в один эпизод, героем которого стал Бьёрн.

²²⁷ Геденов С. Варяги и Русь. Историческое исследование, ч. II. СПб., 1876, с. LXXV.

²²⁸ Bjarnar s., 9—11.

²²⁹ Ibid., s. XXI—XXII.

²³⁰ Braun F. Op. cit., S. 173.

²³¹ Boor H. de. Das Schwert Mæring.— «Zeitschrift für deutsche Philologie», 1913, Bd. XLV, S. 292—295.

При этом Браун не исключает и влияния сведений о борьбе Владимира с Ярополком, происходившей более чем за 20 лет до пребывания Бьёрна на Руси ²³².

Начнем с поединка Мстислава и Редеди. С переяславской легендой его сближает мотив решающего единоборства, но здесь нет таких характерных подробностей, как поиски героя и испытание его силы. Летописный рассказ 1022 г. вероятнее всего совершенно независим от переяславской легенды, несмотря на общность мотива. Шахматов полагает, что этот рассказ восходит к местному тмутараканскому преданию ²³³, о поединке Мстислава с Редедей, как известно, знает и «Слово о полку Игореве». Что касается русского эпизода в саге о Бьёрне, то в число его возможных русских источников предание о Мстиславе и Редеде, как я полагаю, не входит; их можно искать в другом направлении.

Браун справедливо отмечает отсутствие жизненных деталей в данном месте саги, трактовку поединка Бьёрна с Кальдимаром лишь в общих фразах, искусственность самого имени «Кальдимар», а также не свойственную сагам вообще неопределенность указаний на родственные отношения, выразившуюся в обозначении Кальдимара довольно растяжимым термином *náfrændi*. Все это говорит не в пользу подлинности и первоначальности повествования саги в этом месте. Браун прав и в том, что ищет для него не один, а несколько русских источников и видит в нем отражение нескольких исторических преданий ²³⁴.

В своих поисках я исхожу не столько из мотива поединка, сколько из темы борьбы за власть между двумя близкими родичами (братьями) в русском княжеском роду как из темы основной с исторической точки зрения. Данный эпизод саги представляется мне не прямым и непосредственным отражением какого-нибудь одного исторического события, а результатом совместного влияния на скандинавское предание нескольких засвидетельствованных нашей летописью случаев борьбы за власть между братьями в среде русских князей: Владимир и Ярополк (980 г.), Ярослав и Святополк (1016 г.), Ярослав и Мстислав (1024 г.). С первым случаем эпизод саги о Бьёрне как будто связан через самое имя Владимира, с третьим — слабее всего. Но возьмем второй, отразившийся в саге об Эймунде, основным содержанием которой является участие норманнов в борьбе Ярослава-Ярицлейва со Святополком-Буриславом. Как и в саге о Бьёрне, здесь говорится о правах на княжество соперничающих между собой князей; нападение на Ярицлейва его брата Бурислава — явление того же порядка, как нашествие Кальдимара на Вальдимара. В саге об Эймунде изложение значительно подробнее и конкретнее: названы города, в которых сидели двое указанных русских князей-братьев, и еще третий князь, Вартилав-Брячислав, оказывающийся по

²³² Braun F. Op. cit., S. 172—175.

²³³ Шахматов А. А. Разыскания, с. 424.

²³⁴ Braun F. Op. cit., S. 173, 175.

саге их братом, а не племянником, как это было в действительности, и т. д. Вальдимар в саге о Бьёрне сначала более сговорчив, чем Ярицлейв в саге об Эймунде: он готов отдать Кальдимару половину своих владений. Этот последний своим аппетитом превосходит Бурислава, требующего лишь частичной уступки. Ярицлейв под влиянием советов своего варяжского наемника Эймунда сразу же отказывается идти на какие бы то ни было уступки, которых добивается Бурислав через своих послов. Дружина Вальдимара, как мы уже видели, дает ему советы в таком же духе, и Вальдимар в конце концов выступает против своего соперника. Таким образом, в излагаемой обеими сагами предыстории борьбы между братьями есть некоторые общие черты. Дальнейшее развитие ее идет разными путями: в саге об Эймунде разворачивается картина военных действий с участием самого Эймунда и других варягов, а в саге о Бьёрне дело решается сразу путем поединка, из которого с честью выходит ее герой.

Добавлю еще одну подробность. В. Х. Фохт указывает на Бьёрна-исландца, который мельком упомянут в саге об Эймунде как один из товарищей ее героя; Фохт видит в этом доказательство пребывания нашего Бьёрна на Руси²³⁵. Несмотря на то что действие саги об Эймунде происходит не при Владимире, а при его сыновьях, возможно, что Бьёрн-исландец появился в ней не случайно, и свидетельствует о какой-то контаминации между нею и сагой о Бьёрне.

Как уже было отмечено выше, Шахматов указывает на аналогию между событиями после смерти Святослава и теми, которые произошли после смерти Владимира. Эти одновременные события имели нечто общее между собой. Если в данном случае и нельзя согласиться с доводами Шахматова в пользу предполагаемой им переработки летописного рассказа о событиях более ранних под влиянием сходных с ними более поздних, то сходство между ними могло оказать свое влияние в другой области — в северных устных преданиях о Вальдимаре и Кальдимаре в саге о Бьёрне, о Ярицлейве и Буриславе в саге об Эймунде. Конечно, составитель саги о Бьёрне менее всего был заинтересован в тенденциозной обработке своего русского материала в соответствии с одним из направлений русской историографии; поэтому контаминацию между преданиями о пребывании на Руси Бьёрна при Владимире и Эймунда при Ярославе нет надобности непременно относить за счет литературной обработки: она могла произойти раньше, еще в стадии устной передачи. Все это, конечно, гадательно; до сих пор ни в нашей научной литературе, ни в зарубежной нет ни одного специального исследования о саге об Эймунде, о ее составе, времени возникновения и литературной судьбе до того сравнительно очень позднего времени, к которому относится единствен-

²³⁵ *Vogt W. H. Die Bjarnarsaga hitdœlakappa. Lausavísur, frásagnir, saga.* — «Arkiv för nordisk filologi», 1920, bd. 37, h. 1, s. 38.

ный ее список (конец XIV в.) Среди всех саг, в той или иной мере касающихся Руси, сага об Эймунде представляет особый интерес уже хотя бы потому, что она почти целиком посвящена русским событиям.

А. И. Лященко сделал попытку сопоставить летописные известия с теми, которые содержатся в саге, и в общем довольно верно определил ее значение как источника, в котором русский историк может найти некоторые интересные данные²³⁶. Конечно, она требует критического отношения к себе, но в области Rossica северных саг она, пожалуй, самое ценное из всего, что дают эти памятники²³⁷.

Воздействие переяславского предания на рассказ саги о поединке Бьёрна представляется вполне возможным; это предание, во всяком случае, ближе к саге, чем единоборство Мстислава с Редедей. Составитель ее тем более охотно мог использовать местный русский вариант широко распространенного эпического мотива решающего единоборства, раз у него, по-видимому, не было точных и конкретных сведений относительно того эпизода борьбы между русскими князьями, который он здесь излагает. Участие варягов в этой борьбе вылилось в саге в форму эпического подвига ее героя. А их участие во всех трех приведенных здесь случаях распрей из-за власти между русскими князьями-братьями (980, 1016 и 1024 гг.) засвидетельствовано летописью. Будучи активными участниками таких конфликтов, варяги, конечно, хорошо знали все, что касалось этих событий (их изложение в сагах — вопрос другой), и в особенности то, что затрагивало их собственные интересы. Но сам факт участия их в подобных событиях, конечно, еще далеко не значит, что сведения обо всем происшедшем должны были попасть в летопись непременно через них же. Ведь если рассуждать так, то и повествование летописи под 1015 г. о смерти Бориса придется, пожалуй, возводить к варяжскому преданию на том основании, что Святополк послал двух варягов прикончить Бориса!

Таким образом, с исторической точки зрения центр тяжести в русском эпизоде саги о Бьёрне не столько в мотиве решающего поединка, сколько в отражении в саге (отражении, правда, довольно сбивчивом и неопределенном) русских исторических со-

²³⁶ Лященко А. И. «Eymundar Saga» и русские летописи. — ИАН, VI серия, Л., 1926, т. XX, № 12, с. 1061—1086.

²³⁷ Сага об Эймунде надежнее, чем, например, известия свода саг *Morkinskinna* о том, что сын изгнанного из Норвегии конунга Олава Святого (1015—1030 гг.) вернул себе власть в своей стране при помощи Ярослава Мудрого, у которого Олав и его сын нашли себе приют. Б. Д. Греков в своей книге «Киевская Русь» (М.— Л., 1939, с. 260) ссылается на участие Ярослава в норвежских делах сына Олава как на один из исторических фактов, относящихся к обширным иноземным связям Ярослава. Между тем исследователями саг давно установлено, что именно вмешательство Ярослава — вымысел составителя *Morkinskinna*. Обстоятельство, что такая роль была приписана русскому князю, конечно, далеко не лишено интереса и значения, но это все-таки не исторический факт.

бытий и междукняжеских отношений X—XI вв. причем, несмотря на хронологическое расхождение, здесь намечается некоторая близость к саге об Эймунде. В этом и заключается историческая основа данного эпизода саги о Бьёрне. Для составителя саги и для ее слушателей и читателей интерес сосредоточивался, конечно, на эффектном подвиге Бьёрна, одолевшего могучего Кальдимара.

В дополнение ко всему сказанному об этом месте саги отмечу еще одну деталь, сближающую его с русскими былинами. Колебания дружинников Кальдимара перед перспективой опасного единоборства очень напоминают те сцены в былинах, где воины Владимира в подобных же случаях «друг за друга хоронятся» или «тулятся». Но это — довольно распространенная эпическая черта: по замечанию О. Ф. Миллера, нередко «тулятся» при таких обстоятельствах и бароны Карла Великого ²³⁸.

Переяславская легенда выделяется среди большинства летописных преданий по своему социальному колориту. Как указывает В. Ф. Миллер, она не льстила княжеской дружине и возвеличивала, в противоположность ей, подвиг представителя киевской демократии. Этот автор полагает, что она вошла в летопись в XI в. как «старина» Владимирова цикла ²³⁹. Несомненно, что она является одним из ярких примеров проникновения живого народного творчества в летопись. Интересно было бы выяснить, какие причины побудили летописца начала XII в. включить в свое повествование этот демократический и антидружинный по своему характеру образец устного народного предания.

В нашей современной научной литературе М. Д. Приселков рассматривает эту летописную легенду как вставку, сделанную в первой редакции Повести временных лет ее составителем Нестором. Как и рассказ об осаде Белгорода печенегами под 997 г., переяславская легенда является в труде Нестора откликом на современность, косвенным указанием на замкнутость киевской правящей среды, уже оторвавшейся в это время от населения. Этому противопоставляется такой случай внешней опасности, когда спасительный выход из трудного положения находят не князья со своими боярами и дружинниками, а представители городской демократии ²⁴⁰. Вспомним при этом, что в рассказе об осаде Киева печенегами во времена Святослава (Повесть временных лет, 968 г.) юноша, выручивший осажденный город, — тоже, по-видимому, не боярский сынок, а выходец из народной массы.

Что касается отнесения в летописи переяславского эпизода ко времени Владимира, то можно поставить вопрос — принадлежит ли оно летописцу или самому устному преданию, где уже сложился, как полагает В. Ф. Миллер, цикл, связанный с именем Владимира? Вернемся еще раз к саге о Бьёрне. Истори-

²³⁸ Миллер О. Указ. соч., с. 380, 473; Gautier L. Les épopées françaises, t. II. Paris, 1867, p. 123.

²³⁹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, т. III, с. 22—23.

²⁴⁰ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 40—41.

ческую линию отражения в ней русских событий и преданий я уже пыталась проследить выше; здесь я коснусь лишь эпического элемента в ней. Весьма вероятно, что именно переяславской легендой навеян решающий поединок Бьёрна, дружинника Владимира, с врагом этого князя, изображенным могучим богатырем подобно тому печенегу, которого, по летописи, одолел русский юноша. Но это наводит на мысль, что скандинавы, бывавшие на Руси, познакомились с переяславской легендой, отнесенной ко времени Владимира; взяли они ее в таком виде, конечно, из какого-то устного источника, а не вычитали из летописи, составленной в начале XII в. Не случайно, по-видимому, она была использована в саге о Бьёрне, который во время своего пребывания на Руси (а это обстоятельство не внушает подозрений в смысле своей историчности) был связан именно с Владимиром.

Как уже было указано выше, у переяславской легенды и у русского эпизода саги о Бьёрне имеется обширная родня с разной степенью родства и близости, раскинутая чуть ли не по всему евразийскому миру. На скандинавском Севере тема решающего поединка между представителями двух враждебных ратей очень часто встречается у Саксона Грамматика²⁴¹. В одном случае она осложнена соперничеством из-за невесты, но остальное повествование примыкает к рассматриваемому нами сюжету. Поединок происходит на глазах враждебных друг другу войск; по условию, побежденный должен стать данником победителя. Следовательно, решается вопрос не только о невесте (может быть, позднее добавление к основному составу предания), но и о политическом господстве. В остальных трех случаях обстановка очень сходна с нашей летописной легендой и ее ближайшей «родней»: нападающая сторона в лице своего богатыря предлагает решающий поединок, что вызывает смятение и колебание среди тех, к кому обращен вызов; наконец, выходит смельчак — юноша, слывший до тех пор дурачком, или человек, уже достигший глубокой старости; противник насмехается над ним; отмерено место для поединка (вспомним наше летописное «размеривше межи обема полкома»), а в результате могучий враг побежден и посрамлен.

Если в русском эпизоде саги о Бьёрне можно предполагать отражение переяславской легенды, то рассказы Саксона нет основания связывать с ней же, несмотря на их несомненную принадлежность к одному и тому же эпическому «семейству». Разве что в отношении единоборства престарелого датского богатыря Старкада может возникнуть вопрос о влиянии сходного русского предания. В преданиях о Старкаде в общем действительно «Русью пахнет», а если не самой Русью, то близкой к ней Прибалтикой. Контаминация здесь возможна, но далеко не обязательна: как мы видим, у Саксона есть целая группа аналогичных эпизодов, которые

²⁴¹ Saxonis Grammatici Gesta Danorum, S. 12, 83 ff., 106 ff., 113 ff., 187 ff., 281.

нет никакого основания относить за счет русско-скандинавских связей.

Если пытаться возводить всех многочисленных героев решающего поединка к какому-то общему предку, то от такого построения при первом же прикосновении критики не останется камня на камне. Дело тут не в общей исходной точке сюжета и не в определенной народности, являющейся его носительницей, как любят утверждать в таких случаях буржуазные ученые, а в определенной стадии развития эпического творчества, происходившего на конкретной основе жизни и развития общества. Можно думать, что первоначально герой выделяется из общей массы рода или племени не как отдельное лицо, совершающее те или иные подвиги в индивидуальном порядке ради личных интересов, а как член и представитель коллектива, который он и выручает в критический момент, пользуясь своей богатырской силой. Его индивидуальное по форме выступление связывает его по содержанию с коллективом. К такой основной концепции и восходят сказания о библейском Давиде и о всех прочих указанных здесь разноплеменных, разноязычных и разновременных героях решающего поединка. В зависимости от общественных условий той или иной эпохи эти герои выступают в обстановке того или иного общественного строя, определяющего собой в каждом отдельном случае развитие сюжета, взаимоотношения действующих лиц и т. д.

XI

«Еще одно, последнее сказание», которого мы коснемся в настоящей работе, читается в Повести временных лет под 997 г. Белгород осажден печенегами; это происходит в отсутствие князя Владимира, находящегося в Новгородской земле. В осажденном городе начинается голод; собирается вече и решает сдать город, но тут один старик, который не был на вече, обращается к городским старейшинам с предложением своего плана спасения города. По его совету, из остатков припасов, имеющихся у белгородцев, приготавливают кисель и мед и наливают в кадки, которые вставляют в специально выкопанные для этого колодцы. Затем приглашают печенегов и показывают им, что имеют «кормлю от земле»; следовательно, взять город измором — безнадежное дело. Печенеги поверили и сняли осаду...

На скандинавском Севере в конце XVII в. или начале XVIII в. записано в Исландии предание о Барди, сыне Гудмунда, который, будучи во вражде с боргфирдингами (т. е. людьми из Боргафьорда в Западной Исландии), подвергся осаде в устроенном им укрепленном месте; остатки этого городища сохранились поныне. Осада длилась несколько недель; враги рассчитывали взять Барди голодом. Но он перехитрил их и кинул им последнее, что у него оставалось из съестных припасов (колбасу с салом), чтобы показать, какое у него изобилие. Они поверили этой колбасе, как печенеги —

белгородскому угощению, и сняли осаду. Предание это, по-видимому, было популярно в Исландии: оно оставило след в одной старинной исландской пословице, намекающей на него; смысл ее — «прибегнуть к последнему отчаянному средству».

Барди, сын Гудмунда, — один из героев *Heiðarvíga saga*, действие которой происходит в конце X в. и начале XI в. Это — одна из старейших исландских саг; составлена она, как полагают, еще в XII в., но дошла до нас в неполных или же очень поздних списках. Предания о хитрости Барди в ней нет, но, судя по ходу повествования, возможно, как и полагают некоторые ученые, занимавшиеся ею, что это предание содержалось в одном давно уже утраченном листе стокгольмского списка саги, написанного почерком XIII—XV вв.²⁴²

Конечно, исландский вариант, как и другие, мог возникнуть помимо всякого заимствования с Руси или откуда бы то ни было. Но после того как в отношении целого ряда русско-скандинавских параллелей у нас, оказывается, есть основание говорить о возможном влиянии с Руси, вопрос о нем возникает и в этом случае. По саге, Барди вскоре после событий, к которым относится, вероятно, и нападение боргфирдингов на его городище, ушел за море (по хронологии, восстанавливаемой для саги, — после 1018 г.), сначала в Норвегию, а потом на Русь²⁴³, где служил в течение трех лет среди варягов. По словам саги, он пользовался там почетом и уважением; у него была своя большая дружина, с которой он и участвовал в походах конунга, очевидно Ярослава Мудрого; в одном из этих походов Барди погиб. Трудно сказать, какой именно из походов Ярослава имеет в виду сага; ее известия о пребывании Барди на Руси вообще довольно неопределенны. Ясно только, что дело происходит где-то на реке: дружина находится на судах (*galeið*, древнерусская «галея»). По хронологии саги, это могла быть Лиственская битва 1024 г. между Ярославом и Мстиславом, но ни о какой реке летопись под 1024 г. не говорит; правда, селение Листвен, отождествляемое Н. П. Барсовым с местом битвы 1024 г.²⁴⁴, расположено на водном пути, на одном из притоков Снови. Указание саги на жестокую битву, в которой рать конунга понесла тяжелые потери, как будто напоминает летописный рассказ о поражении Ярослава в борьбе с Мстиславом. Барди был, может быть, в числе трех «варяг Ярославлих», на трупы которых после боя не без удовольствия поглядывал победитель Мстислав, радуясь, что «дружина своя цела».

Итак, Барди, один из сравнительно немногих исландцев, бывших на Руси, на родину не вернулся. Прямых указаний на то, чтобы его сопровождали на Русь какие-нибудь земляки, впоследст-

²⁴² Heið. s., s. XI—XV.

²⁴³ Этот русский эпизод саги отмечен у В. Г. Васильевского (*Васильевский В. Г. Указ. соч.*, с. 189—190).

²⁴⁴ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи, изд. 2. Варшава, 1885, с. 172.

вии вернувшиеся в Исландию, у нас нет, но эта возможность, конечно, не исключена. Если у него действительно была своя дружина, то в составе ее могли быть и норвежцы, а Норвегия имела постоянное общение с Исландией. Следовательно, мы можем предполагать соединение с именем Барди сюжета русского предания, с которым его соратники и приятели могли познакомиться на Руси. Будучи занесено через них в Исландию, оно переоформилось там согласно местным условиям и событиям...

XII

Вопрос о варяжских сказаниях как об одном из устных источников нашей древнейшей летописи стоит в теснейшей связи с норманской проблемой вообще. В этой области он является одним из научно-исследовательских участков, а выводы, которые можно сделать относительно имеющегося у нас материала, должны послужить для разработки и решения этой основной проблемы.

Мы здесь имеем дело не только с летописными и разными иными легендами, но и с теми, которые, начиная с XVIII в., создавались последователями норманской школы — историками, а позднее и археологами. Таков старый тезис о норманском завоевании Руси в том смысле, в каком принимают его последователи этой школы, и об основании норманнами русского государства, о их обширных колониях на территории нашей страны, которые, особенно за последнее время, расцвели на бумаге под пером зарубежных ученых, занимающихся их насаждением. Наша современная научная литература дала ряд работ, в которых мы находим критическую оценку указанных мною «легенд» и установившуюся концепцию варяжского вопроса. Во всех почти работах, так или иначе касающихся древнескандинавского материала, мы встречаем фактические ошибки всякого рода, некритический подход к соответствующим первоисточникам и т. д., причем, если дело касается скандинавско-русских отношений, ошибки эти чаще направлены в сторону преувеличений, подобных тем, какими отличался старый норманизм (очевидно, совершенно вопреки намерениям самих авторов). Но общая постановка норманской проблемы, выработанная у наших историков в связи с их исследованиями в области ранней русской истории, является совершенно правильной, последовательной и убедительной; остается лишь вести дальнейшую работу в этом же направлении ²⁴⁵.

Старый норманизм, односторонний и ограниченный, неизбежно должен был в конце концов исчерпать себя, запутавшись в ла-

²⁴⁵ Соплюсь, например, на основные положения книги Б. Д. Грекова «Феодальные отношения в Киевском государстве» (М.— Л., 1937, с. 13—19), на те выводы, которые можно сделать из статьи С. В. Бахрушина «Держава Рюриковичей» («Вестник древней истории», 1938, № 2, с. 94—98), на статью В. А. Пархоменко «К вопросу о «норманском завоевании» (с. 106—111).

биринте безысходной и безнадежной варяго-русской полемики. Выраженные на его почве историографические «легенды» можно считать окончательно и бесповоротно разрушенными. Одной из них является занесение варягами на Русь целого ряда сказаний, вошедших в нашу летопись, а если и не занесение, то возникновение этих сказаний в варяжской же среде на Руси.

Но есть ли у нас действительно основание рассматривать варяжское предание на Руси как нечто особое, резко характерное по своим чертам, по своей тематике и идеологии и как один из возможных устных источников нашей летописи? Как мы видим из попытки анализа этого литературного материала, предпринятой в данной работе, в громадном большинстве случаев оказывается, что собственно варяжский элемент очень трудно уловить и определить, как таковой, а следовательно, и отделить от местного. И это не зависит от преднамеренного замалчивания первого со стороны летописца. Наоборот, в изложении событий IX—X вв. летописец скорее непомерно выдвигает варягов — взять хотя бы основание ими русского государства и отождествление их с Русью, подхваченное норманистами и напустившее благодаря им такой туман, что понадобилось около 200 лет, чтобы его наконец развеять. Отношение летописцев к варягам — вопрос довольно сложный, которого я здесь не буду касаться в его полном объеме. Во всяком случае, перед нами два течения: с одной стороны, все то, что дало повод Шахматову отозваться о летописце как о первом русском норманисте, а с другой — тенденция выдвигать в области отношений с соседними странами на первый план русско-византийские связи и затушевывать то, что связывало Древнюю Русь с Западной Европой, включая сюда и скандинавский Север, — много ли, например, мы знаем из летописи о многочисленных иностранных (в том числе и скандинавских) браках русских князей! Но результаты, к которым приводит настоящее исследование, не указывают на то, что летопись преднамеренно замалчивала какие-то данные, говорящие в пользу варяжского происхождения рассматриваемых здесь преданий. Оно приписывалось этим преданиям теми учеными, которые хотели установить его во что бы то ни стало, не считаясь с конкретными историческими условиями, в которых слагалось и распространялось устное предание до его письменного оформления в летописи, т. е. не считаясь с условиями развития древнерусского общества и с теми разнообразными культурными связями восточных славян с Византией и с Востоком, начала которым варяги, во всяком случае, не положили. В. А. Пархоменко справедливо указывал на то богатое окружение, какое было у восточных славян, — Византия, хазары, болгары, угры, печенеги и т. д. как на основание для скептического отношения к гипотезе норманского завоевания и господства в Древней Руси ²⁴⁶.

---

²⁴⁶ Пархоменко В. К. вопросу о «норманском завоевании», с. 107.

Это относится к любой области древнерусской культуры, включая и литературу.

Характер варяго-русских культурных связей определяется в общем следующим. Во-первых, обе стороны находились приблизительно на одной стадии общественного и культурного развития, свойственной высшей ступени варварства, разложению родового строя и становлению феодализма. Во-вторых, приходившие на Русь скандинавы, осваивая те пути на юг и на восток, которые открывались им на ее территории, встречались с новой для них богатой культурной средой, не знакомой им ни у себя на родине, ни в Прибалтике, которую они знали несколько раньше, чем Русь, ни в северо-западной области нашей страны (Новгород, Смоленск, Полоцк): волжский путь вел их на юго-восток, к волжским болгарам, и т. д., а через днепровский путь они попадали на такую стародавнюю культурную почву, как южная поднепровская Русь и Причерноморье, где в течение долгих веков скрещивалось так много разнообразных влияний и связей и развивалось в условиях взаимного воздействия так много культурных и этнических образований. В новое окружение скандинавский этнический элемент, как и всякий другой, конечно, вносил и нечто свое, но в еще большей мере изменялся сам под его воздействием. Говоря о южной Руси, следует отметить, что именно здесь приток варягов прекратился раньше и варяжский элемент свелся на нет быстрее, чем, например, в Новгородской земле. Как бы ни были фрагментарны и недостаточны сведения северных саг о Древней Руси, не случайным пробелом является то, что Киев, этот блестящий центр культурной и политической жизни, отразился в них так бледно и так скудно. Не случайно и то, что гордость древнерусской литературы, «Слово о полку Игореве», с любовью вспоминаящее героическую старину, ничего не говорит о варягах; в представлении автора «Слова» они, очевидно, давным-давно слились с остальной княжеской дружиной, и для того, чтобы поминать их особо, не было никакой причины. Если бы у южной Руси было в это время оживленное общение со скандинавскими странами, то автор «Слова», вероятно, не преминул бы назвать, скажем, свеев, т. е. шведов, среди народов, которые «поют славу Святославлю» по поводу победы этого князя над Кобяком, или, наоборот, отметить какое-нибудь иное отношение их к южнорусским событиям.

Анализируя имеющийся у нас материал, приходится проверять не только предполагаемое скандинавское происхождение целого ряда летописных сказаний, но и обратно — русское происхождение некоторых преданий, дошедших до нас в северных сагах. Как мы уже видели, об этом неоднократно писали и наши, и зарубежные ученые, и во многих случаях это предположение оказывается вполне правдоподобным. Так, например, географическая локализация некоторых преданий, сходных с русскими, у Саксона Грамматика указывает, по-видимому, на бассейн Западной Двины, на Полоцкую землю. Именно эту русскую территорию, связанную

с западнодвинским речным путем, можно предполагать, если пытаться уточнить весьма неопределенные географические указания Саксона. Полоцк был хорошо известен скандинавам; знает его и Саксон. Очень возможно, что именно отсюда тем или иным способом дошли до этого автора те отголоски русских преданий, которые он использовал в своем труде.

Целью настоящего исследования не является, разумеется, замена одного направления литературных заимствований другим, противоположным ему. Устанавливая в целом ряде случаев влияние русских сказаний на скандинавские, мы опровергаем одно из тех несостоятельных положений старой норманской школы, которые можно считать благополучно изжитыми у нас, но которые еще доживают свой век в работах многих западноевропейских ученых. За последние 20 лет некоторыми западноевропейскими исследователями выдвинута идея о возможности культурного влияния не только скандинавов на восточных славян (на чем, как известно, стоит вся старая школа норманистов), но и влияния обратного, с востока на запад и север. Учитывая, со своей стороны, исторические связи и предков восточных славян с древними культурами Причерноморья и Востока, мы не можем не признать, что эта новая концепция, далеко не приемлемая для нас целиком, открывает все-таки более широкие перспективы для изучения литературных сюжетов и мотивов, чем старое норманистское направление, и по сравнению с ним, конечно, представляет собою какой-то шаг вперед. Но для нас более существенной является другая сторона этой проблемы. Та общность сказаний и легенд, которую мы наблюдаем у восточных славян в начальный период нашей истории и у скандинавов эпохи викингов, объясняется не только взаимным культурным общением, она в неменьшей мере обусловлена сходным стадийным развитием. Рассмотренные здесь общие сюжеты имеют, как мы уже видели, множество параллелей и у разных других народов. Как только мы начинаем подбирать этот сравнительный материал, раздаются такие разнообразные «*Stimmen der Völker in Liedern*», что попытка свести все варианты той или иной из рассматриваемых нами тем к одному этническому источнику оказывается совершенно безнадежной.

Заимствование как целых сюжетов, так и отдельных подробностей, конечно, не исключается между любыми племенами и народами, имевшими общение между собой в своем историческом прошлом. Но теорию заимствования следует ограничить и проверять критически в значительной мере строже, чем это часто делается, как мы видим на примере тех скандинавско-русских параллелей, которыми здесь занимаемся. Результаты, к которым приводит изучение нашего материала, показывают, что перевес оказывается на русской стороне как исходной точке, а не на скандинавской. Последователи норманской школы могут, пожалуй, даже согласиться с этим, но одновременно обратиться как к последнему оплоту своей теории в применении ее к литературным взаимоотно-

ношениям к следующему объяснению: если такие-то предания и перешли с Руси на скандинавский Север, то на Руси они были достоянием варяжской среды. Не будем возражать против того, что варяги их знали, что они им были интересны, близки, понятны, но добавим, что при этом осознавались ими как русские. Чем же иначе объяснить то, что ряд русских сюжетов, т. е. совпадающих с нашими летописными или сходных с ними, приурочен в сагах и у Саксона к лицам, которых легенда или историческое предание так или иначе связывает с Русью? После всего, что здесь было изложено как по поводу отдельных преданий, так и в смысле общих исторических и историко-литературных выводов, нет надобности лишней раз доказывать, что тем устным источником, к которому восходят и наши летописные легенды, и русские сюжеты, занесенные на скандинавский Север, является на Руси не варяжская среда как нечто обособленное и самодовлеющее, а местное, восточно-славянское, т. е. русское, народное творчество с его глубокими корнями в местном же прошлом. Это является показательным для русско-скандинавских культурных связей и, как я полагаю, вполне последовательно увязывается с той общей концепцией норманской проблемы в русской истории, к которой теперь приходит наша современная историческая наука, основывающаяся в данной области прежде всего на письменных памятниках и археологическом материале.

[1930-е—1941 гг.]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
- ИАН, ООИ — «Известия Академии наук», Отделение общественных наук.
- ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».
- ИРАИМК — «Известия Российской академии истории материальной культуры».
- КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР».
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ЧОИДР — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете».
- Ágr.— Ágrip of noregs konunga sögum, V. *Dahlerup*. Kbh., 1880.
- Bjarnar s.— Bjarnar saga Hítöðlakappa, R. C. *Boer*. Halle, 1893.
- Bósa s.— Die Bósa-Saga in zwei Fassungen nebst Proben aus den Bósa-Rímur, O. L. *Jiriczek*. Strassburg, 1893.
- Corp. jur. I — Corpus juris sueo-gotorum antiqui. I, H. S. *Collin* och C. J. *Schluter*. Stockholm, 1827.
- Dipl. Isl. I.— Diplomatarium Islandicum, I. Kaupmannahöfn, 1857—1876.
- Dropl.— Droplaugarsona saga.— In: Austfirðinga sögur, J. *Jakobsen*. Kbh., 1902—1903 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, XXIX).
- Edda — Snorri Sturluson. Edda, F. *Jónsson*. Kbh., 1926.
- Eg.— Egils saga Skallagrimssonar, F. *Jónsson*. Halle, 1894 (Altnordische Saga-Bibliothek, 3).
- Eyrb.— Eyrbýggja saga, H. *Gering*. Halle, 1897 (Altnordische Saga-Bibliothek, 6).
- Fas.— Fornaldar sögur Norðrlanda, C. C. *Rafn*, I—III. Kbh., 1829—1830.
- Fask.— Fagrskinna. Noregs konunga tal, F. *Jónsson*. Kbh., 1902—1903 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, XXX).
- Finnboga s.— Finnboga saga hins ramma, H. *Gering*. Halle, 1879.
- Flat.— Flateyjarbók. En samling af norske Konge-sagaer, C. R. *Unger* og G. *Vigfússon*, I—III. Christiania, 1860—1868.!
- Flóam.— Flóamannasaga.— In: Fornsögur, G. *Vigfússon* und Th. *Möbius*. Leipzig, 1860.
- Fms.— Fornmanna Sögur, I—XII. Kaupmannahöfn, 1825—1837.
- Frþ., NGL — Frostaþingslag.— In: Norges gamle love indtil 1387, R. *Keyser* og P. A. *Munch*, I. Christiania, 1846.
- Gaun. Hr.— Gaungu-Hrólf's saga.— In: Fas., III, 1830.
- Gaut. s.— Saga Gautreks konungs.— In: Fas., III, 1830.

- Gís.— Tvær sögur af Gísla Súrssyni, *K. Gíslason*. Kbh., 1849 (Nordiske Oldskrifter udgivne af det nordiske Litteratur-samfund, VIII).
- Glþ., NGL — Gulaþingslag.— In: Norges gamle love indtil 1387, *R. Keyser* og *P. A. Munch*, I. Christiania, 1846.
- Grág.— Grágás, *J. F. G. Schlegel*, I—II. Havniae, 1829.
- Grettis s.— Grettis saga Ásmundarsonar, *R. C. Boer*. Halle, 1900 (Altnordische Saga-Bibliothek, 8).
- Guta s.— Guta lag och Guta saga, *H. Pipping*. Kbh., 1905—1907.
- Hák. Hák.— Hákonar saga Hákonarsonar.— In: Icelandic sagas and other historical documents relating to the settlements and descents of the Northmen on the British Isles, *G. Vigfússon*, II. London, 1887.
- Halfd. Eyst.— Halfdanar saga Eysteinsonar.— In: Fas., III, 1830.
- Hallfr. s.— Hallfreðar saga.— In: Fornsögur, *G. Vigfússon* und *Th. Möbius*. Leipzig, 1860.
- Har. Harðr.— Saga Haralds konungs harðráða Sigurðarsonar.— In: Fms., VI, 1831.
- Hauks.— Hauksbók, *F. Jónsson* og *E. Jónsson*. Kbh., 1892—1896.
- Heð.— Saga Heðreks konungs ens vitra.— In: Fas., I, 1829.
- Heið. s.— Heiðarvígá saga, *Kr. Káldund*. Kbh., 1904 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, XXXI).
- Herv. s.— Hervarar saga ok Heiðreks konungs.— In: Fas., I, 1829.
- Hkr.— Heimskringla. Nóregs konunga sǫgur af Snorri Sturluson, *F. Jónsson*, I—IV. Kbh., 1893—1901.
- Hom.— Codex AM 619 quarto, Old Norwegian book of homilies containing the miracles of saint Olaf, and Alcuin's de virtutibus et vitiis, *G. T. Flom*. Urbana, 1929 (University of Illinois studies in language and literature, v. XIV, N 4).
- Hrafnk.— Hrafnkels saga Freysgoða.— In: Austfirðinga sǫgur, *J. Jakobsen*. Kbh., 1902—1903 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, XXIX).
- Hrólfs s.— Hrólfs saga Gautrekssonar.— In: Zwei fornaldarsögur, *F. Detter*. Halle a. S., 1891.
- Hrólfs saga Kraka.— Saga Hrólfs konungs Kraka.— In: Fas., II, 1829.
- Hón. Þór.— Hónsna-Þóres Saga.— In: Zwei Isländer Geschichten, die Hónsna-Þóres und die Bandamanna saga, *A. Heusler*. Berlin, 1897.
- In. Bard.— Saga Ínga konungs Bárðarsonar.— In: Fms., IX, 1835.
- Ísl. Ann.— Íslenzkir annálar.— In: Sturlunga saga including the Islendinga saga of lawman Sturla Thordarson and other works, *G. Vigfússon*, II. Oxford, 1878.
- Ísl. b.— Íslendingabók, *W. Golther*. Halle, 1892 (Altnordische Saga-Bibliothek, 1).
- Knytl.— Knytlingasaga.— In: Fms., XI, 1828.
- Konunga sǫgur — Konunga sǫgur. Sagaer om Sverre og hans efterfølgere, *C. R. Unger*. Christiania, 1873.
- Korm.— Kormaks saga. Hafniae, 1832.
- Land.— Landnámabók, I—III, *F. Jónsson*. Kbh., 1900.
- Laxd.— Laxdæla saga, *Kr. Káldund*. Halle, 1896 (Altnordische Saga-Bibliothek, 4).

- Ljósv. s.— Ljósvetninga saga.— In: *Íslendinga sögur*. Utgefna af Tíðhlutun hins konungliga norræna fornfræða félags, II. Kbh., 1830.
- Msk.— Morkinskinna, *C. R. Unger*. Christiania, 1867.
- Nj.— Brennu-Njálssaga, *F. Jónsson*. Halle, 1908 (*Altnordische Saga-Bibliothek*, 13).
- Orkn.— Orkeyinga saga, *S. Nordal*. Kbh., 1913 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, XL).
- Qrv. Od.— Qrvar-Odds saga, *R. C. Boer*. Leiden, 1888.
- Qrvar-Odds saga — Qrvar-Odds saga, *R. C. Boer*. Halle, 1892 (*Altnordische Saga-Bibliothek*, 2).
- OSh — Olafs saga hins helga, *R. Keyser* og *C. R. Unger*. Christiania, 1849.
- OSh (Fms., IV) — Saga Ólafs konungs hins helga.— In: Fms., IV, 1829.
- OST (Fms., I) — Saga Ólafs konungs Tryggvasonar.— In: Fms., I, 1825.
- OST, Groth — Saga Ólafs konungs Tryggvasonar er ritaði Oddr muncr, *P. Groth*. Christiania, 1895.
- OST, Munch — Kong Olaf Tryggvesöns saga af Odd Snorresön, *P. A. Munch*. Christiania, 1853.
- Sjúrðar kvæði — Sjúrðar kvæði, *V. U. Hammersheimb*. Kbh., 1851 (*Nordiske Oldskrifter udgivne af det nordiske Litteratur-samfund*, XII).
- Sögurbrot — Sögurbrot ok þættir viðkomandi Danmerkr sögu.— In: Fms., XI, 1828.
- Sturl. starf.— Sturlaugs saga starfsama Ingólfrissonar.— In: Fas., III, 1830.
- Sturl.— Sturlunga saga including the *Íslendinga saga* of lawman Sturla Thordarson and other works, *G. Vigfússon*, I—II. Oxford, 1877—1878.
- Svarfd.— Svarfdælasaga.— In: *Íslendinga sögur*, II. Kaupmannahöfn, 1830.
- Sverr. s.— Saga Sverris konungs.— In: Fms., VIII, 1834.
- Þiðr.— Þiðriks saga af Bern, *H. Bertelson*, I—II. Kbh., 1905—1911.
- Þorst. vik.— Þorsteins saga vikingssonar.— In: Fas., II, 1829.
- Vqls. s.— Vqlsunga saga ok Ragnars saga Loðbrókar, *M. Olsen*. Kbh., 1906—1908.
- Yngv.— Yngvars saga víðfjrla jámte ett bihang om Yngvarsinskrifternar, *E. Olson*. Kbh., 1912 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur, XXXIX).

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
От составителя	8
М. И. Стеблин-Каменский. Саги как исторический источник	18
I. СКАНДИНАВСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ПЕРЕВОДАХ Е. А. РЫДЗЕВСКОЙ	
«Россика» в исландских сагах	29
Сага об Эймунде	89
Хроника Эрика, или Древнейшая рифмованная хроника (Известия о русско-шведских отношениях XIII—XIV вв.)	105
Рассказ рифмованной хроники XV в. о походе Магнуса на Новгородскую землю	124
II. ИССЛЕДОВАНИЯ Е. А. РЫДЗЕВСКОЙ	
О роли варягов в Древней Руси	128
О названии Руси Gaŕðaríki	143
О военных отношениях скандинавов и Руси к Византии по греко-русским договорам и по сагам	152
К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи	159
Список сокращений	237

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА РЫДЗЕВСКАЯ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И СКАНДИНАВИЯ В IX—XIV ВВ.

(материалы и исследования)

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства С. А. Левина. Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Н. Н. Власик. Технический редактор О. Г. Ульянова
Корректор Н. И. Казарина

Сдано в набор 18.10.77. Подписано к печати 03.02.78. Т-04018. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская №1. Усл. печ. л. 15. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 4550 экз. Тип.
зак. 2959. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука», 117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10